

ПРОДА

СВЕТАОВА ХАТАЛЪЯ

Красота и Уродство — злободневные темы с начала времен. Мы восхищаемся красотой и умоляем даровать ее нам. От уродства каждый отводит глаза, старается избежать прямого контакта. Но пусть каждый ответит себе на вопрос: "Что важнее: красота внешняя или внутренняя? И что страшнее: уродство лица или души?"

Глухая паника ползала саранчой под кожей, кусая нервные клетки, и при особо сильных укусах девушка вздрагивала. Невидимый кукловод уже намотал ее нервы на свой указующий палец и заставлял подчиняться его приказам.

— Не вышло из тебя Деи для Гуинплена, — голос Элины растрескивался, как некачественный фарфор, после каждого произнесенного слова.

— Что за Гуллен? — не понял мужчина, которого меньше всего сейчас заботили какие-то выдумки в бреду.

— Гуинплен, — по слогам повторила она и всхлипнула, ощущая верхней губой соленую слезинку.

Ее афалиновые глаза ярче, чем когда-либо, светились серебром в тусклом свете гаражной лампы. Она смотрела на него не взглядом обиженной женщины — взглядом человека, слишком сильно верившего другому человеку и совершившим тем самым непростительную ошибку. Это взгляд разочарования.

— Кто же может быть виноват в том, что произошло? В том, что я добровольно встала на колени на коврик у твоих ног и позволила надеть на свою шею ошейник.

— Не городи чушь, — злобно бросил Дмитрий; его уже трясло от ярости за ее слабость. — Какого черта ты разнылась?! Твои рыдания не спасут нас, только убьют.

— Нас убил ты. Даже не дал нам родиться. За руку отвел на эшафот, нашептывая нежные слова о том, что будет не больно. А я верила.

— Замолчи.

— А то что? Поглумишься над уродиной? Тыкнешь в меня пальцем? Больше меня этим ты не обидишь.

Футболка Элины, когда-то бывшая цвета морских водорослей, покрылась пятнами грязи и влажными разводами от слез. Она подтянула к лицу, скованные наручниками руки, и вытерла о рукава слезы. Должно быть, брусьяная помада, которой она так хотела привлечь его внимание, размазалась по лицу. Теперь эта улыбка стала сигнальным маячком раненого солдата. В войне под названием любовь, как правило, больше жертв, чем победителей.

— Ну что, — снова заговорила девушка, — похожа я на Джокера?

— Прекрати меня мучить.

Нервный, кашляющий, отрывистый смех девушки резал глубокими ранами его слух.

— Смотри на меня! — Отчаяние вырвалось из ее горла свистящими звуками. — Смотри! Я не так прекрасна, как твоя Валери. И меня, а не ее держат в этом гараже на привязи. Ну точно, как бешеную собаку, — всхлипнула она. А что я такого сделала? Поверила красивому и привлекательному хозяину, что он сделает мою жизнь лучше? Собака сама виновата — глупость наказуема.

— Ты не собака, Лина. — Голос Димы опустился до еле слышного шепота. В нем в данный момент гибли целые отряды смертников, рискнувших сделать этот роковой шаг. — Ты не уродина, — протолкнул, точно ком в горле, слова он. — Не уродина!

— Нравится мое лицо? Вот сейчас оно отражает мой внутренний мир! Благодаря тебе. Ты сделал меня калекой в душе, а никак не этот изъян.

— Прости меня, Лина...

— Уродство не бывает внешним. Оно только внутреннее, — продолжала говорить

Элина в забвенье. — Подумаешь, человеку не хватает красоты. Рано или поздно природа отберет у нас любую красоту, любой фантик будет отправлен в урну. А вот, когда человеку не хватает души — это беда. Без нее конфетка быстро сгнивает, какой бы дорогой она не была.

— Что мне сделать, чтобы ты простила меня, Лина?

— Для начала, хотя бы не называй меня так. Линой меня зовут только ублюдки. Их всего два: ты и бывший муж.

— А Элей можно?

— Нет.

— Эля! Лина! Элина! — вскричал мужчина и звякнул наручниками, вырываясь из поганого железа. Быть так близко к любимой женщине, на расстоянии вытянутой руки, и так далеко, за сотни тысяч километров от ее души, — невыносимо. — Все будет хорошо. Мы выберемся.

— Даже если так. Наши дороги уже разошлись.

— Не говори...

— Не приказывай, что мне делать, а что нет! Не смей, черт возьми!

Дмитрий, словно зверь на цепи, метался из стороны в сторону. Что же он наделал со своей жизнью. Просто сжег ее, точно надоевшую книгу с дешевым сюжетом. Вырвал из нее лист за листом самые лучшие и светлые страницы. Вовремя же он забыл, что автор сей гадкой писанины — он сам.

— Лина...

— Дай мне насладиться последними минутами тишины в грязи этого гаража. Ты угадал: я всегда мечтала умереть именно так, — бессильно огрызнулась она, проигрывая страху, что щупальцами рыскал по ее липкому от пота телу, и в помещении застыла молекулами воздуха тишина.

Не вышло из тебя Деи для Гуинплена... Не вышло. Ведь ты зрячий, а глазам никогда не увидеть того, что видит сердце...

Если он желал женщину, ему приходилось добиваться ее, а чаще — покупать, тем или иным способом.

Джон Кутзее «Бесчестье»

Золотистые лучи георгиново-желтого сквозь стекла очков солнца пританцовывали на всех поверхностях роскошного особняка. Мужчина поднял взгляд к светлому, без единого темного пятнышка, синему небу. Оно бриллиантовой дымкой отражалось в его глазах. Достаток и обреченность на сытое, фешенебельное, даже люксовое проживание виделось ему чем-то данным по праву рождения, на что он имел все нужные документы с печатями и подписями.

— Быть Александром Янгом — сплошной кайф, — самодовольно пропел молодой человек и прошлепал босыми ногами к бассейну.

— Убери фамилию — и станешь просто Александром. Не факт, что жизнь продолжит быть таким кайфом, — ответил ему друг, потягивавший коктейль, расположившись в шезлонге.

— В этом вся и соль, Димитрос.

— Мы не на греческом острове, черт тебя дери. Кончай называть меня Димитрос, а то нахлобучу тебе прямо на твоей крутой вилле. И ничего мне не будет, Санек.

— Теперь ты кончай называть меня провинциальным Саньком. От такого Санька, в тулупе и с единственной буханкой хлеба на ужин, меня отделяют триллионы миль.

— И эти мили между вами проложила твоя фамилия?

Алекс кивнул с полным осознанием своей безупречности и неуязвимости. Он любил этот мир и боялся его одновременно. Родись с нужной фамилией, за которой шуршат зеленые бумажки с лицами выдающихся политиков, — и ты бог, на которого жалкие плебеи взирают с немым раболепием, с открытым в жадности до того, чтобы урвать глоток воздуха, каким он дышит, ртом. Однако есть и другой сценарий, по которому ты можешь родиться обычным человеком и всю жизнь быть не более пыли под ногами королей этого мира. Во избежание сего он возносил молитвы своему собственному золотому тельцу.

— Откуда в тебе столько этой неукротимой спеси? — хмыкнул друг. — Здесь только мы с тобой, нефиг воспевать свою надоевшую всем фамилию.

— Ты, Дмитрий Аркадьевич Туманов, не должен забывать, кто тут свет и тьма. Кто воплощает в себе все и вся!

Разбежавшись и взяв побольше воздуха в легкие, мужчина прыгнул в бассейн, оставляя за собой эхо смеха. Смеха, словно бы отражающегося от стен стеклянного лабиринта, летящего к трону своего хозяина. Смех надменный, барский, горделивый. Смех, от которого, любые другие троны трещат по швам и разваливаются кусками бывшего могущества.

Каштановые волосы Алекса, ставшие за лето оттенка выгоревшего оранжевого, скрылись под толщей чистой джинсово-синей с карибско-зелеными переливами воды, расплескивая каплями свою необузданность и безбашенность во все стороны.

Туманов взирал на лучшего друга с некоторой тоской. Тоской по чему — он и сам не знал. Люди их статуса всегда тоскуют по каким-то недостижимым им вещам. Они никогда их не имели ввиду того, что золотые горы скрывали обычную жизнь за тюремными решетками. Чертовски дорогими, инкрустированными алмазами, но все же решетками.

Сколько он помнил себя и Алекса (а это, наверное, с пеленок), они всегда купались только в самых престижных водоемах мира. Речка или озеро в Питере? Слишком мелко. Но чего-то ему упорно не хватало, и это неизвестное, недостающее чувство грызло червяком его нутро.

— У тебя никогда не было ощущения, будто мы что-то упускаем? — прокричал Дмитрий.

— Деньги? Всех не заработаешь, хотя отец пытается. Он та еще акула бизнеса. Тебе повезло, что у твоего другая отрасль. А то бы его голова уже тоже была у нас на трофейной полочке.

Из воды высунулась камелопардовая голова Алекса, а глаза рассеянным взглядом обводили прилегающую к дому местность. Канареечная под ярким светом плитка, кварцевые своды особняка, киноварные шезлонги с кирпичного цвета зонтиками над ними. Всего и не охватить с первого взгляда. Он видел эту местность не в первый раз, но каждый его визит сюда грел душу осознанием неоспоримого успеха в жизни.

— Ты моего отца не трогай, акулёныш. А то уже я сам тебе красивую головку откушу.

— Давай, Туманов! Сразимся в воде, как в детстве! Я потоплю твою черную башку. Даю слово, летального исхода не будет.

Дмитрий показал ему средний палец и снова вернулся к коктейлю. Он точно такой же, как Алекс. Они не просто ягоды одного поля, они — одна ягода о двух головах. Почему же тогда поведение друга утомило его? Ведь он и сам любил покрутиться перед зеркалом в новом костюме от «Армани» или с пониманием своего могущества закрыть бутик этого самого Армани на спецобслуживание его величества Туманова.

— Ты никак не можешь привыкнуть к мысли, что детство кончилось, Сашка.

— Алекс, — поправил его мужчина, выходя из воды и оставляя за собой мокрую дорожку. — Где ты видишь, чтобы детство кончилось? Солнце, море, пляж, радость и счастье.

— Алкогольные коктейли, — усмехнулся друг и допил наконец свой «Platinum Passion», оставивший на языке мысли о маракуйе, диких ягодах и Бразилии.

— Мы взрослые мальчики, Димитриас, могущие позволить себе не выходить из детства никогда.

В руках Алекса блеснул лаймовый бокал, и он сделал плоток освежающего коктейля. Господи, задержаться бы тут на всю жизнь. Но даже он понимал, что вся жизнь в раю — это слишком изматывающе. Рутинный рай!

— А ты в курсе, что какой-нибудь простолюдин Сашка вообще о рае ничего не знает.

— Откуда растут ноги у твоей озабоченности бедняками? Ты находишься в таком потрясающем месте, у меня день рождения, наверху ждут девочки, а ты все пускаешься в пространные размышления-сопли о нищетах. Мы к ним не имеем никакого отношения. Скажи мамке спасибо за то, что с папкой не прогадала, — рассмеялся молодой человек.

— Не знаю... Недавно заезжал от лица отца в вуз, где он меценатствует, и видел там простых людей... Алекс, многие из них дальше своих маленьких городов никогда не ездили. Питерский университет дал им возможность посетить вторую столицу. А для нас Питер уже скоро станет сараем, от которого тошнит.

— И что дальше? Нам какое дело до их Мухосранска? Подумать больше не о чем, кроме как о бедных и несчастных?

— У тебя вообще сердце есть?

— Какой от него толк, когда есть деньги?

Остроумного ответа на эту реплику у Туманова не нашлось. Действительно, лучше меньше бывать в местах скопления низости жизни: на рынках, в супермаркетах, в различных бюджетных учреждениях. Ему выпал счастливый билет, нет смысла тратить время на мысли о тех, кому повезло меньше или не повезло совсем. Кого, к черту, волнуют другие люди в наше время? И волновали ли когда-нибудь вообще?

— Ты прав, Алекс. Жалость к другим не доведет до добра. У любого проявления человечности должны быть границы. Насчет девочек наверху, не кажется ли тебе, именинник, что они уже заждались?

— Плевать я на них хотел.

— Может, будешь все-таки поласковой с девушками?

Алекс скривился и посмотрел на своего сердобольного друга, как на чокнутого. Таким он и был.

— Во-первых, где ты видишь девочек? Это шлюхи. И к кому быть поласковее? Они же животные.

— А ты к животным проявляешь только грубость и жестокость?

— Почему же. Я обожаю нашу белую овчарку. Но какое сходство ты видишь между прекрасной собакой и этими шавками? Димон, ты же знаешь расценки на этих элитных дев спальной любви. На ценнике не было написано, что я обязан их хотя бы уважать. Трахать — да, уважать — нет. Дмитрий Аркадьевич Фрейд, у меня есть теория относительно женщин.

— Нет-нет, не надо. Не заставляй меня убивать тебя в день твоего рождения. Иначе до тридцати не доживешь, а ты же хочешь?

— Силенок не хватит, Туманов. Я тебя рассею по небосводу одной левой, — сказал Алекс и показал ему бицепсы. — Слушай, короче. Все бабы в какой-то степени продаются. Понимаешь, в чем дело: продаваться не значит брать деньги. Деньги не единственная валюта. Ты можешь получить любую, имея классную морду лица и немного хитрости и умения спекулировать на слабостях и желаниях.

— Заинтересовал. Жду продолжения семинара по пикапу.

— Пикап — полная хрень в сравнении с правдой жизни. Зачем строить кому-то глазки и расписывать сложные схемы? У нее болеет бабушка, а ты можешь финансово помочь с операцией, но в обмен хочешь переспать с ней? Думаешь, многие смогут отказать? Валюта — взаимопомощь. Она мечтает стать певичкой, а ты можешь познакомить ее с продюсером, взамен опробовав новую кровать с ней? Валюта — тщеславие. Она тупо проститутка, пусть и из дорогого агентства? Валюта — доллары. Все людские страсти, как и сами люди, лишь игрушки на биржевом рынке.

Туманов выдохнул, поражаясь познаниям в психологии этого большого ребенка.

— А как быть с Алиской?

— Она мне до звезды. Я с ней встречаюсь только потому, что мы хорошо смотримся на таблоидах вместе. Валюта — взаимная выгода.

— Мне кажется, она тебя любит искренне.

— Но это же ее проблемы, правда? О любви я тебе расскажу как-нибудь потом.

— Она тоже продается и покупается?

— Ну конечно. Любовь — главный актив на рынке продажных людей и продаваемых эмоций.

— Жестоко, товарищ Янг, — ухмыльнулся Дмитрий, следя за пурпурно-синим из-за преломления света в очках горизонтом. — А как же Марьяна? С ней у тебя что?

— Марьянка? Не знаю я, что у меня с ней. Она создает между нами такое магнитное поле, что искры каждый раз могут меня убить. Она огонь, адский смерч, смертоносный торнадо. Я питаюсь ее горячей вспыльчивостью и диким темпераментом.

— И тем не менее готов изменить?

— Не только готов, а уже давно изменил! — бодро произнес Алекс. — Сам-то сколько рогов наставил за три года Риммке? Вот и помалкивай, ангел хренов с просроченным нимбом.

— Ладно, двигай задницей давай, Санек. Я хочу размять чресла, пока Риммка дома уверена в том, что мы молочные коктейли шоколадками заедаем. А вместо девочек у нас мультки по детскому каналу.

Мужчины направились в дом, шутливо толкая друг друга в бок и смеясь. Мысли Алекса прыгали, как заводные, вокруг того факта, что ему уже двадцать восемь. Казалось, что большая часть жизни позади, а он еще не все удовольствия успел вкусить, не всех женщин попробовать на ужин, не все спортивные машины обкатать. Жизнь так коротка, но слава справедливому богу, что деньги делают ее чуток дольше. И приятнее.

***

Всегда следует ждать подвоха.

Дэниел Киз «Таинственная история Билли Миллигана»

Равномерный гул медицинских аппаратов заполнял собой комнату, словно душный воздух. Казалось, вдохни — и сам начнешь жужжать на манер всех этих громоздких приспособлений.

Дверь приоткрылась, и в палату заглянула медсестра. Время вводить лекарство еще не пришло, но проверить состояние тяжелого пациента не помешает. Удостоверившись, что с ним все в порядке, она отправилась дальше.

На синевато-белой койке, которая почти сливалась со стенами, полом и потолком, создавая не самое приятное впечатление засасывания в черную дыру, лежал молодой человек. Минуты текут в таких палатах медленно, время, точно пластилин в печи, растекается по всем поверхностям. Грязновато-амиатовое небо (по всей видимости, было утро) не добавляло в эту картину красок.

Амарантовые розы были единственным ярким пятном в стерильной обстановке палаты интенсивной терапии. Внезапно раздался тихий, но упрямый, жаждущий жить вздох, и глаза мужчины раскрылись. Он в полусознательном состоянии обвел глазами помещение, понимая даже сквозь плотный туман в голове, что находится в больнице.

— Что за чертовщина, — прохрипел он, пытаясь пошевелить руками.

Ничего не выходит. Катетер держит намертво, будто морскими узлами его привязали к этой кровати. Он же приехал сюда по важному делу... Или нет? Что тогда он забыл в больнице, да еще и в виде разлагающегося овоща?

Мужчина снова предпринял попытку поднять руку, и снова ему пришлось лишь выругаться. Голова закружилась, точно он проходил испытания перед полетом в космос. Откинувшись обратно на подушку, он повернул голову в сторону. Цветы. Красивые. Но ведь он не женщина, чтобы дарить ему цветы. Рука потянулась в сторону вазы.

— Да чтоб тебя! — плюнул он в катетер и, собрав все силы, рванул второй рукой капельницу и другие провода.

Палата заверещала писком монитора. Пусть орет, ему хватит и минуты, чтобы посмотреть на эти цветы. Он не мог отделаться от надоедливого, клейкого ощущения

подвоха в этих цветах, что репейником обложило его со всех сторон. Прицепилось — и не скинешь.

— Больной! Что вы делаете?! — в палату вбежала медсестра. — Немедленно вернитесь на место! Больной!

— Не кричите. Я просто хочу посмотреть цветы. Наверное, это моя жена прислала.

— Их принес курьер. От кого — он не сказал.

Девушка коснулась его горячего плеча (слишком горячего — очень похоже на повышенную температуру) и с силой надавила, чтобы вернуть его в лежачее положение.

— Не трогай меня, овца! — оскалился мужчина. — Имею право делать все, что захочу. Больно! — крикнул он, когда пальцы медсестры надавили чуть ниже — на перевязанные ребра. — Идиотка.

— Ну хорошо, — сдалась она. — Берите цветы.

Девушка сделала от него шаг назад, про себя окрестив безымянного пациента «придурком», и стала ждать. Он дотянулся, издавая непонятные звуки вроде кряканья и хрипа, до букета и осмотрел его. Дорогой. Конечно, его не удивляет стоимость букета. В этом нет ничего особенного, но есть нечто странное в том, что букет ожидает на тумбочке больничной палаты.

— Нашли смысл жизни в этом букете? Я могу продолжить спасать вашу жизнь?

— С чувством юмора вам надо потренироваться, милочка. Нельзя ли позвать другую медсестру? Мне с вами не комфортно.

Медсестра насупилась, но промолчала. Больше с ней скотское поведение не прокатит. Ни один пациент больше не посмеет показывать ей свой нрав. Устав ждать чуда от странного поведения мужчины, она со всей силы опрокинула его на постель и вставила катетер.

— Я тебя... — хотел пригрозить он, но не успел.

Пощечина сделала свое дело.

— Как ты смеешь! Я буду жаловаться!

— Начнем с того, что мы на «ты» не переходили, — прошептала она, наклоняясь к нему ближе. — А закончим тем, что я могу сейчас гораздо больше, чем вы. Например, подвергнуть вас насильственной эвтаназии, сообщив родственникам, что ваше состояние упало ниже предела выживаемости. Как идея?

Ее губы двигались, раскрывались и закрывались, завораживая его. Сочный абрикос. Спелый персик, истекающий нектаром. Ему нравится эта строптивая медсестра. Словно ролевая игра наяву. Такие красивые пухлые губы — и обещают ему насильственную эвтаназию. Что-то в этом есть.

— Боюсь, девочка, тебе не по силам справиться со мной. Силенок маловато, — огрызнулся мужчина, все же чувствуя больше злости и ярости к этой женщине, чем интереса и влечения.

Его глиняно-коричневые глаза скрестились в безмолвной битве с ее — цвета папируса. Они словно боролись на мате, играли без правил. Он взбесил ее так сильно, что рука бы не дрогнула всадить иглу с сильнодействующим препаратом прямо в сонную артерию. Она щекотала его это тонким перышком, вызывая настолько различные эмоции, что определиться в них пока было невозможно.

— Что с твоим лицом? — спросил мужчина, оторвавшись от ее воинственного взгляда, что всаживал в него копыя и выпускал стрелы. — Что с твоей кожей?

Его рука почти дотронулась до ее щеки, но девушка вовремя отошла от него. Такая странная кожа. Издалека красивая и сияющая, а вблизи рыхлая, неровная, словно по ней прошлись слои тяжелой строительной штукатурки, как по стене с выбоинами и трещинами.

— На нем написано презрение к таким, как ты, — бросила медсестра и отошла к столику с лекарствами. Пальцы разрывала на части дрожь волнения. — Как вас зовут? Мы не нашли никаких документов в ваших вещах. И к вам еще из полиции зайдут скоро, раз вы пришли в себя.

Тут же забыв о ее лице и вообще обо всем на свете, он сунул руку под одеяло, куда успел бросить маленькую записку из цветов. Пока медсестра была занята лекарствами, он прочитал:

«Пора уходить со сцены. Либо ты забываешь, кто ты есть, либо все узнают правду. Кодовое слово «Достоевский». Дороги назад нет, не пытайся вернуться. Это не шутка».

— Я не помню, как меня точно зовут. Вроде Дима. А фамилию точно не вспомню.

— Не мудрено. С вашими-то травмами.

— Что случилось?

— Тоже не помните?

— Нет.

— Вас обнаружили случайные прохожие на улице. Множественные гематомы, переломы, ножевые ранения. Вы любимчик судьбы. Можно сказать, вас по кусочкам собрали.

— Меня избили? — его глаза округлились. Этого он действительно не помнил.

— Похоже на то, если вы сами в приступе психоза не нанесли себе все эти увечья.

— Очень смешно.

Она ввела ему в капельницу нужные лекарства и двинулась к выходу.

— Я помню, что у меня плохо с чувством юмора, — ответила у дверей. — Вы лучше подумайте, что делать с вашей не самой лучшей памятью. Быть просто Димой как-то не солидно.

Девушка вышла, а вслед ей полетели оскорбления и проклятия. Гадкая медсестра. Не привык он к такому обращению в больницах. Привык строить всех на свой лад, отдавать собственные приказы, а не получать по пальцам указкой от возомнившей себя богиней училки. Мужчина коснулся щеки. Представится шанс — она ответит за эту пощечину.

А пока что нужно вспомнить, кто он, и что делать с запиской.

***

Быть живой женской плотью и быть женщиной — две разные вещи.

Виктор Гюго «Человек, который смеется»

Звонок в дверь прервал какофонию бесед из телевизора, напевания песенки мимо нот и кошачьего мяуканья.

— Элька! Привет, дорогая, — девушки расцеловались у входа. — Какими судьбами? Почему без предупреждения? У нас даже ничего вкусного нет.

— Ничего и не надо. Валерьянку и чай с коньяком если найдешь, цены тебе не будет, — устало ответила Элина и прошла в кухню.

Там плюхнулась на диван и закрыла глаза. Планета кружилась внутри ее головы со скоростью космического шаттла. Рано или поздно она просто взорвется молекулами усталости, переутомления и разбитости.

— Еще молоко, если есть, Жень, — обратилась к подруге.

— Это все смешать в одной чашке? — усмехнулась та. — Решила из работника больницы превратиться в ее пациента?

— Нет, молоко отнесу котенку, который у вас в подъезде живет. Такой крошечный — и обречен на ужасную жизнь.

— Забрала бы себе, ведь ты любишь котиков. У меня уже есть, — Женя погладила, ластящуюся к ногам кошку, — мне хватит.

— Миша не разрешит. Даже не хочу заикаться насчет домашних животных. Не хочу даже знать, как он пройдет по мне скальпелем из слов.

Чай был готов, осталось достать коньяк. Женя капнула подруге несколько капель, но Элина выхватила у нее бутылку и заполнила чашку коньяком до краев.

— Слушай, я понимаю, что дело не мое. Но почему ты терпишь этого мужлана? Я от тебя постоянно слышу только одно: Миша не разрешит, Миша не поймет, Миша наорет. Миша, Миша, Миша... Голова кругом от него! А где Эля?! Где в вашей паре Эля? Почему я не слышу ее голоса вообще?

Девушка вздохнула, выслушивая тираду подруги. Она, как и большинство замужних женщин, не знала ответа на вопрос, почему терпит это все. Наверное, такова роль женщины: быть в прямом смысле тенью мужчины, его подушкой, ковриком, скатертью-самобранкой. Многие женщины до сих пор, дожив до двадцать первого века, так и не поняли, что их окна выходят не на древние пейзажи пещер и прерий, а на современную жизнь, где женщина не обязана быть вещью.

— Здесь твоя Эля, здесь. Ты знаешь ответы на все свои вопросы, Женя.

— Как же ты не поймешь, Элечка, что ты прекрасна! — она сжала ее ладонь. — Ты заслуживаешь большего, нежели идти после работы к подруге, так как не хочется идти домой; нежели бояться спросить, можно ли принести в дом котенка; нежели напиваться коньяком, маскируя его под чай!

— Хватит, Женя, умоляю. Не надо. Я и так устала, сейчас развалюсь на части у тебя за столом. Я замужем, меня все устраивает.

— Да, да, ты выполнила заказ общества, как и многие женщины: вышла замуж, типа счастлива, типа все хорошо. Стандартная схема.

Элина не ответила ей. Она предпочитала убегать от проблемы, прятаться от нее, как от чудища, за большим камнем и подглядывать одним глазком, что будет дальше. Так уже и три года брака прошло, а она все пряталась за валуном. Порой страх гордо поднять голову и заявить о себе всему миру пересиливает страх остаться навсегда с позорно опущенной головой и немым ртом. Так может, стоит рисковать и пить шампанское, чем оставаться трусливым трезвенником?

— На работе полный кавардак. Ненавижу эту больницу, хотя, конечно, дело не в ней.

— Дело в тебе, да? Ты во всем виновата всегда? Что произошло?

— Ничего особенного, только боюсь, что на меня опять пожалуются. Поступил недавно мужчина, ну как мужчина — на момент поступления это было кровавое месиво из человека. Пришел в себя сегодня, оскорблял меня, хамил...

— И ты дала ему затрещину? — Элина кивнула. — Ай да молодец! — Она наклонилась ближе к подруге, чтобы дать «пяť». — Почему бы не врезать своему Мишане так же?

— Миша мне ничего плохого не сделал. А эти пациенты... эти... Из-за них я такая! — чуть ли не ударилась в слезы девушка и принялась усиленно допивать остатки коньячного чая.

— Тише, тише, моя хорошая. — Когда Элина остыла, Женя выхватила у нее чашку и набросилась на нее с негодующим видом. — Люби себя, черт возьми! Люди приходят и уходят. Люди любят и ненавидят. Они указывают, как тебе жить, а завтра им плевать на тебя — нашлась другая мишень. Ты не имеешь никакого права любить себя, только когда кто-то тебе позволяет это делать.

— Знаешь, как сложно...

— Отставить ныть! Порой приходится жить вопреки мнениям толпы. Любить себя вопреки собственной ненависти. Вся наша жизнь — это жизнь вопреки и наперекор чему-то. Поэтому прекращай уже делать вид, что ты слепа, и бери жизнь в свои руки. Пока не поздно, Эля.

Всякому приятно чувствовать свое превосходство.

Но неплохо бы для этого иметь хоть какие-нибудь основания.

Трумен Капоте «Завтрак у Тиффани»

— Слушаю, — голос Туманова отрекошетил от светлых стен сонной клиники, в которой редкими тенями прогуливались медсестры и врачи. — Я помню, что у нас встреча через час. Сейчас не могу. Сказал же, помню!

Раздраженно выдохнув, он отключился. Дела не ждут, а он вынужден просиживать свои дорогие брюки здесь в надежде услышать отрицательный ответ. Пожалуй, женская консультация — одно из самых страшных мест (наравне с адом) для инфантильных мужчин.

Первые дни сентября вели себя как суматошная мадам: метались от солнца к дождю, от штиля к бурному ветру, от сухого асфальта к локальным океанам на дорогах. Ему не нравилась такая погода. Он мог купить себе любую. Мог быть сейчас в любом уголке этого не такого уж и большого мира. Наличие сужает необъятные рамки мира, открывает доступ к любым ресурсам и возможностям, делает планету пластилиновым шариком для тех, у кого есть возможность его купить.

— Сколько можно торчать в этом долбанном кабинете, — прошипел себе под нос мужчина и стал вертеть в руках телефон.

Его колотило от дурного предчувствия. Если она сейчас выйдет и скажет, что... Нет, этому не бывать. Он же не дурак, не идиот-школьник, чтобы так оплошать. Бросив недовольный взгляд на часы и решив, что Римма наверняка устроила с врачом задушевные беседы о жизни, Дмитрий постучал.

— Войдите.

— Прошу прощения, но скоро ли закончится прием?

— Мужчина, что вы себе позволяете? — доктор — женщина кавказской национальности лет сорока со строгими карими глазами — поправила очки. — Вы не в очереди за колбасой. Уж извольте подождать. — Она сделала паузу, ожидая, что он покинет кабинет. — За дверью.

— А ты не указывай мне, где я, тетенька, — осклабился Туманов, на дух не переносивший неподчинения. — Я могу твое место главного гинеколога и кому-нибудь другому отдать. Вообще, всю вашу больничку могу по кирпичу разнести!

Врач уже начала вставать, чтобы осадить хама, но в дело вмешалась Римма, вышедшая из соседнего помещения, где проводился осмотр. Ее лицо выражало смесь разношерстных, толкающих друг друга в бок эмоций: тоска от того, что Дима не меняется; злость на то, что он не видит границ своего дерзкого поведения; смиренность от того, что ей не по силам взять власть над этим мужчиной.

— Дима, выйди немедленно. Как ты смеешь врывать в кабинет гинеколога? — отчитала его она. — Это верх неприличия.

— Мы не в восемнадцатом веке, милая, чтобы ты учила меня приличиям. Я сам решу, что для меня приемлемо, а что нет. Поторопись, пожалуйста.

— Сейчас выйду.

Он развернулся к двери, но затем снова повернулся к своей девушке. Она перестала застегивать кофту и посмотрела на него вопрошающим взглядом, в котором он увидел

железную метлу, выметающую его из кабинета.

— Ты беременна? — выдохнул он, и вся его жизнь была поставлена на «стоп».

— Я скажу тебе об этом в коридоре. Выйди, Дима.

Туманов подчинился, но по играющим на челюсти желвакам было видно, чего ему стоило это подчинение. Римма смотрела на захлопнувшуюся палевую дверь с горечью и думала о том, что она не смогла и уже не сможет стать той самой женщиной для этого мужчины. Женщину и мужчину можно сравнить с алкогольным коктейлем. Он бокал, сосуд для своей женщины, вместилище ее любви и капризов. Она вовсе не кусочек лайма или зонтик, украшающие бокал, она — алкоголь, щекочущий стенки бокала своей огненной страстью, дурманящий своим острым послевкусием.

Римма вздохнула: она для Туманова не больше, чем почти выжатый лайм на его очередном бокале, который он в итоге выкинет без тени сожаления. Возможно, разобьет в приступе ярости об пол, сметет осколки и похоронит в урне.

— Неужели тебе не стыдно за свое поведение? — накинулась на него девушка, отрывая от телефонного разговора. — Я не знала, как краснеть перед врачом!

— Замолчи, — осадил ее он. — И не позорь меня при людях. Я тебе не позволял орать на меня.

— А тебе меня позорить можно?

— Прости, дорогая, но так исторически сложилось. Мужчина — небо, которое может посылать дожди и грозы, штормы и ураганы, а женщина — земля, которой ничего не остается, кроме как латать шрамы в виде луж и ям, поваленных деревьев и разорванных линий электропередач. Иными словами, сначала появился Адам, а потом уже его ребро.

— Ты мне так показываешь мое место? В будке у твоего шикарного особняка? На коврике возле твоих ног?

— Ну не утрируй, Риммуль.

Его каре-зеленые глаза сейчас приобрели оттенок парижской грязи. И девушка ступала в нее, пачкая свою гордость, свое самолюбие. Но ради чего?

— Довольно лирических отступлений. Ты беременна?

Сказать бы «да», посмотреть бы на выражение лица этого напыщенного гуся! Сбить бы с него всю спесь, окунув головой в компост.

— Нет. — Туманов заметно расслабился и расправил плечи; кажется, ему даже дышать стало легче. — А если бы и да, что тогда? Сердечко бы отказало?

Она так негодовала, так сердилась. Поцелуй он её сейчас — и её губы приобретут оттенок яростного пожара. Туманова возбуждала женская злость, словно бы ему делали акупунктурный массаж, надавливая тоненькими иголками в самые чувствительные места души. Он чувствовал себя приспешником дьявола, ведь женская радость и улыбка не доставляли ему столько же эйфории, не приводили в такой сумасшедший экстаз.

— Куда ты так торопишься? Важные дела? — спросила Римма, направляясь к выходу, развернувшись к Туманову спиной; обида жгла перцем ноздри, вызывая слезинки на глазах.

— Очень. Меня парни ждут в доме Алекса.

— Ты серьезно?!

— По-твоему, я смеюсь?

— Ты... ты просто урод, — выплюнула она и зашагала быстрее на улицу. — Ворвался в кабинет врача, пока я еще даже не оделась! Нахамил уважаемой женщине! И зачем все это? Чтобы успеть побухать со своим придурочным Алексом?!

— Я не давал тебе права так о нем говорить.

— Мне и не нужны твои права. Ты чокнутый! Копия своего дружка. Или он твоя. Не знаю, кто из вас первый оскотинился, а кто стал повторять за другим.

Дмитрий сделал твердый, тяжелый шаг по направлению к девушке, и та сразу смолкла. В глубине души она боялась его. Деньги, которые сыграли не последнюю роль в ее решении быть с ним, могли направить дуло пистолета и в ее лицо. Он перекачивал в руках могущество и вседозволенность, как детские шарики — игрушки.

— Прости. Я сама доеду до дома, — крикнула Римма и убежала от него с громко колотящимся сердцем.

Туманов смотрел на удаляющуюся фигуру девушки с неким холодным равнодушием. Сегодня улица цвела благоухающим сентябрьским медом, что растекался по паркам и скверам золотыми лучами плавящегося в последние теплые дни солнца. Мужчина надвинул на глаза очки и прошел к автомобилю. Пусть убегает. Он не побежит за ней вслед. Не мужское это дело — бегать за капризными бабами. Особенно когда можно получить любую по щелчку пальцев.

***

Иногда красота — это внешнее. Как обертка подарка. Но не сам подарок.

Джон Фаулз «Волхв»

Элина вышла из кабинета главврача, будучи счастливо опустошенной. Когда раздался приказ зайти к нему в кабинет, у нее кровь в жилах тотчас же испарилась. Она действительно ведет себя немного фривольно с пациентами, но только с самыми неадекватными из них. Руки девушки сжались в кулаки. Ее могут лишить и этого незначительного места — места какой-то медсестры — если она выкинет что-нибудь еще и на нее поступит жалоба.

Нужно было зайти к тому несносному пациенту, который вот уже две недели делал все, чтобы ее отдали под суд. За убийство. С особой жестокостью. С умыслом. Возможно, группой лиц, так как попробуй придуши эту глыбу мышц самостоятельно.

«Под суд нам не надо. В тюрьму тоже. И так уже многого лишилась в жизни, пора остановиться», — успокаивала себя она, пока неохотно передвигала каменные ноги в сторону его палаты.

Интересно, есть ли у жизни огромный толстый сборник анекдотов? Порой она так нахально ведет себя в отношении нас, глумится вовсю и подшучивает над нашими чувствами, что кажется, чувства юмора судьбе точно не занимать.

— Эля! — окликнула ее Маша из регистратуры. — Подойди.

— Привет. Что-то случилось? У меня обход.

— Красавчику из твоей палаты только что прислали еще один букет. Я боюсь, что он не в нашей лиге играет, — прошептала со смешинками в глазах она и прикрыла улыбку ладонью.

— Не поняла.

Мысли Элины кружились в ритме вальса где-то за миллион километров отсюда. В другой реальности. Среди мерцающих звезд и вечной пустоты космоса. Где никто не обидит, не ухмыльнется криво, увидев твое лицо, не подшутит и не унижит. Ее взгляд плавно соскользнул с лица собеседницы, не сумевшей заинтересовать типичными женскими, даже бабскими, глупыми разговорами и сейчас плавал в густой синеве неба. Сегодня небо было ясное, без единой морщинки хмурости или недовольства постоянными дождями.

— Я говорю тебе, Элька, гей он.

— Что, прости? — снова вернулась в реальность отталкивающих белых стен и медицинской униформы Элина.

— Гей он, — кивнула Маша. — Точно. Иначе откуда столько цветов? Он же мужчина. Да и посмотри, какой красивый. Натуралы такими не бывают. И еще ни к одной медсестре не приставал, а девки-то у нас, сама знаешь, горячие работают. Особенно после вузов, молодые и свежие.

Молодые и свежие. Горячие. Если уж женщина говорит о женщине, как о вещи, пластмассовой игрушке со сроком годности, то что же тогда мы хотим от мужчин? Они просто берут то, что им дают. Покорные слуги? Заводные куколки? Брелки для украшения дорогих машин? Мужчина видит в женщине то, что прежде всего она сама видит в себе.

— Машуль, мне правда некогда. Надо еще зайти к этому псевдогею и выдержать десять минут общения с ним.

— Тебе, кстати, не надо к нему идти. Заболталась, забыла сказать: Катерина взяла его лечение под свой контроль.

— Что?! Как это? Она собирается одна его выхаживать? А медсестер что, уже отстранили от работы?

— Не знаю, — пожала плечами та. — Все вопросы к Стрельцовой. А она не разговаривает долго. Она вообще с больничной челядью не особо любит вести разговоры.

Вокруг Элины моментально взвилось адское пламя негодования. Видит Бог, если, конечно, ему не плевать, как она ненавидит эту Стрельцову. Отобрала у нее все, оставив на месте жалкой медсестры — с ее-то образованием и талантом! Теперь решила даже этого сноба с очаровательными глазками, что так и вводят в заблуждение, у нее отобрать? Не выйдет!

Наплевав на все распоряжения начальства, которое было ей не начальством вовсе, она все-таки зашла к Дмитрию.

— Доброе утро, — поздоровалась, входя в его палату. — Как ваше самочувствие?

Элина посмотрела на кровать, где и ожидала увидеть больного, но его там не оказалось. Он в коротких шортах стоял у зеркала.

— Отменное. Почти каждую ночь твои малиновые губки преследуют меня в эротических снах, обещая вновь и вновь подвергнуть насильственной эвтаназии.

— Это помогает вам справиться с навязчивым состоянием сексуальной неудовлетворенности?

Глаза мужчины припечатали ее к стене. Слишком словоохотливая и в карман за новой остротой не лезет. Ему такие не нравятся. С такими сложнее торговаться. Женщину с умом, да и еще с острым, по дешевке не возьмешь. Такие дорого стоят.

— А тебе кажется, что я сексуально не удовлетворен? Возможно, я не удовлетворен вашей едой. Ей только подопытных крыс кормить.

— Какой пациент, такая и еда, — хмыкнула Элина, не собираясь сдавать позиции перед этим клоуном с замашками Дон Жуана.

— Еще я не удовлетворен медперсоналом, а в частности вами. Вы отвратительны, — произнес он, не отрывая от нее колющего взгляда, что метал дротики твердой рукой в мишень с ее лицом. — А в сексуальном плане у меня все хорошо.

— Молодой человек, — повысила голос девушка, более не находя это шоу распыления тестостерона инеумного эго забавным, — я понимаю, что дядюшка Фрейд отдал бы все за

такого пациента, как вы: у вас налицо несметное число маний и синдромов. Но давайте вернемся к сути нашей встречи, а именно: займемся вашим здоровьем.

— Возвращайся. Я не против.

— У вас раздвоение личности, Билли Миллиган? Или сколько вас там?

Дмитрий посмотрел на нее, как на психопатку, делая ставку уже на то, что она совсем недорого стоит. Кому нужна такая зубрила, сыплющая постоянно какими-то именами? Когда ума в женщине становится больше красоты, она превращается в слипшийся сахарный ком на дне чашки ароматного чая. Уже невкусно, и просто не знаешь, как эту заразу оттуда выковырять.

— Я о том, — поняла его литературную несведущность она, — что вы со мной то на «ты», то на «вы». По-моему, у вас тяжелейшая форма склероза.

— Я с вами вообще никак, — буркнул он, застигнутый врасплох ее наблюдательностью, и отвернулся к зеркалу.

Она еще и во время их перепалки умудрилась мозгами работать. Женщина внимательная и проницательная. Нет, все-таки не подходит.

Внимание мужчины переключилось на себя любимого, собственно, именно на этом объекте оно и было сосредоточено большую часть его жизни.

Что они сделали с его головой? Он покрутил ею из стороны в сторону, созерцая почти полную лысину. Оставили какой-то армейский ежик вместо его темной шевелюры. Коснулся головы — больно. Сплошь шишки и кровоподтеки. Попробуй теперь заявись в бутик с такой рожей...

А лицо? Что эти гребаные нелюди сделали с ним?! О какой мужской красоте можно говорить, если его превратили в тряпичную куклу с распотрошенным брюхом. Он вспомнил букет цветов, который неизвестный, но наверняка добрейший аноним, отправил ему. Вместе с запиской и некоторой суммой денег, достаточной для съема жилья и покупки еды на первое время. А что потом?

«Ничего, — оскалился он своему отражению, — в эту игру могут играть двое. Я и весь остальной мир».

Элина разбирала лекарства и делала пометки в документах, позволяя себе бросать на него редкие взгляды. Она видела, какими гримасами он одаривал свое отражение, с какой досадой рассматривал лицо. Возможно, его мужскому взгляду не дано оценить себя верно, но ее, женскому, было в радость поглазеть на произведение искусства, урвав халявный билет в закрытый музей человеческой красоты.

Красота всегда манила ее, подзывала пальчиком с аккуратным маникюром. Мы ищем красоту день и ночь, засматриваемся на других людей, перекраиваем и модифицируем себя всеми возможными способами, или просто надеваем светонепроницаемую паранджу из комплексов и прячемся за ней всю жизнь. А ведь все так просто: красота живет внутри каждого из нас и не всегда у нее идеальные черты лица, высокие скулы, миндалевидные глаза или пухлые губы. Порой внешне она совсем невзрачна, но горит ярким пламенем в глазах.

— Элина, — голос Стрельцовой окатил ее ледяным душем, — почему ты здесь?

В палате появилась главный хирург их отделения Катерина Стрельцова. Дмитрий тут же повернулся на властный, бьющий плетью своей уверенности и неотразимости голос. Хм... жгучая брюнетка, черное каре с ежевичным оттенком, строгие красно-маковые губы и немного более длинные, чем должны быть у работника клиники, стрелки на глазах. Стерва.

Хищница, что порвет когтями и зубами любую мелкую падаль, которая встанет на ее пути. Пойдет по головам, выдавливая глаза тем, кто ей не нравится. Вот каких женщин он точно не любит. Сильных, с чувством собственного достоинства и стальной гордостью в глазах. Одним словом, не любит он игрушки, которые нельзя сломать.

— Этот пациент закреплен за мной, — проямлила Элина, тушуясь перед начальницей.

— А Маша сказала мне, что передала мое распоряжение насчет этого пациента. Она солгала? Мне уволить ее?

— Нет, я пришла сюда на свой страх и риск.

Мужчина наблюдал за сценой битвы львицы и домашнего котенка. Похоже, приоритеты придется менять... Котенок явно таит в себе какие-то тайны. Элина, значит. Он посмаковал ее имя во рту, подержал на языке, как кусочек дорогого сыра. Элина. Звучит красиво. В унисон с насильственной эвтаназией.

— Прошу вас покинуть данную палату. Это мой приказ. И впредь я не потерплю нарушения моих распоряжений, — отчеканила Катерина, напиваясь вынужденным присмыканием Элины допьяна.

Покорно кивнув, она так и сделала — направилась к выходу. Начальница проследовала за ней. Дмитрий смотрел на них с выпрыгивающим из глаз любопытством. Вот так проснулся в больничке. Элина... Киндер-сюрприз. Снаружи темный шоколад, едкий, остроумный, вселяющий ощущение сильной женщины. Внутри же ранимая девочка, готовая целовать руки начальству. Что-то здесь не так, но такая ему и нужна. Для борьбы с миром, с уродами, которые выкинули его за борт собственной роскошной яхты и бросили жалкие копейки, как взятку за молчание. На войне не обойтись без жертв, так пусть эта беззащитная девочка получит его защиту. И станет жертвой, которой он прикроется от пуль.

— Даже не смей думать об этом, — гаркнула на Элину Катерина, чуть ли не прижимая ее к стене.

— О чем? И что, мы в Океании находимся? У нас карают за мыслепреступления?

— Слушай меня внимательно, Стриженова. Ты находишься в этой клинике только потому, что я так хочу. Только потому, что мне тебя жалко. Поэтому не играй с огнем моих переменчивых чувств, а то сгоришь.

— Катя, я понимаю, что ты вечно злая и раздраженная. Но по каким причинам ты отстраняешь меня от работы?

— Он мой, — только и ответила та.

— Кто? Этот индюк напыщенный? Этот Дима с почти полной потерей памяти и совести?! Ты серьезно клюнула на такую мелкую добычу?

— А что это ты так распаляешься в его адрес? Зацепил отсутствием совести?

Элина лишь усмехнулась. Вот абсурд. Делить шкуру убитого медведя. Да еще и не самую качественную шкуру.

— Нет уж, уволь меня из этого любовного спектакля. Такие, как он, не мой типаж.

Стрельцова окинула ее презрительным взглядом и, наклонившись, прошептала:

— Уверена, что уродины тоже не его типаж.

На этих словах она быстро отстранилась от соперницы, каковой Элина себя не считала, и скрылась в палате. А Эля дошла шатающейся походкой до автомата с кофе и заказала себе один эспрессо.

«К тому же я замужем», — добавила про себя то, что не успела сказать Кате, и устало опустила на скамейку.

Руки, сжимавшие горячий стаканчик, дрожали. Все в ее жизни такое — ненастоящее. Бумажные стаканчики с кофе вместо нормальных чашек, ведь никогда времени нет выпить кофе в спокойной обстановке. Клятва Гиппократата зовет, хоть ее уже и изваляли в грязи этой больницы, как только могли. Картонная аппликация вместо жизни, а на ней — муж, которого видеть не хочется даже в сильно нетрезвом виде; пациенты типа Дмитрия, которые считают своим долгом изгаляться над несчастной медсестрой только потому, что она не соответствует их меркам красоты; собственное лицо из гофрированной бумаги, наклеенное кривым куском на полотно.

Слезинка не удержалась и прочертила ровную линию на щеке. Элина коснулась скулы и стерла влажные разводы. Поднесла палец к свету и увидела то, что и ожидала: жирный слой плотного аптечного тонального крема. Только три слоя алебастрового тона могут позволить ей выйти на улицу.

— Ненавижу, — всхлипнула она и поднесла стаканчик кофе совсем близко к лицу, чтобы скрыть слезы.

Эта неблагодарная работа отняла у нее все. А ей не хватило силы духа встать после падения и пойти дальше: ноги слишком глубоко увязли в этой трясине нелюбви к себе и отчаяния. Всегда делать шаг вперед — это обязанность живых и тех, кто хочет жить. Ведь жизнь и время никогда не поворачивают вспять, а значит, и мы не должны.

Элина выбросила стаканчик, ощущая в руках остаточное тепло кофе, единственное гревшее ее, и совершенно не отождествляя себя с живыми, вернулась к работе. Ночная смена. Отлично, домой не нужно идти.

Он многое давал мне, а я — ему. Он мне деньги, я ему — эрекцию.

Джон Апдайк «Иствикские вдовы»

Берлинская лазурь распевала нетленные песни, кружась нотами вечера, наступающего на пятки солнечного дня. Римма прижалась к Туманову, который неотрывно следил за матчем на плазменном экране. Мужское и женское. Его взгляд ни на секунду не отрывается от таких далеких, словно искусственных, людей в форме, пинающих мяч. Ее — не может перестать следить за маленькими, пухлыми тучками на небе, что несут на своих спинах скорую ночь. И объединяет их только кожаный, цвета топленого молока диван.

— Как прошел твой день, милый? — прошептала девушка и поцеловала его за ушком. — Все удалось, что задумывал?

— Разве бывает иначе, Риммуль? — на автомате откликнулся Дмитрий, больше увлеченный происходящим на поле, нежели поцелуями в шею, которые сыпались на него отчаянным градом. — У нас с Алексом всегда все получается.

— А без Алекса тебе что-то удастся? Без него ты хоть что-то можешь?

Эта ее реплика, словно кинутый в лицо бульжник, не могла остаться без внимания. Отложив пульт, Туманов развернулся к Римме. На ее лице призраком скользнула тень страха, но она вся подобралась, чтобы он видел, что она не его куколка с заводным ключиком сзади.

— Поясни свои слова, дорогая. Но поясни так, чтобы я зря не размазывал твое самолюбие по полу следующие пять минут, — голос мужчины звучал настолько твердо, что, казалось, пол под его ногами вибрировал.

Римма сглотнула. Видимо, когда мужчине нужен от тебя только секс, твое самолюбие для него не больше, чем жвачка, которую можно размазать по полу.

— Я просто хотела сказать... Ты все время с ним. Я ревную.

— Мы с Алексом выросли вместе. Он — моя тень. Причем, не вторая, а первая. Мы мыслим одинаково, хотим одного и того же.

— Может, и так, но постоянной пассии у него до сих пор нет. А у тебя есть.

— Почему нет? А Алиса?

— Все знают, что она рогами цепляется за потолок в их доме. Какая же это тогда девушка? Смахивает на резиновый коврик у порога.

Его взгляд всегда смотрел больше, чем сквозь нее, больше, чем прожигая и больше, чем выворачивая наизнанку. Этот мужчина умел сказать самые важные слова, не открывая рта. И сейчас глаза Туманова проникали в каждую ее клеточку перламутровыми клубами ночи, вились в ней дымящимся пламенем. Он точно раздевал ее до костей для последующей разделки на мясной доске.

— Возможно, у них есть договоренность на этот счет, — в конце концов, пожал плечами он.

— Договоренность? Вы что, все в этой жизни меряете контрактами? Поставил подпись — и можно изменять? Может, и отдельный пункт про сифилис есть?

Дмитрий, не выносивший долгих бесед с Риммой и уже решивший вернуться к футболу, резко крутанул голову в ее сторону. Что за чушь она несет? И с чего вдруг им говорить о похотливом кобеле Алексе? Неужто копает подземные траншеи, чтобы подобраться с этой

темой к нему?

— При чем тут сифилис?

— Ну он же обязательно притащит своей «любимой», — кривлялась девушка, — какую-нибудь заразу.

— Римма, что ты хочешь от меня? Думаешь, я все повторяю за Алексом? Даже с теми же шлюшками мотаюсь?

— Ах, ты с другими!

Вокруг Туманова уже плевались искрами завитки злости. Его аура, если и была когда-то светлой, точно почернела. Он-то думал, что с женщинами просто. Дом, машина, даже не одна, курорты, дорогие шмотки — и ее рот заклеен скотчем. Однако эти капризные игрушки собирают на каком-то некачественном заводе: они все равно требуют любви и внимания.

— Давай закончим сейчас, пока ты меня не вывела из себя.

— Запугиваешь?

— Зачем мне запугивать свою любимую? Я же люблю тебя, поэтому просто предупреждаю, чтобы ты не наступала на мину с оторванной чекой. Мне не хочется потом собирать тебя по кусочкам, если можно предотвратить беду.

Ультрамариновое небо отныне не казалось ей нежно-синим, налет романтических сказок был стерт щеткой с грубыми волокнами. От этого его «Я люблю тебя» хотелось вскрыть себе вены. От его «Моя любимая» нестерпимо зудело в кулаках. Умел Туманов окрашивать даже сладко-розовые слова алым цветом.

— Дим, — решила зайти с другой стороны девушка, — я хочу быть твоей любимой, а не «любимой». Понимаешь?

— Понимаю. Вы все этого хотите. Только что для тебя любовь, Римма? По-моему, вопрос любви — это то же самое, что и вопрос Бога. Что это, мать твою? Во что ты мне предлагаешь верить и чего желать? Ты обеспечена деньгами под завязку, они лезут у тебя изо всех карманов, все карты платиновые и золотые. Что еще нужно?

— Это не любовь, Дима. Это деньги.

— Не вижу разницы.

— Ты счастлив?

— Абсолютно. Иметь регулярный секс — что еще нормальному мужику нужно?

А мужику с деньгами и подавно. Купить можно все. И завтраки, обеды, ужины в самом дорогом ресторане страны. И домработницу, садовника, няню. Но возвращаться хотелось всегда в одну постель, пусть он и позволял себе иногда захаивать в чужие. Но ведь разнообразие никто не отменял? Он купил Римму, как живую резиновую куклу, чтобы она ждала его в этой самой постели каждый день. Взамен отдал в ее распоряжение все свои купюры и карты. Туманов не мог никак понять, чего она хотела от него добиться.

— А ребенок? — робко спросила Римма.

— Риммуль, ну мы же молодые. Тебе самой-то хочется возиться с памперсами и стирать свои дорожные блузки от отрыжки? А делать все это будешь ты.

— То есть ты не в счет?

— С меня финансовое обеспечение, а вонючие подгузники — твоя забота.

Девушка задохнулась. Иногда она мечтала встречаться с мужчиной другого склада ума. С человеком, который будет заботиться о ее чувствах, а не плевать (нет, харкать!) на них с высоты птичьего полета. Ждать, что Туманов начнет думать, прежде чем говорить — глупо. Он запросто мог сказать ей, что она потолстела и неплохо было бы снова стать красивой, а

не расползающимся во все стороны пончиком в масле.

— Я поняла тебя.

— Ну наконец-то!

Плазменный экран снова ожил громкими командами рефери и комментариями ведущих. Он переключил каналы: с нее на футбол. С менее значительного на более.

Римма отодвинулась от Туманова на другой край дивана и положила голову на подлокотник, вздыхая. Она прекрасно знала о том, что ее рога были ничуть не меньше Алискиных. Просто делала вид, что ей удобно проходить в помещения с низкими потолками. Она сама выбрала такого мужчину, подписала с ним устный контракт в тот день, когда без уговоров легла в его койку. И повторила эту глупость не раз позже.

***

Не только Евгений не мог никого любить, потому что не было на свете женщин, достойных его, но и ни одна женщина поэтому не могла сметь любить его.

Лев Толстой «Дьявол»

Весна выкрикивала свои задушевные лозунги, призывающие к любви и миру, голосами десятков пышногрудых птичек, слетавших с ветки на ветку. Весна играла на губной гармошке, сопровождая каждый шаг прохожих. Кажется, даже небо, сине-алое, со вшитыми шелковыми нитями узорами, открывало свой не в меру широкий, неуклюжий, рваный рот, дружелюбно напевая мелодию доброты.

Голоса птиц и редкие движения головок цветов, шелест травы и тайные переговоры ветра с самим собой стихли, когда дверь квартиры номер пять захлопнулась.

— Ну, вот такое жилье, — показала Дмитрию довольно скромную квартиру Элина. — Это лучшее, что я нашла за твои деньги. Очень даже тут приятно, чистенько, уютно.

Она об уюте знала самую малость. Наверное, уют ее жизни остался там же, где и любимый постер с рок-звездой, книжка Филипа Пулмана, воскресные шарлотки мамы — далеко-далеко, в стране, куда ей уже не вернуться — дома. За многие километры от Москвы, за долгие годы от нее, когда ее жизнь только начиналась и она не знала, что череда судьбоносных событий приведет ее туда, где она находится сейчас. Элина качнула головой, словно заклеивая невидимой марионетке в своей голове рот скотчем. Наверное, только мы сами и являемся собственными компасами: мы там, где заслужили быть; там, куда привели себя мы сами; там, на что у нас хватило сил и терпения.

— Да, — недовольно протянул Дмитрий, про себя оплевывая стены этой хибарки, — прикольно.

— Ты, должно быть, в такой же жил до случившегося.

— Конечно, куда мне до хором. Я же работяга обычный.

— Что-то вспомнил? — встрепенулась девушка. — Твои воспоминания нам очень помогут.

Мужчина рассеяно кивнул, не обращая на нее внимания. Эта медсестра была для него олицетворением назойливой мухи на стене, которую рука так и тянется прихлопнуть газетой, но пока она была ему нужна. Ладонь Дмитрия против воли дотронулась до щеки, и в сознании пронеслись, сталкивая кометы и обрушивая плотины, наводняя мегаполисы водой и поджигая всемирные заповедные леса, вспышки воспоминаний. Она дает ему пощечину, она же разговаривает с ним в совершенно неуважительном тоне. Она ответит за это сполна.

Кривая ухмылка, играющая резкими фальшивыми нотами, исказила его губы. Он не мог смотреть на нее спокойно, не точа ножи и не полируя пилы. Она возбуждала в его мужском

эго катастрофические цунами, что требовали мести, рвались наружу из сдерживающих заграждений, лишь бы только затопить этот маленький, незначительный, никому не нужный городок — Элину.

— А, — опомнился Дима, — нет, ничего особенного. Просто думаю, что я был обычным парнем. Ну и остался таким, — пожал плечами на манер «Да я же дурачок, по мне видно».

— Не переживай, все будет хорошо. Память в любом случае вернется, мы будем помогать ей. Обживайся тогда, а я пойду?

— Стой! Не уходи. Можем чай выпить и поболтать. Попробуем познакомиться заново.

Щеки Элины полыхали пожарами, разгораясь сильнее от каждого взгляда на мужчину. Знакомство с ним, все эти новые эмоции, которые буквально встряхнули ее ничтожную жизнь, как бутылек с каким-нибудь раствором. Бывает так, что жизнь застывает в одной точке, и твой день сурка длится вечность. Он начинается в понедельник утром и заканчивается в воскресенье после одиннадцати. Тогда-то мы наиболее уязвимы — любой проходимец, искусный шарлатан, умеющий спекулировать на тончайших чувствах души, может смять твою жизнь, как клочок бумаги и отправить в коллекцию мусорщика.

— Ладо, я... могу сделать нам чай, — робко предложила Элина, пряча руки за спиной и стараясь не переминаясь с ноги на ногу, как глупая школьница на первом свидании.

— Давай, а я пока посещу ванную, — подмигнул ей Дима и скрылся.

Наконец-то можно выдохнуть. Голова немного кружилась, и в ней, как в пылесборнике пылесоса, водили хоровод пыль и различный мусор. Прошое смешалось с настоящим, откуда-то из-за угла подглядывало будущее... Он не мог провести границы в этом хаосе, вспомнить кто он точно и откуда.

Мужчина встретился со своим отражением в зеркале и презрительно прищурился. Превратили его в урод, под стать этой медсестричке. Если бы такой, как он, и мог ей достаться, то только в подобном виде — побитый, исхудалый, по-армейски бритый. Одним словом, максимум этой Элины, по его экспертному мнению, он сам же, но в версии «бывший в употреблении». На оригинал у нее не хватает средств на банковской карте красоты и соблазнительности. Он был абсолютно уверен, что его руки знавали неписанных красавиц, пальцы перебирали пышные блестящие локоны, губы целовали первых красоток страны. Дмитрий схватился за голову: он просто чувствовал это, знал, что женщины были для него красной ковровой дорожкой в прошлом, по которому он величественно ступал своими дорогими ботинками.

Без лишней скромности, которая, как и совесть, не входила в обязательный набор джентльмена, и без зазрения совести, он признавался сам себе, как был хорош. Но этот вопрос мог подождать до лучших времен. Сейчас на повестке дня (почему же ему так упорно кажется, что когда-то его день стоил гораздо дороже, чем просиживание задницы в дешевой каморке?) стоял вопрос о будущем. В режиме ожидания все еще находился весь мир, который посмел бросить ему в лицо перчатку. Губа разбита, пара костей сломана, но скоро он сможет нанести ответный удар.

— С тобой все хорошо? — в его скученные и нестройные мысли затесался голосок той самой мушки, которая своими руками строит его пирамидку мести во взрослой песочнице.

Взрослый мир он такой: мозговитые пачкают кровью не свои руки.

— Пытаюсь прийти в себя и осознать тот факт, что больше я не в стенах больницы, — ответил Дмитрий и вышел.

— В больнице несладко и скучно, — скривилась Элина, которая ненавидела больницу всей своей душой. — Небо затянуло. Неужели ливень будет?

Природа будто имела собственное радио, настроенное на каждого отдельного человека. И вот сейчас, точно подслушав ее слова, синий лоб скрючился в темных морщинках — предвестниках дождя. Скоро небосвод затянет этой пеленой полностью — и можно будет умыться под весенней небесной росой. Девушка грустно вздохнула.

— Грустишь? — красивое, жизнерадостное лицо молодого человека было тут как тут перед ней.

— Нет, — смущенно улыбнулась она и поспешила прикрыть часть лица чашкой с чаем, — просто дождь создан для депрессии.

— По-моему, он, наоборот, смывает печаль. Дождь двуликий: смывает пыль и устраивает грязные хляби на дороге.

Его слова прозвучали в ее голове в усиленном стереорежиме, опасной трелью тревоги пощекотали барабанные перепонки и сгнули в глубине души, похороненные под завалами личных переживаний. Дождь двуликий...

— Элина, — ее имя прозвучало неожиданно мягко и так расслабляюще, словно бы ей сделали массаж, — ты бы не могла мне еще помочь?

— Я постараюсь, если это в моих силах.

Внимание девушки было полностью сосредоточено на Дмитриии. Она смотрела на него с жадной путника в пустыне — он был для нее манящим стаканом с прохладной родниковой водой. Она смотрела на него с жадностью шулера — он был для нее потайным тузом, которого так и хотелось запрятать в рукав. Она смотрела на него с желанием женщины — он был для нее мужчиной в том первоначальном смысле этого слова, когда сила притяжения работает только на двоих. Элина пожурела себя мысленно, стыдясь слишком откровенно его разглядывать, когда дома ждет муж и не вынесенный пакет упреков, обид и требований.

— Сходишь в полицию? Было бы интересно узнать подробности дела.

— Я? Избили же тебя, зачем я там нужна?

— Со мной поговорили два каких-то бугая, чьи лица не светились интеллектом, и дело закрыли. Я помню, что я Дмитрий. Они сказали, что этого мало, чтобы со мной возиться. По свету же ходят отъявленные убийцы, а тут всего лишь я. А вдруг я и есть сбежавший маньяк?

Элина рефлекторно вздрогнула и с опаской посмотрела на него. Что-то дьявольское было в нем, опасное, щекочущее нервы кончиком японского ножа, глядящее сонную артерию тыльной стороной катаны. Ее чутье находилось в длительной спячке и было погребено под сугробами тревог различного характера (в основном, личного и рабочего), поэтому оно не могло уберечь ее от сделки с дьяволом.

— Ты не похож на маньяка, — улыбнулась она. — Они обычно страшные.

— А я красивый, по-твоему? — безжалостно давил на нее он, как на расплавленное масло, не прилагая усилий.

— Да.

Вытерев потные ладони о штанины брюк под столом и сцепив их вместе, она попыталась взять эмоции под контроль. В свои трясущиеся, как у алкоголички, бледные, худые руки. Не хватало еще упасть перед ним в обморок.

— Хорошо, я завтра зайду в полицию. Отзвонюсь сразу же. Но почему ты думаешь, что они мне что-то скажут?

— Таким прехорошеньким женщинам ни один офицер не откажет.

Лесть сработала на все сто, и Элина совсем потерялась в дебрях иллюзий и великолепно выполненных трюков. Во взгляде Димы сквозило равнодушие, приправленное для остроты вкуса любопытством легкой степени. Он всегда знал, какие кнопки нажимать, за какие рычаги тянуть, чтобы женщины сами отдавали себя в его власть. И для этого не нужны контракты и кабала, закрепленная подписями. То, что женщина может отдать тебе добровольно в рабство, стократ дороже полученного прямым шантажом и выманиванием.

Когда через руки мужчины проходит слишком много женщин, он перестает относиться к ним, как к чему-то сокровенному. Они становятся дешевыми рыночными стразами.

— Что именно нужно узнать?

— Любые подробности этого дела. Возможно, нашли нападавших. Кто-то же должен возместить мне причиненный ущерб и сказать, кто я такой, черт побери!

— Даже не представляю, как ты чувствуешь себя. Не знать, кто ты, откуда ты, почему с тобой так жестоко поступили... Мрак.

Мужчина не успевал про себя закатывать глаза и фыркать. Эта милая девочка с претензией на роковую женщину даже не имела представления, с кем сейчас делит обшарпанный стол из светлого дерева, с кем дышит душным воздухом в этой квартире, в которой ему раньше даже сфотографироваться было бы стыдно. Он и сам не имеет представления, но ему не дает покоя навязчивая мысль о том, что раньше он не жил в подобных картонных ящиках с окнами и дверью. Память, словно стесняющийся залетный гость, стояла за дверью его подсознания, не решаясь постучать. Он ощущал щекотку в извилинах, почти удавалось нащупать эту нить, за которую можно было бы вытянуть истину, но как только он начинал прилагать больше усилий, голова буквально разваливалась осколками на части.

И навряд ли дерзость Элины сошла бы ей с рук в его прошлом. И наказание не было бы отсрочено. Мужчина чуть ли не сжимал пальцами воздух, пытаясь нащупать этот нарост памяти, что таит в себе всю его жизнь. Он помнил женщин, много женщин, помнил, что они никогда не значили для него много. Просто куклы в ящике, и иногда он открывал дверцы и доставал одну поиграться.

— Надо расслабиться, — находясь на своей волне, произнес он. Мысли о прошлом, о мести, об Элине его достали.

— Еще чая?

Дима беззлобно улыбнулся. Травки бы. Лежа в гамаке на частном острове. Но ладно, сойдет и чай в квартирке номер пять по улочке «Безызвестной», в городе, где ты никто, в жизни, откуда тебя за шкуру выкинули, как шкодливого щенка.

— Нет. Расскажи о себе. Обо мне ты все знаешь. Жду от тебя такое же полное досье.

Элина усмехнулась, снова положив руки на стол. Уже меньше дрожат. Редко ей приходится бывать в компании таких мужчин. Слишком он хорош для обычного работяги.

— Да у меня ничего особенного в жизни нет... — начала она, но ее прервал звонок мобильного. — Я буду через час. Не позже. Приду я скоро!

— Проблемы?

— Ничего серьезного, все по плану. Но мне нужно идти. Меня ждут.

— Парень?

Дмитрий вальяжно раскачивался на стуле, так что тот заунывно скрипел и жаловался на свою старость. Он и не ждал от медсестрички никаких откровений, достойных первых полос мировых журналов. Что в ее жизни может быть выдающегося?

— Муж, — твердо ответила Элина, но отчего-то стало так невыносимо стыдно от того, что у нее есть муж.

Глаза мужчины сузились, затем быстро пришли в норму. Хм, он ставил на то, что дурнушка с нереализованным потенциалом кукует одна. Так даже интереснее.

— Я позвоню завтра. Пока!

Дверь за девушкой закрылась, и в квартире на пару градусов упала температура. Он заметил, что она унесла, нет, украла из его нового вынужденного жилья тепло! Прихватила его, как ценную статуэтку, и умыкнула, а ему оставила эти советские обои, холодное солнце и неразговорчивые батареи.

А в голове легким шепотом напевала свою песнь стерва — память. Он мог помнить духи десятков женщин, их стоны, их касания, но одно имя непрерывно крутилось в его голове, заставляя мурашки перескакивать через друг друга дабы спастись бегством. Римма. Но кто это и почему именно ее имя?

Он опустил на стул и потер веки. Предстоит тяжелый бой за право вернуться в строй. Предстоит закрывать глаза на жертвы и кидать милых девушек под колеса этой машины мести. Дмитрий перевел взгляд на входную дверь. Элина Стриженова. Чем-то, каким-то легким, ароматным шармом, она точно обладала. Жаль ее так нагло использовать. Но кукловоды редко говорят своим марионеткам, что они их куклы.

***

Его скорбящее величество страдал, ибо кто других терзает, тот сам покоя не знает.

Шарль де Костер «Легенда об Уленшпигеле...»

Элина возвращалась домой, попинывая попадающиеся под ноги камешки и заодно свои ленивые мысли. А были они все об одном — о нем. И нет, не о муже, как ни прискорбно. Небо окончательно разозлилось на что-то и взирало на людей недовольно, ему вторили карканьем вороны.

Дмитрий точно был не лучшей для нее компанией. Самая правильная компания для нее — книжки по медицине, бинты, физраствор, сплетни с медсестрами. Это ее потолок в обширном, многокомнатном особняке жизни. Жизнь всегда такая: кому-то незаслуженно дарит хоромы, а кого-то вопреки всем достижениям запикивает в каморку и забирает ключ от двери.

Девушка глянула вниз и заметила, как возле нее важно ходят небольшой стайкой пузатые голуби. Вспомнив о завалившемся в сумке хлебе, она достала его и прекратила свой путь, чтобы накормить птиц.

— Кушайте, мои хорошие. А я заодно задержусь и выслушаю о том, какая я плохая, на десять минут позже.

Если бы не врачебная стрессоустойчивость, без которой не допускали к лечению людей, она бы уже давно треснула от попытки улыбнуться, как застывшая глиняная маска на угрюмом лице. Эмоциональный интеллект был выдрессирован в ней, закален, избит палками до обильной кровопотери, но больше она не была нюней с виду. Хотя так и тянуло разреветься у всех на глазах и проситься назад. В детство. Под бок к маме. И не знать ничего о взрослой жизни.

О муже. О том, как родной дом может быть родным только на словах. О холоде, когда тебе в лицо бьет солнце.

— Эля? — резкий голос Миши ошпарил ее кипятком, заставляя нервно сжаться.

— Я!

Муж появился в коридоре с лицом, напминавшим гримасу человека, заказавшего в дорогом ресторане суп и нашедшем в нем таракана. Она и была для него тараканом.

— Почему ты опять так поздно? Я знаю, во сколько у тебя закончилась смена.

— Я просто гуляла. Что мне здесь делать? Детей у нас нет, возиться не с кем.

— А муж уже не в счет? В холодильнике мышь повесилась и для верности еще себе глотку консервным ножом перерезала.

Элина вздохнула, зная, что холодильник полон. Всегда. Вещи постираны. Рубашки выглажены. На мебельной поверхности ни пылинки. Но он должен находить эти формальные поводы, чтобы прицепить ее поводок к кухонному столу и не выпускать из дома. Только зачем она нужна ему тут?

— Сейчас я приготовлю что-нибудь, не злись, Миш.

— Никто и не злится. Я не понимаю, что с тобой происходит в последнее время. Ты явно носишь в себе какие-то тайны. Я хочу знать о них.

— На то они и тайны, чтобы ты о них не знал, — монотонно отчеканила она, предвидя запланированный скандал и надевая фартук. — Я всего-то домой не хочу идти сразу после работы.

— Перестала уставать, как раньше?

— Перестала.

— А может, что-то еще, а?

Он смотрел на нее с притворным удивлением. Он знал, что вся ее жизнь — это он и работа.

— Неужели ты ревнуешь?

Глаза мужа скривились в ухмылке так, как это делает рот. И стало больно, по-женски, в груди, в самой душе. Ну конечно, как он может ее ревновать. Он же знает, что она без косметики даже мусор не выбрасывает. Знает, что вблизи невозможно не понять, сколько всего нанесено на ее лицо.

— Давай побыстрее с ужином. И вообще, Эля, ты не даешь мне никакого покоя! Вечно я должен тебе обо всем напоминать, следить за тобой! — пробормотал Михаил и отправился досматривать сериал.

Глаза Элины защипало от слез, словно она яростно нарезала килограммы невидимого лука. Он не знает покоя! Он устал от нее! Как она ненавидела эту непроглядно черную жизнь. Жизнь с армейским уставом, жизнь в постоянной ложной благодарности за то, что ее подобрали, как облезшего котенка, у которого был шанс стать породистым красавчиком. Но тот день навсегда поставил крест на ее лице и жизни.

Девушка тихо плакала и глотала соленые слезы, которые заменили ей этим вечером ужин. Она и думать забыла про своего беспамятного пациента. Если родной муж между строк называет ее уродиной и буквально убивает женщину в ней, то как она может понравиться незнакомому мужчине?

Дико жаль, что она не смогла быть сильной, что стала одной из типичных женщин. Женщины сами заточают себе в кухне, выбирают компанию из грязных тарелок и сплетен с подружкой по телефону. Женщины сами делают выбор в пользу угнетающего замужества и роли полойки, вместо того чтобы покорять этот бескрайний мир, осваивать новые области и доказывать всем и каждому, что мир не сосредоточен в мытье полов и приготовлении котлет. Женщины сами делают выбор в пользу мужского господства, становясь на колени сразу же, как только господин поманит заветным штампом.

Душа — тяжелое заболевание.

Евгений Замятин «Мы»

Постоянные отношения были не его стихией. Не его призванием и не его предназначением. Алекс обводил скучающим взглядом ресторан, изредка задерживаясь выдавшими виды глазами на посетительницах.

Длительные отношения с женщиной — это же как проживание в одной и той же квартире годами! Непременно захочется сделать ремонт, обновить, так сказать, ощущения от опостылевших стен и однообразных пейзажей за окном. Сначала косметический — легкий флирт, заигрывания с другими женщинами, дабы потешить застывшее в одной точке эго. А затем обязательно потянет на капитальный...

— Я не понимаю, — внезапно озвучил свои мысли мужчина, — почему бабам так хочется всю жизнь смотреть на одну и ту же рожу? Каждое утро, каждый вечер. Это как будто тебя запирают в крошечной клетке и уходят. Пила восемь, черт возьми. Вечное испытание.

Несколько пар глаз обратили свое внимание на него. Обсуждение спорта, новых автомобилей, смелых шагов в бизнесе разом смолкли.

— Ты поэтому столько молчал? Мы думали, ты разучился говорить, — ответил ему один из друзей.

— А он, наоборот, научился думать и молчать, — громко выкрикнул Туманов, и их небольшая компания взорвалась смехом.

Искры веселья разлетелись во все стороны, подчеркивая отсутствующий уют этого, без сомнения, пафосного местечка. Строгие костюмы, элегантно рассеявшиеся за столиками цвета слоновой кости, изящно держали тонкие ножки бокалов с искристыми переливами пузырьков шампанского. Изысканные платья, словно влитые в дорогие стулья, не шевелились, лишь изредка посматривая по сторонам, дабы убедиться, что краше них на небосклоне богатства и роскоши нет.

— Туманов, заткнись, — огрызнулся Алекс и поправил галстук. — Достала меня эта петля! — сорвал его и со злостью кинул на пол.

Костюмы тревожно переглянулись, не узнавая друга.

— Со мной все хорошо, — оцетинился он. — Надоели эти рестораны и старперские посиделки в них, как будто мы уже одной ногой в могиле, и только и осталось, что просиживать задницу в Дольче в окружении этих истуканов.

— Твои предложения?

— Заказать девочек и снять сауну. Можно к Вадику в клуб, но тогда, — глаза Алекса блеснули в сторону приятеля, — стриптизерши тоже наши.

— Угомони свои гениталии, которые отвечают за умственные процессы, — осадил его Вадик. — Мои девочки не шлюхи, они работают абсолютно легально танцовщицами.

— Ага, конечно. Тебе самому не смешно? Твои девочки не шлюхи. Нет таких девочек, которые были бы не шлюхами. Существовали бы сканеры штрих кода для людей, ты бы увидел стоимость каждой.

— Я с тобой спорить не собираюсь. Ты живешь по каким-то диким законам. Брат, мы не в девяностых, откуда вышли наши отцы. У тебя не малиновый пиджак, и мои девочки не

мясо тебе на растерзание.

— Как знаешь, — пожал плечами Алекс и сделал пару глотков «Камю Экстра Элеганс», — но идея была неплохой.

— Мой клуб всегда для тебя открыт, но я не позволю ставить на колени девчонок, которые просто танцуют на моей сцене. Покупай тех, кто продает себя официально.

— Димон, — непонятый друзьями Алекс повернулся к лучшему другу, — ты-то со мной согласен? Все они продажные, неверные, лживые... короче, бабы.

— Откуда в тебе столько желчи? — подался вперед Антон. — Что случилось? Ты же с Алиской начал жить.

— Вот именно — начал жить, а ощущение будто похоронили заживо. Семейная жизнь — это преисподняя, понимаешь? Вход есть, а выхода нет. И прежде чем туда входить, надо сто раз подумать, а то убьет.

— Семейная, — смешок прошел по компании. — Что ты называешь семьей? Себя, таскающегося по проституткам? Или ее, болтающуюся днями со светскими львицами от скуки?

— А у меня свое понятие семьи. Это просто два человека, которым некуда идти, и они сбиваются в стайки, чтобы общество их не заклевало. Затем потомство, кабала все больше пускает в них корни, и в итоге это среднестатистическая несчастная ячейка общества с борщом на ужин, пакетом мусора у порога с утра и со скрежетом зубов разделенным бюджетом.

— И зачем тогда тебе сбиваться в эти стайки? Мне кажется, что ты обществу ничего не должен. Похоже, кто-то перепил, — хмыкнул Туманов.

— А ты на кой черт с Риммкой играешь в этой дешевой сценке? Как будто мы не видели тебя в одном полотенце (а то и без) со всякими Сильвами, Марианнами и Эльвирами.

Алекс не чувствовал себя пьяным. Даже захмелевшим. Он сам не знал, откуда, из какой дырки стала сочиться эта спесь, в каком месте его крепкую бочку пофигизма прорвало. Но хлестало так, что грозило потопить и его самого.

— Ты напоминаешь Печкина. И злой ты такой потому, что некому тебя на велосипеде прокатить. На велосипеде любви.

Со стороны Алекса раздался громкий смех, словно бы смеялся человек, шагающий по стеклу. Больно. Слишком громко. Резко. Неправдоподобно. От такого смеха даже мертвым креветкам в их салатах отчаянно захотелось повеситься.

— Папаша мой тоже вечно катался на разных великах: и двухколесных, и трех, и вообще без колес. А мать вечно закидывалась мартини и обсуждала с подругами своих новых любовников. Накачанный Лукас — стриптизер, или его друг Марио — вообще какой-то хлыщ по вызову, — язык Алекса танцевал сам с собой, не поспевая за дирижером — мозгом, а тот кричал ему, чтобы он остановился. — Деньги — это как игрушки из секс-шопа: они не заменяют реальные чувства, а лишь имитируют их жалким образом.

— Эй, успокойся, — прошептал Туманов и накрыл очередной стакан чего-то мутно-коричневого и, очевидно, отдающего высоким градусом ладонью.

— Да я могу на любом прокатиться! Вот смотри!

Стул с протестующим кряхтением отъехал от стола, вопя от досады, что даже с ним, таким дорогим и даже сделанным из редкого вида дерева, могу обращаться подобным образом. Никакого уважения.

Однако стул стал лишь первой жертвой в этой цепочке вырвавшихся наружу и

сметающих все на своем пути эмоций. Может же он хоть раз в жизни не прятаться, а плюнуть этому миру в лицо? В его лживое, лицемерное, грязное лицо.

— Что вы делаете?! — испуганно воскликнула официантка, когда Алекс схватил ее за руку и папка меню упала на пол.

— Прокатишь меня? Сколько стоит поездка любви конкретно у тебя? Видите, — заорал на весь ресторан он, обращаясь к друзьям, — я могу купить любую! И тебя тоже! — дернул спинку стула, сидящей рядом девушки — посетительницы ресторана. — И тебя! — ткнул пальцем куда-то в пространство, словно указывая сразу на всех.

Туманов подоспел к другу как раз в тот момент, когда рука администратора дрогнула и потянулась к телефону. В местах повышенного скопления высокопоставленных шишек и детишек золотых родителей было непринято улаживать конфликты законно. Клиент, какой бы мразью он не был, всегда оставался прав. Деньги могут стереть отпечатки пальцев, отмыть кровь с одежды, заткнуть уши и завязать лентой глаза. Деньги — вот он, истинный венец творения.

— Алекс, остынь. Выскажешь все претензии на семейном ужине. А сейчас, — тихо увещевал он, — отпусти руку девушки.

— Претензии сдохли вместе с маленьким мальчиком. Там им место, — огрызнулся он и зашагал к выходу.

Тихая утонченная музыка стихла, резко покончив с собой, когда тяжелая дверь ресторана захлопнулась за мужчиной.

***

... с вами разговаривать — что брести по лабиринту, лишённому выхода.

Жозе Сарамаго «Перебои в смерти»

Весна, исполняя роль дирижера, наполняла очередное утомительное утро среды звучными напевами летних мотивов. В воздухе висели капельки разноцветного дождя, которые видны лишь тем, кто хочет их увидеть. Элина хотела.

Она медленно кружилась по палате Валентины Игоревны, сделав весь окружающий мир своим партнером по танцу. И если не наступать ему на пальцы умышленно, можно сорвать кубок, не будучи профессиональным танцором.

Элина знала это правило жизни: люби ее — и у нее не останется другого выбора, кроме как полюбить тебя в ответ.

— Милая, какой чудесный сегодня день, — всплеснула руками пожилая женщина. — Ты светишься изнутри.

— Сама не знаю, в чем причина. Но сегодняшнее утро первое, когда я вышла из дома с тяжелым чувством тоски по нему. По мужу, — удивленно добавила она.

Последние дни, словно бросая вызов жесткой, заматерелой системе ее жизни, выдались насыщенными, в лучших традициях Сальвадора Дали. Яркие краски, брызги акварели, хаотичные, но всегда предельно точные мазки гуаши. Радость от встречи нового дня растекалась по ворсу тонкой кисти, чтобы в итоге закончить картину этого прелестного дня. Ее красное солнце раскрыло свои лепестки.

— Я тоже помню то славное время, когда Павлик был жив. Мы многое вместе прошли, а без него я уже и не хожу. Как видишь, доченька, и в прямом смысле тоже, — грустный вздох женщины окутал прозрачным горьким шлейфом ее картину.

— Ну что вы, все еще впереди. У всех нас. Дорога вперед никогда не заканчивается, покуда мы не закроем глаза.

— Правильно говоришь, Элечка, правильно. Твоя дорога точно цветет у тебя под ногами головками ярких маков. Павлик любил дарить мне маки, их много цвело у нас в поле, — мягкая улыбка морщинистых губ вмиг омолодила лицо, испещренное морщинками лет и усталости.

Что-то солидарно пробормотав, девушка отошла к окну, пока пациентка измеряла температуру. Столько раз она хотела опустить руки, даже не попытавшись их поднять. Так часто говорила, что этот мир погряз в темноте, хотя даже не пыталась разлепить веки. Что нам стоит хоть на секунду полюбить мир вокруг нас, себя самих, небо и солнце, что порой мы совершенно не заслужили встречать?

— Температуры нет, состояние стабильное, — констатировала Элина, проведя все необходимые манипуляции.

Она не горела своей работой, не тонула в ней с головой, не задыхалась, не жила ей. Это просто устав больницы и список обязанностей медсестры, за которые в конце месяца она получит конкретную сумму в российских рублях. Однако Элина не могла не признать, что улыбка пациентов, которые идут на поправку и которых она сопровождала в этом пути, стоит гораздо дороже месячной зарплаты — она бесценна.

Наверное, это и есть формула успеха, Грааль, который доступен не каждому: полыхай пожаром своего любимого дела — и оно будет опалять тебя самым нежным огнем. Ненавидь свое дело — и оно оставит от тебя лишь дымящиеся черенки.

— Это все твоя забота, Элечка. Не все у вас такие же вдохновляющие, как ты.

Элина вздохнула. Хоть последние дни и не капали ей на темечко каплями ядовитого дождя, разъедая плоть до мяса, вдохновением она бы себя не назвала. Взгляд девушки, словно кузнечик, перескочил с яркого солнца на изумрудные блики мелких травинки. Вдохновение так близко: у нас под ногами, над нашей головой, в нашей душе, но все, что мы делаем с ним — это топчем, сбиваем острыми стрелами, убиваем успокоительными. Элина глянула на свои руки, чувствуя себя убийцей, видя на линиях судьбы кровь. Пассивное прожигание жизни равняется умышленному убийству в сговоре с совестью и разумом.

Грехи не прописаны ни в каких Библиях и Коранах, никакой дядька не давал нам листок с перечнем правонарушений. Злость клубится и вьется свет в душе по мановению нашей и только нашей руки.

— Стриженова, — голос Катерины автоматной очередью разорвал тишину эфира в ее голове.

Радио помехи жалобно застонали и заискрились. Судя по голосу начальницы, намечается война.

— Слушаю вас, — холодно отозвалась Элина, хотя в душе окурки скуренных от нервов сигарет жгли сухую почву ее бунтарства.

— Жду вас в ординаторской через минуту.

Слова Стрельцовой растворились, точно аромат жгучих духов. Пронеслись в воздухе за секунду и умерли, но успели вызвать аллергическую реакцию.

— Валентина Игоревна, поправляйтесь, — улыбнулась пациентке медсестра и сжала ее руку. — Я еще к вам зайду.

У ординаторской она была примерно через полторы минуты, еще десять секунд стаптывала балетки, чтобы сделать шаг вперед. Шаг вперед он всегда такой — трудный. Но если сам его не сделаешь, кто-нибудь обязательно толкнет, и тогда будет больно. Лучше уж самой.

— Заходи, — небрежно крикнула Катерина, будто велела лакею отворить дверь перед Ее величеством.

— У меня нет времени, Катя, на разговоры. У меня там пациенты...

— Эля, — зашипела Стрельцова, точно змея, вырвавшаяся из-под маски нюд мейк-апа и стилия кэжул. — Все твои пациенты — только моя прихоть. Я бросила тебе эти объедки со своего стола, но я могу и вернуть свою щедрость обратно.

— Не смей. Ты все знаешь не хуже меня. Это все мое! Было бы мое...

— Как будто тебя нужно учить, что плевать история хотела на "бы" и прочие смешные словечки. Это свое «бы» ты можешь уже похоронить во дворе: выкопай ямку, сложи туда ворох своих мечтаний и засыпь землей. Все.

Элину била мелкая дрожь, точно морось в лицо. Вроде и не дождь, а неприятно колет щеки. Вот и ей казалось, что вроде и не бьют, а синяки останутся.

— Посмотри, — резко повысила голос Катерина, — что твоя мечта сделала с тобой, с твоей жизнью! Прежде чем выбирать мечту, посмотри внимательно прейскурант. Потянешь ли ты ту или иную мечту? Может, проще сразу от нее отказаться, чем дать ей потом отпилить от тебя по кусочку?

— Прекрати...

— Дать тебе зеркало? Напомнить, что именно твоя мечта сделала с тобой? — безжалостно давила Стрельцова, словно бы орудуя медицинским лезвием в мягких тканях. — Зачитать тебе условия твоего трудового договора? Напомнить твою должность и зарплату?

Дождь превратился в град и в кровь изрезал ее лицо. Слезы кусали глаза и заставляли часто моргать, чтобы не ударить в грязь лицом окончательно. Пусть ноги подкосились, но лучше стоять согнувшись, чем упасть на колени.

— Лучше себе напхни об интернатуре, — рывкнула Элина, чувствуя себя дворняжкой, из последних сил огрызающейся на породистого пса. Но кем бы ты ни был в этой жизни — не позволяй никому наступать себе на хвост. — И о гранте Песчанского, и о конкурсе, и... Да обо всем!

Пухлые малиновые губы Стрельцовой недовольно поджалась, но затем снова зацвели алым рассветом высокомерной улыбки.

— Когда это было, дорогая моя бывшая лучшая подруга. — Малина была раздавлена сапогом и растеклась кровью по гладким губам Катерины. — Теперь я хозяйка этого бала, и все слуги здесь подчиняются мне. Ты — одна из них.

— Что случилось? — всхлипнула Элина. Силы были не равны. — Чего ты взъелась на меня?

— Дима сказал, что ты с ним занимаешься, помогаешь восстановить память.

Упоминание о Диме чуть ли не стало для нее сквозным ранением. Как эта женщина узнала об их занятиях? Насколько далеко простираются ее загребущие пальцы с идеальным маникюром?

— Ты общаешься с ним? Я думала, он живет в изоляции, окруженный призраками прошлого.

— Тебе бы книги писать, — едко усмехнулась Стрельцова; ее усмешка прожгла бы даже металл. — Ставлю все на то, что они бы не продались, даже тираж в три экземпляра себя бы не окупил. Один тебе, другой маме, а третий... Отчего я так убеждена, что Миша бы его не купил?

Пространство в ординаторской сжалось до пульсирующей обиды Элины, которая чувствовала себя пленницей захлопнувшейся мышеловки. Лязг старого железа больно бил ее уставшую душу. А Катерина, в свою очередь, наматывала на кулак железную цепь, изъеденную ржавчиной. Кот и мышка сцепились в углу — и мышка знала, что это ее последний день.

— Мой муж тебя не касается.

— О да, меня он не касается. И слава богу! Он мне никогда не нравился, — вкрадчиво произнесла Катерина и приблизилась к девушке, воздух вокруг которой трещал по швам, делая натужный выдох и вдох, чтобы не взорваться.

— Конечно, все же должны тебе нравиться в первую очередь. Подумай о том, нравишься ли ты кому-нибудь вообще. Или все лебезят перед тобой благодаря трону твоего папочки?

Стрельцова так резко крутанулась, что у Элины закружилась голова. Черный френч указательного пальца Катерины коснулся щеки бывшей подруги. Бывают ли друзья бывшими? Наверное, как и наркоманы — нет. Всегда тянет вернуться к этой дури, наступить заново на те же вековые грабли, поранить себя снова.

— Лучше уж быть принцессой по благу, чем никем, зато при своих принципах, — хохотнула она и надавила на кожу Элины совсем чуть-чуть.

Для нее принципы были не более, чем мелкими камешками на дороге. Есть и есть, пока идти не мешают, пусть будут. А если что — всегда можно переступить через них.

— В общем, подводя итог нашей беседы. Вот, что я хотела тебе сказать, — Катерина отняла палец от лица Элины и показала ей подушечку, всю перепачканную тональным кремом.

Начальница мягко развернулась на черных шпильках, что были не толще шпилек для волос, и прошествовала к выходу. Беззвучно открывшаяся дверь на секунду наполнила комнату шумом битком набитого людьми коридора — и все тут же стихло. Только частое дыхание Элины, которая пыталась задушить, затоптать, убить любым способом слезы.

И в этой битве она тоже проиграла.

***

Но каждый душевный порыв следует проверять разумом.

Джейн Остин «Гордость и предубеждение»

Весенние сумерки обдавали ее хмелем цветущих на каждом углу растений, ноги увязали в тротуаре, как в пене. Все дело в том, что Элина не шла, а плелась, как безногая улитка, взятая в плен своими мыслями.

Домой она вернулась к семи часам в состоянии скисшего месива из эмоций. Миша, с которым в последние дни они наконец-то смогли найти хоть какой-то общий язык, устроил допрос насчет разводов слез на ее лице.

— Это косметика, понимаешь? Чертов толстый слой базы под макияж, разных корректоров и консилеров, основы, пудры... — бормотала она, откладывая в сторону уже десятый ватный диск, строя ватную башенку.

— И? — рывкнул он.

— Если на это все попадет капля воды, закрасить образовавшуюся на лице дырку невозможно, — тараторила она, мечтая, чтобы на город обрушилось цунами и смыло мужа из ванной комнаты.

— Почему ты плакала? Спрашиваю уже в третий раз.

— Порезалась.

Михаил схватил ее за запястье одной руки и повертел его, за второе — руки целые. Мутные от попавшего в них средства для снятия макияжа и слез глаза Элины не бросали вызов твердому взгляду мужа, а просто жалобно просили оставить униженного и проигравшего в покое.

Прохладный ветерок взметнул выбившуюся из конского хвоста прядку, что подействовало отрезвляюще на девушку. А затем он вышел из ванной, и тема была закрыта. Как всегда. Ее муж не был крепостью и могучей стеной между миром и ней самой. Максимум чем он был для нее — хлипким мостиком над бурлящей рекой, то и дело проседающим вниз.

— Эй, привет! — до Элины донесся голос Димы, который уже махал ей с балкона. — Давай быстрее, а то твоя старость дойдет до этой квартиры быстрее. Ну или я умру в пыли и паутине.

— Устала просто.

Девушка пошла быстрее, не забыв достать зеркальце. Пришлось заново наносить макияж, когда позвонил Дима. Макияж для нее как маска, и карнавал никогда не заканчивался.

— Выглядишь неважно. Что-то случилось? — с порога взял ее в оборот мужчина.

— На работе проблемы. А так все хорошо.

Все всегда хорошо, пока не надоедает улыбаться.

— У меня для тебя сюрприз, — загадочно прошептал он и протянул ей черную повязку. — Завяжи глаза. Не парься из-за макияжа, он не имеет значения.

Элина боролась с собой недолго. Ей настолько было плевать, что будет дальше, пусть хоть стукнет ее по голове и потом придушит. Так даже будет предпочтительнее.

Дима смотрел на нее оценивающим взглядом. Если его расчеты правильные, сегодняшний день может здорово поколебать ее душевное равновесие. И ему не надо соблазнять Элину телом или прикасаться к ее. Физика всегда проигрывала химии и в этот раз проигрывает.

— Что это? Это...

— Пицца и кола. Ну еще свечи, — пожал плечами Дима и погасил свет в кухне. — Я тут умираю со скуки. Повеселимся? И в основном — поедим?

Элина села за противоположный край стола с изумленными глазами. Убийство было бы менее удивительным, чем все это.

— Расскажи про свой день, что у тебя произошло, — попросил ее мужчина и начал отрезать пиццу.

Пока она пыталась накрутить на вилку скользкую лапшу лжи о том, что пациенты выпивают из нее все силы, Дима гадал, оказал ли его звонок Стрельцовой нужный эффект. В том, что Катерина (он откровенно тащился от ее имени, ибо все в главном хирурге было сексуальным и властным, но навряд ли бы он отважился покорить такую вершину — можно здорово переломать ноги) выпустила когти и приставила их максимально близко к горлу Элины он был уверен. А всего-то и стоило сказать, что он выбрал общество скромной мышки Элочки, а не опасной тигрицы Катерины.

— Бывает, не бери в голову. Пациенты, коллеги... У всех бывают проблемы на работе.

— Я понимаю. Я не знаю, как сбежать из этого заколдованного круга.

Как ни странно, но кола и сырная пицца оказали расслабляющий эффект лучше массажа и эфирных масел. Всем нам порой нужны не гибкие пальцы массажиста и таблетки,

а всего лишь пицца и общение по душам.

— Начальница у тебя, конечно, зверь. Львица. Дикая, — ухмыльнулся Дима, уверенно нажимая на кнопки на пульте.

— Как бы ей однажды не стать газелью, — не подумав, выпалила Элина, подчиняясь эмоциональному порыву.

Мужчина покрутил пульт в руках и нажал на следующую кнопку.

— Может, проще тебе стать львицей? — Он придвинулся ближе к ней и взял ее руку в свою. — Когда ты разорвешь этот кокон?

— О чем ты? — заикалась она.

А руки-то у него теплые, в то время как у Миши всегда противно ледяные.

— Когда отрастишь ногти и покрасишь их в черный цвет? Когда сделаешь квадратную форму, а не эти милые круглые ноготки телесного цвета? У тебя вообще есть яркая помада? И этот вечный хвост...

Элина отпрянула от него, словно бы он ее ударил. Это он так оскорблял ее, чтобы она сама читала текст между строк?

— Зачем ты так со мной? Да я не самая...

— Дай мне руку.

Дима протянул ей ладонь. Девушка смотрела на нее, как уличная собака, которая не знает, задушит ли ее эта рука или приласкает. Вот до чего мы дошли: стали затравленными животными, не знающими, чего ждать от другого человека — удара или поглаживания по голове.

Робко вложив ладонь в его, она позволила подвести ее к большому зеркалу в ванной. Элина старалась отводить взгляд от неровного рельефа лица, неумело скрытого плотным тональным кремом. Легкие касания туши не сделали из ее ресниц пышных вееров — лишь склеили имевшиеся волосинки. Губы слегла блестели прозрачным блеском, добавляя лишь скуки ее без того нерадостному виду. Румян она избегала.

— Почему ты не сделаешь так? — Дима несильно дернул белую резинку и высвободил каскад белокурых локонов.

Они рассыпались душистым облаком по ее плечам, мгновенно озаряя лицо, танцуя в тандеме с блеском на губах.

— А так? — развернул ее к себе, пользуясь временным замешательством Элины, и провел по губам стиком красной помады.

Элина вздрогнула, точно бы ее хлестали током без перерыва. Мужские руки редко были добры к ней и никогда не заботились о ее красоте.

— Я слышал, что скоро пройдет постановка «Чикаго», — губы Димы оказались на уровне ее шеи. — Приглашаю развеяться, а занятия продолжим позже. Память подождет. Распустишь волосы и воспользуешься красной помадой?

Зная наверняка, что после эмоциональной встряски от Стрельцовой, его ласка была контрастным душем для нее, он лишь увеличивал напор ледяной струи.

— Тебе очень идет. Ты такая красивая, и так упорно прячешь свою красоту. Неправильно.

Нервное волнение достигло пика, и Элина, схватив сумочку, вылетела за дверь. Пуля будет медленнее.

— Лина, ты чего?

— Прости, Дима, я не могу. Я как будто мужу изменяю... — стыдливо прошептала она,

прижимаясь к стене.

— Я тебя даже пальцем не касался.

— Это самое страшное. — Она опустила глаза к пыльному полу. — Это самое страшное... — и след ее простыл, лишь на лестнице слышались торопливые шаги.

Это самое страшное, когда целый день, проведенный с родным мужем, не заставляет в ее душе цвести ароматные поля пышных цветов, а тут всего полчаса и... вся ее душа забросана благоухающими букетами роз и лилий.

Элина брела домой по одинокой улице, мысленно вдыхая аромат цветов и считая себя предательницей. Не всегда измена требует голого тела, порой достаточно и оголенной души, что чувствует уют вдали от дома. Ведь химия всегда побеждает над физикой?

А в самом деле: вот я теперь уж от себя задаю один праздный вопрос: что лучше — дешевое ли счастье или возвышенные страдания? Ну-ка, что лучше?

Ф.М. Достоевский «Записки из подполья»

Паутина невидимых трещин разевает пасть над шестилетним мальчиком. На его голове красуется праздничный колпак, в руках извивается ужом воздушный шарик.

Happy birthday.

Этой мыслью Алекса окутывает багровый рассвет. Его взгляд равнодушными бликами скользит по интерьеру комнаты, залитому алым светом кряхтящего утра. Снег в аду. Так бы он охарактеризовал этот день.

Утро лениво переворачивается с бока на бок, превращая небо в исполосованное кровавое месиво. Портрет его души. Мальчик в колпаке, заточенный в пыльную рамку, отправляется обратно в самый дальний ящик комода. Ящик, в котором он бережно хранил сломанные кости того мальчика, лелеял воспоминания, что плесенью ползали по ним.

Рамка с фото вернулась к детским рисункам, которые он когда-то решил оставить на память. Почему же тогда, много лет назад, когда он был подростком, никто не сказал, что живая память не приносит приятной ностальгии или радости? Она из раза в раз бьет наотмашь по лицу и затягивается дорогой сигарой, получая удовольствие от твоих мучений.

— Редкие моменты лирики, — пробормотал он и, отойдя к окну, зажег сигарету. — Молодость уже не поет и не танцует, а только харкает сажей.

Ему нравилось быть ублюдком, таким богатеньким отморозком. И пусть никто никогда не узнает про труп мальчика, что мирно покоится в этом ящике. Странное свойство человека: чувствуя нескончаемую боль, мы делаем все, чтобы и остальные прочувствовали ее тоже. Делиться деньгами и радостью нам жалко, а вот боли можем отсыпать каждому, не скупясь.

В дверь раздался стук. Должно быть, прислуга. Подготовка к мероприятию.

— Пошли все вон. В дверь не стучать, пока я сам не выйду.

Призрак домработницы упорхнул тенью, которую он даже и не увидел. Он вообще уже давно не видел людей. Когда начинаешь разбираться в людях, хочется выжечь себе зрачки, лишь бы никогда их больше не видеть. Ежедневный цирк уродов.

И он был одним из них. Единственная фотография с дня рождения, когда оба родителя были с ним. Когда они оба тянули его за уши и отсчитывали его не такой уж большой возраст.

— Двадцать восемь, — произнес Алекс, выпуская последнюю затяжку и затушил сигарету о пепельницу.

Больше совместных фото у них не было. Только вечные ссоры, ругань, бросание зеленых купюр в лицо, обвинения в жадности. Они несколько лет делили имущество, каждую пылинку в доме, сам воздух отмеряли по молекулам. За это время единственный сын Саша вырос, но его делить никто не собирался. Он был ничейный.

Быть сиротой при живых родителей, которым просто не до тебя — милейшее чувство в мире. Тогда и он стал так относиться к людям: как к игрушкам, которые в любой момент можно обезглавить и на помойку.

За этими воспоминаниями последовало вскрытие нарыва, очередного гнойного очага.

Тонкий альбом, не пестревший фото, раскрыл свои внутренности перед женщиной. Фотографии в нем располагались через две страницы. Его пальцы слегка касались пустых страниц, болью скользили по ним подушечки пальцев. Это пустота его жизни. Иметь в своем распоряжении лучшие виды этого мира, самую передовую технику, штат прислуги... и не иметь повода запечатлеть и кадры в этой жизни.

Он и не заметил, как за окном перестала сочиться кровь из раненого ночного неба. Утро полностью расправило крылья и запылало огненной прохладой. Еще одно одинокое утро. Еще один день. Утешало только то, что день начался, а значит он обязательно закончится. Алый рассвет сменится густой чернотой, смесью ночи и тьмы, и он позволит себе забыться до следующего кровавого утра, которому не даст свести себя с ума.

Ключ звякнул в двери, выражая свое несогласие с тем, как грубо его засовывают в замочную скважину, оставляя синяки по всему телу, и дверь комнаты Алекса Янга захлопнулась. Комната, в которую он не впускал уборщиц, шлюх, друзей, родственников. Только своих монстров и демонов, что водили там беззвучные хороводы под дым элитных сигарет.

— Мистер Янг, — кивнул ему головой мужчина — организатор праздника. — Подготовка продвигается по плану. Скоро все будет готово.

— Ясно, — безразлично ответил он, ненавидя присутствовать на этих псевдосемейных торжествах.

У бабушки день рождения. Сколько ей исполняется, он не знал. Да и было, мягко говоря, по хрен. Ее он тоже не знал. Неудивительно. Женщина, вырастившая его отца, не может быть лучше самого отца. Вот в такой моральной кунсткамере проходили его будни, а когда он вырывался на свободу, не оставалось ничего, кроме эгоизма, похоти и жестокости к людям.

— И никакой Франкенштейн не остановит творение рук своих, — неожиданно для себя вслух сказал он и двинулся к двери, раскричавшейся трезвоном — кто-то пожаловал. — Димон! Римма, — притворился кавалером Алекс и поцеловал ее руку.

Туманов скривился, не понимая, к чему эти почести. Таких как Римма у них с Алексом каждый день как банкнот в пачке — неизмеримо много.

— Виновница торжества уже здесь? — осведомился Дмитрий.

— Бабка моя? Нет вроде.

— Зачем ты так про родную бабушку? — встряла Римма. — Тем более у нее такой важный праздник.

Глаза Туманова мысленно разрубили ее на части мясницким ножом. Девушка вздрогнула.

— Тебя не спра...

— Римма, можешь пока прогуляться по дому или по саду, — мягко намекнул на ее желательное отсутствие Алекс, и она незамедлительно ретировалась от этих двух чудовищ.

Она знала простую истину: чем галантнее и доброжелательнее принц снаружи, тем страшнее чудовище, которым он в итоге обернется.

— Отвяжись ты от нее, — Алекс дернул друга за рукав и провел к бару. — Чего ты ее третируешь? Коньяк?

— Стопку водки.

Прозрачная жидкость расплескалась в стопке и затем пронеслась огненным драконом по горлу Туманова.

— Я не буду. Сам понимаешь, бухой внучек Саша. Еще двинет кони тут, — усмехнулся он. — Хватит с меня трупов в этом доме.

Бровь Дмитрия приподнялась в вопросе, но друг махнул рукой, не считая бабку и трупы важной темой разговора.

— Риммка достала меня. Как будто я сам влез в петлю, и стул уже выбили из-под ног. Мы всю дорогу до твоего дома ругались из-за ребенка.

— Римма беременна?!

— В этом и причина конфликтов. Мне продолжение рода не нужно. Сейчас точно. От нее точно.

Алекс пожал плечами, не понимая, к чему такие сложности. Туманов явно привязался к этой девчонке, раз не вылезал из петли, а только ныл постоянно. Такая манера поведения была ему не по душе. Надоела или начала многого просить — за шкурку и прямиком на свалку бывших и больше не нужных. Вот проблема-то. Очередь из жадных до молодого миллионера никогда не иссякнет, можно бывших в употреблении и на склад утилизации отправлять.

Время до самого застолья прошло для всех по-разному. Алекс бродил по дому и звенел невидимыми кандалами, распинывал носком ботинка несуществующие осколки прошлого. Дмитрий неустанно сцеплялся с Риммой по любому поводу. К моменту начала Алекс был выжат скукой до предела, от него только душок гниения не исходил, а друг — взвинчен до предела, готовый насадить доставшую его Римму на нож и отправить в рот.

— Я реально готов тебя сожрать, — выплюнул он. — Как и ты поступила с моим мозгом. Ты понимаешь, где мы находимся? Это не место для истерик по поводу ребенка или, бл*ть, еще чего-то!

— Успокойся и не позорь нас, — прошипела она, когда на них стали задерживаться любопытные, длинноносые взгляды окружающих людей.

— Ты всего лишь жалкая баба, и не тебе мне указывать, уяснила? — прошептал он, сдавливая ее запястье. — Вы все, чертовы бабы, грязь под нашими ногами. Достанешь меня — буду топтать своим ботинком другую грязь.

Римма проглотила его оскорбление. Оно встало комом в горле, как горькая таблетка. И сколько не запивай — тянет засунуть два пальца в рот.

Зал огласился шумными приветствиями — и дверь отворилась, впуская пожилую даму в роскошном платье. Туманов, не раздумывая, поспешил подать ей руку.

— Спасибо, Димочка, ты само очарование, — искренне улыбнулась она и приняла его руку.

— Ну что вы, ведь женщины великолепнейшие из созданий!

Все снова заплодировали, а лицо Риммы перекосило, как при смертельном ударе тока. Ее губы спазмом свела ухмылка.

— Урод.

***

По всей вероятности, сердце её было разбито, но это был лишь незначительный и недорогой продукт местного производства.

Ивлин Во «Незабвенная»

Торговый центр дышал легкими сотен людей, перебежавшими от одной витрины к другой, рассчитывавшимися наличными и картой то в одном бутике, то в другом. Девушка сделала шаг с эскалатора, поднимаясь на второй этаж. Прямо по центру ее встретило

радужное кафе, вечно переполненное и смеющееся улыбками десятка потрясающе вкусных мороженых.

— Я хочу шоколадное с орехами! — ее глаза загорелись, набрасываясь со страстью голодного до позитивных эмоций человека, на стойку с мороженым. — Три шарика!

Элина проталкивалась сквозь людскую массу всех фасонов и расцветок к заветной витрине. Муж плелся сзади, неохотно протискиваясь в этом желе из людских тел. Подростки в сумасшедших принтах и кепках, пожилые люди в скромном стиле, официанты, маленькие дети, как пчелы, снующие вокруг сладостей. И все это чтобы купить какое-то мороженое!

Она знала, что он медленно переставляет ноги позади нее и дышит недовольством ей в спину. Мороженое осталось чем-то единственно светлым и прохладным в ее жизни на фоне вечно мрачного мужа и кипящих очагов невысказанных слов и не разразившихся скандалов их семейной жизни.

То ли дело Дима... Распускающий ее густые волосы, постоянно стянутые в тугий хвост, оживляющий ее пухлые губы яркой помадой, которые она всегда раздраженно или даже зло поджимает...

— Ты оглохла, Лина? — снова голос Миши, снова готов растерзать ее за что-то.

Элина очнулась от грез о Диме, и миражи красивой и желанной себя в зеркало его квартиры растаяли, оставляя после себя грязный осадок на стеклянном стакане. Продавец третий раз спрашивал ее, что она будет заказывать.

— Простите, ради бога. Шоколадное, с орехами, три шарика. — Она развернулась к мужу, который уже заглядывал под блузку молоденькой девушки, сидящей с подругой напротив. — А ты не мог сделать за меня заказ? Я же сказала, что хочу.

— Тебе надо, ты и заказывай, — донесся ответ откуда-то издалека. Пытаться представить очертания груди этой рыжей было куда более интересным занятием. — В каких облаках ты витаешь, Лина?

Она молча забрала свое мороженое и двинулась дальше, не чувствуя такого желанного таяния шоколада во рту. Только холод и зубы сводит. Еще орехи колют десны. Вот во что любимый муж превращал даже самые мелкие радости в ее жизни.

Мысли о Диме были тем самым шоколадным ликером, что растекался по языку, играл с ним, дразнил, бросал вызов его скучной повседневности плоских утех. Он был острым, пряным, опьяняющим, дерзким. Она поняла, что уже точно изменила мужу — когда ее душа сделала ставку не на человека, с которым прожила несколько лет.

— О господи, какая ужасная жилетка, — воскликнула она, проходя мимо витрины с распродажей зимней одежды.

— Ну да, — Михаил всмотрелся в ценник, — восемьдесят тысяч.

— Не в этом дело! В такую сумму какая-то фифа оценит жизнь, возможно, не одного животного.

Вздых, которым наградила ее муж, был красноречивее слов. Настолько, что ее мороженое скисло, а орешки на нем почернили. Сам воздух, что он выдохнул, был пропитан презрением к ней.

— Твое презрение отравляет воздух, — прошептала Элина и зашагала дальше, уже ненавидя мороженое в своих руках.

Дошла до ближайшей урны и бросила его туда. Безжалостно. Метко. Словно бы навсегда выкинула доконавший вконец порядок вещей. Жаль, что зачастую мы способны выкинуть только вещи, а не остывшие чувства, стершиеся печати в паспорте, более не ценящих нас

людей из своей жизни.

— Давай не будем ссориться. Ты же хотела провести этот день мирно, как семья.

— Твои слова звучат до неприличия смешно. Сам не слышишь? — Элина крутанулась в его сторону и впиалась взглядом в лицо мужа, которое уже забыло о ней и выискивало новых красивых жертв в толпе. — Да тебе плевать на меня, на мир, на нашу якобы семью. Просто надо иногда делать вид, что у тебя есть жена и ты о ней заботишься. Как будто цветок, что стоит на подоконнике месяца и всем плевать на него, а в один момент понимаешь: надо бы разок полить. Все равно не получается — и ты льешь на него не воду, а яд.

— Только не начинай, я тебя умоляю. Давай устроим дома очередную баталию номер сто тысяч какая-то там. Или хотя бы зайдём в кафе, тут все так и ждут концерта твоей истерики.

Он затащил ее в ближайший ресторан японской кухни. Пришлось заказывать суши, хотя она их не любила. Еще один минус в анкету, как хорошо вы знаете свою жену, с которой спите в одной постели и завтракаете на одной кухне.

— Зеленый чай, — на автомате ответила Элина, когда официантка спрашивала про напитки.

Ее осенило. Это ведь были все их точки соприкосновения! Общая кровать, в которой редко что-то происходило, кроме короткого перед сменой в больнице сна или мучительной после тяжелого трудового дня бессонницы, и кухня, являвшаяся больше кафе с самообслуживанием: пришел, взял, съел, ушел.

— Никаких баталий. Я всего лишь высказала свое мнение о том, что ношение на себе трупов — ужасно. Что натуральный мех, что кожа. Тошнотворно видеть зимой этих медведей на улицах. А все ради чего? Ради понтов и желания погладить свое тщеславное эго по загривку.

— Боже мой! Лина! Ты когда-нибудь берешь перерыв? Несгибаемая мораль про натуральный мех, кожу, мясо. Возьми выходной, прошу тебя.

— Если все будут брать выходной и закрывать глаза на варварство в виде натуральных шуб и кожаных вещей в двадцать первом веке, в двадцать втором, вполне вероятно, человек будет ошкуривать живьем человека.

— Что за...

— Потому что животных не останется! С кого тогда вживую будут срывать кожу?

В этот момент к столику подошел официант с подносом и сделал (правда, не очень умело) вид, что его не удивили слова посетительницы.

— Люди всегда на тебя так смотрят: как на психопатку. То в очереди ты начнешь говорить, какая у впереди стоящей женщины страшная шуба и сколько боли в ней заточено. То в ресторане за едой. Сама, между прочим, мясо ешь, — думал, что смог осадить ее муж.

— Я ем только курицу, и то редко. В основном питаюсь полуфабрикатами и сосисками. А в них мяса даже на один процент не хватит. Моя совесть спит и не сопит.

Миша уплетал суши, не обращая внимания на то, что жена мелкими глотками цедит зеленый чай и не притрагивается к еде. Он не помнил, чтобы даже в начале их знакомства его интересовали ее желания и предпочтения. Есть Элина рядом и есть, у них как бы семья, все прилично, все как надо. Разве так важно знать, какие цветы она любит и какую еду бы выбрала в ресторане?

Штамп в паспорте не означает, что мужчина непременно захочет узнать вкусы женщины, на которой женился. Это значит только одно: он приложил все усилия, чтобы

этого не сделали другие мужчины.

— Курица не живая, по-твоему?

— Ее, как и других домашних животных, вывели специально для пропитания. А норку создала природа, и не для того, чтобы женщины себя уродовали грузными шубами.

— Давай закончим с этой чушью, Элина, — в интонации мужа заплясали нестройным шагом нотки нетерпения.

— Конечно, давай. Что бы я не сказала — это всегда чушь. Неизменная константа наших отношений. Я твоя жена! Ты хоть когда-нибудь будешь на моей стороне?! — отчаянно, горько, в сердцах крикнула она, не имея больше сил в копилке женской мудрости, чтобы сносить его отношение к себе.

— Этот.... - мужчина осекся, в сомнениях насчет продолжения фразы, — факт не делает тебя всегда правой.

— Этот удручающий тебя факт, да? — правильно поняла его заминку Элину. Слишком много таких заминок бывало в их общении — уже целая пустота образовалась.

— Я этого не говорил.

Пришлось украсть у беспощадного времени пару секунд, чтобы отдышаться, встречаясь с его безудержной наглостью.

— А тебе и не надо. За несколько лет жизни, нет, выживания с тобой, я эволюционировала в проницательную серую мышку с дипломом по психологии. Ты научился оскорблять меня завуалированно, чтобы никто не мог обвинить тебя в недостойном поведении напрямую. Чтобы я не могла пожаловаться маме или подруге! Что я скажу? Ну... Миша... вроде и не сказал ничего плохого... но мне показалось.

— Что за ерунда? — осклабился он; фитиль его самообладание уже догорал.

— Самая настоящая правда! Ты теперь редко крепко выражаешься обо мне в моем присутствии. Зато какой красочной стала твоя интонация, красноречивыми твои вздохи и взгляды. Актер!

Девушка отодвинула от себя чашку с чаем. Наполовину пустая или наполовину полная. Так и с ее жизнью. Была ли ее жизнь наполовину пустой из-за неудачного союза с мужчиной, который выбрал ее вместо предмета интерьера, дав роль мебели, или наполовину полной, раз она имела хоть что-то? Пусть это были сплошь унижение и обиды. Порой иметь ничто лучше, чем страдать от чего-то.

— Интересно, каково женщине чувствовать себя за своим мужчиной как за каменной стеной? — откровения сами лились из ее рта, спрыгивали без парашюта с языка и неслись головой вниз в самую пропасть. — Для меня это выражение уже стало книжным. Знаешь, что-то вроде десяти оргазмов за ночь, о которых пишут в романах. Враки. Ложь. Не верю, что такое бывает!

— Интересно, каково мужчине жить с... — и снова продолжение повисло в воздухе и отпустило канат, срываясь в бездну молчания.

— С красивой женщиной? Тебе-то откуда знать? Приютил страхолудину, теперь мучаешься!

— Ну так чего ты сама не уйдешь, а только горло срываешь на меня?!

Их конфликт уже затопил своей вибрирующей яростью весь ресторан. В глазах Элины дрожали слезы.

— Мне не хватает смелости любить себя. Не хватает мужества полюбить себя снова. И ты знаешь это. А тебе хватает душевной низменности втаптывать меня в грязь. Вот он секрет

нашего идеального брака. Формула счастья. Только почему же никто из нас не счастлив?

Ее риторический вопрос слился с воздухом, найдя в нем компанию из многих других вопросов, что навсегда останутся без ответов.

***

В жизни каждого человека наступает время, когда он должен стряхнуть, сбросить с себя страдание, словно забрызганный грязью плащ.

Ирвинг Стоун «Жажда жизни»

Ночная смена скоро наступит и похоронит ее на некоторое время в стенах этой больницы. Пока еще здесь ходили люди, последние крупинки уходящего дня. Врачи, чей рабочий день закончился, снимали халаты, что готовы были выть от усталости. Усталости видеть ежедневную боль, впитывать в себя безнадежность и страдания.

Элина зашла в подсобку и бросила невидящий взгляд в маленькое зеркальце на стене. А у нее форма медсестры, которая ощущалась унижением. Словно уборщица вместо бизнесвумен.

— Привет, друзья, — наигранно весело поздоровалась она с коробкой шприцев и вытащила их.

Полюби себя — и окружающие полюбят тебя тоже. Она прочувствовала это каждым миллиметром кожи, каждым ее кусочком, каждым редким волоском и каждой порой. Люби себя и другие полюбят. Но почему всегда обязательно должны быть условия? Даже, чтобы тебя любили.

— Может, я не хочу? Или не могу? — бубнила себе под нос Элина, копаясь в складированных вещах, выискивая нужное. — Или мне трудно. А никто не хочет помочь.

Она старалась любить себя, но уродливая голова комплексов из раза в раз затмевала ее собственную. Просто люби себя, ведь ты такой один! У тебя одного такой набор достоинств, и только у тебя уникальный, только твой набор недостатков и уродств. Уродство и красота — выбирать не приходится, все наше. Остается только полюбить.

— Что, Стриженова уже сама с собой говоришь? Я знала, что ты к этому придешь, — внезапно страшная голова ее комплексов стала головой с фирменными алыми губами и стальным блеском глаз.

— А я, Катя, никогда не знала, что ты станешь такой стервой. Что ревность и зависть сделали с тобой? Да они же изуродовали красивую девушку!

— Это ты мне будешь говорить про уродство и красоту? — фыркнула Стрельцова.

Она собиралась уходить, но встреча с Элиной, похоже, немного сдвинет планы в ее ежедневнике.

— Это какой-то невыносимый бесконечный сериал о самоубийстве, — вздохнула Элина и обхватила голову руками. — Мы ругаемся почти каждый день. К чему это?

— Я с тобой не ругаюсь. Много чести.

Дежавю. Карусель по кругу. Она слышит эти слова без перерыва на рекламную паузу. От Миши, от Катерины, от себя самой...

— Тогда удачного вечера, мисс начальница, — вырвалось у Элины, и она сдавила коробку со шприцами.

— И тебе того же, — раскатистый смех Катерины паучьими лапками пробежался по больничным стенам и вернулся к хозяйке в рот; неизменно алые губы закрылись. — Вам того же, — кивнула на коробку в руках.

— Постой! Ты не знаешь... главврач еще здесь?

— Вроде был у себя, когда я уходила. Тебе он зачем?

— Отпроситься хотела, — отчиталась перед ней Элина, ненавидя себя за это.

Все равно ведь узнает... Какая разница, когда секреты станут явью, если Штирлица все равно будут пытаться до победного?

Катерина повела плечом, и уверенный цокот ее каблуков, вторя смеху, затих у выхода из клиники. Элина достала телефон и набрала Диму.

— Я согласна.

— Здорово! Я...

— Прости, мне некогда, надо идти.

Она боялась говорить с ним долго. Это словно долго смотреть на яркий свет — перед глазами начинают плавать цветные пятна.

— Элина, подожди секунду! Я выполнял упражнения, которые ты мне показала. Выучил стих наизусть.

— Ты молодец, — без энтузиазма ответила она, направляясь к кабинету главврача.

— Я тебе зачитаю начало. Слушай. — Мужчина откашлялся и начал читать по памяти. — Загадай меня... Хочу сегодня сбыться... Самым главным... Всем, чем ты захочешь... Летней нежностью, запутавшись в ресницах. Я тебя целую этой ночью.

— Хватит! — неожиданно грубо перебила его девушка; дыхание полыхало удушьем у нее в легких. — Где ты взял это?

— В сети. Ну ладно, созвонимся, Эля.

Голос Димы замолк, и она снова могла дышать. Элина провела языком по губам, чувствуя себя развратницей. Сладко. Слово было этот поцелуй...

— Извините, пожалуйста, — заглянула в кабинет начальства.

— Эля, проходи, — главврач уже был почти у дверей. — Что-то важное хотела?

— Взять за свой счет пятницу, если можно.

— Важное событие? — улыбнулся он.

— Хочу сходить на мюзикл, так давно не была, — смутилась Элина.

— Отпускаю тебя. Развейся.

Она тихонько закрыла за собой дверь и, выдохнув, подняла взгляд на дверную табличку.
Стрельцов В.Н.

...Да умный человек не может быть не плутом...

«Горе от ума» Грибоедов А.С.

Зима расстилалась белым ковром кристального снега, искрящегося от каждого ласкового прикосновения солнца. Природа дышала изморозью и плевалась снежинками из своих промерзших насквозь легких.

— Зимние курорты мне нравятся больше, — пар дыхания Туманова на миг выпорхнул белокрылой птицей и слился с воздухом. — От солнца и пляжей уже тошнит. Да, Риммка?

— Наверное.

— Плохое настроение?

Она подняла уставший взгляд к небу. Серый небосвод свисал над ними недовольной дряблой кожей старческого лица. Мутная погода, холод, эти толстенные спортивные вещи, лыжи, на которых она не умела и не хотела уметь кататься.

— Под стать погоде, — буркнула девушка, распиная очередные сугробы снега.

— Да ты всегда как скисшее пирожное. С виду все еще симпатичная, но уже веет душком...

— Видимо, кондитер такой заботливый, — скривилась Римма и, демонстративно оттолкнув его, прошла вперед, с еще большей злостью пиная снег.

В этом сыпучем, хрустящем под подошвами снеге она видела россыпь дурных поступков Туманова, его гнусность, которую выливал ушатом только на нее и только при закрытых дверях. Наступила на очередной сугроб со всей силы, буквально вдавливая ботинок в землю. Это его лицо. А это, вторая нога расплющила сугроб, его самомнение.

— Эй, ну ты как? — ее догнала Алиса, подруга Алекса.

— Скисшее пирожное?

Глаза подруги, выглядывающие из-под высокого ворота куртки, сообщили ей об ее удивлении.

— Выгляжу хорошо, но от меня уже начинает вонять.

— Это он опять придумал? Я не могу сказать этого при Алексе, но, — голос Алисы упал до температуры этого курорта, — твой Дима тот еще придурок. Алекс вечно его защищает.

— Будто твой Алекс не такой, — обиженно фыркнула Римма.

Он придурок. Урод. Гад последний. Но все это было ее, и она уверяла себя, что любит все оттенки его сволочности.

— Алекс? — девушка задумалась. — Да, он такой же. По пьяне, бывает, заводит какие-то idiotские тирады насчет ценности семьи и ее обесцененном статусе, о разводах, о том, какие люди, пардон, суки и так далее. Такое ощущение, что его уже бросали. Только нигде еще не было статьи о его разводе или болезненном расставании.

— А тебя он обижает? — Римма понимала, что этот вопрос сравнял ее достоинство с червями, что живут под землей, но больно уж хотелось уколоть себя этой толстой иглой и выпустить каплю крови.

С кровью выйдет злость — и станет легче. Надо надавить на мозоль, закрыть глаза и ждать, когда отпустит.

— Нет, — пожалала плечами Алиса. — Зачем ему меня обижать? Я его никак не стесняю. Пусть он делает что хочет: читает лекции о ценности института семьи, спит со шлюхами,

дебоширит в ресторанах... Если бы я его любила, я бы хотела расспросить подробнее о его прошлом, вникнуть глубже в его рассуждения о жизни. Но мы просто спим — все на поверхности.

— Я хочу узнать больше о Диме, о его мыслях и намерениях. Как-то раз, когда он вернулся после гулянки с Алексом, я спросила его, почему он со мной не гуляет, редко зовет меня в ресторан или театр. Да хоть бы посидеть в парке!

— И он что ответил?

— Он сказал, что с телкой, которая дала ему на первом свидании, на второе он уже не пойдет. Другое дело с девушкой...

Снег падал черным пеплом, засыпая поле боя в ее душе. Мечи брошены, щиты погнуты, самообладание повержено.

— Ну-у, подруга... Ты либо даешь мужику на первом свидании, либо даешь себе надежды на светлое будущее. Не бывает так, что ты и шлюха, и монахиня одновременно. Придется выбрать личину в итоге.

— А сама-то! — сердито выкрикнула Римма и остановилась, сверля Алису ядовитым взглядом.

— А что я? Уже сказала: мы просто спим. Я себе одежду по размеру выбрала и не обмываю никого, себя в том числе. А ты пытаешься уместить свою задницу на двух стульях: и в его сердце, и в кошельке. Выбери уже, где тебе удобнее. Если все-таки в первом, то ищи другое сердце. В этом ты не нужна.

— Да идите вы все! — крик Риммы эхом облетел их городок и близлежащие горы.

— Что случилось? — Дмитрий оторвался от мужской компании и взгляделся в Римму издалека.

— Сам неси эти чертовы лыжи! Ненавижу!

Истерика побежала вслед за хозяйкой, покатила слезами по щекам, протестуяще закричала альпийским снегом под ее ботинками. Ведь люди отдают так много денег, чтобы по нему пройти, но тем не менее каждый их шаг по такому дорогому снегу может сопровождаться слезами.

В стенах их уютного домика, запорошенного снегом, она почувствовала себя лучше. Дорогие курорты мира, пусть ее и брали не во все путешествия, абсолютный достаток, статус. А был ли этот статус?..

Завитки огня в камине отплясывали сложные па перед ней, опалая руки своим жаром. Римма видела в них психоделические картины, размазанные по холсту чёрные кляксы. Их отношения. Любовь. Верность. Фальшь их совместной жизни. Права Алиса. Ставя на себя шприх-код, женщины часто забывают, что его нельзя сорвать с кожи в любой момент, как наклейку с банана. Если уж продаешься, то не кричи от обиды. Он покрыл и эти расходы — обиды, страдания, требования.

— Что это было, мать твою? Совсем взбесилась? Я уже боюсь к тебе подходить — вдруг укусишь. — Туманов зашел внутрь, стряхивая с себя снег.

На его лице бенгальскими огнями прыгала улыбка, от одного уголка губ до другого. Такой счастливый: и не очень-то важно, есть она рядом или нет. А она с ним чахнет и тускнеет, как столовое серебро, которое никогда не протирают и не выставляют на праздничный стол.

Женщина — отражение любви мужчины. Или его безразличия.

— Все хорошо, прости, — в который раз сдалась она, дрожащей рукой поднимая белый

флаг. Изорван в клочья, выцвел, покрылся пятнами, но все еще белый.

— Мы с парнями в баню, — для галочки сообщил он, быстро собирая необходимые вещи. — Не скучай.

— Чего мне скучать? Ты всего лишь привез меня как пыльную вазу сюда. Я тебе к черту не нужна.

— Вот видишь, ты все понимаешь.

Римма задохнулась, в очередной раз поражаясь глубине его отвратительного характера.

— Как скажешь. Я тоже прогуляюсь по местному бару. Надеюсь, австрийские мужики не такие бесчувственные, как ты.

Девушка резко встала с кресла, и огоньки рассыпались в ее глазах калейдоскопом. Рука Дмитрия перехватила ее запястье и притянула к его мощному торсу.

— Риммуля, — обманчиво тихий голос пощекотал ее за ушком, — не дури, ведь пожалеешь потом.

— Уже жалею, — ей казалось, что она крикнула это громко и гордо, но на деле ее голос лишь еле слышно прожужжал над его ухом.

Туманов отпустил ее, немного более небрежно, чем хотел, и продолжил одеваться.

— Какая же ты бедная! Все вы, телки, бедные и несчастные. Мечтаете о любви и принцах, становитесь феминистками и идете на марши. А что на деле? — Улыбка, ставшая оскалом, была направлена на нее. — Где ваши независимость и крутость? Какого хрена вы все ищете кошелек, чтобы на него запрыгнуть и тянуть бабки до конца жизни? Я не против нашего сотрудничества: я тебя трахаю, ты сидишь на моей шее. Обменялись важными частями тела. Что еще ты хочешь?

Ее ответом было не поднимающее взгляда молчание.

— Вранье это, что женщин интересует сердце мужчины, ну или его член. Шея — вот, что вас волнует. Вы сначала проверяете, насколько крепкая у него шея, чтобы удобно разместиться на ней и свесить ноги. За толстую шею вы стерпите и черствое сердце, и маленький член.

Этими словами он поставил точку в сегодняшнем разговоре между ними. Так было всегда: точку ставил он. Стирал ее вечные запятые и знаки вопроса. У Дмитрия Туманова не было неопределенности в жизни.

— Твои друзья знают, какой ты урод? — Лицо Риммы было изрезано морщинами отвращения к нему. — Или ты такой только дома?

— Милая, я же умный человек. Конечно, я такой только дома.

— Знаешь, Димочка, у меня тоже есть некоторые наблюдения из мужской психологии.

— Поделись.

— Мужики становятся тиранами и деспотами дома, только со своими близкими потому, что не хватает смелости быть такими на виду у публики. Домашнее насилие — проявление слабости и лицемерия, но никак не силы. Ты жалкий слабак, Туманов. — Он открыл рот, приготовив разнос века, но она не дала ему выиграть этот бой. — Например, Алекс. Я еще ни разу не слышала от Алиски жалоб, о том, что он ее обижает. Хотя в газетах и журналах постоянно появляются новости о его хамстве, пьяных инцидентах, разборках и прочем. Но он не вымещает свое скотство на ней, раз уж сам впустил ее в свою постель. Ты вечно светлый, гладкий, прилизанный во всех статьях. Ангел Дмитрий Туманов. Хоть прямо сейчас памятник возводи. Знали бы они все, какой ты урод, когда закрываются двери нашего дома. И открывается дверь в тайную комнату твоей жалкой душонки. Слабак!

У нее кончилось дыхание, когда последнее слово прыгнуло с трамплина в бассейн с акулами. Столько силы у нее никогда не было. Если он плевал в нее, она подставляла правую щеку, но не плевала в ответ. Пришло время научиться стоять за себя.

— Грамотно построенный имидж. Рукоплещу, — не унималась Римма, пока он еще не пришел в себя и не взял в руки топор.

В дверь постучали и заглянули друзья во главе с Алексом. Дмитрий неподвижно стоял в центре комнаты и выпускал взглядом радиацию. На него злобно пялилась Римма, уперев руки в бока. Застывшая кинолента ожила, когда Туманов подхватил сумку и двинулся к двери.

— Мы не закончили, — его слова пулями пронзили ее тело.

— Я закончила, — улыбнулась Римма и, подтолкнув его к выходу, закрыла дверь.

Великолепное чувство победы. Несущее горечь осознания его реванша, когда она не сможет быть сильнее.

Но хоть раз. Пусть даже он будет единственным. Довольная, Римма подкинула дров в камин, и уселась в кресло. Огонь принял форму чувственного вальса, и она закрыла глаза.

***

Чем примитивнее человек, тем более высокого он о себе мнения.

Э. М. Ремарк «Возлюби ближнего своего»

Алый шелк нежными вспышками страсти разрезал сырой полумрак московских улиц. Никогда еще эти улицы, просыпанные камешками по земле, не были так чарующе красивы, не завораживали своими прозрачными глазами, а после дождя никогда еще так легко не дышалось.

Запретная страсть. Наперекор всем устоям и вопреки собственной совести. Духота тут же нахлынула обратно в подворотни и щелки, залезла в каждую дыру и выбоину на дороге, сметая свежесть дождя тонкой ручкой.

— Тебе понравился мюзикл? — мужской голос тихим эхом ступил в безмолвный танец.

Элина молчала. Честный ответ казался ей предательством мужа, но тот факт, что она кружилась по уже почти ночной улочке за руку с чужим мужчиной, делал явным обстоятельством ее измены. Она следила за тем, как платье воздушным потоком следует за ней по пятам, и видела в его темно-красном окрасе кровь, что сочилась из спины Миши. После удара ее ножа.

— Да. А вот это мне уже не так нравится, — вздохнула она, и ее ладонь выскользнула из ладони Димы.

— Почему же? Искусство — это прекрасно! Ты сама сегодня, как лучшая постановка пьесы о женщине.

Румянец бутоном розы робко пробился на щеках Элины, невзирая на количество макияжа. Он говорил так сладко и так верно давил на все эрогенные точки ее души, словно был мастером со стажем. Но ей не хотелось так думать, даже допускать мысль о том, что сладостные речи этого мужчины оборвали лепестки не с одного цветка. Что если у него хранятся целые засохшие букеты таких как она?

Она чувствовала себя героиней романтического французского спектакля, итальянской драмы... Скинуть бы лодочки и пошлепать босиком по теплему влажному асфальту! А потом напороться на шипящие угли, когда дойдет до дома.

— Лина, — Дмитрий развернул ее к себе, опалая кожу плеч касаниями, — мы ничего предосудительного не делаем. Ни единого движения или даже разговора. Ты ведь можешь

завести себе друга?

Девушка неуверенно кивнула. Дружба между мужчиной и женщиной всегда казалась ей ускользящим солнечным зайчиком. С ней либо спали, либо ее терпели. Первое было правдой в ее жизни, пока еще не наступил тот роковой день. Второе стало данностью после замужества.

— Да, я могу, — больше убеждала себя она. — Между нами нет ничего серьезного.

— И быть не может.

Обманчивое успокоение, словно лед, приложенный к ожогу, утешил Элину. Временное успокоение, а ожог-то пылает. Миша до того загнал ее в клетку, выдрессировал своим безразличием, что она стала думать, будто обязана ему хотя бы за то, что он чувствует это самое безразличие. Когда женщина не нужна мужчине, она готова благодарить его даже за безразличие — тоже чувства.

Дмитрий взял ее за руку, заклеивая изолентой рот писклявому голосу, говорившему, что ему нравится держать ее за руку. И гулять по влажным, машущим носовым платком уходящей весне улицам Москвы. Такие простые радости, а в душе ощущение пустоты, будто не было в его жизни пахнущего цветами дождя, щекочущего пятки даже через обувь влажного асфальта и женской ладони в руке, которая бы приносила столько умиротворения. Не было в его жизни ничего настоящего.

— Между нами ничего серьезного, — снова повторила Элина, — но все кажется серьезным до жути.

— Тебе кажется, — усмехнулся мужчина. — Не переживай.

На миг его уколола совесть, давно взявшая пожизненный отпуск, когда он еще был в утробе матери. Элина явно себя накручивала, как перед походом к врачу: «Это будет не больно, совсем нет, ну если только чуть-чуть.... Нет, я умру от боли!» И она точно знала, что верный ответ где-то в конце цепочки. А он говорил ей, ничего не подозревающей, попавшейся на крючок рыбки, правду. Ничего серьезного.

— Зайдем в кафе? — невинный вопрос вытянул его из болота мыслей.

— Ага. Самое то выпить холодного сока.

Может быть, удастся затащить ее в постель. Опять же, он не мог применить к ней стандартную схему. Рыбка была диковинной. Возможно, они сходят еще на парочку свиданий. Но он уже знал, что случится наверняка: рано или поздно он оставит ее на далекой затертой странице этого альбома забытых фотографий памяти.

— На работе в последние дни кавардак творится. — Элина что-то говорит, но он не может сконцентрироваться на ее словах. — Моя напарница разбила коробку с дорогим лекарством. Это такие огромные деньги! — Перед глазами стояли розы и это слово «Достоевский». Какое же отношение имеет к нему фамилия великого классика? И почему это должно его вообще волновать? Память копошилась своими грязными руками в его нейронных соединениях, однако никак не получалось вытянуть эту ниточку. — Господи, она никогда не...

— Я не хочу, чтобы не было никогда, — выпалил Дмитрий, которого уже укачало от каруселей мыслей.

— Ты о чем? О Тамарке? Надеюсь, найдет деньги...

Какого-то неведомого черта жизнь привела его сюда, в это кафе, к этой женщине, от которой исходят флюиды горечи, хотя она была невероятно мила и притягательна своей собственной привлекательностью. Жизненные пути сходятся и расходятся по не известному

никому расписанию, может, стоит иногда не задаваться вопросом "Почему?", а просто брать от жизни все, что ты сможешь унести?

Элина снова открыла рот, собираясь рассказать очередную больничную байку, чтобы заполнить неловкую паузу его молчания. Губы мужчины накрыли ее в пугающем даже его самого поцелуе. Девушка громко вдохнула, сжимая руки в кулаки от неожиданности и желая сопротивляться. Но ее сопротивления хватило лишь на то, чтобы углубить поцелуй.

— Ты... — светлая прядь упала на ее пылающее стыдом лицо, — ты... Невозможно...

Грудная клетка Элины вздымалась и опускалась. Ее душили слезы обиды и не оттого, что она позволила чужому мужчине поцеловать себя, а потому, что хотела позволять и впредь.

— Господи... боже мой... Это конец.

— Почему не начало? — осторожно спросил Дмитрий, ощущая карамельный запах ее помады на своих губах. Он, по всей видимости, извращенец, но впервые запах женской помады после поцелуя не захотелось стереть с губ. — Почему все хорошее, что с тобой случается, ты считаешь концом?

Девушка закрыла лицо руками, мечтая стать чашкой с остатками кофе в руках официантки, чтобы ее вымыли сейчас с гелем и очистили от дурных мыслей. Или... повторить это снова. Порой грехи приводят не в ад, а как раз-таки в рай.

— Как же мой муж? Вдруг кто-то видел нас? — со страхом спросила Элина и даже побоялась оглянуться.

И зачем он это сделал? А почему бы и нет? Захотел поцеловать и поцеловал. Со своим мужем пусть сама разбирается.

— Никого тут нет, — ответил он, и ей померещилось колебание в его голосе.

Паранойя. Отлепив руки от лица, мужественно встречаясь со взглядом Димы, в котором не было и толики волнения от поцелуя с замужней женщиной, будто адюльтер был для него в порядке вещей, она задержала взгляд на свежем маникюре. Роковое ало-черное омбре. Пальцы коснулись упругих локонов. Эластичные блестящие волосы в красивой укладке. Слегка коснулась языком нижней губы изнутри. Поцелуй, каких у нее не было никогда в жизни. Миша сам толкнул ее в объятия другого человека.

Изменяющая женщина подобно путнику в пустыне. Если воды с собой нет, приходится пить то, что есть. Если нет любви у мужа, приходится искать ее в другом мужчине.

— Какие люди не на работе! — голос, который она никак не ожидала услышать, буквально выбил из-под нее стул. — Так вот зачем тебе понадобился отгул.

— Здравствуй, Катя, — пробормотала Элина, уже догорая окончательно от стыда. Скоро на столе задымятся черенки.

— Катерина Владимировна, — с напором произнесла та. — Прошу вас соблюдать субординацию, ибо я не перестала быть вашим начальником, даже если на мне такое шикарное платье.

Глаза Элины виновато и несколько воровато пробежались легкой завистью по кружевному черному платью-футляру, отлично сочетающемуся с отливающим тьмой каре и, как обычно, броскому макияжу, на грани дерзкой сексуальности и строгости. Ее восхищение самой собой резко померкло, потускнело, слилось с пылью на каблуках Стрельцовой.

— Да, Катерина Владимировна, извините, — ее унижение плескалось под ногами начальницы, как ненароком разлитый чай, по которому королева сейчас безжалостно пройдет своими головокружительными шпильками.

— У Элины платье сегодня тоже волшебное, не находите, Катерина Владимировна? — сам не понимая зачем, встрял Дмитрий. — Ей до одури идет темно-красный.

Глаза Стрельцовой превратились в щелки, в которых клубился мрак негодования. Она бы разорвала его на части и, полив острым соусом, съела по кусочку. Да вот нельзя. Элину же его слова еще больше вогнали в яму стеснения, она была готова посыпать голову землей и помереть, лишь бы все это закончилось.

— Идет, согласен, милый? — Катерина повернулась к своему спутнику, но ее руки била мелкая дрожь от желания впиться в лицо Дмитрия ногтями и затем поцеловать.

Кавалер слегка качнул головой, искренне сочувствуя блондинке, которая была не так уж и плоха, но в то же время не имея намерений потратить вечер в пустую, когда эта фурия развернется и уйдет. Не зря же он поменял постельное белье.

Дмитрий про себя проклинал свои тупость, идиотизм, недалёковидность. И нет, не за то, что общался с Катериной накануне, когда она звала его на мюзикл, а он отказался, предварительно выпытав у нее любимое летнее кафе. А за то, что дал слабинку с Элиной. В противном случае ему бы не было ее жалко.

— Выпьем чай в другом кафе, дорогой. Здесь слишком людно, — рассмеялась Стрельцова, заплывывая бывшую подругу взглядом, и походкой от бедра направилась к выходу.

— Она всегда такая сучка? Когда-нибудь берет выходной? — спросил Дима, действительно находясь в шоке от этой женщины.

Сколько раз он с ней уже сталкивался, а она не прекращает проявлять силу и эффектно выглядеть. Мужчина про себя алчно оскалился. Дико жаль, что он сейчас не в том положении, чтобы присмирить пантеру, сломать ее стержень, продавить под себя. И дело не в сексе. Уложить в постель можно и самую ярую из стерв и феминисток, а заставить склонить голову... тут нужно мастерство истинного ублюдка. Без денег и памяти, в полупустой квартирке с чаем и баранками на обед он не чувствовал себя готовым к покорению слишком высокой и острой скалы, зато на холмик — он посмотрел на все еще бледную и трясущуюся Элину — его сил хватит.

— Все хорошо? — снова обратился к ней и взял ее ледяные пальцы в свои. — Лина, посмотри на меня. Мне за тебя страшно.

— Мне тоже страшно за себя. Дима.... прости меня.

— За что?

— За то, что это наша последняя встреча.

— Успокойся, Элина. Все хорошо. Твоей начальнице не мешает пройти курс успокоительных внутривенно.

— Не в ней дело. Во мне. Если кто-то изменяет своей второй половинке, линчевать нужно его в первую очередь. Если кто-то терпит унижения, нужно продолжать вытирать об него ноги. Каждый сам выбирает, кем ему быть: личностью или тенью этого слова. Я тень.

— Лина...

— Прекрати. Я не буду ничего слушать.

Элина попыталась открыть ридикюль, чтобы заплатить за свой скромный ужин, но руки напоминали ей намокший картон — вообще не двигались вслед за сигналами мозга. Она вернется к мужу и забудет это алое платье и распущенные волосы. Он продолжит стирать подошву своей обуви об нее — и хорошо, так привычнее. Она придет утром на работу, и начальница продолжит макать ее головой в нечистоты — и правильно, так тоже привычнее.

— Ладно, хорошо. Пусть будет по-твоему. Но ты можешь мне оказать самую последнюю услугу?

— Да, — ответила девушка и замолчала.

— Тебя это несколько удивит...

— Говори уже.

— Можешь еще раз сходить в полицию? К начальнику следствия.

Он сомневался, нужно ли ему это делать. Может, оставить ее в покое? Но кто, если не она? Стрельцова точно не будет бегать по его поручениям, причем, не самым безопасным.

— Зачем? Мне ясно объяснили, что ничем помочь не смогут, и вообще мне лучше не появляться с подобными вопросами.

— Просто передай это начальнику следствия и все. Он поймет. Скажешь, что от меня, и уйдешь, — протянул ей конверт.

— Что там?

— Письмо от меня, — нагло сорвал он.

— Ладно. Но почему бы самому это не сделать?

Где-то внутри ее кусал червячок (если не огромный слизень) сомнений, все, связанное с этим мужчиной казалось вывернутым наизнанку, неправильным, ложным. Он вселял в нее лишь недоверие крайней степени.

— Сама же видишь, не рады мне в полиции.

— Передам, — бросила Элина и, схватив письмо, быстро ушла.

Ветер бил ее в спину, пока она понурой походкой плелась по мостовой. Весна сбросила личину душистого вечера, окунув ее в холодную ночь. Муж думает, что она на дежурстве. Значит, пути ведут к Женьке, где она выкинет это платье, затянет волосы в хвост и смоеет с себя макияж. Выкинет эту Элину в урну, навсегда оставаясь собой, просто Элей.

Видимо, погода не всегда зависит от природы, а даже чаще от людей, окружающих нас. Если мы их любим, и они делают счастливыми, майские вечера благоухают, а если за руку с нами идет одиночество, то май становится по-декабрьски холодным...

Чтобы стать добрым, мне не хватало лишь, чтобы кто-то полюбил меня.

Гастон Леру "Призрак Оперы"

Темно-лиловый блеск атласа мягко отражался от бронзово-медовой кожи женщины, свечи добавляли легкого мерцания потным телам. Ароматические палочки и свежие розы создавали неповторимый душистый коктейль, к которому хотелось прикоснуться кожей, впитать в себя.

— Это было не как всегда, — выдохнула женщина и упала на атласный шелк. — Ты был таким нежным.

— Это все постельное белье. Шелк высочайшего качества.

Она улыбнулась и приспустила тонкую ткань одеяла, оголяя искусственную, но красивую и аккуратную грудь. Сначала голое тело, потом просьбы. Первый закон получения подарков. А ее тело больше не хотело знать синтетику и нищих мужчин. Довольно с нее. Бедностью пресыщаешься быстро, а богатством не можешь насытиться никогда.

— Помнишь те золотые часы, которые я тебе показывала?

Мужчина зажег сигару и отпустил мысли в вольное плавание. Помнил ли он часы? Нет, конечно. Эти фифы вечно что-то ему показывают с намеком купить. Еще он будет запоминать лица, имена, их желания. Много чести.

— Ага.

Ему было совсем не до ее побрякушек... Алекс вгрызлся агрессивным взглядом в натяжной расписанный узорами потолок, а зубы то и дело смыкались на сигаре, желая ее прокусить.

— Детка, напомни мне, пожалуйста, кто был в этой постели вчера?

— Ты и сам знаешь.

— Нет, я хочу, чтобы ты сказала мне это, — прорычал он.

Казалось, от следующих произнесенных ею слов он получит еще один оргазм. И да, он был болен. Ненормален. Безумен ко всем чертям! Но именно это безумие стало его костылями, его инвалидной коляской. Это помутнение рассудка поставило его на ноги.

— Скажи!

От его рычания и пульсирующих нездоровой злобой зрачков по ее коже проскакали мурашки, цепляя своими когтями волоски. Ей не хотелось произносить это вслух. Когда делаешь грязные делишки и молчишь, кажется, что все пристойно. Мы кажемся себе ангелами лишь до тех пор, пока окружающие нам подыгрывают.

— Твой отец, — заикаясь, ответила девушка. — В этой постели был твой отец.

— Это лучшие слова, которые я слышал в своей жизни.

Темная энергия трансформировалась в черную и клубилась, вилась, вздымалась в его крови. Алекс впился в губы своей спутницы звериным поцелуем. В такие моменты он боялся сам себя.

— Ты... ты знаешь, что этот дом тоже он мне купил?

— Марьянка, Марьянка, мне плевать. Он и тебя купил. Все мы вас покупаем! Только не все отдаются задорого, — еще пуще расхохотался он. — Всего-то дом и золотые часы. — Махнул рукой и встал с кровати.

Мужчина начал одеваться. Стало неинтересно. Ему нужно было услышать слова про

отца. И вот оно логическое завершение секса.

— Я не понимаю, зачем ты все это делаешь?

— А тебе так надо что-то понимать?

Достав из кармана мятого пиджака портмоне, он кинул на кровать пачку долларовых купюр.

— Считай сама. Может, еще на один дом хватит.

Как только купюры уместились в ее ладошках, ногти с черным френчем забегали от одной к другой. Да и правда, не все ли равно, что у него там в голове творится? Не приставать к мужику с расспросами — второй закон укомплектованной жизни.

Алекс даже не удосужился попрощаться. Никто и не ждал его прощаний. Как всегда. Заведя мотор своего джипа, он ударил по рулю и уткнулся в него лбом. Порой, совсем редко, боль вырывала из него вены, рассыпалась солью по воспаленной душе, но он не мог ничего сделать. Слишком поздно. Месть нельзя отменить назад.

Я не понимаю, зачем ты все это делаешь?

Я не понимаю...

Не понимаю...

Руки еще раз ударили по рулю в бессильной злости на себя, мир, на всех!

— Он отобрал у меня мать. Я отниму у него всех его шлюх, все его деньги — всю его жизнь.

Шины закрипели под натиском большой скорости — и джип вынесло на шоссе. Попугает прохожих. Ведь выдался такой хороший день.

***

Священник может совершить обряд, но это еще не значит, что состоялся брак. Душою я не твой.

Томас Харди «Вдали от обезумевшей толпы»

Гудки прибывающих и отходящих судов, удушливый запах копоти и жара, что несется лавиной по оголенной коже рук матросов. Окленд. Пот обычного работяги промачивает майку насквозь, солнце жалит георгиновыми лучами все сильнее.

Аромат свободы, стиснутый тисками общественных устоев, медленно, но верно поглощался запахом гниения, что исходит от человеческой души. Души высшего общества.

Элина резко распахнула веки, и мир не потрудился встретить ее дружелюбно. Он нагло поплыл перед глазами пятнами и заструился в голове туманом.

— Ох уж это чтение на ночь глядя, — пробормотала она, выключая ночник и спуская ноги с кресла — прямиком в уютные тапочки.

История Мартина Идена закончилась. Закладка бережно уложена на полку в ожидании новых героев с их перипетиями судьбы, их глупостью и надменностью, их заплесневелыми взглядами на жизнь. С их комедиями и трагедиями.

Посмотрев на часы и поняв, что скоро муж вернется домой, она поплелась на кухню — выполнять, как многие думали, предписанную самим творцом женскую работу. К чему весь этот технический прогресс, роботы и машины? Если рабство до сих здесь, в головах людей. И женщина стоит дешевле той же посудомойки.

Мартин Иден мертв. Его любовь к Руфь Морз тоже. Асфиксия, как бы сказал судмедэксперт. Их «любовь» с Мишей тоже ждала асфиксия и кровоизлияние в мозг, уж больно долго эта старая кляча тащит свои отбитые ноги.

— Ты скоро? Ставить чайник? — набрала мужа. Не любит он, когда его у порога не

ждут тапки, а на столе чай. Если есть жена, прислуга не нужна. — Я помню, что ты просил на ужин. Все готово. Жду тебя.

Элина со вздохом убрала телефон в карман домашних штанов и оглядела кухню. Никогда она не заканчивала разговор словами «Целую», «Люблю тебя», «Приезжай скорее». Всегда хотелось умолять его задержаться, пробыть на работе дольше, целовать любовницу больше, только бы не страдать от того, что в щеку тебя небрежно целует чужой человек, рассыпается в холодных комплиментах твоему горячему жаркому и, делая одолжение, благодарит за теплый чай. Печать в паспорте не сделала их родными. Она сделала их вынужденными заключенными. И даже тюрьму строить не пришлось — квартиру подарили родители.

Мартин Иден не позволял себе падать на протяжении целой кучи страниц. И она верила в него. Верила, что этот самородок, эта бабочка из кокона сможет расправить крылья, но и он тоже упал. Сдался под гнетом дурных капризов общества, его настойчивого жужжания в ухо о том, как должно быть и как делать не стоит. Каждый проходимец, глупец и просто моральный разложенец, не читавший ни одной стоящей книги в жизни, с охотой скажет тебе, кем ты должен быть.

Их с Мишей брак был ни чем иным, как заказом общества. Дурнушка по воле случая Элина и комплексы, свившие вокруг ее головы свой колючий венок насмешек, стали лучшими друзьями. А Миша просто подобрал их и решил, что этого хватит. Бросил у себя в прихожей и разрешил пользоваться в доме всем, кроме его сердца и души. Их он приберег для лучшей женщины.

— Вот бы все переиграть. Лучше быть одиноким в четырех стенах, чем тяготиться одиночеством с человеком, который преумножает эти стены одним только своим присутствием, — размышляла вслух девушка, снова вернувшись в кресло.

Она любила это кресло. В нем она проводила свое свободное от мужа и каторжной жизни замужней женщины время с томиком Войнич и болезненными порывами категоричной молодости Артура Овода, с жизненной прозой Прилепина или почти погружалась в транс с Вирджинией Вулф, замечая вдалеке уснувшего сознания маяк. Это кресло стало проводником в иной мир — мир литературы и проникновенного искусства.

Ключ в дверном замке повернулся, захлопывая дверь в мир чарующих литературных героев, их счастья и глупых смертей и открывая дверь в душную кухню с котлетами и макаронами, кетчупом в холодильнике и миской, полной презрительности мужа, всегда подающейся свежей и горячей.

— Лина, я дома, — эхо разнесло этот приказ к услужению в каждый угол их небольшой квартирки.

Все мы мечтаем нажать невидимую комбинацию клавиш в этой огромной операционной системе жизни: никогда не вступать в брак, не доверять свою судьбу искусным лжецам, не входить в одну и ту же реку дважды, трижды... бесконечное количество раз. Но жизнь — это билет в один конец. И либо распахивай крылья и лети, либо разбивай голову об асфальт.

— Привет. Как дела на работе? — заученный диалог в их сценке под названием «Семейный ужин».

— Все хорошо.

Элина села за другой край стола, чувствуя себя лишней на этом гастрономическом празднике. Наверное, мужу неловко при ней есть... Хотя нет, ему плевать, кто или что перед

ним: жена или голая стена. Когда мужчина голоден, он стерпит все — даже нелюбимую женщину напротив.

— Как прошел твой выходной? — после некоторой паузы спросил Михаил; так бывало всегда, когда ему становилось неуютно под ее взглядом.

— Отлично. Читала и... читала. Потом вот, ужин приготовила. И день закончился.

— Молодец. Отдыхать тоже надо.

Брови Элины почти сблизились друг с другом. Она провела свой выходной за уборкой и стиркой, готовкой и покупками очередного куска мяса для ужина, и только вечером удалось почитать. Перспектива умереть с тряпкой и поварешкой в руках ее не радовала.

— Ми-иш.

— Что, Лина?

— Ты заметил, как жизнь быстро проходит? Вроде просто день, но это тот день, о котором мы и подумать не могли пять лет назад. Но он настал.

— Дальше что?

— А то, что таких дней образуется в итоге целая Вселенная — они и составляют всю нашу жизнь.

— Не пойму, к чему ты ведешь. Конец света скоро? Вселенная исчезнет? — он довольно ухмыльнулся своей шутке и продолжил ужинать, занятый другими мыслями.

— Я к тому веду, что мы сгораем, как кометы, в суете и пыли, даже не долетев до пункта назначения.

Взгляд мужа, полный непонимания и неодобрения всей этой чепухи, вполне прозрачно высказался насчет ее умозаключений. Девушка вздохнула и убрала уже пустую тарелку. Еще одна тарелка в крышку ее гроба. Уж ее-то гроб точно будут заколачивать не гвоздями, а тем, чем она убила свою единственную жизнь — губками, тряпками, ложками, вечными книжками с рецептами. Уборщица, кухарка и еще бог знает кто — лишь бы муж был доволен. А добиться его довольного вида — задача не из простых.

— Мне не приходила почта? — голос мужа слишком неожиданно ворвался в ее паутину самоотречения и метаний между белым и черным.

— Точно! Было что-то. Сейчас принесу.

Элину убежала в комнату, даже с некоторой радостью спасаясь бегством из кухни. От мужа. Однажды даже самому отчаянному спринтеру надоест бегать от собственной судьбы. Тогда настанет время перемен.

Куда же она засунула почтовое извещение? Пришлось вывернуть сумку, чтобы найти эту бумажку. Взгляд девушки зацепился за сумму на квитке. Десять тысяч рублей? Интересные покупки у ее мужа, о которых она не в курсе. Мысли о деньгах вытянули за шкуру другие ее тревоги.

Белый конверт тяжело давил на ладонь, прожигал ее до кости. Письмо там, конечно. Тяжеловато для письма. Элина все понимала. Это взрослые игры, и она не ребенок. Не пойдет она в полицию. А конверт этот нужно вернуть.

— Именно так, — для пущей верности наказала она себе и засунула его поглубже в сумку. Руки дрожали.

Возвращалась в кухню Элина уже с совершенно другим настроением. Мутировавший в чудовище червячок буквально тряс ее за шиворот и орал: «Сомневайся! Сомневайся в своем решении!»

Но ведь взятка не может быть хорошим решением?..

Элину безмерно напугал тот факт, что она вообще задумывается, а плохо ли давать взятку. Не заметив, она смяла в руке извещение и мятый листок положила перед мужем.

— Что это, Элина? Тебе обязательно нужно все портить, к чему прикоснешься? — пробурчал он.

Его слова пришились оглушительным ударом по лицу, разбив ей губу. Это она все портит?! Пусть он коснется хотя бы свежего молока — тут же скиснет!

— Прости. Я не хотела его мять. Случайно вышло, — не понимая почему, но тем не менее начала оправдываться она. Иногда оправдания становятся манерой вести диалог. — А что это за посылка?

— Тебе какое дело? — рывкнул он и моментально остыл, заметив испуганный взгляд Элины. — Прости. — Быстро убрал извещение в карман.

Девушка выдохнула. Ничего. Нормально. Как обычно. Странно обижаться, что в тебя плюют, если сам подставляешь лицо.

— Я... я хочу совершить преступление! — выпалила она, захваченная эмоциями. Приливные волны смелости грозили смыть трусливые городишки ее души.

— И какое же? Украсть батон в продуктовом? Или шприцы домой утащить?

— Нет. Дать взятку полицейскому!

Смех мужа впился в ее кожу десятками игл, точно в подушечку для иголок. Изрешетил полностью. Ему смешно?

— Думаешь, я не могу сделать что-то предосудительное?

Так и хотелось выкрикнуть: «Кроме как выйти замуж за ублюдка!»

— Можешь, Элечка, можешь — в своих снах. Держи сегодня подушку крепче, ладно? Вдруг тебя придут вязать менты.

Он взял чашку с чаем и удалился в гостиную — к своему любимому ноутбуку. А его смех и болезненные слова продолжали рвать от нее по куску и сплевывать кровь на пол. Элина сморгнула слезы и сжала кулаки. А вот и посмотрят они, кто и на что способен!

Влетев в коридор, она выдернула сумку из шкафа и яростно достала из нее тот самый конверт. Глаза девушки отливали сталью решимости и непоколебимости, а руки все так же были сжаты в кулаки. Она докажет ему!

И не надо нам делать шаг с обрыва. Достаточно лишь дожждаться толчка в спину от близкого и родного человека. Всего лишь дожждаться.

***

Такие дела.

Курт Воннегут «Бойня номер пять»

Здание полиции навевало панический ужас. Она даже за новым паспортом боялась сюда идти. Полиция вселяет страх любому законопослушному человеку, но почему-то не убийце и не вору.

Солнце следовало за ней по пятам, прячась за шикарными кронами деревьев. Эти ярко-зеленые головы природы кивали в такт ее мыслям, как бы соглашаясь с ней, что отдавать этот конверт начальнику следствия — плохая затея, жутко плохая затея.

Еще можно было повернуть назад. Просто развернуться и зашагать назад, к дому. К тому дому, где над ней посмеется муж и скажет, что она слабачка. Даже на преступление не способна!

— Я не слабачка, — процедила Элина и двинулась вперед.

В ее душе происходила активная подмена понятий. То, что раньше считалось

глупостью, теперь считается смелостью. И почему для самоутверждения люди выбирают самые из идиотских способов? Как будто оценивают свою личность в гроши.

Попросили документы, пристально на нее посмотрели и пропустили. Сердце уже билось громче и где-то у самого неба. Еще чуть-чуть поднимется давление — и она выплюнет сердце на асфальт.

— Мне к начальнику следствия, — с запинками сказала Элина дежурному. — Нужно. Мне нужно к начальнику следствия, — страх заговорил ее голосом.

— Вы записаны?

— Нет. Я... я думала, можно просто прийти.

— Вы в полиции, девушка. Просто здесь ничего не бывает. — Она уже собралась дать деру, когда дежурный продолжил. — Имя, фамилия, по какому вопросу.

— Элина Стриженова, по личному.

Вопросительный взгляд мужчины добрался до нее даже через оградительное стекло. Вот же дура! Личное в полиции.

— Девушка, с вами все в порядке? Вы бледная. И вам точно нужно именно к начальнику следствия? Может, вы что-то перепутали?

Она мотнула головой, затем кивнула. Долгий выдох. Надо собраться.

— Да, мне точно к нему. Но называть свою проблему я не хочу. Это для личной беседы.

— Ладно, проходите. Второй этаж, налево, двадцать третий кабинет.

— С-спасибо.

Элина уже дошла до лестницы, когда поняла, что не знает имени этого самого начальнику. Будет не очень хорошо начать разговор с ним со слов: «Представьтесь, пожалуйста, и вы мне тоже».

— Не подскажете, как зовут начальника следствия? — снова оказалась у окна дежурного.

— Николай Дмитриевич.

Дежурный провожал ее сочувствующим взглядом. Наверняка очередная жертва домашнего насилия. Все они такие: бледные и молчащие в тряпочку, пока не станет поздно.

Дверь с номером двадцать три виделась ей страшной дверью в подzemелье. Господи, прийти со взяткой в полицию. Вот так просто. Но Алекс был уверен, когда давал ей конверт. Ведь если что, виноват он. Он дал ей конверт.

Мысли окончательно перепутались в голове Элины и, точно кегли, падали друг на друга, сбивая соседа, не давая ему высказаться. Когда терпеть этот балаган стало невыносимо, она постучала в дверь.

— Войдите.

— Николай Дмитриевич?

— Да. Что вы хотели?

Смелости как и не бывало. Грузный мужчина в погонах, пистолет в кобуре. Ей конец, если она сейчас же не убежит.

— Уважаемая, что вы хотели? — повторил вопрос он.

— Поговорить... насчет одного дела, которое вы ведете.

— Проходите, садитесь, нечего в дверях мяться.

Начальник следствия разговаривал командами, как военный. Не подчиниться было нельзя. Элина села на стул и очутилась лицом к лицу к нему. Своему голосу рассудка в полицейской форме. Еще можно ничего противозаконного не делать.

Но вдруг все получится?.. Тогда Дима поймет, что она стоит того, чтобы обратить на нее свое внимание. А внимания ей так хотелось. Тем более от такого мужчины. Видимо, любовь к унижениям рождается вместе с женщиной, и общественные догмы тут совсем не причем. Общество лишь эксплуатирует то, что ему преподносят на блюдечке.

— Ну так что за дело, Элина?

От звучания своего имени в устах этого человека Элина чуть не подпрыгнула на стуле.

— Откуда вы знаете мое имя? — судорожно спросила она.

— Дежурный передал. С вами все хорошо? Вы меня пугаете.

Она сама себя пугает.

— Какое дело вас интересует?

— Нападение на мужчину в конце апреля. У него еще частичная амнезия.

Лицо мужчины вмиг изменилось. Какая-то неуловимая хищническая тень пробежала по нему.

— Припоминаю.

— Что-то известно по этому делу?

Элину начали мучить вопросы, о которых она почему-то не подумала ранее. Зачем Диме передавать конверт? Какая взятка, ей богу? На него же напали, а не он хочет откупиться от суда!

Ну конечно, там ничего страшного и быть не может!

— Это вам, — смело протянула ему конверт Элина.

Николай Дмитриевич с опаской взял конверт, но нащупав в нем вероятно всего банкноты, успокоился. Глаза его были неподвижны, когда он просматривал содержимое. Начальника следствия этим не удивишь.

— Девочка, и что же это такое? Взятка?

— Я... я не девочка, — все, что пришло ей на ум.

— Милая, по сравнению с тем, сколько мне лет и что я видел в своей жизни — ты младенец. Ты хоть представляешь, сколько вот таких вот взяточников я съел на завтрак?

— Но... зачем ему давать вам взятку? Его пытались убить!

Кулак мужчины припечатал лежавшие на столе документы. В комнате умерли все до единого звуки.

— Значит, у него есть подружка, которая выполнит любую прихоть, так?

Он встал и обошел стол. От Элины остался уже только мокрый след из пота и подступающих слез.

— Хочешь узнать, кто на него напал?

Она смущенно кивнула, понимая, что это игра. Но не понимая, какой ход оставит ее в живых, а какой убьет.

— Снимай блузку.

— Что?! Как вы смеете?

Николай Дмитриевич схватил ее за подбородок и сильно сжал челюсть пальцами.

— А ты как смеешь приносить сюда деньги в конверте? Верная собачка своего хозяина? Так и передай ему: зря он не прислушался к посланию в цветах.

Что... Какое послание... Что происходит в этой выдуманной реальности. Элина затрясла головой и заплакала.

— Отпустите меня. Вы же полицейский!

— Как будто я господин бог. А, даже он закрывает глаза на многое. Вспомни хоть

Гитлера и его концлагеря. А тут всего лишь полицейский.

Он убрал конверт в ящик и уселся за стул, будто ничего не произошло. Скривился, рассматривая желтые пальцы.

— Что за хрень у тебя на лице? Это вообще отмывается? Да не плачь ты. Сама выбрала такую роль.

— Какую роль?! Ничего я не выбирала. Меня попросили и...

— Конечно. Так все и было. Все у него продумано, и поверь, не он один такой умный. Другие будут поумнее.

Элина схватила сумку и бросилась к двери, таща за собой камнем на шее унижения. Вслед ей летели колкие смешки человека в форме. Который всего-то полицейский.

Слишком близкое знакомство порождает презрение.

Олдос Хаксли «Двери восприятия. Рай и Ад»

Казнить себя за удовольствия — то, что мы любим больше всего. Заточать себя в стереотипные рамки и оковы — наша вторая великая страсть.

Она не имела права идти на поводу у своих желаний и влюбляться в собственного пациента, тем более будучи замужем! Элина, точно сумасшедший ученый, Тесла от психологии, ставила опыты над своей душой, пыталась нащупать ту самую причину, по которой все в ее жизни были вверх дном, шиворот-навыворот. Ей казалось, что причина всех неудач обязательно кроется в прошлом. Но еще ни разу ей в голову не пришла мысль о том, что бездействие в настоящем в итоге станет ошибкой прошлого, когда оно перетечет в будущее.

Вот такая сложная головоломка эта жизнь, но, если разобраться — она гораздо понятней, чем хочет нам всегда казаться.

В столовой было малоллюдно. Не время обеда. Просто ей осточертело носиться по всей больнице и то измерять температуру, то приносить таблетку, то просто исполнять роль мусорки для выбрасывания в нее личных проблем пациентов. Кажется, что порой людям не хватает обычного душевного общения, а совсем не уколов витаминов и лекарств для сердца. Но лекарства достать проще.

— О чем думаешь, Эля? Ты в последние дни такая грустная, — спросила уборщица Валя.

— Хочу попасть на Всемирную выставку в Чикаго 1893 года, — отрешенно ответила та, ковыряясь вилкой в чем-то, что заполняло ее тарелку.

Что же это было? Эта тарелка то же самое, что и ее жизнь. Что-то в ней есть, а вот что?.. Она настолько потеряла этот волшебный, чарующий вкус к жизни, что уже перестала обращать внимание на то, из чего она состояла. Уж не это ли называют старостью?

Каждая новая мысль все углубляла и углубляла могилу, в которую она сама себя загоняла.

— Что за выставка такая?

Первым порывом Элины было удивиться, что кто-то может не знать таких вещей, но через секунду ее пыл остыл. Указание на чужое невежество равносильно обнаружению собственного.

— Самая масштабная выставка изобретений в истории. Это было нечто потрясающее, чего нам уже никогда не повторить.

— Хотела бы что-то купить там? — наивно спросила собеседница.

Элина беззлобно ухмыльнулась. Ну почему люди приходят домой, пусть даже после тяжелого трудового дня, и принимают расслабляющую ванну, заботясь о теле, но не читают книги и не смотрят документальное кино, заботясь о мозге? Телешоу с постановочными скандалами и высосанными из грязного пальца проблемами вполне достаточно.

— Нет. Хотела бы поучаствовать в экспериментах великого Теслы с током. Он делал так, чтобы ток, напряжением в несколько миллионов вольт, проходил через его тело, не причиняя вреда.

А про себя добавила: «Может, меня бы он убил по счастливой случайности».

— Ох, Эля, какие чудачковатые у тебя желания! Нам бы с мужем за квартиру было чем платить в этом месяце, а тебе выставки подавай странные.

Валя прикончила своей ланч, иначе ее манеру трапезничать и не назовешь, и оставила Элину в одиночестве.

— Обмельчал народ, — пробубнила она, запивая слова крепким кофе. — Зачем ему выставки — за квартиру бы заплатить, чтобы было где гнить от недалекости ума.

Солнце отчаянно билось в окно, протягивало свои обжигающие руки сквозь плотные жалюзи, так яростно желая коснуться заледеневших человеческих сердец. Элина вздохнула и отпила холодного вишневого морса. Смяла стаканчик и распрощалась с ним, как и со своими желаниями, отправляя его в урну.

— Элина, тебя вызывают в триста пятую палату! По-моему, тамошней бабуле надо измерить давление.

— Я поняла.

Стены больницы не кончались, а тянулись молчаливыми похоронными столпами ее жизни, пока она шла к этой палате. Подающий надежды, гремящий на всю Россию студент хирургического, измеряет давление и взбивает подушки пациентам.

Закончив с этой бабулей, потратив еще минут двадцать на выслушивание историй о внуках, она скрылась ото всех в зоне для курения.

— Да что же не так с тобой, Элина? — спрашивала сама себя она, обхватив голову руками.

После того происшествия в полиции ее одолевала головная боль, которая словно молотом Тора дробила ее череп. И девушка даже слышала, как отколовшиеся куски летели в бездну ее сознания. Она окончательно замкнулась в себе: не общалась с мужем вообще, не отвечала на звонки Диме, перестала реагировать на Стрельцову так, что та потеряла к ней интерес.

Сделать бы себе экцизию сердца, чтобы не хотеть, не чувствовать, не мечтать! Но ведь мысли, чувства и желания сосредоточены в голове, а не в этой мышце. А может, все дело в сексуальном влечении? Поэтому она так остро воспринимает все, связанное с Димой. Тогда больше подойдет инфибуляция.

От этих мыслей ей стало тошно, аж до приступа нервного смеха. Элина сгибалась пополам, исторгая из себя кашляющий, болезненный смех.

— Элина, с тобой все хорошо? — поинтересовался зашедший офтальмолог.

— Нет, — прокашлялась она, продолжая истерично посмеиваться. — Разве по мне не видно, что я, черт возьми, в полном беспорядке?!

Мужчина растерянно пожал плечами и, спрятав сигарету обратно в пачку, быстро ретировался. Так делают все люди: видя проблемы другого, быстренько сматывают удочки и убегают. Опять же, идем по пути наименьшего сопротивления. Вся наша жизнь — позорный поиск самого легкого из возможных путей.

Когда в курилку стали подтягиваться люди, Элина прозрачной тенью выскользнула оттуда. Такой она стала — тенью. Может идти рядом, а человек ее и не заметит.

Ноги привели ее в раздевалку. Весь мир смешался в бурлящем котле из злых слепящих молний разочарования и льющихся с неба проливных дождей обид. Шатающуюся ее встретило большое зеркало, передающее истинную картину миру.

Тощий скелет. Безжизненные волосы. Лицо узника Бухенвальда. Ей было невыносимо стыдно от этого гнусного зрелища. Ведь ей дана целая жизнь с ее морем возможностей и

бесконечными солнечными утрами, которым когда-нибудь придет конец. У нее просто была эта самая жизнь, которую никогда не увидели узники Бухенвальда, а глаза запали у нее, руки дрожали у нее, жить не хотела она.

Как же стыдно... Стыд рвал ее на части. На кусочки. Ломал кости. Дробил их в пыль.

— Ну что же с тобой не так, Эля? Элина?! — в сердцах выкрикнула она, опираясь о стену с двух сторон от зеркала. — Что с тобой не так?..

Может, дело в том, что она эктоморф? Элина всегда была довольно худой, а сейчас стала сплошь кожа и нервы. Какому мужчине понравится этот чертов эктоморф? Кому захочется быть с женщиной, которая вечно находится на грани церебротонии?

А может, Шелдон был неправ? И вся его теория — бред сивой кобылы?

Или неправа она сама? И никому нет никакого дела до того, какой тип телосложения и темперамента у нее? Просто она делает все, чтобы каждый новый день приближал ее к духовной смерти.

Ведь нам людям так это нравится — смаковать свою собственную смерть. Притворяться жертвой. Подыгрывать своим низменным слабостям. Мы сами создаем театр одного актера, одного зрителя, одного режиссера и одного великого критика — для себя самих же.

Черные приливные волны депрессии скалились и шипели, разливаясь белой пеной по ее душе. Элина знала, что жизнь — это поле боя, и каждый день тысячи людей проигрывают самим себе в этом единственном сражении. И она проиграла. Страх ползал черными жуками где-то внутри ее головы, забирался в вены, отравлял кровь. Этот хамоватый, беспринципный полицейский снился ей в кошмарах. Ложь Димы стала предательством, которого она не ожидала даже в самом страшном сне.

— Действительно, не ожидала предательства от совершенно незнакомого человека, о котором знаешь только его имя! — причитала Элина, держась за голову, чувствуя, как все меньше плоти на ней остается.

Ей казалось, что все это снится. Головная боль, страх — все это галлюцинации. Перед взором девушки водили хороводы своих странных танцев цветные пятна, мир окрасился в мутные тона пелены, что пала на ее глаза.

Пора домой! Однозначно пора вернуться к Мише. Он самый родной ее человек. С ним безопасно. И вот же как получается: только она решила оступиться, выйти из зоны комфорта, ей тут же сделали невыносимо больно. Этот урок она запомнит навсегда.

Мудрость стоит дорого. Порой, чтобы уяснить простую истину, нам приходится подставлять щеку для ударов судьбы нескончаемое количество раз.

— Эля, вот ты где! Я везде тебя ищу, — запыхавшаяся медсестра, ее напарница в смене, влетела в раздевалку. — Вызывают в двести пятую. Срочно.

— Плевать! Я ухожу домой.

Ирина удивленно посмотрела на Элину. Она еще ни разу не была свидетелем вспышек эмоций у этой тихони, забитой серой мышки с облезлым хвостиком. Оказывается, она умеет говорить. И даже громко.

— Решай это с главврачом, а пока что приказ явиться в двести пятую.

Дверь оглушающе захлопнулась, прищемив голову всем ее голосящим страхам. Элина тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Она никогда не была экспансивной натурой, за ней не водились приступы бешенства и вспыльчивости.

Эта вспышка ярости не стала единственным бойцом в ее эскадроне смерти. Пришла пора дать бой своей тени: жалкой, трусливой, боящейся всех и вся тени. Это не вспышка —

это пандемия, захватившая все ее существо.

Пока она твердой походкой приближалась к этажу главврача, уверенность в собственных силах росла по экспоненте. Когда-нибудь жизнь закончится, и бояться станет поздно. Действительно поздно.

— Элина! — смачно протянула ее имя своим длинным языком Стрельцова, перекатила его между острыми белоснежными зубами и выплюнула прямо на пол, перед ногами Элины. — Кого я вижу!

— Почему тебя это так удивляет? — вяло ответила Элина, не имея сил на грызню с Катериной.

Она так и видела их в дикой природе. Стрельцовой там самое место. Она же дикарка! Варвар. Кнут — единственный способ общения, которым она владеет.

— Думала, ты после своего адюльтера стыдливо сбежишь из страны.

Эти слова хлестнули Элину плеткой по лицу. И еще раз. Она даже ощутила на губах металлический привкус крови.

— Но я понимаю тебя, дорогая. Понимаю, что ты чувствуешь. Для тебя романы с такими мужчинами редкость, а мне-то не привыкать к вниманию, — рассмеялась Катерина, ловко пряча плетть в новые колкие слова.

Элина стояла перед начальницей в белом халате, на котором, похоже, остались пятна от лекарств, которые сегодня не хотели дружить с ее дрожащими руками. Свинья. Глаза Элины затравленно бегали от перламутровых пуговиц на кардигане Катерины до шелковых колготок с провокационными черными стрелками сзади. А она никогда не носила таких дерзких вещей. Ей незачем. Мише плевать.

— Понимаешь, — губы Элины треснули, точно некачественная пластмасса, в ухмылке, — если только в пиквиковском смысле.

— Что, прости? — нахмурилась собеседница, что сделало ее безупречный макияж не таким идеальным.

— Как ты можешь меня понимать? Ведь Дима тебя отшил! — специально использовала грубое слово она, чтобы выстрел попал прямо в цель, и ни миллиметром ниже.

Лицо Стрельцовой представляло собой истинную бойню эмоций, кровавую резню душевных порывов. Сейчас в ней разум боролся с фонтанирующей злостью на эту несчастную выскочку Элину.

— Ты сама сделала свой выбор, подруга. Сама, — шепотом отчеканила Катерина, словно пощекотав ее лезвием ножа по сонной артерии.

Ее шаги уверенным цокотом давали понять, что эту женщину не сломить. У нее всегда есть запасной план. План, который повергнет врага раз и навсегда. Голова Элины уже украшала стену ее кабинета, стала почетным трофеем на полке ее тщеславия.

— Помни, Эля, ты сама сделала свой выбор, — отголоски высокомерия Стрельцовой цеплялись за стены, но упорный ветер перемен нес их прямо к Элине.

Перемены уже стучали в ее дверь. Готовили таран для большей эффектности. Петли болезненно трещали, зная, что им не вынести такой сокрушительный удар.

— Иди ты к черту, противная сука, — выплюнула Элина вместе со слезами и стекла по стенке на пол.

Университет, прогулки по теплым московским улочкам, аромат будущих побед и свершений, уверенность в завтрашнем дне, непоколебимость духа. Вот что разрушила зависть лучшей подруги. Она разорвала в клочья все, что они имели. Готова была приставить

дуло к ее виску, только бы избавиться от вечного напоминания о былом в виде бывшей подруги. Катя Стрельцова отныне Катерина Владимировна и только на «вы».

Кабинет главврача так и остался нетронутым. Рука Элины не коснулась дверной ручки, а голос не произнес твердо и решительно заветные слова об увольнении. Вместо этого ноги дотащили слабое тело девушки до туалета, где она закрылась в одной из кабинок и дала волю слезам.

Карман с правой стороны завибрировал, отвлекая ее от купания в водопаде слез. Дима. Испытанный шок отрезвил Элину.

— Как ты смеешь звонить мне, подонок?!

Ей казалось, что она истошно кричит, вопит на всю больницу. Но на деле ее голос шептал сорванными связками что-то похожее на свирепство и непреклонность.

— Лина...

— Не хочу слышать твой голос. Ты лгун! Ложь — твое имя. Теперь ты точно знаешь, как тебя зовут.

Он что-то лепетал в трубку, но до нее не доходил смысл сказанного. Пространство сжималось и разжималось вокруг Элины, став предзнаменованием головокружения. Время текло по секунде в час в ее мозгу, создавая иллюзию бесконечной боли.

Нажав отбой, она прекратила разговор с ним. Навсегда. Без права вернуться. Приползти к нему обратно со своими никому не нужными мечтами на протянутой ладони.

Хвала небесам, что в туалете никого не было. Только эта затемнившаяся от времени плитка и ржавые трубы станут свидетелями ее падения. На смену горьким рыданиям пришло анестетическое безразличие. Мир потух. Не было больше ярких вывесок, манящих стать лучшей версией себя, превзойти себя вчерашнего. Остался только холод, что выжигал своими ледяными объятиями внутренности.

Элина плохо различала местность. И уж точно она не знала, сколько просидела в этом туалете. Долго. Очень долго. Коридор, палаты, ближе к выходу... Чья-то рука схватила ее слишком небрежно для Миши и уж чересчур нежно для грабителя или убийцы и рванула на себя.

— Кто вы... Дима?!

Огонь ярости снова воспламенил ее кровь. Один его вид вселял в ее душу паранойю, страх, желание убежать и скрыться в бункере, под землей, да где угодно, лишь бы не нашли.

— Заметил, какая погода классная? — на удивление бодро спросила девушка, поднимая опухшие глаза к небу.

Длинноносые белобрысые облачка передвигались по небосводу, тяжело пошатываясь и украдкой заглядывая в мир людей. Что они снова творят со своими жизнями? Как они вновь и вновь их ломают без тени сожаления и раскаяния?

— Что? Погода? Лина...

— Заткнись, Иуда, — прошипела она, так и не восстановив голос от долгих рыданий.

— Я не лгал тебе и не...

— Какое жалкое бормотание! Ты же так крут. Подобное поведение рушит твой образ крутого парня. Ты не мужчина, — покачала головой Элина, став смелой как никогда в жизни, — ты просто тряпка. Тряпка, которая готова скинуть свою грязь на других людей, потому что ей страшно валяться в ней одной.

— Да о чем ты говоришь?! И перестань меня оскорблять!

Элина закашлялась, желая рассмеяться. Совсем устала. Усталость ощущалась стальными

тросами, что вот-вот отпустят груз весом в миллионы тонн.

— Отнеси это письмо в полицию. Ничего страшного! — кривлялась она так, что прохожие молчаливо крутили пальцем у виска. — Знаешь, я испытываю идиосинкразию к твоему вранью.

Он скривился, явно ее не поняв.

— Не понял меня, да? Я не удивлена. Книги-то ты явно не читаешь. Таким придуркам, как ты, книги не нужны. На вас с рождения стоит крест; книги вам не помогут стать людьми.

— Ты сама это сделала, — его тон в миг стал ледяным; осколки льда резали ее кожу. — Это был твой выбор. Никто тебя не пинал в сторону полицейского участка.

— Ну да, конечно, мой выбор! — крикнула она, вспоминая Стрельцову. — И сейчас это тоже мой выбор, — со всей дури вlepила ему пощечину, чувствуя, как горит ладонь.

Впервые она сделала нечто подобное.... Впервые. Не описать словами, какая легкость разлилась во всем теле. словно бы с этой пощечиной она отправила в прожорливую пустоту вселенной весь скопившийся негатив.

— Дура чокнутая! Голову сначала вылечи! — орал ей вслед он, но разве его истеричные крики имели значение?

Она двигалась уверенно, шаг в шаг с облаками, которые точно знали, что они делают и зачем. Элина теперь тоже знала. У нее есть дом. Муж. Она должна быть там, с ним. Может, ребенок их объединит? Нужно предложить ему. Да, ребенок навсегда свяжет их. И тогда она точно всегда будет возвращаться домой. Всегда.

По пути к якобы дому (она с таким рвением убеждала себя, что дом у нее есть!) ей попала скамейка. Сил нести это мертвое тело не было, поэтому она позволила себе небольшую передышку.

— Почему же ощущение такое, будто я смертница? — бурчала себе под нос Элина, срывая росшие у бордюра цветочки.

Ребенок это же хорошо. А ей кажется, словно его рождение станет выстрелом в висок. Но ведь Миша уже точно не бросит ее? Вдруг он оставит любовницу ради их ребенка? Она не нужна ему, но ребенок?..

Вечное заблуждение женщин, что привязанность к ребенку станет сильнее равнодушия к ней самой и удержит мужчину рядом, толкало Элину на необдуманные поступки, которые потом нельзя будет обнулить и переиграть.

Зачем она пошла в хирургию? Взгляд девушки задержался на муравьях — изучала бы мирмекологию себе спокойно или — теперь она следила за назойливыми комарами — подалась бы в энтомологию. Да мало ли наук, где не приходится делить свое время с неблагодарными, завистливыми, несправедливыми людьми?

Через какое-то время Элина все же доплелась до дома, дотацилась, выжатая до предела. С нее если только пот ручьями не катился. Сил не было ни на что. Миша ее не встретил и не открыл дверь, когда она позвонила, но оказался дома.

— Дорогой, ты дома?

— Дома.

Почему его тон такой сухой, точно они сейчас в зале суда? Дурное предчувствие заставило ее сердце колотить во все двери, просясь наружу, сбежать подальше отсюда. Ерунда. Это все стресс пережитого дня.

— Ми-иш, я так скучала по тебе... И хотела кое-что спросить, — неуверенно начала она, готовя и себя саму к вопросу о ребенке.

Он резко встал, отшвыривая стул. Глаза мужа неистово прожигали ее погребальными кострами. Которые он разжег для нее.

Неожиданный удар на долю секунды погасил свет в ее голове. Вернув голову на прежнее место, Элина посмотрела на человека, когда-то бывшего ее мужем. Зверь. Перед ней часто дышал зверь, и рука у него была тяжелая.

— По мне ты скучала, тварь? — прорычал он, сгребая ее волосы в кулак. — И скучала ли вообще?

В лицо Элины уткнулся экран его телефона. На видео без звука можно было увидеть нежную парочку, пожимающую друг другу руки в летнем кафе. Она и Дима.

Любая ошибка, которую признал человек, становится творческим выбором.

Бернар Вербер «Третье человечество».

Землетрясения магнитудой, превышающей все допустимые пределы, сотрясали его мозг. Казалось, его выворачивали наружу с искусностью и изощренностью мясника, который потрошит свою жертву в угоду прожорливым желудкам разумных существ. Мясник любит кровь. А значит, будет усердствовать над трупом своей жертвы.

Широко распахнув обезумевшие от боли глаза, Дмитрий схватился за прикроватную тумбочку. Пальцы были липкими от пота и скользили по дереву.

— Где этот чертов выключатель, — слова вылетали из его измученного, пересохшего от ночных кошмаров горла уже потухшими искрами.

Вся его жизнь была такой: потухшей искрой, хотя спичку еще даже не поднесли к коробку. Он умер, не успев родиться.

Лампа пролилась на ночную тень мужчины пьяным светом, что заполнял собой помещение, но не согревал и уж точно не освещал. Так и он накануне пил и пил, заполняя организм водкой под завязку, а легче не ставилось. Он даже не пьянел. По крайней мере, так ему казалось. А потом погас свет, и пасть разинула темнота.

— Пусть это все прекратится, — молил пустоту он, но она только показывала ему неприличные жесты в ответ.

Он мог пересчитать у темноты зубы. Все до единого сгнившие. Ими она хотела отрывать от него по куску медленно, растягивая удовольствие, словно виртуозную игру на скрипке. Последняя струна всхлипнула, и Паганини закончил свой каприс. Скрипач от дьявола играл на его одиноком балу исступленной ярости и сквозящей в каждом вдохе боли.

Не чувствуя собственного тела и не ориентируясь в пространстве, наугад переставляя ноги во мраке квартиры, он добрался до кухни. Коробка с лекарствами распласталась на столе брюхом кверху, а его дрожащие руки копались в ее нутре в поисках таблеток.

Две капсулы болеутоляющего. Еще две. стакан ледяной воды обрушился на горящее в неистовой жажде горло Дмитрия. Он громко выдохнул, почувствовав, как кандалы и цепи по одному слетают с его тела и разума.

Кажется, он вспомнил все. До самого конца. Выковырял эту многолетнюю грязь из-под ногтей. И теперь его организм отторгал всю эту мерзость, что копил в себе всю жизнь.

Зачем мы это делаем? Зачем копим в себе отходы в виде обид, мести, предательств, чтобы однажды они нас задушили своим ядом?

Гонимый ужасом открывшихся ему откровений о себе самом же, мужчина вылетел на ночной балкон. Вождение до свежего воздуха достигло апогея, когда на него подул еще прохладный предутренний ветерок. Небо металось в сомнениях: пора сбрасывать с себя темное одеяние, ночь заканчивается, но так не хочется облачаться в светлую мантию. Люди не достойны встречать утро под сонеты солнца и симфонии кузнечиков. Их утро должно быть наполнено черной кровью, что сочится из сердец других людей, которым они причинили зло.

— Господи, ну хоть выжил, — испуганно пробубнил себе под нос Дмитрий, ощущая скачки напряжения в сердце. Оно то застывало в припадке страха, то, подгоняемая боязнью не пережить следующую минуту, срывалось в стремительный бег.

Он никогда не мог себе даже представить, что память вернется так неожиданно, сорвет двери с петель и выбьет стекла всех его окон. Он не мог подумать, что эта стерва с алыми когтями будет полосовать его лицо, хлестать по щекам в порыве ожесточенной злобы.

Звезды начали таять, уступая место предрассветным лучам солнца, еще с холодком взирающим на равнины и горы, города и деревушки, моря и океаны, которые через каких-то пару-тройку часов будут нежиться в его щедрости и тепле. Мужчина силился разобраться в том, что видит, но звезды двоились и, казалось, отворачивали свои лица от него.

Урод.

Демоницы, кружащиеся в вальсе с собственной тенью, хохотали, даже не прикрывая свои уродливые лица вуалями и веерами. Они делали шаг друг к другу, но расстояние все равно оставалось непреодолимым. Эти демоны — его лица. Его черное ампула, мрачная роль злодея всей его жизни. Эти уродливые лица сливались в одно — в его ипостась дьявола.

— Мерзкий выродок, — прошептал он, до боли сжимая край балкона.

Он всегда чувствовал, знал, что он не ангел. На скрижалях его судьбы был начертан мрак, вечное бесовское метание от огня к огню. Но он не мог представить, что пал настолько низко. Его падение нельзя было измерить, у его низости не было дна.

Римма, семья, друзья... Он предал всех, кого только мог предать. Элина... Он наплевал в душу всем, кто был для него хоть сколько-нибудь дорог.

Женские лица сменялись, как картинки в мультике. Только мультик был для взрослых, потерявших себя в столпотворении темных дней, где правят злоба и ненависть. Он так сильно ненавидел все вокруг себя, не мог ни простить, ни забыть, что не оставил шанса сам себе. Ведь разрушая чужие жизни, мы по капле забираем от своей тоже. В одночасье, как это часто бывает, капля может стать океаном, а мы не умеем плавать...

Достоевский... Голову стянуло жгутом, останавливая кровотечение мыслей. Теперь он понял, какое отношение к нему имеет имя великого писателя. Жаль, он не почитатель классической литературы. И литературы вообще. И кто-то собирается использовать эту информацию, чтобы потопить его навсегда под обломками разваливающегося суденышка его прошлой жизни.

Мужчина вернулся в комнату, тут же ощущая, как на шею набросили душный канат спертого воздуха и потянули изо всех сил. Он пытался сообразить, как набрать Элину. Однако звонок так и не прозвучал. Ему не хватило смелости позвонить ей после всего, что он сделал. Или он просто не хотел унижаться и выглядеть идиотом. В любом случае, какими бы ни были его отговорки, он был не готов стать закиданным камнями.

— Вот же дебил, — простонал Дмитрий, сминая в кулаках простынь.

Как он мог быть таким неосторожным? Как дворовой пацан, решивший поиграть в бандита? Менты все куплены. Ими же. И вот теперь дула их пистолетов были направлены против него. Кто-то заплатил больше.

Кажется, для него настала новая эра. Средневековье. Дубль два.

Костры полыхают жаром возмездия. Реки вскипают голодным до нового утопленника возмущением. Вороны почесывают в ожидании клювы.

***

Его душа и тело шли рядом, и все же порознь — такой тонкой стала нить, связывающая их.

Джек Лондон «Любовь к жизни»

Дима стал ее Призраком Оперы. Он пел ей душераздирающие баллады, одаривал

истинным счастьем слушать эту божественную музыку. Но на деле он оказался просто уродом, прячущим свое уродство за маской. Иллюзионист, ловкач, умело сыгравший партию на ее сердце. Маски сорваны. И то, что она увидела за ними, потрясло ее до глубины души.

— Эля, — потрясла ее за плечо подруга, но не получила никакого ответа.

— Никого нет. Закрыто, — прошептала Элина, свернувшись в позе ребенка на диване Жени.

Ставни были наглухо заколочены в ее душе ржавыми гвоздями, жалюзи опущены на все мечты и надежды.

— Ты же говоришь со мной, значит, ты тут, — произнесла Женя, тихонько поглаживая ее по плечу.

— Не я тут, — отчаянно замотала головой девушка. — Лгунья. Предательница. Изменница.

— Ты бубнишь эту чушь уже несколько часов подряд. У тебя что-то было с этим мужчиной?

— Ничего у нас не было. Но мне хотелось держать его за руку и целовать. Для измены вполне достаточно.

— Ну знаешь, многие люди делят постель годами с любовниками и любовницами и ничего.

Женя надвинула тонкое одеяльце ближе к лицу Элины, которую била мелкая дрожь. Ее сердце тревожно стучало в груди от одного взгляда на эту тень с запутавшимися волосами и серым лицом, которая была ее подругой Элей.

— Каждый сам выбирает, сколько грязи сможет уместить его душа. Моя не смогла даже этого вынести.

Элина вздрогнула от мысли о физической измене. Она настолько привыкла к тому, что муж постоянно одной ногой в другой квартире, одной рукой обнимает другую женщину, одной половиной сердца любит другую, что собственная мысль о Диме казалась ей вероломным блудом. Постоянные измены, выбившие себе абонемент на прощение, превращают женщину в собачонку, которая терпит любые пинки под ребра, лишь бы хозяин продолжал ее пинать и дальше. Зато хозяин знакомый. Это лучше, чем жить на улице в одиночестве.

— Элечка, скажи честно, почему ты плачешь? Потому что твоя интрижка, хотя это сильно сказано, с Димой разрушила ваш якобы брак? Или потому что и брака-то у вас не было, но с синяками осталась ты? О чем ты горюешь?

Губы Элины потрескались от того, что она не переставала их кусать от нервов. Она задумалась над вопросом подруги. Неяркий свет гостиной еще больше выбеливал бледное лицо девушки, делая синяки заметнее. Они растекались по ее лицу, словно мазки влажной кисти Ван Гога. Синие пятна на белом холсте. Великий мастер увидел бы в этих пятнах гордость, размазанную порывом лютого гнева по женскому лицу.

— Не знаю, Женя. Теперь мне некуда возвращаться. У меня нет дома.

— Не обманывай себя. У тебя и не было никогда дома. Эля, — Женя ее встряхнула за плечи, — дом — это не то место, где тебя таскают за волосы и бьют по лицу. Кто, какой идиот привил тебе мысль, что дом выглядит так?!

Элина заплакала. Дом — это место, в котором всегда горит очаг, даже если ты изо всех сил пытаешься его потушить. Это место, в котором всегда включен свет, даже когда ты отчаянно бьешь по выключателю. Дом — это люди, которые всегда с тобой, даже если ты

отворачиваешься от них. Дом — это неизблемая константа.

Миша же всегда стремился сжечь ее в этом ласковом домашнем огне, превращая его в адское кострище, будто бы она что-то сделала ему плохое. Наступила на горло его свободе, испортила его жизнь.

Она чувствовала назревающую беду, знала, что все тайное становится явным. И вот ее накрыл девятый вал: части тела разбросаны по океану, а сердце не заштопаешь иголкой.

— Нет, Женя, виновата я. Может, он тоже. Но я никогда не видела его любовниц. Только чеки на покупке белья и иногда звонки на телефон. Не пойман — не вор.

— Ну ты и дуся, Эля. Прости, но мне хочется назвать тебя по-другому. Однако я не твой скотина-муж, я не буду этого делать. Заварю нам чая.

Женя ретировалась на кухню, чтобы остыть. Ее тоже трясло. Апатия Элины и какое-то нечеловеческое желание быть униженной выбивали почву из-под ее ног. Ну зачем терпеть измены?! А у них даже детей нет! Даже если бы и были, нет такого повода, чтобы не любить себя. Она вздохнула. Как известно, себя надо любить. А женщина, согласившаяся терпеть измены, априори себя не любит. Может, и к черту этих баб (а иначе и не назовешь людей без самоуважения), пусть сами вычищают выгребную яму своей жизни?

Но ведь это Эля. Ее лучшая подруга. Как бы она не была готова плевать на других, а смотреть, как лучшая подруга пилит горло своей судьбе тупой пилкой, она не будет!

— Эля-я! Держи свой чай. Мне надо сбежать в магазин, иначе из нашего холодильника даже мышь сбежит, — улыбнулась Женя, — с веревкой на шее. Ей станет стыдно вешаться в настолько пустом холодильнике. Ты не натворишь тут ничего без меня?

— Беги спокойно. Мы с мышью будем ждать тебя здесь. Только я без веревки на шее, — слабо улыбнулась Элина, но ее улыбка была похожа на тщетную попытку завядшего цветка поднять головку.

— Очень надеюсь на это. Я скоро!

Подруга чмокнула Элину в щеку и убежала. Элина дотронулась до щеки. Самый искренний поцелуй в ее жизни, когда за ее спиной не громоздились горы лжи и грязного белья (причем, в прямом смысле — белья Мишиных любовниц). Мужчины так целовать не умеют. По крайней мере, те, которые ей встречались.

Правда, почему он не бросил ее, когда у него появилась любовница? Чашка чая душевно согревала ее ладони, на которых сейчас проступали все костяшки. Мы всегда бежим к крепкому горячему чаю, когда нас снова предадут, снова окунают в грязь, стаптывают на нас ботинки своего лицемерия. Чай, как и подушка, все выслушает и сохранит навеки в тайне.

Любовница... Почему женщины соглашаются стать второсортным мусором в жизни женатого мужчины? Этаким мусорным мешком, который все стоит у порога, стоит, а потом его все равно выкидывают. Любая грязная интрижка длится ровно столько, сколько нужно мусору, чтобы стухнуть. И в итоге все несчастны: каждый задохнулся от смердящей вони. А как хорошо устроились эти гады! Одних женщин держат в качестве прислуги в официальном статусе, других — в качестве мимолетных десертов. Потребители! Элина не могла иначе относиться к любовницам. Ей было жаль этих женщин еще больше, чем бесхребетную себя. Ведь они вылизывают стол после трапезы мужчины с его женой, догрызают косточки несъеденной ими любви, вылакивают из бокалов недопитую ими страсть. Любовницы — лишь жалкие падальщики. Быть любовницей еще хуже, чем женой.

И почему у мужчины не может быть любимой женщины? Просто любимой женщины. Не жены. Они к этому слову с юношеских лет относятся как к синониму слов «раб»,

«крепостная», «невольница». Не любовницы. Данное слово может вызывать только ассоциации «урны», «унитазного слива», «грязи». И только любимая женщина получает сполна уважения и любви, свободы и равенства. И не получает ножей в спину. На спине любимой женщины мужчина никогда не нарисует мишень. А на спине жены можно. Бесплатный тир с живыми жертвами. Или иначе говоря — брак.

Пучина мыслей дыбилась волнами, пенилась яростью и взрывалась тоннами мутной воды. Такой сейчас была ее душа. Элина прижала ноги к себе сильнее, чтобы согреться. Чай начал остывать, пока она размышляла на глобальные темы любви и брака. Все же некоторые институты общества рухнули без следа. Или их никогда не было? Люди никогда не умели любить других людей. Только сжигать на кострах, топить в реках, стрелять в голову, пускать стрелы в сердце. Мы родились с жестокостью в крови, с агрессией, прописанной в генах, с жадной предавать, закодированной в мозгу. И вся эта гадость ждет всего лишь щелчка, который ее активировал.

— Элочка, как ты? Помоги мне, пожалуйста! — крикнула Женя, открывая входную дверь.

Расплескав на себя чай, Элина выбежала в коридор. Что случилось?!

— Женя, что это? — Она почти онемела. — Что с ним?

На руках подруги брыкался и жалобно мяукал тот самый малыш, которого она поила молоком и подкармливала, заходя в гости к Жене. Только выглядел он не так, как раньше. Котенок был грязным, дрожащим, чихающим и с глазиком, заплывшим гноем.

— Смотри, мелкий, это Эля, — Женя поднесла котенка к Элине.

Котенок громко замыкал и протянул крохотные лапки к девушке. Сердце Элины сжалось, застыло, замерло. Она взяла его к себе, а он, малютка, прижался к ней и мяукал.

— О чем он говорит, Женя? — теряющимся в дрожи и всхлипах спросила Элина.

— Просит не гнать его, Эля. У него, как и у тебя, нет дома. И он, как и ты, очень хочет его обрести.

По щекам Элины заструились слезы, пока она прижимала этот грязный комочек, полный желаний жить, к себе. Не так важно, кто ты: человек или котенок — каждый хочет жить, и каждый имеет на это право.

— Нет... я... не могу его взять... Мне же некуда, Женя...

Говоря это, она сжимала его все сильнее. Маленькие, но цепкие коготки котенка скреблись по ее футболке, видимо, поняв, что и она его предаст.

— Поживи пока у меня, — пожалала плечами подруга, не видя в этом никакой трагедии.

— Нет... унеси его... Унеси!

Элина оторвала котенка от себя и отдала его Жене, а он кричал, скулил, молил не бросать его на произвол собачьих клыков, голода, подвальных инфекций и самое страшное — людской жестокости. Ведь для многих людей, даже с виду приличных, стало нормой пнуть котенка на улице и неприязненно скривить лицо. Отчего-то они не кривятся так, видя каждый день в зеркале дрянь с лицом человека.

— Как хочешь, Эля.

Женя поставила пакет с покупками и, взяв котенка, ушла к подъезду. Элина провожала ее взглядом и готова была разрыдаться. Несчастный малыш умрет в таком состоянии на улице! Он... он такой же урод, как и она. Несчастный, преданный людьми маленький уродец. И что же, у уродов нет шанса на жизнь?! У них столько общего. Элина увидела в этом котенке себя. Заливаясь слезами, девушка пустилась во весь опор по ступенькам вниз.

— Стой! Женя, стой! Отдай мне его!

Подруга улыбнулась и вручила ей котенка.

— Кажется, он не верит, что я вернулась, — прошептала Элина, наглаживая кроху.

— А ты бы поверила, если бы тебя только пинали отовсюду?

— Сейчас найду вам коробку — и марш в ветеринарку. Обязательно надо обработать его от блох, иначе Анька (кошка Жени) заразится.

Котенок перестал вопить и мирно засопел у нее на груди, перепачкав всю футболку, иногда чихая. По лицу Элины беспрерывно текли слезы; она никак не могла выплакаться. У нее заплыл глаз от синяка; у котейки — от гноя. Его трясло от простуды, ее — от хандры. Оба были выпачканы в грязи, только разного происхождения. Да они идеальная пара!

Оба понимали это и сегодня просто решили убрать фасад, за которым была пустота.

Артур Хэйли "Аэропорт"

Подъездная дорожка к дому Дмитрия Туманова разразилась семейной драмой, в которой главные герои выясняли отношения на ножах. Кристальная синева облаков перекатывалась по небу лучами солнца, словно валик маляра, оставляя голубые разводы то тут, то там.

Римма подняла взгляд к небу. Солнце — истинный бриллиант, сияющий над их вечно ругающимися головами. Они уже оба забыли, что такое солнечный свет! Постоянный гнев, поднимающийся ядовитыми парами от озера Натрон, в которое превратилась их совместная жизнь, застилал собой все вокруг.

— Да остановись ты, черт возьми, — зарычал Дмитрий, ощущая в горле клокочущую нецензурными словами ярость. — Я сказал, остановись!

— А то что?! Что ты сделаешь?

Римма уставилась на него в безмолвной злости. Ее жизнь стала одним из испытаний великого и ужасного Конструктора. Каждый новый поворот в этом лабиринте оставлял на ее теле все новые раны. Ее гордость кровоточила и изливалась желчью в грудную полость, в которой иссохшими в пыль костями было разбросано ее сердце.

— Долго думаешь. Может, ударишь? — подалась ближе к нему она, ненавидя и любя (или это самообман?) этого мужчину одновременно.

— Я ничего не сделаю тебе. Времена, когда я был так неосторожен, чтобы бить женщин на людях, прошли, — мрачно усмехнулся он, и по коже Риммы протопали мурашки размером со слона.

— Ты так шутишь?

Ее губы дрожали, и голос выдавал с головой всю ее нервозность и суетливость. Ее страх.

— Ну конечно, я шучу, малыш.

Легче не стало. Римма сделала к нему шаг и позволила взять себя за руки, только чтобы не испытать на себе, каково это — стать жертвой домашнего насилия. Ведь в саду никого не было. Никто не увидит.

— Ты же не опозоришь меня перед родителями, Риммуля? — ласково спросил Туманов, хотя его ласка гладила ее по лицу шершавой рукой с оспинами. — Они уже ждут нас в доме.

— Как ты мог подумать такое, Димочка, — так же притворно улыбнулась она, понимая, что в одной комнате с маньяком нужно играть по его правилам. — Я уже успокоилась. Прости меня.

— Вот и отлично.

Он притянул ее к себе за затылок и поцеловал в губы. Римма скривилась про себя. Так целуют проститутки: холодно, отрабатывая оплаченные деньги, когда поцелуи являются лишь товарно-денежными отношениями.

Он вернулся в машину за чем-то, оставленным там. Девушка глянула на него через плечо. Наверное, он оставил где-то между сиденьями свою человечность.

— Риммочка! — всплеснула руками Мария Аркадьевна, мать Дмитрия. — Наконец-то вы приехали!

— Где же мой сын? — тяжелым басом поинтересовался его отец.

Римма от души обняла мать Туманова, чувствуя некоторое родство с этой женщиной. Отец Димы был точно таким же, как и сам Дима. Точнее, сын был копией отца. Такой же чванливый, отстраненный, сосредоточенный только на себе эгоист. Женщины в этой семье были предметами далеко не первой, да и не такой уж необходимости. Для мужчин в семье Тумановых женщина была не более, чем инкубатором для продолжения рода, которая впоследствии становилась пылесборником. И мусора, и вечного недовольства мужа.

— А вот и я. — В доме показался Дмитрий. — Матушка, — поцеловал руку матери, но мать его мало интересовала. Его идейным вдохновителем всегда был отец. — Отец, — обнял его и похлопал по спине.

— Ну что, дамы, на стол накрывать будете? — спросил барин-старший, желая выгнать крепостных побыстрее на их законное место — на кухню.

— Да, да, Риммуль, пойдем на кухню.

Мария Аркадьевна слегла наклонилась, чтобы расправить платье, и девушке показалось, будто она кланяется. Римма вздрогнула. Мать Димы была одета в длинное, струящееся шелковое платье. Именно одета, а не облачена, хотя платье явно стоило баснословных сумм, и его точно нельзя было просто носить, как рыночный сарафан. Это платье заставляло его обладательницу расправить плечи, выпрямиться и твердой походкой нести его в свет. Мать Туманова подавала это платье, этот шедевр под таким кислым соусом, что уже начинаешь сомневаться, а стоит ли оно дороже того самого рыночного сарафана. Вот что неподходящий мужчина делает с женщиной: не позволяет ей даже платье правильно носить!

На кухне все смешалось в какой-то оглушающий гул в ее голове. Но он принес ей прозрение. Миски, кастрюльки, нарезка, мясо, кондитерские изделия... и мысли, мысли, которым не было конца. Она предала все постулаты Ошо о любви.

— Римма, подай сырную нарезку, — голос Марии Аркадьевны словно издалека достиг ее сознания.

Люби себя, и эта любовь притянет любовь другого человека. Любовь искать не нужно, она живет в тебе самом. Любила ли она себя? Судя по успокоительным в сумочке — нет. Жизнь с мужчиной ради денег и прочих благ приравнивает любовь к проституции, а путаны, как известно, жрицы любви.

— Достанешь мясо из духовки, Риммочка? — снова в ее мысленный поток вторглась эта женщина, которая уже осталась где-то очень далеко, в прошлом, как и ее сын.

Не создавай оков, не души любовь. Любовь — это не тюрьма строгого режима, но вся их жизнь стала ремейком фильма «Побег из Шоушенка». Она так задушила его ревностью, что он только и делал, что искал способы сбежать. Ревность порождается нелюбовью к себе. Замкнутый круг.

Господи, да они совсем чокнутые... Просто люди с улицы, заточенные под одну крышу над головой. Более ошибочного решения она не могла никогда принять в своей жизни.

— Римма... помоги... подай... глазурь... коньяк...

— Хватит! — крикнула Римма, отшвыривая от себя кухонную утварь так, будто до нее касались руки прокаженного. — Я... я ухожу, простите.

Девушка выбежала из кухни, следуя по двоящемуся и кружащемуся лабиринту.

— Римма! — звала ее мать Туманова.

— Римма? — удивленный голос самого Дмитрия. — Что происходит?

— Я ухожу от тебя, прости.

Она вылетела в дверь, но ему почудилось, что в окно, разбив его вдребезги. Качнув

головой, Туманов нахмурился. Пусть идет, куда хочет. Все равно вернется. И еще ответит за это представление. Истеричка! Он ведь убеждал родителей, что у них все прекрасно.

Отец негодующе сощурился. Дмитрий вздохнул. Да, он нарушил первую священную заповедь, которую отец вбивал в его тупую (со слов учителя) голову с детства.

«Не совершай дерьмовых поступков, когда кто-то может стать их свидетелем», — процитировал у себя в голове Туманов и осушил бокал коньяка разом.

***

Я не хочу больше ни о чем узнавать. Теперь я хочу быть только счастливой.

Эрих Мария Ремарк "Три товарища"

Элина расчесывала котенка, устроившегося у нее на коленях, и умиленно вздыхала. Впервые она почувствовала себя дома. В чужой квартире, не имея в ней ничего собственного, она была в родном месте.

Кажется, наш дом совсем не там, где оформлена ипотека на наше имя, где оплачены стены, которые становятся нашей тюрьмой. Дом — это вообще не физическое пространство, это люди, которые его расширяют, делая даже самую маленькую квартирку богатейшим особняком.

Взгляд девушки задержался на стенах. Ну конечно, она была самой богатой на свете, хоть и не держала счетов в банке, не колесила по миру и не рассекала по дорогам Москвы на дорогой машине. Сколько помнили эти стены радости, слез, жалоб на жизнь и воодушевляющих тостов? И сколько жизни она оставила зря в стенах своей квартиры, которую они делили с Мишей?

— Он будет судиться за эту квартиру, ты тоже так думаешь? — спросила она у кошки, больше обращаясь к себе.

Малышка мяукнула, соглашаясь со всем, что скажет ее хозяйка. Ведь у нее теперь есть дом! Собственная миска и даже игрушка! Хозяйка протирает и какает ей глазик три раза в день, искупала ее и избавила от кусачих блох. Элина стала богом для этого животного. И так есть: мы, люди — боги для братьев наших меньших, но считаем, что мы настолько всемогущи, что можем предавать их веру в нас своей жестокостью.

Но когда предают нас те, кого мы боготворили, тут же меняемся ролями с несчастными, залазим в их шкуру и стонем, как побитые собаки, задыхаемся, как котята-утопленники в мешке. У бумеранга два конца, и он обязательно долетит до каждого.

— Я ему все отдам, все! — продолжала Элина. — Не буду ни за что бороться, лишь бы он только дал развод. Пусть забирает любое имущество, это уже не имеет значения. Не после того, как он забрал у меня жизнь.

— Говоришь сама с собой? — домой вернулась Женя.

— Женька, привет! А мы тут наводим красоту. Смотри, какая Виски красивая, — осторожно покрутила котенка Элина.

— Виски?

— Да, — улыбка смочила все еще сухие губы девушки. — У одинокой женщины, потенциальной разведенки, дома всегда есть виски.

Смех подруг раскрасил эту тесную однушку не в самом лучшем районе Москвы всеми цветами радуги. Солнце, бесцельно бродившее по небу, слоняющееся от скуки по поверхности этой планеты, единственной в его системе имевшей жизнь, подмигнуло подругам, взметнув свои крылья-лучи и осветив их лица.

— Погода радует, — сказала Женя и села рядом с Элиной. — А это тебе, — протянула

миниатюрный букетик.

Семь небольших розочек головокружительного бело-сиреневого окраса, словно упаковка элитного парфюма, благоухали в крафтовой бумаге с розовыми узорами. Котенок тут же потянулся цепкими коготками к цветам, считая, будто все приносят в дом для нее. Все коты думают, что жизнь человека вертится вокруг них, но никак иначе!

— Мне никогда не дарили цветов, — вздохнула Элина, — не считая праздников в больнице. Но там букеты всегда были одинаковыми для всех медсестер. Чего не скажешь о хирурге...

— Опять ты про эту змеюку Катьку?

Элина не ответила. Змеюка Катька... А ведь Стрельцова любит дорогие вещи. Сумки из настоящей змеиной кожи, например. И не жаль же ей собственных родственников?

— Не будем о ней. Мы тут с Виски обсуждали мой предстоящий развод...

— На который ты до сих пор не подала заявление.

— Жень, я сделаю это. Честно, сделаю! Сейчас есть дела поважнее, и я не знаю, как подойти вообще к Мише, чтобы он меня не убил.

— Полицейского с собой захвати.

Фантомное касание того полицейя (иначе не назовешь!) к ее лицу на секунду вырвало девушку из реальности. Больше она в полицию ни ногой. Даже если будут покушаться на жизнь.

— Знаешь, Эля, тебе просто до жути идет слово «разведенка». Не поверишь, но оно тебе к лицу.

— Иногда развод — это самое правильное, что могут сделать два человека. Отпустить друг друга и больше не мучить. Все мы где-то глубоко в душе делимся на садистов и мазохистов, правда? Одни бьют, другие терпят.

— Надеюсь, что этот козлина даст тебе развод сразу, а не будет упрямиться. Иначе мы его через суд вообще упечем за решетку за побои!

Гнев подруги имел до того заразительную силу, что перекинулся на кроткую Элину. И в ее душе тоже закопался, заворошился вирус враждебности. Отныне она не будет преклонять перед ним голову, а пойдет напролом.

— Врач сказал, когда лучше стерелизовать кошечку? — сменила тему, как закладку в браузере, Женя, чтобышний раз не травмировать и без того порванную на лоскуты душу Элины.

— Да, не раньше шести месяцев.

— Это обязательно надо сделать, Эля.

— Я понимаю, Жень. Уж я точно не стану одной из этих ненормальных разведенцев, которые отпускают своих животных гулять, а потом в коробке выкидывают котят на улицу или топят их. Это же дети твоей любимой питомицы! Или еще лучше: кошка рождает на улице целый выводок и ее забирают домой, а котята пускай дохнут под колесами машин с гнойными глазами и торчащими ребрами. — Элина перевела дыхание. — Как они могут спать потом ночами?

— Мрази спят и не сопят, — отмахнулась Женя. — Вопрос в том, как спать нам, людям разумным и адекватным, когда мы видим этот ад постоянно во дворах? У меня есть объяснения данному феномену. Первый: у таких людей нет головного мозга, а значит, их поведение совершенно не поддается человеческим меркам. Потому что я не вижу ничего сложного в стерилизации. Второе: они идиоты.

— Тебе не кажется, что первое и второе очень похожие объяснения? — хихикнула Элина.

— Нет, небольшая разница все же есть. — Женя покачала указательным пальцем. — Второе объяснение относится к откровенно паскудным личностям, которые твердят о том, что у кошки единственная радость трахаться и плодиться, ты уж прости меня, Эля, за грубость. С чего бы им брать на себя роль господ и лишать животинку этой радости?

Элина знала, почему Женя так сердится. Она ведь уже очень долгое время является волонтером, на собственные деньги спасая и выживая животных. Чем больше единицы стремятся сделать этот мир лучше, тем больше им противостоит толпа.

— И их совсем не заботит судьба несчастных котят и щенят, которых ждет самая незавидная из возможных судеб. Главное, чтобы кошечка потрахалась, — вскинула руки к потолку она и изобразила гримасу на лице. — Идиоты, Эля, ну как еще таких людей назовешь?

— Жень, у нас и люди так живут. Лишь бы спариваться и плодиться. Точнее, плодиться — это уже нежеланное следствие первого. А ума на защиту не хватает. Я помню, как-то ухаживала за девочкой в больнице, — вспомнила Элина, — она очень любила животных, у нее своя кошка была. И она сказала мне, что хоть ей и очень жалко, но она бы постреляла всех бездомных животных, чтобы прекратить их несчастную жизнь.

Воспоминание этого разговора больно кольнуло где-то под сердцем. Даже у детей присутствует понимание происходящего ужаса. Нет осознания способов решения проблемы, но есть понимание самой проблемы. Уже неплохо.

— А толку? Пострелять нужно людей в первую очередь. Ну истребим мы всех дворняжек, но ведь какая-нибудь дура опять выкинет свою кошку на улицу, и мы снова забегаем по кругу!

— Все так, Жень. Все так, — пробормотала Элина, рвавшаяся из плена грустных мыслей. — Не подашь телефон? На тумбочке лежит. Несколько дней не брала его в руки.

Экран ожил сотней пропущенных. У Элины даже глаза разбежались. Это же просто какое-то нашествие людского внимания к ее жизни! Пропущенные от Миши, Димы, медсестер и главврача. Ей хватило духу сделать звонок пока только последнему человеку из этого списка.

— Владимир Николаевич, это Стриженова вас беспокоит.

— Элина, почему ты не появляешься на работе и не отвечаешь на звонки? Захотела выговор? — в этот момент она слышала не добродушного главврача, а его дочь.

Он говорил с ней тоном, достойным насекомого под подошвой ботинка. А ведь она никогда не опаздывала на работу, не допускала никаких ошибок, все исполняла вовремя! Она никогда не доставляла ему проблем. И стоило ей всего единожды оступиться, как он готов вынести ей приговор.

— Нет, я не хочу выговор.

— Вот и хорошо. Тогда...

— Я хочу уволиться по собственному желанию, — перебила, на что никогда не решилась бы раньше, его Элина. — Завтра заявление будет лежать на вашем столе. Спасибо за все и до свидания.

Спасибо за то, что протолкнули свою дочь на мое место. Спасибо за то, что всегда потцовски тепло улыбались мне, отобрав у меня карьеру. Спасибо за все.

Эти слова Элина договорила уже у себя в голове, но ее душа фонтанировала восторгом

от того, что ей хватило смелости хотя бы на те слова, что она произнесла. Это первый маленький шаг, первая крохотная победа на великой дороге к ее новой счастливой жизни.

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.
Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

Все его умозрительные заключения, все, что он знал и умел — вся его жизнь плескалась от одного края бокала до другого. Туманов проглотил остатки коньяка и отбросил пустую бутылку.

— Не зря ты, бутылка, — обращался пьяным голосом к бутылке, — бабского рода. Тоже ненадолго тебя хватило. Но ты хотя бы была вкусной.

Он рассмеялся, отравляя пылинки хмелем своего дыхания и снова посмотрел на несчастную бутылку, которая стала квинтэссенцией всех его печалей и неудач.

— И дорогой, — икнул Дмитрий. — Риммка тоже была недешевой, но не такой вкусной.

Его одинокий смех воздушным змеем с подбитым крылом парил по стенам кабинета. В одночасье смех сменился кашлем. Туманов устало огляделся вокруг. Все это: бумаги, деньги, золотые стены, женщины, продающие себя за деньги, но не стоящие на трассе вручили ему в подарок при рождении.

Ключ от рая. Но почему же тогда в этом раю вечно смердело попойкой? Разве обитателям рая нужно накачиваться коньяком до потери памяти?

— Или нет никакого рая, а попы эти, как и обычно, только языками чешут, — пробурчал мужчина, предпринимая попытку встать.

Стены стали съезжаться прямо на него, и Туманов снова упал мешком в кресло. Отец преподавал ему столько уроков жизни, слепил из него монстра по образу и подобию своему. Искусно выточил из камня чудовище. Так почему же сейчас, когда его так заедало собственное скотство, отец не предлагал ему спасительной пилюли?

А потому что нет пилюли от дурного воспитания. Есть только шишки, набитые ответным ударом жизни, и потери, которые сыплются градом. Он топтал эти градины, безжалостно расплющивая их, но каждая потеря оттяпывала от него по куску и, пережевывая, сплевывала в грязь.

Дмитрий расфокусировал взгляд и, кажется, его душа пребывала сейчас где-то в другом измерении, том, где можно подумать, побыть мазохистым и погоревать о том, чтобы все изменить. Как же это место называется? Вспомнил! Дешевая уборная на заправке, пропитанная выхлопными газами и смрадом, или иначе — мечты. И всегда на двери висит табличка «Занято».

Время сократилось до пульсации в его голове. Черная точка, бьющаяся сердечным ритмом и вибрирующая стремительной кровью в венах, разрослась до состояния эйфории, открывающей двери сознания и распаивающей окна восприятия.

В школе ему всегда нравилось. Нравилась эта безраздельная власть над учителями, поварами, слугами и даже одноклассниками. Дима всегда знал, что эти люди — лишь обслуга, челядь. Его родители платят деньги за то, чтобы он мог обращаться с ними, как ему вздумается.

— Сашка, как ты ешь эту гадость? — спросил он и выплюнул прямо на стол омлет. — Дерьмо какое-то. Эй, женщина, уберите тут немедленно!

К столу тут же подбежала крупная женщина лет сорока и стала усердно натирать стол, боясь поднять взгляд на виновника грязи. У нее дома двое детей и муж ушел, и квартира съемная, и родителей нет... Она должна тереть усерднее, чтобы этот мальчик, Дима Туманов, не пожаловался отцу. Все-таки платят хорошие деньги за эти унижения.

Рядом с Димой стоял его лучший друг Саша Янг. Его всегда удивляла фамилия друга, но он чувствовал, что эта фамилия из разряда тех, которые не помешало бы заиметь в списке друзей. Он был в каком-то смысле kleптоманом — тащил в свое гнездо все, что блестит, все, что выглядит не так, как остальные предметы.

— Нормальный омлет, — шепнул ему Саша на ухо, наблюдая за жалкой возней этой женщины, которая была лишь пожелтевшей травинкой под ногами богатых этого мира. — Наша кухарка такой же делает по утрам. Мне нравится.

— Значит, гнать надо вашу кухарку в три шеи, — громко крикнул Туманов, наслаждаясь пьяным вкусом мнимой власти. Все глаза и уши столовой были обращены к нему. — Моя мать готовит настоящий омлет, а это, — с презрением ткнул в тарелку пальцем, — помои какие-то! Идем, Санек.

Дмитрий развернулся и, точно Моисей, прошел сквозь столовую. Перед ним расступались люди, словно стены воды. Он, кажется, чувствовал в ладонях эту энергию. Взмахни рукой и направь ее на кого-нибудь — убьешь тут же.

— Классно тебе, — тихий шелест голоса друга достиг слуха Туманова, — у тебя мама есть.

— Да, мамка — это хорошо. Всегда прикроет перед отцом, даст денег, приготовит еду. Короче, сочувствую тебе. А где твоя мама? Умерла?

— Почти.

Тогда, много лет назад, ему не было интересно ничто, касающееся этого парня Саши Янга. Его мать, семья, переживания... Главное, что у него все отлично. Ну не всем везет в этой жизни, на кого ж теперь злиться?

Теперь Туманов знал, что в те дни, когда он упивался иллюзией своей всемогущей мощи, купленной отцом и выражающейся в моральном доминировании над более бедными людьми, его друг жил в клетке с железными прутьями, как звереныш. Родители были в разводе и время от времени развязывали кровавые войны друг против друга, деля недвижимость, машины, ювелирные изделия, даже аукционное столовое серебро (об этом он позже узнал) и никогда не интересуясь судьбой сына.

— Знаешь, Саня, — Дмитрий вышел за здание школы и потянул за собой друга, — на мой взгляд, мамка безусловно нужна, но не так чтобы без нее было невозможно жить. У тебя же кухарка есть? Есть. Полы моют у вас? Моют. Отец бабки дает? По твоим костюму и часам вижу, что дает. Ну и на кой черт тебе мамка?

— Мне не нужна мамка, — робко ответил Саша, стараясь не прикасаться дорогой белой рубашкой к стене школы. Папа постоянно на работе, а он еще будет рубашки портить! Тогда вообще отца не увидит. — А вот от мамы бы не отказался.

— Чудак ты, — покачал головой Туманов и достал пачку кубинских сигар. — Будешь? У отца стащил, у него целый ящик таких.

— Нет, я не хочу. И в школе нельзя курить.

Хохот Дмитрия разнесся по округе и забрался в кирпичи и трещины на здании школы.

— Ты знаешь, сколько стоит год обучения здесь? — Друг помотал головой. — И я не знаю. Но думаю, что в эту стоимость включено даже убийство на территории школы.

Саша отшатнулся от Димы. Он почти не с кем не общался в виду все больше выедающей его социальную жизнь замкнутости. Ему было некомфортно в окружении полноценных семей. Непроизвольно он стал задаваться вопросом, в чем же причина такой плачевной ситуации в семье? По всей видимости, этой причиной был он.

— Да расслабься, — Туманов толкнул этого странного парнишку в бок, — все хорошо.

Кольца дыма вились пепельно-серыми ящерицами вокруг Дмитрия. Саша кашлял, ощущая жжение в горле от этого удушливого дыма. К ним подбежала какая-то девчонка, похожая на старшекласницу.

— Вы что творите? — закричала она, активно жестикулируя.

— Свали отсюда, — все, что ответил ей Туманов.

— Ты оглох? Меня директор к тебе отправила! Ты куришь почти под ее окнами.

Саша опасливо поднял взгляд вверх. Дима даже не вынул сигару изо рта.

— Иди, или хуже будет, — с нажимом произнес тот, сверля наглуую девчонку неадекватным взглядом.

Его глаза покраснели и слезились. Пальцы немного дрожали, но осознание всей кругости ситуации не позволяло изменить модель поведения. На улице было сыро, лужи разъели асфальт своей мокрой грязью, птицы восседали темными силуэтами на уже начавших лысеть деревьях.

— Ну давай! Что ты можешь? Ты хоть знаешь, кто мой отец?

Слова этой выскочки с хвостиком бросили ему вызов, который он не мог не принять. Словно весь мир стал красной тряпкой, а он — быком. Не понимая, что делает, Туманов дернул девушку за хвост и толкнул на землю.

— Еще добавить? — высился над ней, все еще дымя сигарой, но уже ощущая горечь.

Очертания кабинета стали явственнее проступать. Ангелы и демоны бьются в бесконечном сражении, у которого не может быть никакого финала. В нем они боролись недолго. Крылья ангелов кровавыми перьями разметало по всем сторонам света, а демоны, напившись сполна его отравленной богатством крови, вооружились жезлами и скипетрами, заявляя свою безграничную власть над его существом.

Дмитрий смял в руках бумаги, валяющиеся на столе. Просто чтобы знать, что он реален сейчас. Отец тогда преподавал ему самый жестокий урок жизни, который навсегда сделал его тем, кто он есть. Тем, кем он всегда будет.

— Ты, кусок идиота! — орал отец, кружа вокруг него, точно грифон. — Придурок! — пощечина откинула его голову влево. — Я же говорил, — сгреб его за воротник рубашки, — говорил совершать любые гадости так, чтобы тебя не видели!

Он оттолкнул от себя сына и в раздражении пнул резную ножку кресла. Не ребенок, а идиот!

— Ты в курсе, кто папаша этой девки?!

— Нет.

— Плевать на девку! — кричал мужчина, захваченный собственной тирадой и смерчем эмоций. — Ее папаша самый влиятельный адвокат Питера! Он может сгноить нас к черту, затаскает по судам и похоронит там же!

— Прости, пап.

Дима отвечал ему, как робот, не чувствуя за собой вины. Если на девку плевать, то в чем проблема? Он же ее обидел, а не папашу.

— Прости! — плевался от сочащегося из глотки гнева отец. — Прости! Дима, я тебе уже

это говорил. Скажу последний раз. И если ты меня не услышишь — пеняй на себя. Тебя никто здесь не держит. Садись в машину и катись в город. Иди в обычный двор и можешь сколько угодно пинать тамошнюю малышню. Их родители ничто, даже пикнуть не смогут. Та ситуация с собаками тебя ничему не научила?

— Прости, папа.

— Ну хочешь ты стрелять в этих собак из своей пугалки — стреляй. Плевать на пушистых зверин, но, Дима, черт возьми, делай это так, чтобы потом вся желтая пресса не обсасывала это на первых полосах своих вонючих газетенки! Делай это так, чтобы собаки были бездомные, на которых никто и не посмотрит, а не какой-нибудь фифы, которая раструбит потом по всей округе, какой у меня жестокий сын.

— Я тебя понял, пап.

— Ты же можешь отличить дворового уродца от этой мелкой крысopodobной собачонки в костюме? Вот и делай выводы.

— Сделаю.

Отец с красным от напряжения лицом опустился в кресло. Ох уж это воспитание! Эти дети!

— Перед девкой завтра же извинишься. — Бросил перед ним карту. — Купишь самый дорогой букет, какой будет в продаже. Прикупи ей что-нибудь из ювелирки. И, Дима, — злые бусинки-глаза отца прошили его до холодного пота в ладонях, — ты будешь валяться в ее ногах столько, сколько понадобится для прощения. Ты меня понял сейчас?

Стянув карту со стола, Дмитрий кивнул.

Тот день стал переломным в судьбе Дмитрия Туманова. Он сделал необходимые выводы. И больше его отец никогда не знал, сколько мрака клубится в его голове, сколько скелетов своей необузданной жестокости он спрятал в анналах истории. Никто не увидел. Все было сделано в лучшем виде.

***

Разве все мы не брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга и потому мучать себя и других?

Л.Н. Толстой "Анна Каренина"

Жидкими каплями бриллиантов по ее черному зонту стекал дождь. А затем на нем расцветали едва заметные узоры. Кажется, такой стала и ее жизнь. Лил непрерывный дождь, но только сейчас стали появляться узоры.

Черные лодочки Элины шагали по летнему мокрому асфальту, отбивая ритм новых свершений, неизбежных изменений, что уже танцевали вальс на кострище ее прежней жизни. Они извивались в безумном танце с бубнами, призывая духов уверенности в себе, решительности и любви.

Слишком рано закрыв зонтик, Элина поймала на лоб пару крупных капель, съехавших на своих жидких спинах с крыши больницы. Она улыбнулась, промакивая лоб бумажной салфеткой.

— Эля, привет! — поздоровалась медсестра за стойкой регистратуры. — Возвращаешься на работу?

— Возвращаюсь в жизнь, Алин, — еще шире улыбнулась энергией тысячи солнц Элина.

Когда мы чувствуем готовность сделать шаг вперед, ветер жизни сам бьет нас в спину, не давая нам ни секунды на промедление. Ее ноги бежали к кабинету главврача так, словно она вчера научилась ходить. Почти тридцать лет ее жизни прошли, и они потрясающе

прекрасны. В них было все: и радость, и любовь к себе, и вдохновение совершать новые победы, а после мелодия ее жизни упала до ля-минора, и она испытала горечь утрат, ненависть к себе, неверие в лучшее.

У кабинета Стрельцова в очереди находились три человека. Элина впервые почувствовала наглость, чтобы быть бестактной и дерзкой настолько, чтобы ворваться в его кабинет без стука и соблюдения очереди.

— Владимир Николаевич, заявление. — Оставила на его столе лист бумаги, заполненный с истинной душевностью, на котором каждая буква была выведена с любовью. — Две недели отрабатывать не буду. — Он хотел открыть рот, но напор Элины был сокрушительным. — Любые санкции и взыскания на ваш вкус.

— Элина...

— Думаю, найдутся еще несчастные, карьеру которых вы загубите ради эго вашей дочери. А оно ненасытное, вы знаете. Сколько ни корми, а Катя требует все больше.

Слова вылетали саранчой, инфицированной неукротимой злобой, изо рта Элины и расплзались по лицу главврача. Их укусы оставляли на нем язвы. Девушка ликовала. Реванш спустя годы. Никогда не поздно нанести ответный удар тем, кто бил тебя слишком долго.

Дверь в кабинет Стрельцова закрылась, словно бы опустилась крышка музыкальной шкатулки, и все злосчастные мелодии стихли. Навсегда. Отныне она настроит инструменты заново, и никакой фальши, заунывной музыки или оглушающего пения нестройных голосов ее комплексов.

— Элина! — голос Катерины набросил ей на шею удавку.

Сильным движением рук она скинула ее с себя. Больше эти гладкие, но на самом деле костлявые ручки с маникюром не будут ее душить. Довольно.

— Как всегда, Катя, встречу и тебя обязательно. Хотя не поминала вроде черта.

— Какая ты стала смелая. — Неизменные каблук Стрельцовой вмиг сократили расстояние между девушками. Лицо Катерины парализовало шоковым состоянием. — Что с тобой?

— Ничего. Я просто больше не прячусь. — Элина покрутила лицом в разные стороны. — Стесняться себя — первый признак клинической смерти души. Да, я больше не красавица. Да, у меня шрам на половину лица! И да, теперь у меня синяки на другой половине. А я не стесняюсь. Мне не стыдно.

Душа Элины была закидана дымовыми шашками, дым застилал собою прежние робость и боязливое преклонение перед каждым, кто казался ей выше нее самой. И ростом, и социальным статусом. Она пришла в больницу полностью без макияжа. Без тонального крема и пудры. Со шрамом и синяками. Со своим лицом, а не с маской. За руку с Элиной, а не с какой-то притворщицей, для которой играть стало профессией.

— Скажите, Катерина Владимировна, вы счастливы? — задала свой главный вопрос она, приближаясь максимально близко к бывшей подруге. — Скажи, ты получала моральное удовольствие, когда он бил меня? Ничего особенного не чувствовала в тот вечер, наверняка проводя его с новым мужиком? Ах, прости, с новым богатым и красивым мужиком. Я-то могу о таких только мечтать, а ты спец.

— Что ты хочешь всей этой своей жалкой тирадой? — не стусевалась Катерина. Железную леди ножом не поранишь. — Что я показала видео твоему мужу или что я шлюха?!

Стрельцова осеклась. Ее макияж выдавал крайнее удивление. Очерченные бронзером

скулы вытянулись, следуя за мимикой лица девушки. Удлиненные стрелки чуть приподнялись, повторяя контур теперь расширившихся глаз.

— Да, Катюша, ты знаешь про видео, ведь именно ты его прислала Мише. — Элина не злилась; ее сердце танцевало на летнем фестивале, раздетое в лиф из ракушек и цветное парео. — И я так тебе благодарна. Синяки стали смертью наших отношений, которые мы построили словно в одолжение кому-то, самим себе. Спасибо, Катя.

Смерть считается последней болью. Эти синяки стали ее смертью. Муж последний раз ударил ее, и она готова сказать ему спасибо. Моральное уничтожение она могла бы терпеть еще очень долго, но его кулаки вынести не смогла.

— А насчет шлюхи, как ты выразилась, — продолжила Элина, не ощущая страха и тянущего к земле желания склонить голову, — решать тебе. Задай себе этот вопрос, когда будешь ложиться в койку, дорогую постель, прости, с очередным люксовым мужчиной. А мне тебя не понять, так и есть.

Стрельцова молчала. Парировать нечем. Оружие опущено. Магазины автоматов пусты. Весь заряд выпущен себе же в голову. Элина не стала дожидаться, пока оппонент по интеллектуальным коридорным играм найдет следующее острое оскорбление и направилась к выходу из больницы.

— Остановись, — спокойно попросила Катерина. — Элина, остановись.

— Нет времени, извини. Я тебя уже достаточно слушала. Много лет. Уши вянут.

— Элина! — Стрельцовой пришлось добежать на цыпочках (каблуки-то совсем не для бега!) до Элины.

— Кстати, я уволилась. Больше тебе никто не будет мозолить глаза.

— Думаешь, сможешь начать все сначала? — фыркнула подруга.

— Начать никогда не поздно. Не поздно встать с колен, в какой бы грязи ты не валялся. Наконец-то я это поняла. А ты зайди к папочке и скажи ему за все спасибо.

— Перестань уже винить меня во всем. Никто не виноват, что тебе не повезло с родителями.

— Заткнись, стерва продажная, — прошипела Элина. — Тебе-то повезло с родителями! Ты получила место хирурга, а меня твой папаша отправил работать на скорую с увещеваниями о скорых карьерных перспективах, а пока поработай, Эля, на холоде и в жаре, почти всегда голодная и уставшая, подбирай бомжей на улицах и неадекватных алкоголиков! Пока я пыталась выжить на этой адской скорой, вытаскивая с того света буйных наркоманов, которые, как окурки, валяются на дорогах, ты в красивом платье принимала клиентов в своем кабинете! Это из-за тебя мое лицо в таком неприглядном виде. Каждый раз смотря в зеркало, рисуй этот шрам на своем личике. Тебе понравится, поверь мне.

Воспоминания о том дне, который навсегда поставил печать уродства на страницах ее жизни, осыпались сажей в душе. Она аккуратно смела ее в заржавевший совок и без сожаления выкинула.

— Как бы там ни было, все неважно. — Невозмутимая безмятежность разлилась по нервным клеткам Элины. — Настоящее таково, что наша война закончилась, Катя. Ты победила по-своему. И я при победе, я счастлива. Так пусть каждый упивается своим триумфом, пока не станет горько пить из этого кубка.

Следующий шаг Элина сделала уже из здания больницы. Полная сил. Сияющая сильнее солнца. И оно дружелюбно согласилось уступить ей первенство сегодня, выставив вперед своих легионеров цвета морской пены — пушистых облачков.

Только вперед. Только к счастью по этой скоростной дороге жизни. Она начет все заново, оторвет от листа клочок и напишет на нем новую историю успеха и любви. А может, возьмет целый ватман — и никто не сможет остановить ее.

Не может быть привидений в мире, который никогда не знал жизни.

Артур Кларк «Лунная пыль»

Мысли, все цвета и оттенки его намерений, янтарными отблесками плавали в бутылке арманьяка. Мезон Желас Арманьяк Миллезим — как же он обожал все виды элитного алкоголя... Особенно, если подумать, что у кого-то зарплата меньше, чем стоимость этой бутылки, которую он может, даже и не выпив до конца, отправить в урну.

Так и с жизнью: он не выпивал до конца все чувства, не побеждал, отступая при первой же трудности, не сражался, сложив мечи слишком рано в угоду своему трусливому альтер-эго.

— За жизнь, — воскликнул Туманов, играя в пустом театре, стараясь воодушевить и вдохновить на блистательную рецензию лишь одного критика — себя самого.

— Ты уверен, что такое количество бухла с утра и жизнь — совместимые понятия? — разрушил всю магию пьянства Алекс. — Пьянство вообще мало похоже на жизнь.

— Это не пьянство. Ты что, Санек? Как у тебя язык поворачивается обозвать распитие сего великолепного напитка пьянством?

Алекс ухмыльнулся, наблюдая из-за кулис уже не первое выступление этого артиста двух ролей: пьяницы и жертвы. Туманов был искусным лжецом самим себе: похоть, подкрепленную следованию общественным традициям, он называл любовью к Римме; беспробудное пьянство, пусть и за кругленькую сумму — распитием великолепного напитка.

Дьявол тоже называет убийство лишь избавлением.

— Дим, все зависит от того, как ты обзовешь то или иное понятие. Для кого-то аборт — это убийство, а для других — решение проблемы.

— Ну пьяница я и что? И разве убийство не может быть решением проблемы?

Язык Туманова одеревенел, и каждое новое слово оставляло занозы на небе. Ему было так все равно, так безразлично, так неважно все, что сейчас скажет друг. Скажет отец. Общество.

— Вечно вы все что-то говорите, говорите, — он сделал соответствующий жест руками, изображая незакрывающийся клюв, — а сказать ничего толкового не можете!

— О чем ты? — не понял его Алекс; вроде говорил пока без умолку только сам Туманов, и ничего вразумительного еще не получалось. — Твои слова можно собирать, как пазлы из разных упаковок.

— Я о том, — икнул он, расширяя границы сознания, за которые уже просачивались хмельные ручейки, — что папаша постоянно учил меня жизни. Но почему же я не живу тогда, а существую?! Он говорил, говорил, говорил, у него было столько теорий и постулатов, но что вышло в итоге?

Алекс пожал плечами, так и оставаясь в неведении, о чем болела душа Туманова. Что за конфликт с отцом? Он вообще мало распространялся о своей жизни. Все, что Алекс знал о лучшем друге, это то, какой он идеальный, но несчастный в личной жизни. Единственные неудачи Туманова, которые он видел, были связаны с Риммой.

— Туманыч, тебе надо проспаться.

— Утро на дворе! — махнул в сторону окна тот. — Я бодрствую.

За окном действительно постепенно рассеивалась бледная пелена. Небо умывалось,

примеряя на щеки румяные лучи солнца и поправляя прическу из растрепанных белокурых облаков.

— Но в голове у тебя, похоже, ночь.

— Отвали, Сашка, — огрызнулся Дмитрий, вытряхивая из кряхтящей от возмущения пустой бутылки остатки арманьяка. — Хотя нет, прости, дружище, — почти слезно пропел он. — Спасибо тебе.

— За что? — задал вопрос только для поддержания видимости беседы Алекс.

Разве можно понять эту бессвязную болтовню, словно алкоголь запустил некую химическую реакцию в голове друга? Алексу казалось, что где-то глубоко в душе Димы живут саблезубые тигры, что рвут его на части, когда никто не видит. С их клыков свисают кровавые ошметки, а шерсть багрится от пролитой крови, но стоит только кулисам разъехаться — и актер начинает отдавать реверансы и усиленно кланяться.

— За то, что спонсируешь пойлом по себестоимости. Классно, — Туманов сглотнул, хватая за шкуру свои бегущие в разных направлениях мысли, — когда у лучшего друга сеть лучших магазинов алкоголя. Заметил, ты просто лучший?

Хриплый смех мужчины прорезал воздух колючими звуковыми волнами так, что тот весь съежился и зажал нос пальцами, только бы не вдыхать перегар.

— По-моему, в случае с тобой — это явный минус.

— Каким был занудой в школе, таким и остался.

Двери восприятия стали воротами, в которые он отчаянно бился, но они безмолвными стражами стояли на пути к его памяти. Постоянный бег от себя, и тьма, улыбающаяся улыбкой девственницы, которая знает, что непорочное зачатие — лишь уловка. И вот в ее чреве уже созрел монстр, и имя ему Дмитрий Туманов.

Сашка всегда был занудой и неким скучным дополнением к его буйству. Если Туманов был неоновой палитрой, то Янг — всеми оттенками серости, коррозионными пятнами на их рисунках жизни. Но однажды пробил час изменений. Они закончили школу, и, казалось бы, все уже понятно, роли розданы, сценарии заучены наизусть. Туманов продолжал исполнять главные роли в детективе, где он сам был преступником и Эркюлем Пуаро в то же самое время. Игра в кошки-мышки, где кошка преследовала собственный хвост не прекращалась никогда.

— Кажется, я все же изменился, — пробормотал Янг и отвел взгляд от разложения друга к погоде, что кокетничала с ним из-за штор.

Сашу Янга ждала революция взглядов, бойня мировоззрений. Катализатором фатальных событий, сделавших его человеком, с которым теперь всеми миру приходится иметь дело, стал день, когда отец привел в дом его новую «маму» — девчонку на пару лет старше его. Девчонку, которая в кружевных шортиках скрывалась за дверью отцовской спальни, и потом его, юношу с играющим в крови максимализмом, мучили эти извращенные сцены любви похотливого старика, разбившего их семью, и этой безнравственной малолетки.

Варфоломеевская ночь в тот день унесла жизни десятков тысяч чувств мальчика. В ту ночь головы на эшафот сложили вера в любовь, добро, семью. Были казнены через повешение надежда и сострадание, четвертованы человечность и чувство меры. Он стал безмерно жесток к себе и окружающим людям.

И никаких масок, притворств, маскарадных костюмов. Он надел свою главную маску — истинное лицо. И только злоба, затаенная на отца, оставалась тайной за семью печатями в его темном подземелье, куда он спускался только один в сопровождении остро наточенных

ножей подлой злости, бьющей из-за спины, и отливающих кровью жертвы, которая пока еще мирно спит, топоров.

Алекс тряхнул головой. Опилки и прочий мусор воспоминаний невидимым хламом вывалился у него из головы. Не имеет значения, кто или что стоит во главе его нового «я».

— А в чем собственно причина твоего распития сего напитка, Туманыч? — одумался Алекс и решил все-таки узнать, в честь чего накрыт стол.

— Риммка ушла. Да еще и как эффектно, — кривлялся он, — подставив меня перед родителями.

— Этого можно было ожидать. У вас все к этому шло.

— Пусть катится, куда хочет. Она мне не нужна.

Сказав это, он приложился к горлу новоиспеченной невесты — новой бутылки, на которой бы он женился — до того хороша чертовка! Она ему не нужна. Римма не нужна ему! Так не нужна, что он даже выпьет за это.

— Что тебя больше расстраивает: тот факт, что она ушла, или тот факт, что подставила тебя перед родителями?

Туманов задумался, но мыслительные процессы, точно забитый грязью слив в душевой, стопорились и булькали отчаянием в тухлой мыльной воде. Задуматься о чем-то сейчас он был неспособен.

— Не парься, — видя, как друг пытается нащупать еще живую извилину, сказал Алекс. — Я тоже расстался с Алиской. И тоже не жаль.

Они подняли бокалы, и реальность растворилась в утонченном позвякивании стекла, унося с собой разочарования трезвости.

***

Нельзя стать кем-то, никем не пытаюсь стать.

Павел Санаев «Хроники Раздолбая. Похороните меня за плитусом-2»

Прохлада безразличного утра забиралась под ее тоненький кардиган, нагло лапала тело и в мгновение ока улетучивалась при мысли о том, что снова придется переступить порог этого здания.

Элина направлялась к больнице в последний раз — забрать документы после увольнения. Чувствуя, что новая дорога уже открыта для нас, мы не спешим ступить на нее. Нужно обязательно дать страхам и сомнениям потешить себя напоследок.

Ее голову не покидали мысли о том, что она взяла слишком крутой поворот и не сдюжит управление этой гоночной машиной. Слишком дохлой старой рухлядью была ее жизнь, чтобы в один момент стать спортсменом. После радости победы над Катериной и ее отцом, неизбежно пришла грусть со своей вязаной шалью, которую она так уютно набрасывает нам на плечи.

Не было уверенности, что она поступает правильно. Ее дерзость в разговоре с Катей быстро потухла, стоило пройти часу после их встречи. Это был заряд в пустоту, пуля прорезала воздух и не достигла цели, только выпотрошила ее душу. Быть серой мышкой проще: спрятался в свой уголок и нет тебя. Львица же никогда не будет прятать даже кончик своего хвоста в норе. Именно этого сейчас хотелось Элине: найти свое скромное дупло в самом старом и никому не нужном дереве и укрыться там с головой.

Слава богу, общаться со Стрельцовым не придется. Просто подойти к секретарю и забрать документы. Очень простой алгоритм действий, на который у нее должно хватить духу.

Она почувствовала легкий удар и шум, которые вывели ее из ступора мыслей.

— Разуй глаза, овца! — на нее обрушился шквал ледяной воды с примесью обломков чьей-то злости и грязными комьями чьего-то негодования.

— П-простите, — выдавила из себя она, шокировано взирая на пирожные, зверски размазанные по полу и похороненные под пластиковой упаковкой, в которой, по всей видимости, сюда прибыли. — Я не понимаю, как это вышло.

— Еще бы ты понимала, — пыл мужчины не остывал ни на градус. — Когда пить-то перестала, алкоголичка несчастная?

— Я... я не пью...

— И говорить уже разучилась. Дома и сиди тогда, ясно тебе? Раз не можешь на людях себя вести нормально.

Элина спиной попятилась от места преступления, не отрывая взгляда от жертв ее жестоких действий — пирожных. Картошка. Господи, за такую мелочь этот мужчина готов был ее растерзать. Мужчины, похоже, не то чтобы обмельчали в их век — вовсе перевелись. Только и остались что внешние признаки маскулинности, однако нормой стало сидеть, когда старушка с тяжелым вздохом хватается за поручни автобуса, повышать на женщину голос из-за любого пустяка и так далее по списку.

На глаза попался туалет, и девушка юркнула туда. Похоже, это стало ее любимым местом в больнице. Воздух не успевал попадать в ее легкие, как она тут же его выгоняла оттуда, подталкивая сзади метелкой. В итоге Элине потребовалось около пяти минут, чтобы прийти в себя.

— Ну почему алкоголичка? — тихо, но в то же время истошно громко прошептала она своему взлохмаченному отражению в зеркале.

На нее смотрела самая обычная женщина тридцати лет в чистой строгой одежде. Аккуратная летняя сумочка. Украшения на шее и запястьях, какое-то милое колечко на пальце. Волосы заколоты в формальную прическу, но пара прядей выбилась. Лицо было слегка припудрено, чтобы хоть немного скрыть начавший желтеть синяк и шрам. Ногти без покрытия лаком, но подстриженные и подравненные.

Все как надо. Все прилично. Но в этой восковой кукле, заточенной под всевозможные стереотипы о серьезной роли женщины в этом мире, не было жизни.словно напечатанная раскраска на дешевых сероватых листах. Всего тридцать, а уже безжизненная. Всего тридцать, а уже заказала и оплатила собственные похороны. И ведь не надо взаправду умирать, чтобы быть погребенным!

— Что бы ты сделала, Эля, если бы любила себя? — спросила она, обращаясь к своей душе, которая боялась быть смелой, боялась выходить из тени на свет.

Проживая всю жизнь в тени собственных страхов, не стоит удивляться, что в итоге и дневной свет тоже пугает.

Сжав руки в кулаки, девушка вышла из уборной. Охлажденный кондиционерами воздух стал азартным ветерком, который похлопывал ее по плечу и шептал, что она на верном пути. Надо любить себя больше всех остальных людей на свете. Надо стоять за себя всегда и перед всеми.

— Возьмите, пожалуйста. — Она нашла того мужчину на прежнем месте и оставила перед ним деньги.

— Что это? — в его голосе все так же непристойно кривлялось презрение.

— Стоимость вашей человечности. Ну или пирожных, которые я случайно смахнула на

пол. Желаю вам удачного дня.

Быстрой походкой Элина удалилась от места происшествия под смущенный взгляд мужчины. Все эти ее отчаянные жесты были лишь паллиативами, не более. Временный укол морфия, но пациент все равно умирает от рака. И она умирала, загнивала в этой жизни. Нужно что-то менять, срочно, кардинально, навсегда.

Она скользила взглядом по светлым стенам и номерам кабинетов. Это здание было вторым ее мнимым домом. Какой же непроходимой ложью она заставила свою жизнь, точно коробками с хламом после переезда. Понимаешь, что все эти вещи тебе не нужны, от них можно избавиться, но ты все равно громозишь коробки друг на друга с мыслями, что еще пригодятся. Данное занятие, что езда на велосипеде без колес — бессмысленно и травмоопасно.

Интересно, о чем сейчас думает тот мужчина? Да и мужчина ли он вообще? Кто есть мужчина в их век? Добытчик? Кормилец семьи? В ее голове вырисовывался лишь образ неудачника с маленькой зарплатой, готового за любую копейку удавиться самому и удавить любого и не способного к свершениям и лидерству. Мужчина двадцать первого века — это все тот же властитель, считающий женщину своей вещью, но значительно потерявший хватку и амбициозность.

Образ ее мужа. Бывшего. Который скоро станет бывшим. Вот уволится она с работы и тогда подаст заявление в ЗАГС. Сейчас бы с одной проблемой разделаться.

Как оказалось, работа в больнице больше не ее проблема. Порвать эту нить было очень легко: ей просто отдали документы и отпустили на все четыре стороны, пожелав едким тоном удачи в работе в сфере медицины.

— Спасибо большое. Еще встретимся, когда я стану главврачом, — зачем-то выпалила она и закрыла дверь, отрезая от себя ухмыляющуюся секретаршу.

Это именно секретарша. Наглая, бестактная баба, любящая обсуждать свой новый вульгарный маникюр с кучей страз и цветочков под чай с печеньем в рабочее время. Ерунда, конечно. Навряд ли она вернется в медицину вообще, не говоря уже о том, чтобы стать главврачом.

На улице распогодилось, и солнце бегало от одного прохожего к другому, радостно пожимая руку то тому, то этому, заключая каждого в дружеские объятия. На душе заскребли кошки. Те самые подвальные, несчастные, о которых они недавно говорили с Женей. Буквально раздирали ее душу своими острыми грязными когтями.

Не светит ей работа в медицине. Поздно уже. Навык потерян, остались только книжные знания. Кто ж ее с ножом подпустит к человеку? Не светит и новое замужество. Какой мужчина захочет обременять себя такими проблемами, связываясь с неудачницей? Под черными очками заблестели слезы.

— Лина? — кто-то остановил ее, удерживая за локоть.

Элина сняла очки и проморгалась. Кого она опять не заметила?

— Дима? Это ты?

— Не веришь своим глазам? — усмехнулся он. — Что с твоим лицом? Ты плачешь?

— Остановись, — устало отмахнулась она, не желая выслушивать всю эту жалость. — Убери от меня свои руки.

Мужчина отпустил ее и отошел на шаг назад. Не будет провоцировать. Он пришел сюда не за этим. Честно признаться, он и сам не знал, зачем ходил к этой больнице каждый день. Она была нужна ему. За эти дни вынужденной разлуки, когда в его черепе десертной ложкой

ковырялась память, а за тем облизывала ее с видом истинного удовольствия, он сходил с ума от одиночества в полупустой квартире. Она была единственным человеком в его новой жизни. Может, эгоистично, но он просто желал видеть ее рядом.

— Мы можем поговорить? Пожалуйста.

Элина не чувствовала сил сопротивляться, как одинокое дерево, застигнутое врасплох ураганом. Все равно ведь сила ветра повалит на землю, ну и зачем тогда бороться? Девушка кивнула, понимая, что их разговор просто формальность.

Они прошли к скамейкам на территории больницы и устроились на разных концах друг от друга. Мужчина вздохнул, но принял правила игры. Он ублюдок. Она имеет право сторониться его, как чумного.

— Говори, я тороплюсь, — соврала Элина, ведь торопиться ей было некуда.

— Я уже недели две хожу к больнице в ожидании тебя. Мне сказали, что ты уволилась, но должна прийти за документами... Точное число никто не знает.

— Неинтересно. Еще что-нибудь? — оборвала его девушка, но на деле была поражена тем, что он ходил к больнице каждый день, чтобы встретить ее.

Дмитрий внутренне подобрался. Ему было сложно не смотреть на ее лицо, по которому расплылся уродец-синяк и гоготал шрам. Он догадывался, что у нее есть какие-то дефекты на лице, но чтобы настолько... Еще можно уйти и бросить эту женщину навсегда. Тем не менее он продолжал сидеть.

— Я хочу извиниться перед тобой за тот инцидент с письмом. Я не знал, что так будет. В цветах содержалась инструкция, и я, как идиот, начал ей следовать.

— Все верно.

— Что именно?

— Как идиот. Впервые ты сказал правду.

Он перевел взгляд на детей, играющих неподалеку. Все в его жизни было неправильно. Он упустил так много шансов стать человеком, задушил своими руками все хорошие чувства, причинил боль стольким женщинам и не только им... Черт! Он не хочет отпускать Элину! Ее внешнее несовершенство ерунда по сравнению с его душевным уродством.

— Прости меня, — еще раз повторил он, искренне прося у нее прощения.

Дмитрий точно знал, что делал это искренне. Ведь просить прощения ему приходилось первый раз в жизни.

— У тебя все? Я могу идти?

— Лина! — Не выдержав, он притянул ее к себе. — Почему ты так холодна со мной? Я могу встать на колени перед тобой.

Элина думала о том, что она совсем не холодна, а горит сатанинским огнем внутри, не зная, какую тропу выбрать. Прощение было канатом над рекой Стикс, равнодушие к его словам — раскрошившейся веревкой над Летой. Что ни выбери, сгинешь в смертоносных водах этих рек. Дмитрий же понимал, что красноречие может сыграть с ним злую шутку. Вдруг она захочет его публичного унижения?

— К чему тебе это? Не понимаю.

— Я просто хочу, чтобы ты вернулась в мою жизнь.

— Как у тебя все легко! — крикнула Элина и оттолкнула его от себя, поддаваясь эмоциям. — Лина и в полицию сбегает, и все желания исполнит! Еще и останется побитой за твои же прихоти!

— Это он сделал? — Сильная рука мужчины прижала ее к себе. — Это твой муж

сделал?!

Расплакавшись, она все же осталась в своем уме. В его объятиях было тепло, но это объятия Иуды, а предатели всегда гладко стелят, да жестко спать.

— Тебя это не должно волновать. Найди себе другую Лину и разрушь и ее жизнь тоже. Не ищи меня никогда!

Элина вскочила со скамейки и побежала к выходу с территории больницы. С каждым шагом она теряла частичку себя. С каждой слезой из нее также выходила кровь. Она переживет все эти потери, пусть даже потеряет все, что у нее есть. Но обязательно приобретет что-то новое.

Дмитрий с горечью наблюдал за ней, убегающей от него, словно от чудовища. Таким он и был. Что ж, попытает счастья с отцом. Не везет в любви, повезет в чем-нибудь другом. А возможно, это и близко не любовь, вот и не везет?

— Слушаю.

— Алло, отец? — Он набрал номер отца, который с таким трудом (с помощью хитростей и уловок) достал.

Звонок прервался. И тут его знать не хотели. Набрав номер еще раз, он услышал лишь, что лишен доступа к вызываемому абоненту. Попал в черный список. Притом, у всех сразу.

То был новый мир, вещественный, но не реальный, и жалкие призраки, дышащие мечтами, бесцельно скитались в нём...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд "Великий Гэтсби"

Картонный домик рухнул. Самообману нет больше места в его жизни. Такой большой особняк стал таким маленьким, сжался до крохотной точки, плевавшейся пустотой.

Алекс бродил прозрачной тенью по комнатам, которые никогда не были ему домом. Не защищали. Не дарили тепла. Просто давили стенами с коллекционными картинами от лучших мастеров планеты, с потолка свисали пыточными инструментами дорогушие люстры, привезенные на заказ из-за границы.

— Не дом, а каземат, — пробормотал он, ударяя кулаком по очередной картине.

Золотая рама не вынесла такого оскорбительного отношения и треснула. Прокофьев Алексей Матвеевич «Зимний пейзаж».

Он разрывал картину с такой ненавистью, словно это полотно было его жизнью. Порви лист — и начни все заново. Однако «начать все с чистого листа» не более, чем метафоричное выражение. Разорвать эти древние пыльные пути, связывающие нас с враждой и отвращением к людям не так-то просто.

— Не жизнь, а инквизиционная пытка, — крикнул Алекс, и его злость обрушилась сокрушительным ударом на следующую картину.

Гребаные признаки богатства и принадлежности к высшему обществу. Да что есть это общество?! Не нужны ему никакие картины. Слишком грубая душевная организация у него. Не смыслит он ни черта в этих художниках, направлениях, веяниях и течениях.

Богатство — лишь пыль в глаза. Можно завешать стены подлинниками картин величайших художников, заставить полки книжного шкафа коллекционными изданиями, завалить кухню посудой из чистого золота, но душа все равно может остаться бедняком в прохуdivшейся шубе и дырявых лаптях. Истинное богатство не купишь. Нет таких ценников и чеков, что могли бы покрыть слабоумие душевных качеств.

— Иди ко мне, моя милая. Самая искренняя моя любовь, — невнятно произнес он и начал мучить бутылку бургундского, смыкая на ее горле руки, жестоко извращаясь в попытках открыть вино без штопора или даже ножа.

Мужчина взревел от неповиновения этой сучки, за которую он отвалил не одну тысячу зеленых. Да за такие деньги она должна сама ему отдаваться! Как и все бабы делают: сами скидывают свои шелковые и кружевные одежки и занимают почетное место в его кровати. До сердца правда еще никто не добрался. Этот Эверест не покорится никому.

— Чертова поганая бутылка, — как маньяк, шептал он, доставая нож сомелье из множества столовых приборов, к которым его так тщательно приучал отец.

Матери-то никогда не было рядом! Он выжил ее из дома, из жизни сына. Саша Янг не помнил, чтобы мама читала ему сказки, гладила по головке, пока он собирал свою башню из кубиков, купала его перед сном... Но он помнил все эти уроки этикета, этого надутого перфекционизма в угоду надменным устоям богачев.

Штопор отлетел в сторону, когда пробка была вытащена из злосчастной бутылки. Алекс накинудся на вино, словно обезумевший на свою порцию таблеток. Первый глоток оказался буруном, который ударил его горло, точно нос корабля и расплющил его всмятку.

— Хорошо пошла! — рывкнул мужчина и рывком выдвинул ящик со столовыми принадлежностями. — Ненавижу вас! — кричал он и выкидывал по одному прибору.

Стена застонала от боли, когда ей прямо в лоб прилетела вилка для гарнира, а следом за ней соусная ложка.

— Господи, зачем одному человеку столько долбанных ложек?! — зверствовал он, раскидывая в разные стороны сметанную ложку и нож для бифштекса. — Зачем столько вилок, если счастья они не приносят? — Дверца холодильника стеснительно пискнула, встречая вилку для рыбы. — Ага, холодильник!

Алекс распахнул его нечеловеческим движением, не забывая отпивать из бутылки. Сколько в этой электрической кладовке еды! Если ее всю продать, можно накормить какую-нибудь Ивановку!

— В Ивановке, наверное, у Саши есть мама и готовит ему блинчики, а не эту гадость, — он швырнул тарелку с розовой форелью в винном соусе в стену.

Обои из тисненой кордовской кожи с вкраплениями двадцати четырех каратного золота приняли на свой счет этот акт вандализма против роскоши и богатства и сморщились, оттирая соус со лба.

Алкогольное опьянение привело его в кабинет, а точнее — к столику из темного стекла, с которого были халатно, без заботы о чувствах скинуты бизнес-журналы и документы. Руки Алекса тряслись. Отношения с Алисой закончились, и ему не было жаль.

Их семейная жизнь — это дешевый серый картон, переработанный из туалетной бумаги. Их отношения — это бульварный романчик, который не стал бы читать даже в туалете, даже при самом сильном и долгом расстройстве живота. Не было сил выносить эту скуку в ее глазах и одиночество, с которым он завтракал каждое утро, хоть она и задавала ему банальные вопросы о планах на день.

Если Туманов мог и хотел терпеть Римму и их спектакль, поставленный кем-то без воображения и страдающим от горячки, то ему это было не нужно. Надоела любовь без любви, надоело одинокое веселье, надоело притворяться.

Белая дорожка забвения — мост в другой мир, где все иначе, где он родился в правильном месте и в правильное время, в нормальной семье — прочертила своими крошечными ножками путь по бездонно черному стеклу столика. Через какое-то время (что за величина такая — время?) мысли Алекса приносили жертвы ритуальным кострам, сжигая в них весь свой негатив. Есть все же один плюс у денег: они лишают тебя всего, но могут дать средство присыпать боль волшебным порошком.

— Присыпка для души, — рассмеялся он и снова наклонился к столику.

Это первый раз, когда он переступил за черту. Первый раз его ботинок был настолько смел и бесстрашен, чтобы стереть линию, начертанную разумом. Состояние мужчины сравнялось с бессмысленной эйфорией, когда кайф не приносит сознательного счастья. Просто пустота стала дружелюбней.

Именно в этот момент, когда его качали в своих объятиях ангелы, только не белокурые и не с милой улыбочкой на целованных богом губах, а черные и с красными рогами, раздался звонок по видеодомофону. Не смотря на посетителя, он впустил его.

— Алекс, ты дома? — знакомый голос окликал его, но понять, кому он принадлежит, невозможно. — Алекс!

— Кто там пришел, — промямлил мужчина, — можешь заходить сюда.

— Привет! — его встретила Римма.

— Да ладно. Ты?

— А что тебе так удивляет?

Взгляд девушки скользнул к столу. На нем все еще возвышалась целительная белая горка. Но не всегда исцеление идет во благо. Целителями вымощена вторая дорога в ад. Все только и делают, что ищут, как бы добраться до Преисподней самым коротким путем.

Алекс встал, находясь в двух реальностях, ибо предметов интерьера стало в два раза больше.

— Риммка, Риммка, бросила Туманова, — кривлялся он сам себе где-то в голове, но рот открывался и закрывался вслух. — Риммка посмела бросила Димку. Риммка, Димка. Димка. Риммка.

Сбившись со скороговорки, он также не удержал равновесия и повалился на Римму.

— Успокойся! Я пришла поговорить насчет Димы...

Римма не договорила, так как ее прервал наглый поцелуй вкуса наркотического опьянения. Язык Алекса не слушался, разучившись целоваться.

— Ты что?! — закричала она, отталкивая его и одновременно поддерживая, чтобы он не упал.

Знает она этих мажоров. Упадет, а за шишку на лбу засудит или отправит за решетку ее.

— Давай сделаем это. Ты же свободна. Я тоже. Так хочется, — он дотянулся до ее уха, — этого, ну ты поняла, — захихикал, как глупый ребенок, Алекс.

В его сознании танцевало вальс бессознательное и животное, все самое мерзкое, что в нем было. Мозг он насытил долей своего дурмана, осталось отдать должное телу.

— Прекрати! Мы с Димой может...

— Да не может ничего быть! Он сам мне недавно говорил, как ему плевать на тебя, как ты подставила его перед семьей! Ставлю сотку, он уже новую нашел и представил отцу.

— Ты лжешь, — губы Риммы задрожали.

— Не веришь? Смотри!

Алекс достал телефон и набрал друга. Громкая связь передавала каждое слово без зазрения совести.

— Димыч, Риммка хочет к тебе вернуться. Возьмешь назад?

— Ты бухой, что ли? Перенял эстафету?

— Отвечай на вопрос, спортсмен.

— Пусть катится к черту. У меня не приют для сучек. К тому же, из них уже целая очередь стоит. Кого-нибудь выберу, может даже на сегодняшнюю ночь, — врал Туманов, лишь бы не выглядеть нытиком и слабаком перед другом, а Риммке он потом позвонит, и они все уладят.

— Довольна? — не соображая ничего, спросил у нее Алекс. — Сучка ты, а у него не приют. Ну как хочешь.

Он поплелся в сторону дивана, но ноги готовы были отказать и постелить ему на ближайšie часов десять на полу.

— Ладно, я согласна! — остановила его Римма.

Черт с ним. Туманов же его лучший друг. Посмотрим, как он сможет это пережить со своей очередью. Может даже на сегодняшнюю ночь.

Видя состояние подопытного (а их секс будет именно неким экспериментом над человеком), она взяла дело в свои руки. Да свершится правосудие! Римма наказывала Туманова, считая, что так ему будет больнее; Алекс вершил справедливость над всей своей

жизнью, не считая и не думая ничего вообще — просто цветные пятна перед глазами, просто по венам течет блаженство. И пусть жизнь идет своим чередом.

***

До чего же теперешние молодые люди все странные. Прошое вы ненавидите, настоящее презираете, а будущее вам безразлично.

Эрих Мария Ремарк "Три товарища"

Свежий ночной воздух теплыми пузырьками щекотал кровь Элины. Давно она не выходила ночью на балкон и не любовалась звездами. Только ютилась на своей части кровати с нелюбимым мужчиной в холодной квартире. И тепло их дома никогда не зависело от времени года — там всегда было холодно, как в морге. Наверное, поэтому в нем и жили трупы некогда людей и доживали свой век останки чувств.

— Виски, малышка, — поймала шкодливый комок шерсти она и поднесла к открытому окну. Котенок тут же пугливо высунул нос и завилял хвостом. — Какой огромный мир, правда? А мы так в нем одиноки.

— Кто это тут одинокий? — к ним присоединилась Женя. — У вас какое-то шило в одном месте! Ты время видела? Моя мурка спит и даже не шевельнется, а вы все мир разглядываете.

— Женька, я так давно не дышала ночным воздухом. Подружки не зовут в бар отметить чей-нибудь день рождения, их просто нет. А ты сама дома сидишь. Муж не приглашал в ночной кинотеатр или на прогулку по Москве. Тысячи людей мечтают жить в столице! — в сердцах воскликнула Элина. — Я живу, но почему же мечта так горька на вкус?

— Потому что мечта, Элька, это блюдо, которое надо вкушать правильно, а не жрать его, прости мой русский. И компания должна быть соответствующая, а не этот мужлан, которому и пельменей хватит. Мечты для гурманов, подруга, а не для пожирателей любой гадости.

— Хочешь сказать, что я сама виновата в том, что город мечты не приносит мне счастья?

Виски громко мяукнула, опережая Женю. Девушки засмеялись, и Элина прижала котенка к себе сильнее. Кажется, она впервые узнала, что такое любовь. Кто-то любит мужчину, кто-то — свою коллекцию советских фантиков от конфет, а она... она нашла любовь в этом пушистом энерджайзере, который ночами раскапывает сокровища в своем лотке (иначе любовь к копанью в песке и не объяснишь), прыгает на обои и задирает кошку Жени — да начнется война до утра!

— А кто еще, Эля? Никто не заставляет нас мучиться от нелюбви к нелюбимым. Никто не заставляет нас спать с нежеланными. Никто не приставляет нам к виску дуло автомата и не пинает на невыносимую работу. Мы собственные палачи и надзиратели в этой тюрьме.

— Если бы не эта скорая и не этот алкаш, будь он проклят, — всхлипнула Элина, отпуская котенка, чтобы не дай бог не уронить с балкона.

— И что тогда? — безжалостно наседала на нее подруга. — Ты бы похоронила себя на этой скорой в любом случае, так бы там и сгнила, пока мадам Стрельцова делала бы себе карьеру через папочкино кресло! Ты бы так и не открыла рот, Эля, и ты это знаешь. Вышла бы замуж за какого-нибудь другого придурка, и все повторилось бы вновь. Возьми себя в руки уже наконец!

Женя резко крутанула девушку к себе и с болью посмотрела на ее мокрые глаза. Такая прекрасная Элина. Замечательный человек с огромным сердцем, открытым для всех и

каждого. В такие сердца чаще всего и вонзают кинжалы.

— Ты красивая, Эля. Ты чудесная. Обворожительная. Вся эта красота спрятана не за шрамом, а за твоей ненавистью к себе. Полюби себя, слышишь, будто нет больше людей, достойных твоей любви, будто ты одна в этом мире — и остается только смириться с собой такой, только любить себя!

Элина расплакалась. А звезды кивали своими маленькими головками, светясь все ярче, дабы поддержать ее — искорку жизни, которая так тщательно пытается затушить себя.

— Миша, — вымолвила сквозь слезы девушка, — увивался за мной, когда мы учились в ВУЗе, чуть ли серенады под окном не пел. Какой я была тогда мудрой, что отказала ему. Конечно, в моей жизни были такие парни, такие мужчины... Но их сдуло первым попутным ветром, когда Элина перестала сиять красотой. Когда слухи о том, что родилась новая звезда медицины стихли, уступив место правлению династии Стрельцовых. А потом волк, видимо, решил, что может добить лань. Может наконец ощутить триумф ее согласия.

— Да урод он, а не волк! Чтобы ты знала, волк убивает жертву быстро и уже доедает ее мертвой. А твой несчастный падальщик ест тебя заживо все годы вашего брака!

— Ты права. Я наделала много ошибок, так много, что их хватило бы на население одного городка.

— Ну наделала и молодец. Теперь пришла пора все исправлять. У меня уже глаза слипаются, Эля, а ты можешь тут хоть до утра стоять и размышлять, но завтра пойдешь к этому питекантропу и сообщишь о разводе. Ясно?

— Ясно, — вздохнула Элина.

Женя ушла досыпать, а она снова обратила свой взор на звезды. К Мише идти не хотелось, но не всегда мы можем делать только то, что нам хочется. Придется испить из этой чаши яду до конца.

Она вглядывалась в звезды, а в голове крутился на голове, жонглируя руками и ногами, вопрос о жизни на других планетах.

— Где же вы, зеленые человечки? Почему так долго молчите? Неужто ошибся Малдер, веря в вас?

Бесконечная, засасывающая в себя империи, войны, геноциды, эпидемии, жизнь и смерть пустота таинственно молчала, храня в себе загадки мироздания. Согласно уравнению Дрейка, у нас еще есть шанс установить контакт с внеземной цивилизацией. Однако нельзя не вспомнить сразу же и парадокс Ферми.

— Одни противоречия вокруг...

Утро принесло с собой новизну мыслей и ароматный кофе, который Женька уже варила на кухне. Элина решила никуда не спешить и посвятить время себе любимой, сделать то, чего никогда не делала. Не посвящала время себе и не любила себя.

— Готова подстрелить этого Мишку косолапого? Я никогда не была так за браконьерство, — встретила ее подруга, ранней пташкой летая по кухне.

— Как бы браконьеру не уйти из логова медведя без головы.

— Бросай эти страхи. Прямо бери их за уши и бросай в котел с кипящей водой.

Элина усмехнулась и поднесла чашку с кофе к губам. Жжет, но аромат ласкает обоняние. Все ее утра были наполнены спешкой на работу, приготовлением завтрака мужу, который нежится в предутреннем сне. Почему он никогда не делал ей омлет с утра? Она ведь тоже работает! Почему она пахала на него, приходя после тяжелого дня в больнице, а он смотрел футбол с пивом и бутербродами, которые она приготовила?!

— Это неравенство меня бесит, — выпалила Элина. — Почему даже при раскладе, когда оба в паре работают, прислугой остается все равно женщина?

— Потому что бабам так нравится. Типа распределение ролей. У него же все равно работа тяжелее, чего это он будет еще дома напрягаться. Короче, сами мы сделали из некогда защитников принцесс с волосатой грудью и мускулистыми ногами. Потом эти принцессы закатывают капризы с кулаками, бегущими впереди них. Почему ты сама не встала в позу и не сказала, что тоже устала и тоже не прочь, чтобы к твоему приходу дом сверкал? — спросила Женя, наполняя миски котов всевозможным кормом.

Виски подбежала к своей миске, снова будто впервые видя еду и боясь, что ее отберут. Ела она, чавкая и расплевывая во все стороны корм и молоко.

— Некоторые люди прямо как бывшеуличные коты. Так набрасываются на жизнь и буквально трескают ее за обе щеки, не успевая пережевывать, боясь, что отберут кусок. А потом от жизни только отрыжка в виде измен и прошедшей в бытовухе любви и несварение от вечных ссор и недопонимания. — Элина допила кофе и теперь следила за Виски, которая никак не могла напиться сытой жизнью.

— Да ты поэт, — хмыкнула подруга.

— Книг много читаю.

— А пора бы уже на время отодвинуть книжки и прикупить себе кружевное белье.

— Кружева не заменят мозг.

— Кто ж спорит! Но книжки не заменят крепких отношений и регулярного секса. Ты уже от своего мозга достаточно настрадалась. Дай себе побыть женщиной, которую мужчина захочет оберегать и окутывать заботой. Ну или просто захочет для начала.

Элина потупила взгляд. Она до сих пор стеснялась подобных разговоров, как маленькая девочка, которую поставят в угол за любую сказанную пошлость.

— Чего ты краснеешь? Понятное дело, с этим козлом у вас секса не было. Или был, но даже в СССР его было больше, чем у вас, — прыснула от смеха Женя. — Идешь сегодня к этому пережитку прошлого и все ему высказываешь, затем заруливаешь в магазин с дорогим бельем и уже с комплектиком цвета шампань можешь навестить этого своего пациента.

— Диму?! — Элина задохнулась.

— Ну если он Дима, то Диму. А что такого? Сама сохнешь по нему, это же видно. Забей на то, как он поступил и чем руководствовался. Просто секс. Дай своим гормонам побеситься не только у тебя в крови, но и на деле. Так и с ума можно сойти. К тому же, он извинялся.

— Я его не простила, — мотнула головой девушка.

— Мой тебе совет: дай ему шанс, Эля. Второй шанс заслуживает любая тварь двуногая. Ну не можем мы все с первого раза сделать как надо. Выслушай его обязательно, а потом уже и про комплектик можно будет подумать.

Элина насупилась. Она хотела игнорировать Диму, не давать ему власти над собой, но раз даже Женя говорит, что можно... Она выслушает его. Это справедливо. Даже преступникам на электрическом стуле дают последнее слово. А тут всего лишь она — Эля.

— Миша звонит, — голос Элины запыхал страхом. — Не к добру это.

— Поставь на громкую. Если что, пошлю его сама.

Элина так и сделала. Прогнав глупые страхи, она ответила.

— Ну привет, Элечка.

— Что... что ты хочешь? — старалась придать голосу твердости, но у ее самообладания

дрожали коленки.

— Где ты сейчас живешь? У этого сукина сына? — не давал ей передышки муж.

— У кого? О чем ты?

— Я про твоего любовника, который сегодня махал кулаками в моей квартире.

— Нашей квартире! — крикнула Элина, решая вступить с ним в бой. — Что он делал?..

— Ты эту квартиру обгадила своими шашнями, поэтому она больше не твоя. А своему Димочке, — прошипел он, — передай, что за синяки и сломанную руку я заявлю в полицию! И укажу этот факт при разводе. Ты же явно хотела ко мне прийти с этим вопросом?

У Элины кровь застыла в жилах и осыпалась грязными осадками. Он читает ее, как брошюрку, которые раздают в метро и на улицах. Дима... что он сделал...

— Чего молчишь, изменница? Радуетесь, что натравила на меня своего пса? Ну так мы еще встретимся и с ним, и с тобой!

Звонок был сброшен мужем. Элина и Женя переглянулись то ли в страхе, то ли в удивлении. Господи, что же теперь будет...

Мы не можем предать то, чему не были преданы.

Этель Лилиан Войнич "Сними обувь твою"

— Еще раз! Сильнее!

В тренажерном зале запах пота смешивался с запахом играющими мускулами амбиций и хвлящейся мышцами конкуренции. Тяжелый рок сменял не менее тяжелый рэп в стереосистеме.

— Все, я пас, — выдохнул последний кислород из легких Алекс и отошел от тренажеров.

Прошел месяц после его «белого» загула. И до сих пор он расхлебывал последствия. Если телу хватило пары дней беспробудного сна, а желудку — излияния всех переживаний унитаза, то душа требовала чего-то иного. Поэтому он и вкалывал в зале днями, только бы забыть о своем поступке.

— Да ты зверь в последнее время, — тренер похлопал его по влажному плечу и оставил на время.

Черт знает, сколько еще придется оставить времени и пота в этом зале, чтобы прийти в себя. Мужчина скинул с себя мокрую насквозь майку и закинул ее за спину. Он чувствовал себя дешевой мятной жвачкой: готов прилипнуть ко всему, что встретится на пути, и так же отвратительно воняет.

— Ты реально зверь, — к нему подсел Олег, знакомый по качалке. — Никогда так не вкалывал.

Все люди в его жизни либо какие-то знакомые, проходящие сквозь его судьбу, даже не оставляя следов, либо женщины, пятнающие его сердце своей «любовью», которую он так охотно покупает. А потом страдает. Кидает им деньги на грязную простыню и мучается. Иногда мазохизм — осознанный выбор садиста.

— Никогда так не блевал тоже. Приходится восполнять баланс душевных и физических сил.

— Думаешь, колотя грушу, избавишься от впечатлений всей своей жизни?

Алекс перевел вопросительный взгляд на этого Олега. Кто этот парень? Кто они все, люди, которые здесь колотят грушу рядом с ним? Он же приходит сюда чуть ли не каждый день, уже много лет, но дальше разговоров о гантелях, блинах и штангах дело не заходило. Огромное количество людей вокруг тебя не гарантирует наличия общих тем для разговора.

— О чем ты, дружище? Отравление не самое яркое впечатление моей жизни. Оргия на Ибице будет покруче, — самодовольно хмыкнул Алекс, не ощущая внутри тех же острых эмоций, что когда-то канцелярскими кнопками врезались в поролон его души.

Когда-то секс, а особенно различные извращенные его формы, заставлял чувствовать свое превосходство, мужскую силу и власть. А теперь... секс стал просто галочкой в анкете «Живете ли вы полноценной жизнью». Еще как живет. Настолько полноценной жизнью, что приходится водить дружбу с наркотой.

— Кокс ты точно никогда не забудешь, в отличие от Ибицы. Можешь мне поверить.

— Что ты сказал? — недовольно начал Алекс, чтобы поставить незнакомца со знакомым именем на место.

— Что слышал. Думаешь, ты один такой, кто внезапно приходит и начинает насиловать

тренажеры?

Алекс до хруста сжал кулаки. Ну он дурак. Известное дело, что в этом зале занимаются только обеспеченные мужчины, а значит шлюхи, попойки, наркотики — все это было само собой разумеющимся... и легальным.

— Не парься, — Олег стукнул его кулаком в плечо, — орать об этом на всю округу не собираюсь. Вижу, что в первый раз.

Его смех резанул слух Алекса. О нем говорят, как о жалком наркомане, который якобы прячется ото всех. О нем шушукуются в пыльных углах тренажерки, передавая поганые сплетни, как о крысе, которая пытается затаиться со своим куском заплесневелого сыра в норе.

От пожирающих его душевную плоть мыслей оторвал голос Туманова. Тот походкой победителя промаршировал в душное помещение, забирая еще больше воздуха для своего раздувшегося эго.

— О, Санек! Я уж было подумал, что ты прячешься от меня. Где тебя черти носят?

— Ничего я не прячусь! — возмущился Алекс, отодвигаясь от Дмитрия.

Мерзостное ощущение секса втроем. С того момента, как он залез в одну койку с Риммкой, ему стало казаться, будто он переспал и с Тумановым тоже. Его буквально выворачивало от этой мысли, что он предательски переспал с девушкой друга. Поэтому и убегал от встречи с ним, как только мог быстро и далеко.

— Какой-то ты странный. Обкурился, что ли? — продолжил приставать к нему Туманов.

Глаза Алекса округлились до состояния тарелок... летающих. Они что, все у него лбу читали о том, что произошло?

— Что ты несешь, Туманыч? Дурак?

— Ладно, пусть я дурак, хотя ты ведешь себя по-идиотски.

— Почему такой счастливый? Аж светишься. Глаза слезятся от твоего света.

Дмитрий развалился на скамейке, отстукивая назойливый ритм скуки и нервного возбуждения телефоном по дереву.

— Мы с Риммкой снова вместе и... — он сделал таинственную паузу, стреляя таинственными взглядами во все стороны.

— Ждешь аплодисментов? — кисло спросил Алекс; горечь во рту стала еще сильнее.

Он видел ее голой, трогал ее тело... Словно смотрел в обнаженную душу Туманова. Грош цена их дружбе, если хлипким мостиком между ними встали зеленые атласные трусики. И да, черт возьми, он помнил ее белье.

— Риммка беременна. Эй, ты чего? — Туманов кинулся к другу и стал слегка постукивать его спине — того пробрал давящий кашель.

— Не ожидал таких новостей. Счастлив, папаша?

— Да, знаешь, есть некое чувство радости. Хотя бы не противно, уж полдела. Наследник, как-никак.

Пару минут прошли в молчании, что усердно мылило веревку для шеи Алекса. А может, и для шеи Дмитрия тоже. Никто не знает, кто падет первой жертвой предательства: предавший или преданный.

— Есть одна загвоздка, — выговорил Туманов и, согнувшись ближе к Алексу, продолжил: — Я боюсь, что ребенок может быть не моим.

— А чьим еще? — со лба Алекса только холодными каплями не струился пот; он уже

видел кровавую драку в стенах этого спортзала.

— Да кто знает, — пожал плечами Дмитрий и откинулся на спинку стула. — Но скоро узнаю. У нее срок пока меньше двенадцати недель.

— Можно установить отцовство до рождения ребенка?

— Санчес, ну конечно. За бабки можно хоть самому родить. Но пока не хочется, — рассмеялся друг, но эти смешинки аллергической пылью залетали Алексею в нос, и хотелось чихать. — Говорят, это опасно и очень дорого. Ничего, все потерпят: и моя карта, и Риммка, и плод.

— Ребенок, — неосознанно поправил его Алекс.

— Нет же, плод. Когда на сто процентов буду уверен, что это мое — станет ребенком. А пока плод.

— Думал, что будешь делать, если окажется не твоим?

Глаза Туманова алчно сверкнули, даже в свете дня наводя панику на смотрящего в них.

— Убью. И ее, и плод, и того, кто не удержал свои причиндалы, стоило мне отвернуться на минуту.

***

Не злой вы человек, а исковерканный.

Ф.М. Достоевский "Братья Карамазовы"

Боль в спине создавала иллюзию того, что его тянут во все стороны сотни заводных кукол. Эта боль агонией разливалась по всем мышцам и позвонкам. Пожар съедал кожу и все мысли своим ярким пламенем.

Дмитрий приволок свое гнивающее от боли тело в ванную. Он уже миллион всяких тюбиков купил, но толку от них, если он не может нормально ими воспользоваться?

— Чертова фигня, — зло выплюнул он, рассматривая красную спину в зеркало.

Дотянуться до всего пораженного участка не получалось, поэтому он постоянно смазывал одну и ту же площадь спины, которая уже сияла ожогом, а спина так и продолжала болеть.

— Как они вообще работают годами, — застонал он и, переставляя с трудом ноги, доплелся до кухни. Диван встретил его плюхнувшееся на него тело с громким воплем негодования — скрипом. — Сдохнуть можно после первой недели.

Полное безденежье заставило его податься в грузчики, на задворки одного из супермаркетов. Труд сделал из обезьяны человека, но в его случае все произошло с точностью до наоборот! Из человека этот каторжный труд превратил его в согнувшуюся макаку с удлинившимися руками.

Неужели полстраны так и живет? Буквально калечат себя на работе и получают за это копейки, на которые еле-еле можно рассчитаться с долгами за квартиру и купить самой простой, неизысканной еды?

Спину немного отпустило, но вихрь мыслей закрутил его голову. Теперь он остался один, стал по-настоящему одинок: некому спину намазать мазью! Подобное не снилось ему в самом страшном сне, а ведь он считал свою жизнь кошмаром наяву, который не растолкует ни один сонник мира.

— Вот и последняя остановка. Безысходность. Просим пассажиров покинуть вагон, — общался сам с собой Дмитрий. — Вонючий, дешевый, нищесредского класса вагон.

А с кем ему еще говорить? Может, с телевизором? Он нащупал застрявший в диване пульт и включил ящик, который теперь висел на стене. Разве это телевизор? У него дома

плазма висела на всю стену, в кинотеатр ходить не надо! А это что? Зато телешоу неизменно вещают о трудностях бытия.

— Мажор сбил женщину с коляской и скрылся с места преступления. Что будет дальше? И смогут ли родственники пострадавшей добиться наказания? — с чувством кричал на всю студию ведущий и размахивал планшетом с визжащими от головокружения листами.

— К черту.

Он выключил телевизор и вздохнул. Как выбраться из этой компостной ямы, пока его еще черви не сожрали?! Как вернуть то, что принадлежит ему по праву?

Достоевский. Теперь фамилия классика русской литературы стала значить для него так много. Он никогда не читал «Идиота» или «Белые ночи». К чему? В школе интереснее было намекать девчонкам на всякие пошлости на уроке, чем слушать учителя. Таким он и вырос: пустоголовым бабником, не способным на настоящие чувства. Однако литература все равно ворвалась в его жизнь смертоносным стихийным бедствием, только вот прозой тут и не пахло. Больше подойдет нуар...

— Папаша тварь, — процедил сквозь зубы он. — Не ожидал от тебя такого.

Черный список? Хорошо. Так и быть. Только он и в черном списке, и в ядовитом болоте выживет! Сколько бы они его не топили, не душили, не строили против него козней — последнее слово, которое выбьет им всем зубы, останется за ним.

Один дьявол знает, что будет дальше. Кому звонить, писать, верить... Вопросы оставались на какое-то время открытыми. Сейчас так хотелось, чтобы просто кто-то был рядом, только бы знать, что он реален, что все это ему не снится.

В дверь робко постучали. Дмитрий застонал, собирая из недр своего некогда довольно спортивного тела (которое теперь, как ему казалось, обвисло и стало дряблым) последние силы.

— Кто бы ты ни был, желаю тебе мучительной смерти, — прошипел он, хромая к двери.

— Привет! — слишком бодро выпалила Элина, репетируя это слово пять минут в голове, пока ждала, что Дима откроет. — С тобой все хорошо?

Он кое-как выпрямился, чтобы не сгибаться, как несчастному старику, перед женщиной, чье прощение ему еще предстояло вымолить.

— Привет. Да. Входи.

Элина вошла и тут же сморщилась. Ну и вонь! Не уступает их больничному смраду или как она называла царящий в больнице запах «букет венерических и прочих заболеваний». Девушка съежилась, вспоминая больницу. Убила свою молодость на утки, градусники, даже подгузники.

— Так все-таки что с тобой?

— Ничего со мной, кроме того, что я идиот. Это лечится?

Девушка поняла его намек. Пожав плечами, она устроилась на диване, который снова протестующе поднял революционные флаги. Ну старый он уже, сколько эти изверги будут над ним измываться!

— Это как с наркоманами. Пока больной сам не захочет, никто ему не поможет.

— Я хочу, — уверенно сказал Дмитрий.

Он уже потерял так много в этой жизни. Она была чертовски короткой, а он уже оставил за спиной кучи тлеющей золы. Как же мы умудряемся за столь короткую жизнь потерять так много, а найти так мало? Люди — истинные фокусники! Мы так лихо сокращаем и без того недолгую жизнь, убиваем свое счастье, хотя так трепетно ждали его

появления.

— Тогда все в твоих руках.

Элина чувствовала свою неуверенность перед ним особенно остро сейчас. Брак развалился на куски, как ваза из хрусталя, которую слишком долго бросали из одного угла в другой угол. Осколки прилетели ей в лицо. Она пыталась поднять эти крохи, что остались от их совместной с Мишей жизни, но руки остались в крови. Он даже не стал с ней говорить: не даст развод — и она может хоть удавиться, бегая по судам. Прямая цитата.

— Лина, — Дмитрий развернул ее к себе, но спина завопила сиренами, и он болезненно вздохнул, делая все, чтобы не потерять лицо в ее глазах. Хотя возможно ли это, когда он уже полностью вывалил себя в грязи перед ней? — Прости.

— Можешь и дальше, как девочка, стесняться. Но я бы поделилась с врачом, что с тобой.

— Ты же медсестра.

— Спасибо, что напомнил об этом, — огрызнулась Элина, восприняв его слова, словно удар.

— Ладно, ладно, — не понял ее ершистости он. — Врач, у меня спину закоротило.

— Отчего? Что ты делал такого, чтобы спина разболелась? Остеохондроз?

— Нет. Я здоров как бык... был. Поднял слишком много груза за раз. — Ее бровь поползла вверх, не совсем вникая в его драму со здоровьем. — Грузчиком работаю, — стыдливо признался он.

— Снимай майку и давай какую-нибудь мазь. Сделаю заодно массаж. Почему ты говоришь о работе грузчиком с таким стыдом и презрением?

— Это не та работа, о которой я мечтал.

Была у него когда-то работа мечты: получать деньги и ничего не делать. Но ему было мало. Теперь сполна нахлебается нищеты и разбитой спины.

— У нас многие люди живут еще хуже. Я сама в больнице столько пакостей разных натерпелась. А что делать, выхода другого нет, — произнесла свою любимую фразу Элина, и сразу на душе полегчало, стоило себя оправдать.

— Ну да, — ответил Дмитрий, не особо заботясь о тяжелой жизни Элины или кого-то еще, самому бы выжить.

Мужчина избавился от майки в считанные секунды и принял позу лежа животом на диване. Элина закусил губу, откручивая крышечку мази и жадно скользя глазами по изгибам его спины. Она видела много обнаженных мужских тел в больницы, и от воспоминаний тошнило. Тело Димы было почти идеальным: тонус мышц, кожа, по которой электрическими проводами бежала сила. Господи, как она изголодалась по мужчине. По заботе и ласке, пониманию и поддержке, но и по сексу тоже.

— Ты там не уснула? Я весь в ожидании чуда, — разбил одной левой зеркало ее мечтаний он.

— Я... я сейчас.

Элину бросило в жар, и руки задрожали. Она нанесла мазь на подушечки пальцев и коснулась его кожи, про себя вздрагивая от удовольствия касаться такого сильного мужского тела. Миша давным-давно запустил себя: оброс щетиной и пивным жиром. Она не была той женщиной, ради которой мужчине хотелось бы бриться и держать себя в форме в зале. Она была мультиваркой, стиралкой, пылесосом. Ради них ни один мужчина не станет ударять и палец о палец.

На глаза девушки навернулись слезы. Слезы отчаяния. Ее руки ласково, но жестко разминали его мышцы. Дима застонал от удовольствия, когда наконец-то боль отступила, разбрасывая местами дымовые шашки, но самое главное, что эта сволочь начала сматывать удочки. Элина не выдержала накала эмоций и вскочила.

— Готово.

Она унеслась в ванную и подставила лицо ледяной воде из-под крана. Теперь горячая. И снова холодная. Ее лихорадило. Перед глазами стояли только картины его упругого, рельефного тела, мощных рук... которыми он передавал ей тот злополучный конверт.

— Прекрати, Эля, быть какой-то дикой самкой кролика. Этот человек может тебя подставить и глазом не моргнув, а ты уже все забыла при виде его тела, — одернула себя она и промокнула лицо полотенцем.

— Все хорошо, Лина? — в дверь постучал Дмитрий.

— Да, просто мазь в глаза попала.

Иногда ложь становится привычкой, зависимостью, которой ты потакаешь и потакаешь.

— Элина, — на полном серьезе начал мужчина и взял ее руки в свои, заметив ее дрожь. Точно осиный листок пытался удержать руками. — Прости меня. Есть вещи, о которых я сожалею так, что жизнь бы отдал, лишь бы все исправить. Мой поступок по отношению к тебе из этой категории.

Она отвела от него взгляд, подставляя его взору ту часть лица, на которой растягивал до ушей свою гадкую улыбочку шрам. Он хотел было дотронуться до этого уродца на ее лице, но в последний момент рука опустилась. Брезгливость задушила добрый порыв.

— Как ты узнал мой адрес? — Она пока была не готова к откровенным разговорам.

— В больнице спросил. Представился дальним родственником, у которого телефон сел.

— Ну больше они никого туда не отправят.

— Не живешь с ним?

— А ты как думаешь? — Элина повернулась к нему стороной с синяком, который потихоньку слезал с ее лица, как пятно с дорогой блузки — неохотно, желая подольше попортить жизнь ее обладательнице. — Если я там буду жить, в скором времени на НТВ появится репортаж о расчлененном трупе молодой женщины, замурованном в стенах.

Она вроде пошутила, но страх заколол иголками. Вполне реальный сюжет для Миши с его агрессивностью и неуравновешенностью.

— НТВ, — ухмыльнулся Дмитрий, — знакомый канал.

Снимали как-то про него и друзей репортаж для какой-то программки, обсасывающей жизнь богатых, как кость. Ему тогда нравилось сниматься в таких передачах, зная, что бедняки будут слюни пускать на вид его тачки или дома. А сейчас вот... не мог разогнуться после разгрузки фуры.

Порой бумеранг судьбы заставляет нас прибегать к вставным челюстям после своего возвращения из долгого полета.

— Зачем избил Мишу?

— Он Миша? Теперь хоть знаю, кому навалял.

— Зачем ты это сделал? Он только больше обозлился.

Морщина удивления обезобразила лицо мужчины. Он не верил, что слышит подобное.

— Ты что, серьезно?! Эта тварь тебя избил, и ты спрашиваешь зачем? Да его убить можно было бы.

— Ты, значит, защитник женщин? — отчего-то захотелось съязвить Элине.

— Нет. Не знаю. Скорее да.

В прошлом он много причинил зла женщинам. Зла всех мастей. Однако еще ни разу в жизни ему не приходила в голову мысль ударить женщину, какой бы шлюхой она ни была. Но от него никто никогда не уходил с изменой, поэтому он не знает, что чувствовал ее муж.

— Определись сначала, а потом бей чужих мужей.

Элина так негодовала только по одной причине: Миша озлобился на нее до такой степени, что отказался давать развод. А ведь этого можно было избежать. Правда, она безусловно ощущала радость от этого поступка Димы. Женщина в ней надушилась дорогими духами и в шелковом пеньюаре раскинулась на кровати от удовольствия быть кому-то настолько небезразличной.

— Я определился с одним моментом совершенно точно, — сказал Дмитрий, и его руки легли на талию Элины. — Хочу видеть тебя в своей жизни.

— Дея готова прозреть и принять Гуинплена в его отвратительном облики?

— Что, прости? Это литература, наверное, да? Всегда было с ней плохо.

— «Человек, который смеется» Гюго. Я дам тебе шанс, когда ты прочтешь эту книгу и скажешь, в чем, по-твоему, ее смысл.

— Этим я заслужу твое прощение?

— Да.

— Без проблем, — небрежно отмахнулся он. — Все прочту и отчитаюсь.

Вот делов-то! Краткое содержание ему в помощь.

— Звони, как будешь готов.

Пусть покочует с компрачикосами. Пусть попрячется за скалой в бурю. Пусть попутешествует на урке в грозу и штиль. Его уму будет полезно развеяться.

Он или необыкновенно умный негодяй, или величайший осел.

Этель Лилиан Войнич "Овод"

Двенадцать недель... Вся его жизнь стала крутиться вокруг этого числа. Жизнь Туманова тоже. Разница лишь в том, что Алекс трясся за свою шкуру, предчувствуя скандал мирового масштаба, если ребенок окажется его. Дмитрий же растекался тоской по будням и томился по выходным в ожидании заветного срока. Оба боялись думать об отрицательном результате теста.

Двенадцать недель. Его проклятое число. Его личные три шестерки.

Утренний воздух холодком ползал под его кожей. Алекс вышел на балкон, чтобы остыть от секса с Марьянкой и вновь накрутить себя касательно беременности Риммы. Всего один шаг назад — и все могло бы быть иначе. Просто не покупать и не употреблять кокс.

— Шаг вперед, два назад, — пробурчал он. — Спасибо за такую пронизательность, товарищ Ленин.

Отчего мы так глупы, чтобы только мечтать вернуть что-то назад? Почему нельзя это самое важное для нас не терять, не рушить, не кромсать своими жестокими руками? Только и можем, что плевать в потолок и мечтать все исправить рядом с выгребной ямой своих бесчисленных ошибок.

Расстался с Алиской, начал новую жизнь. Ничего не скажешь, хорош! Это не два, это двадцать два шага назад. Вернулся к исходным позициям, от которых так старательно убегал.

Пол едва заметно скрипнул, но Алекс был весь обращен во внимание, поэтому услышал и повернулся.

— Ну вот, хотела сделать сюрприз, — надулась девушка, обнимая его сзади.

— Не люблю сюрпризы.

Все эти телки умеют делать только один сюрприз: подкрадываться сзади и целовать его, будто их поцелуи что-то значат для него. Не больше, чем вон та лужа у ворот.

— Дорогой, может, вернешься в постель? Без тебя там так холодно.

Она попыталась захватить зубами мочку его уха, но он ловко отстранился. Что еще нужно этому мужчине? Подтянутое, сочное тело. Дорогое белье и парфюм. Кожа гладкая и блестящая. Волосы до поясницы. Что еще нужно, чтобы вскружить ему голову?!

Ветерок взмахнул своими корявыми ручищами ее волосы и бросил их ей в лицо. Красота — это то, с чем мы ложимся в постель с другим человеком; душа — то, с чем просыпаемся и к чему возвращаемся снова и снова. Или от чего безвозвратно убегаем.

— Марьяш, дай мне еще пять минут, ладно? — сухо попросил он, и даже ласкательное от ее имени прозвучало так, будто он раскусил черствую корку хлеба. Зубы можно сломать.

— Ладно. Жду тебя, котик.

Эта кошка, которая стала ему более неинтересна и которой он готов был дать пинка под накачанный зад, скрылась за тонкой шторой в спальне. Ему стала претить сама мысль о том, чтобы спать с ней. Кажется, уже хватит. Он насытился своей мстью отцу сполна, так, что стал захлебываться. И эта женщина приобрела горький вкус, от которого нужно было избавиться, почистив зубы.

— Прости, папа, но твоя игрушка мне надоела, — пробормотал он, доставая телефон. Повертев его пару раз бездумно в руках, Алекс набрал Римму.

— Алло, — сонно ответила она, раздвигая руками железную тьму сна. — Алекс?

— Да, я. Мне нужно знать, мой ли это ребенок.

— Потихонечко можно? Дима рядом спит.

— Тогда выйди из комнаты! — нетерпение рвалось из него струями раздраженного воздуха.

— Подожди, — прошипела девушка, желая голову ему откусить, чтобы он оставил ее в покое.

Минута прошла в шуршании, шагах и скрипе двери.

— Зачем ты звонишь мне в такое время?! Хочешь неприятностей? Дима и так на взводе, только и ждет, когда уже можно будет сделать тест!

— Просто скажи, чей он, и я больше тебя не потревожу.

Девушка вздохнула. Алексу показалось, что воздух с того конца звонка донесся до него неприятным душком. Он ощущал ее неприязнь к себе.

— Не знаю я, чей это ребенок. У меня был секс с Димой чуть ли не на следующий день после... после ты понял чего.

— Бл*ть.

— Я бы от него избавилась сейчас, — вздохнула Римма, — но Дима не позволит. И... и у нас с ним был безопасный секс.

— Не смей даже думать об аборте! — выкрикнул мужчина, буквально душа телефон пальцами.

— Да ты чокнулся совсем! — не выдержала девушка. — Туманов нас придушит, если выяснится, что это не его ребенок! Мне даже не придется делать аборт, он сам его убьет!

— Что за чушь ты несешь. Туманов и мухи не обидит. Бросит тебя и все. Если так, то ребенка я заберу, не переживай.

— Господи, какой ты придурок, Алекс. Не зря он тебя Саньком называет.

— О чем ты?

Послышался шум тяжелых шагов. Шагов по его могиле, которую он сам себе выкопал.

— Ты его совсем не знаешь, — отчаянно бросила Римма и отключилась.

Алекс со злостью ударил окно, словно нанося удар всему, что его окружает. Шлюха эта Риммка! Она хоть мылась между прыганьем из одной койки в другую?! И с чего она взяла, что знает его лучшего друга, а он сам нет?

— Милый, уже прошло неприлично много времени, — окликнула его вторая такая же мадам легчайшего поведения.

Что ж, пора расставить и над этими буквами все необходимые точки. Ему не терпелось стать одиноким до конца, чтобы никто не тянул его ко дну своими лживыми чувствами и притворными улыбками. Торгуя ложью, будь готов к тому, что однажды и тебе попытаются ее нагло втюхать.

— Ну наконец-то ты вернулся...

— Марьян, между нами все кончено.

— Что?!

Лицо девушки перекосилось, словно он замахнулся на нее кирпичом. Страстная ночь плавно перетекла в затоптанное кострище.

— Прости, но пора с этим цирком заканчивать

— С цирком? Вот что для тебя значат наши отношения?

— Отношения? — теперь удивлялся он. — Откуда только в вас столько самообмана?

Хочешь правду, да?

— Хочу!

Ее взгляд медленно, с толком и расстановкой выковыривал ему глаза тонкой иглой, зашивал рот грубыми нитками, заливал в уши свинец.

— Ты спишь со мной и с моим отцом. Как ты себя чувствуешь в выходные от тяжелой работы дни? Ничего не болит? — говорил Алекс, собирая свои вещи по комнате. Она попыталась вставить слово, но поток его речи было невозможно прервать. — Я удовлетворил свои потребности: отомстил папаше через его шлюху. Мне больше твои услуги не нужны. А тебе что от меня надо? Любовь? Ты вообще не знаешь, что представляет из себя моя любовь, чтобы ее хотеть.

— Даже так? Может, мне провести очную ставку с тобой и твоим отцом? Готов к тому, что он узнает все?

Марьяна прищурилась, уверенная, что загнала тигра под каблук. Да вот каблук оказался тонковат.

— А ты готова к этому? Ведь первая пострадаешь. Я все-таки сын. Мне все сойдет с рук сколько бы грязи на них не было. А ты одна из. Я вас столько перевидал за свою жизнь, что уже со счета сбился.

— Как сладко ты поешь, мальчик. Наверное, ты забыл, сколько всего выболтал, пока трудился надо мной в честь мести отцу. Обо всех гадостях, которые ты ему делал, о всех подставах. А про тот контракт напомнить, когда отец потерял огромные деньги? Не умеешь ты держать язык за зубами, Сашенька. Болтливость приводит к неприятным последствиям.

Алекс задумался. Действительно, ему бы укоротить язык. Кто ж знал, что однажды жизнь настолько осточертеет, что он слетит с катушек и начнет порывать все связи.

— Знаешь, делай, что хочешь. С отцом я как-нибудь разберусь. — Уверенности в его голосе было не больше, чем один процент из ста. Да она блефует, пытается урвать себе место в шлюпке, когда корабль идет ко дну. — О себе лучше подумай.

Мужчина убежал из ее дома, как из диспансера для больных тифом или сибирской язвой. Кожа покрылась струпьями и лимфоузлы вздулись, точно надувные шары. Марьяна была последним рубежом, который он преодолел. Осталось только узнать, что к беременности Риммы его сперматозоиды не причастны, и можно начинать все с нуля.

***

Я решил, что если мой мир не может быть вашим, я сделаю ваш мир своим.

Чарльз Диккенс "Приключения Оливера Твиста"

Погода выдалась гадкая: дождь репетировал свои нестройные мелодии на крыше, брэнча всеми инструментами подряд, гром стучал трезубцем по матушке-земле, молнии устроили дискотеку за окном. Меланхолия разлилась сладким сиропом по воздуху, в котором хотелось утопать, и не было сил противостоять.

Краткое содержание уже почти сморило его, но вид настоящей книги с этим бесконечным количеством страниц вселял чуть ли не ужас, поэтому Дмитрий продолжал читать выжимку из романа, чтобы хоть что-то из него понять. Вроде бы сюжет прост и абсолютно понятен, значит, он сможет кратко рассказать все это Элине.

Сил мучить пересказ романа в интернете не было, поэтому он закрыл вкладку, тут же забывая всю эту литературную чушь. Груба душа человека, не читающего книги. И что самое страшное, такая душа несет свою грубость и эмоциональную неискушенность в массы.

До прихода Элины оставался еще час. Время утопленником барахталось в ревушем

волнами океане, медленно испуская дух. Дмитрий лежал на диване, слушая заунывные мольбы дождя и ветра, и думал, думал, думал... Но толковые мысли не цеплялись за его прямые извилины, слишком гладко там было, скользко. Кому же позвонить, если даже отец указал ему дальнейшее направление: далеко и надолго? Попытаться счастья с матерью? Вряд ли она чем-то поможет.

У него даже паспорта нет! Никаких документов, доказывающих существование такого человека в этом мире. Нет бумажки — нет человека. Отсутствие бумажки с печатью работает почище любого убийства. Какого черта папаша взбеленился?!

В очередь на пытки над его мозгом выстроились и другие вопросы, но в этот момент в дверь постучали. Элина. Ее характерный робкий стук, словно постучи она громче — пальцы отобьют.

— Привет! — поздоровалась девушка и аккуратно прошла внутрь, чтобы не залить всю прихожую льющейся с дождевика водой.

— Надо было уже все отменить, — произнес Дмитрий, кожей ощущая противную влажность. — Не заставляй тебя тащиться ко мне.

— К сожалению, ко мне притащиться вообще нельзя, иначе ты бы, как джентльмен, прорывался сквозь этот апокалипсис. Мы и так живем почти в коммуналке.

Элина разувалась, а про себя думала, что никакой дождь ей не помеха. Наконец-то в ее жизни появилось что-то, ради чего стоит пересечь половину Москвы по пробкам и лужам. Слабак тот, кому ураган и ливень — неодолимое препятствие.

— А с кем ты живешь? — поинтересовался мужчина, развешивая ее одежду для сушки.

— С подругой и двумя котами, точнее кошкой и котенком. Мы все вместе делим кухню, туалет и одну комнату, — улыбнулась она. — И знаешь, коты явно в выигрыше. Прочитал роман?

Дмитрий кивнул, не желая вообще говорить об этой ерунде бумажной. Его внимание было сосредоточено на миниатюрной фигуре Элины, обтянутой джемпером из смесового шелка цвета розовой пудры и джинсов — морских волн, облегающих ее стройные ноги. Хорошенькая она, только дурацкий шрам все портит.

Элина присела на диван, чувствуя себя третьей лишней. Он, его квартира и она. И одета-то как простенько: кофта какая-то однотонная да джинсы. Волосы заколоты в небрежный пучок. Только таким серым выходом в свет и можно закадрить мужчину. А с другой стороны... она и не хотела «покупать» его похотью, сбрасывать этой рыбке крючок в виде глубокого декольте и мини-юбки. Пусть этими дешевыми трюками пользуются профессиональные охотницы за головами... или за чем они там охотятся.

Она будет собой, простой девчонкой под тридцать с хвостиком. А он уж волен выбирать, подходит она ему или нет. Слишком долго она марафетилась для мужа, ходила по дому только в шелковых халатах и с макияжем чуть ли не на красную дорожку. А он все равно ушел, и треснул ее перед этим.

— Переезжай ко мне, — внезапно вырвалось из его уст. — Я один живу.

Элина оторопела. Предложение всей ее жизни.

— Я подумаю, ладно? А ты рассказывай, что узнал нового из романа, — предложила ему начать Элина, чтобы не говорить о переезде, хотя литература уже никого не волновала, и откинулась на диван, но спинка оказалась жесткой. Ничего, потерпит.

— Ну, если в двух словах...

— Подожди. Не надо в двух словах. Такое произведение можно анализировать на целую

книгу, а ты в двух словах.

— Мне же не нужно писать анализ на целую книгу? — со страхом спросил ее Дмитрий.

— Нет. Ты просто скажи, сколько прочитал.

Мужчина подумал: лгать или нет. Наверное, впервые в жизни лучше попробовать сказать правду.

— Три страницы краткого содержания.

Девушка закатила глаза, зная, что так и будет. Только про себя она ставила на одну страницу краткого. Он поднялся в ее глазах однозначно.

— Человек, пересказывающий классику литературы в двух словах, способен на большие свершения. И да, это сарказм.

— Думаешь, я бы не смог ничего добиться в жизни, не прочитав какую-то книжонку?! — вспылил, точно песчаная буря, разразившаяся в пустыне, он.

Кажется, она придает слишком большое значение книжкам. Не удивительно, что она так несчастна в личной жизни.

— Почему же? Мы добиваемся чего-то в жизни руками, так скажем. А душа, Дима, душа — вот что имеет значение! Пусть у тебя ничего не будет особо в жизни: особняков, машин, яхт и так далее. Но ты умеешь сочувствовать, мыслить, любить... Вот оно богатство, которое мы можем совершенно бесплатно найти в книгах.

Плечи Дмитрия передернулись в сомнениях. Он явно был с ней не согласен. Кому нужны эти призрачные увещевания о красоте души, когда жизнь полностью материальна? Не хочет он понимать трагедии этих вымышленных героев. Зачем? Своих навалом. И она даже представить себе не может его особняки и машины. И все это у него есть... было без прочтения даже одной-единственной книги.

— Зачем вообще писать книги, когда у каждого и так проблем наберется с трехтомник?

— Глупый ты. В каком еще кинотеатре тебе позволят так глубоко заглянуть в человеческую душу? Разобрать по косточкам поведение разных людей, оценить их мотивы, склад ума? Где еще ты сможешь набраться мудрости, чтобы не совершать больше ошибок? В этой книге, больше того, история Англии показана очень занимательно.

— Прости, Эля, но я человек материальный до мозга костей. Я ценю то, что можно потрогать, из чего можно извлечь выгоду, сделать капитал...

— Серьезно? — она несколько униженно усмехнулась.

— Да. И почему ты смеешься?

— Не похоже, чтобы ты сейчас извлекал выгоду из своей больной спины.

Мужчина осклабился, но она этого не увидела. Если бы только Элина знала, что за ее спиной таится хищник, изнывающий от жажды крови... ее крови, но в то же самое время сражающийся в бесконечной борьбе с кем-то светлым в себе, с кем-то, кто хочет ее целовать.

Дмитрий вздохнул. Эта женщина не принесла в его жизнь ни капли спокойствия. С ней он стал еще хуже. В его жизни все всегда было ясно и в правильном порядке разложено по полочкам и упаковано в декоративные ящички: одних женщин хочется использовать и придушить, других — целовать и обхаживать. А с ней все иначе. Ее хочется сначала осыпать поцелуями цвета белоснежной лилии, а потом пустить кровь цвета алой розы...

Наверное, она слишком умна для него. Слишком хороша, пусть и внешность Элины осталась трофеем в далеком прошлом, куда ему нет входа. Она выше его на пару голов, и от этого он так бесится. Все-таки, как и любой типичный мужик, он любит типаж «тупой

блондинки», и цвет волос не имеет значения. Тупая блондинка — это состояние души.

— Я все равно заставлю тебя приобщиться к прекрасному. — Элина достала из сумки книгу и помахала перед ним. — Господи, моя шея.

— Что такое? Видишь, ты сама внутренне против чтения, — рассмеялся Дмитрий.

— Это все твой диван. Он такой старый и жесткий, что у меня шея затекла.

— Садись вот так. — Мужчина похлопал себя по плечу, призывая ее доверить свой уют его телу. — Я мягче этого старья, клянусь.

Поколебавшись с минуту, она так и сделала. Диван заскрипел, давая понять, что все слышит и еще страшно и жестоко отомстит своему хозяину за предательские слова. Например, сломается ночью, когда он снова будет на нем ворочаться от кошмаров.

Стоило ей коснуться его торса своей спиной, как молнии и громы забили где-то в недрах ее души. Элина сильно зажмурилась, до черных пятен перед глазами. Она так одинока, так голодна, так иссушена, что ей каждый раз не хватает его прикосновений, порции эмоций слишком малы — не насытишься, родниковая вода его приятных слов и признаний не может оживить сухую почву ее души.

— Я... я принесла «Овода» Войнич, — машинально говорила девушка, а мысли вертелись вокруг его рук, которыми он обнял ее.

— Можешь начинать. Мы будем читать всю книгу?

— Нет, только отрывок.

Элина принялась за чтение дрожащим голосом, желая только одного: чтобы эти сильные руки никогда не сомкнулись на ее шее, как сделали руки мужа.

Дмитрий даже и не думал слушать ее бормотание с какими-то именами, названиями, смыслами. Для него существовал сейчас только один смысл, только одно значение — она. Еще никогда он не был настолько в своей тарелке, настолько в том месте и в то время, чтобы не хотеть уходить, не хотеть срываться и бежать куда-то. Эта медсестра, которой он так мечтал отомстить, строил козни против нее, оказалась той женщиной, из плена чувств к которой он не собирался сбегать.

Такая простая, без внешних изысков, но с такой сложной, многогранной душой. Еще никогда он не читал с девушкой книги в полумраке комнаты, за окнами которой хлещет дождь, словно подпевая им в этот романтический миг. Шекспиру не снились те чувства, что сейчас рвали плоть его души на части. А может, он же их все и предсказал когда-то.

— Ну что скажешь? — Элина прошлась сапогами по свечам его мыслей, загасив их моментально.

— Прости, заслушался. Не могла бы ты повторить последние строчки?

Девушка покачала головой, но зачитала:

«— Padre! — Артур встал и, вздрогнув, отшатнулся от края бездны. — Это похоже на преисподнюю!

— Нет, сын мой, — тихо проговорил Монтанелли, — это похоже на человеческую душу».

Мужчина содрогнулся, словно заглянув в преисподнюю... в свою душу. Вот уж где чертям разгуляться вдоволь можно, где земля разрыта могила, а воздух отравлен ложью.

— Что теперь...

Элина не договорила. Его губы накрыли ее в темном танце безудержности и ярости. Ад, двери которого она распахнула в нем, вырвался наружу. Не может он ждать, не может быть терпеливым с ней. Мужчина держал голову Элины, чтобы не дать ей вырваться, но она и не

хотела. Ее сопротивление вспыхнуло и погасло, податливым огнем растекаясь по его губам и пальцам.

Идиотка... Еще не развелась с мужем, как уже не может оторваться от губ другого мужчины. Но она так долго отказывала в себе в том, чтобы быть женщиной, что сдерживать эту фурию в оковах долее было невозможно.

Телефонный звонок разрушил магию, химию между ними, оставив только дым после пожара.

— Прости, мне пора. Женька будет меня с МЧС вызволять из твоей квартиры, — неловко улыбнулась Элина, вознося благодарности подруге.

Кто знает, до чего бы они дошли в спешке и возбуждении. Хватит с нее импульсивности. Слишком болезненные потом синяки остаются.

Дмитрий был расстроен как никогда раньше, но что поделаешь? Настоящий рыцарь проводит даму до двери, а не будет силком валить в постель. Ему и самому не хотелось торопить события. Он хотел насладиться ароматом этого острого, но такого пряного напитка прежде, чем испить его до дна.

— Еще увидимся, Дима!

— Обязательно. Пока!

Он не стал ей предлагать ей свое сопровождение до дома, видя, как она ломанулась к двери с горящими щеками. Дождь снаружи остудит ее пыл, а вот что делать ему...

В дверь снова постучали, но совсем иначе. Уверенно, властно, зная, что в какое бы время не был нанесен визит, ему будут рады.

— Что-то забыла, Лина? — открыл Дмитрий, поразившийся смене ее настроения.

— Не Лина, мой зайчик.

— Ты?!

Кажется, больше не нужно решать, как поступить с будущим. Прошлое само ворвется в его настоящее и наведет свои порядки.

Женщины отдают мужчинам самое драгоценное в жизни. Но они неизменно требуют его обратно — и всё самой мелкой монетой.

Оскар Уайльд "Портрет Дориана Грея"

Июль раздавал разноцветные листовки аромата васильков и маков на улицах столицы. Каждый мог безвозмездно приобщиться к этому пышному торжеству солнца и пьяняще теплого воздуха. Цветастое платье Элины развевалось на ветру, оголяя ее светлые ноги. Пора бы на пляж сходить.

— Женька, идем на пляж? — набрала подругу. — Я бледная, как сметана. Скоро так же протухну. Весь июнь прошел в каких-то тяжбах с мужем и мытарствах от одной квартиры к другой.

— Можем хоть сегодня, когда маникюр сделаешь. Набирай меня, я пока соберусь.

— Нет... Давай завтра.

Загадочность в голосе Элины насторожила Женю. Чем еще ей сейчас заниматься? Самое то тратить последние накопленные деньги на радость и загар!

— Элюсик, кто знает, какая будет погода с этим глобальным потеплением. Завтра уже может быть арктически холодным. Зачем тянуть?

— Я... Жень, я сегодня хотела зайти к Диме... Короче, — Элина набралась духу, который в последнее время стал частым гостем в ее скромном домике, — он предложил мне жить вместе.

— Так быстро?

Элина зашла в здание салона красоты и выдохнула с облегчением. Кондиционер дал передышку после изматывающей жары. Кажется, в ее жизни было так же: зной и копоть неудачного и слишком долгого замужества высушили ее до костей; знакомство с Димой стало экстремальным увлажнением, вернувшем ее к жизни.

— Даже не знаю, Жень, быстро это или нет. Я не хочу больше думать о деталях: тороплюсь я или опаздываю. Не имеет значения. Я сделаю так, как подскажет сердце. Пока оно сомневается.

— А как же разговоры мамы и тети, соседки по подъездку и просто бабки с рынка о том, что тебе тридцать, а ты не замужем и без детей? — рассмеялась Женя, и ее смех искорками пощекотал ухо Элины.

Как же ей повезло с подругой. Никогда и ни с кем она не была на одной волне настолько, чтобы каждое их движение в этих водах жизни было синхронным.

— Старая дева, — отшутилась Элина. — А вообще я с такими людьми не хочу иметь дела. Вопросы о замужестве, детях и возрасте задают недалекие люди, которые настолько не далеко ушли в своем воспитании, что можно сказать, и ходить-то толком не умеют. Только совать свой бесконечно длинный нос в чужую кухню и советовать, что и как правильно готовить.

— Я уже привыкла к этому клейму. У меня же еще кошка. Значит, вообще болотным мхом покрылась в свои тридцать два.

— Женечка, мне уже пора. Я внизу топчусь, возношу молитвы кондиционеру, но через пять минут мое время.

— Красивых ноготков, Эля. Звони.

Девушки расцеловались, и Элина поднялась наверх. Она всегда экономила на себе, что являлось самым очевидным показателем «любви» к себе. Почти никогда не делала маникюр и педикюр в салоне, экономя деньги. Сама кое-как подпиливала и красила ногти, не считая это важным.

Какая разница с какими ногтями скрести больницу на предмет пачки шприцов или открывать лекарства, мыть и тереть что-нибудь? Да и Мишу не хотелось утруждать просьбами дать ей денег... ведь ногти — это такая ерунда. А потом дома мыть посуду, полы, окна, зеркала, готовить. И этот круг никогда не кончается. У нее даже увлажняющего крема для рук не было...

— Здравствуйте. Я к Валентине.

— Проходите, — позвала ее темноволосая женщина, выглядевшая сногшибательно.

Кажется, теперь она поняла: женщина, которая экономит на себе, обречена быть на задворках жизни любого мужчины. Стрелки на колготках легко ликвидировать лаком? Тушь закончилась, но ничего, никто не отменял плевки в нее? Белье покупала пять лет назад, но разве это срок для дешевой синтетики? Если ответы на эти и многие другие вопросы «да», вопрос о причине развода и не клеящейся личной жизни отпадает сам собой.

— Какой дизайн хотите? — в телешоу ее как никогда мудрых мыслей забрел голос мастера.

— Я бы хотела «кошачий глаз». Бордовый, если есть, — улыбнулась Элина, получая удовольствие от профессиональной обработки ногтей.

— Конечно, у меня все есть.

А с другой стороны — Элина удобнее устроилась в кресле, словно ища свое место в жизни и в нем тоже — они жили небогато. Из каких потайных чуланов она должна была вынимать золотые монетки на ногти каждые две недели, на стрижку и покраску, на косметолога? А уж дорогое белье и помада дороже четырехсот рублей ей и не снились. Мужу-то все равно, его и так удивят всем этим в другом доме.

— Форму оставляем?

— Нет, пожалуйста, квадратную.

Валентина кивнула, а Элина нырнула в черную дыру размышлений, которая все сильнее засасывала ее прежнюю. Вот же она глупая... Дело не в его любви! Дело в любви к себе. Женщина должна быть блистательной, умопомрачительной, кружащей голову для себя. Маникюр и прическа, дорогое белье, люксовая алая помада — лишь для себя любимой. Жадно, эгоистично, попахивает нарциссизмом, но иначе пиши пропало. Женщина, которая лезет из кожи вон, чтобы быть красивой для очередного мужчины, обречена на провал. Сегодня мужик есть, завтра — нет, а ты любимая собой и самая лучшая всегда у себя под боком. Всегда есть, кого радовать и баловать.

А она, чувствуя его незаинтересованность в ее персоне, выкопала аккуратную ямку, разложила там кости некогда прекрасной женщины и поставила сверху крест. Она хотела покорять его, но он сдался слишком быстро; она хотела удивлять его, но он перегорел, так и не загоревшись желанием к ней; она хотела любить его, но он разлюбил ее, даже не успев полюбить...

— Выберите цвет, — отвлекла ее Валентина, и Элина обратилась к палетке цветов.

— Вот этот красивый, — показала на глубокий бордовый, тянувший красным полусладким. — Давайте его.

На телефон пришло сообщение. От Жени с просьбой купить куриное филе на ужин.

Какой-то внезапный лучик света прочертил себе путь в темном царстве ее ложных убеждений. Элина почти не ела мясо в последнее время, от него стало тошнить.

Курица, свинья, корова... Конечно, их одомашнил человек для утоления своего животного голода, но это не отменяет того факта, что они тем не менее живые. Либо ложь себе, либо горькая до слез в глазах правда. Ассорти из выбора. Похоже, надо или есть мясо, или не есть его совсем. Хватит с нее лжи во благо своей трусливой душе. Душе, которая трясется от страха встретиться с изменениями лицом к лицу.

Миша не любит? Ну и что, живет же с ней, значит, все хорошо. Курицу можно есть, она ведь для этого и появилась. Почему бы и нет? А от другого мяса откажется обязательно! Работа в больнице практически убила в ней хирурга? Да ладно, все равно ведь в сфере медицины работает, тоже неплохо.

Все в этой жизни у нее было надкусанным, недопитым, покалеченным, сломанным... Либо ты признаешь жизнь всех живых существ, либо человечина тоже деликатес. Либо ты любишь себя, либо об твою любовь вытирают ноги все кому не лень. Либо ты стремишься ввысь, либо навсегда падаешь на дно. Другого не дано.

Поблагодарив мастера за изумительную работу хрустящими купюра, Элина встала с кресла. Взгляд метнулся к охавшей от удовольствия девушки с алыми волосами, крутящейся у зеркала.

— Тань, это супер, — не могла насытиться своей новой красотой та, — цвет обалденный. Спасибо тебе!

— Татьяна? — обратилась к женщине с флакончиком чего-то косметического Элина. — Можно к вам записаться на стрижку и покраску?

Ей до зуда в ладонях хотелось стать другой, не такой, какой она прожила всю сознательную, покрывшуюся паутиной жизнь. Пусть это будет бордовый маникюр и — девушка огляделась вокруг, цепляясь глазами за плакаты моделей с чудными прическами — пепельное каре!

— Давайте, можем устроить. Есть предпочтения?

— Да. Каре черно-пепельного цвета, как на той картинке. — Элина показала на смелую девушку с длинными стрелками и помадой-металлик, что подмигивала с плаката.

Парикмахер оценивающе пробежалась взглядом по волосам и лицу Элины, хмыкнула и сделала пару пометок в ежедневнике.

— Сделаем, — ее улыбка дала девушке «пять» и уверенность в себе. — Жду на следующей неделе в среду в двенадцать. Идет?

Элина радостно кивнула и вышла из салона. А теперь к Диме! Без звонка и смс. Сделает ему сюрприз.

***

Я — пьяный, испорченный, гнилой мудака с очень незначительной крошечной известностью.

Чарльз Буковски "Женщины"

Жара за окном настойчиво просила угостить себя прохладительным напитком с долькой лимона на бокале и яркой летней трубочкой, окруженной кубиками льда. Дмитрий смотрел в окно с тоской путника пустыни, которому не светит ни напиток, ни лед. В его бокале остался лишь неприятный осадок неожиданной встречи с человеком, которого он бы предпочел не видеть. И солнце это только больше расхолаживало, не давая собрать мысли воедино.

— Зачем ты здесь? — обратился он к женщине, сидевшей перед ним.

— Как у тебя тут уныло. И сам ты стал какой-то бледной копией себя.

Мужчина успокоительно вздохнул. Последние его эмоции были связаны с прошлой жизнью (злость, гнев, ярость) и с Элиной (робкая романтика, нежный флирт). Однако эта женщина взывала к тем древним чувствам, от которых он уже, кажется, отрекся навсегда. Похоть обладания далеким прошлым, чьи мосты он раздробил, сжег, подорвал ядерным зарядом.

— В отеле, где я остановилась, обстановка получше.

— Ну так и вали туда, где лучше, — огрызнулся он. — Я тебя не звал.

— Но дверь мне открыл? Какой нерешительный мальчик.

Под руку попала книга, оставленная Элиной. Она и стала жертвой его свирепости. Слова рассыпались в буквы и, всхлипывая голосами героев книги, приземлились на пол, предварительно столкнувшись со стеной.

— Заткнись. Слушать тебя не хочу. Думаешь, я такой дурак? — Его глаза были выпучены, напоминая разбитый в миске яичный желток. — Ничего не понимаю? Если в дверь стучит прошлое, готовь пулемет или запасной выход, чтобы было куда бежать.

— Что ты такое говоришь. Философом стал? Книжки читаешь, — кивнула в сторону все еще хнычущей книги она.

Дмитрия уколола совесть, которая начала прекрасным цветком пробиваться в грязи сорняков его души. Это же книга Элины, которая так хотела облагородить его нищую душу. Он поднял Гюго, мысленно обещая себе прочитать роман от начала до конца, не пропуская ни единой строки.

— С тобой-то читать было некогда. Просто ты женщина не для чтения, не для интеллектуала. Понимаешь, есть женщины, с которыми хочется читать классику мировой литературы в дождь, а есть такие, как ты, одноразовые приспособления для удовлетворения похоти. Никогда впредь не лги себе о своей роли в этом мире, — выплюнул он, бесясь от своего бессилия понять этот хитроумный план по сведению его в гроб.

Но он не даст так просто крышке хлопнуться над ним. Им придется отрубить ему руки, чтобы он не боролся.

— Придержи коней, милый. Ты ошибаешься на мой счет. Я просто хочу помочь тебе. Ты навлек на себя гнев слишком многих людей. Влиятельных людей, которые теперь хотят спустить с тебя шкуру и засушить как чучело.

— И в чем же заключается твоя помощь?

— Для начала мне нужно услышать от тебя, что ты готов сотрудничать.

Дмитрий поразмыслил. Ну разве мог он ей верить? Как бы сладко не говорил змий, его яблоко все равно останется кислым на вкус.

— Я готов. Можешь им передать вот это, — показал ей средний палец. — От всей моей поганой души. Без тебя справлюсь.

— Не справишься. Уже не справился. Посмотри, как ты живешь! В этой помойке душ хоть есть? А та девка, которую я недавно встретила на лестнице, и есть твоя Лина? Из-за нее ты меня сразу же выгнал? Боялся, что она вернется? — жгла его ядом слов она. — Променял красавиц и моделей на такую уродину? Раньше ты приезжал к шлюхам, теперь они к тебе в эти дешевые апартаменты.

Смех женщины вспорол его, точно тряпичную куклу, выпуская из брюха поролон. Пусть хохочет стерва, он и до нее доберется рано или поздно. Сожмет свои руки на шее каждого из

этой клоунской труппы.

— Пошла вон отсюда, — прорычал Дмитрий, хватая ее за руку и стаскивая с кресла. — Только скажи еще хоть что-нибудь про Элину, я придушу тебя к чертовой матери!

— Красотка Элина вскружила голову нашему пупсику, — запрокинула голову в истеричном смехе его гостя. — Знает ли она твою биографию? — театрально громко вздохнула она и изобразила испуг на лице. — Сколько шлюх прошло через тебя? Ты, как грязный городской пляж! Никогда бы не пошла туда: красивый, но запущен до состояния помойки. Знает ли она, как ты обошелся...

— Заткнись! Заткнись, я сказал! — Дмитрия трясло, так сильно он хотел свернуть ей шею. — Ни черта ты не знаешь обо мне. Или тебя так расстраивает, что ты потеряла роль одной из моих шлюх? Смирись, малышка, тебя подберет кто-нибудь другой. Обязательно.

Поймав удачный момент, когда его рот был раскрыт, выпуская из себя оскорбления-смертников, она накинулась на него в собственническом поцелуе. Этот поцелуй напомнил ему о временах, когда женщины заявляли на него права, ставили видимые только им метки своими изощренными поцелуями на его губах. Элина целовала его совсем иначе: тихо, словно чистый ручеек журчит по губам, одаря прохладой. Ее объятия никогда не носили характер удушения; она не ставила на нем печать и подпись финансиста. Она просто была с ним, из-за него, по причине него само, не преследуя корыстные цели, будь то деньги или собственнические порывы привязать к себе человека, как Шарика к будке.

— Не смог устоять перед своей самой любимой шлюхой? — иронизировала женщина, рассматривая его теперь ярко-розовые губы. — Посмотри на себя в зеркало.

Он это и сделал. Растрепанный, с размазанной помадой на губах. Мальчик-потаскун, которого скоро отправят домой ввиду исполнения всех нечестивых прихотей хозяйки.

— Не приближайся ко мне, сучка. — Он попятился от нее, как от пожара, спасаясь в двух квадратных метрах квартиры. — И купи себе помаду подороже, а то всех клиентов измажешь. Или резко денег не стало на всякие Шонели и Деоры? — бил в ответ мужчина, зная слабости этой охотливой до денег куклы.

— Ладно, — махнула руками та, — утешай себя всякими колкостями. Не думаю, что это поможет в твоём положении, но попробуй. Звони, если захочешь что-то исправить.

— Постой!

Всего два вопроса волновали его, которые он не сможет не задать. Без ответов на которые не сможет уснуть ночью и проснуться без тяжести на душе утром.

— Ну спрашивай уже.

— Это он сделал? Мой лучший друг?

— Ммм... Похоже, он теперь твой лучший враг.

Он был готов к этому удару. Сам подставил щеку, чтобы принять этот кулак на себя.

— Давай уже второй вопрос рожай быстрее, — торопила его она.

— Что... что с Риммой?

— То же, что и с тобой. Почти.

— Ответ нормально, мать твою! Что с ребенком?!

Их перепалку прервал звонок в дверь. Дмитрий сжал руки в кулаки, ненавидя всех вокруг себя. Мир, что затаился по сторонам от него и потирал руки в ожидании наживы (читай, его головы на полочке), олицетворял собой часовой механизм с замедленным действием. И многие лишатся конечностей, когда эта пороховая бочка рванет...

— Лина?!

— Да-а... А почему ты так удивлен? У тебя что, много гостей бывает? — Элина сияла улыбкой на пороге его темной обители.

В коридоре появилась незнакомая женщина, и Элина немного стусевалась. Эффектная брюнетка с неоновой помадой — рекламный представитель этого лета. Смотри на нее, хочется надеть юбку из цветов и гавайский купальник и пуститься в пляс. Ее черно-пепельное каре померкло в миг, и подмигивание той девушки с плаката стало саркастичной ухмылкой.

Как немного нам надо, чтобы ядовитый плющ сомнений ласково обвил нашу шею — всего-то сравнить себя с кем-нибудь другим.

— Я, наверное, не вовремя? — ее речь стала заиканием.

— Ты очень даже вовремя, Лина. Проходи.

Уберегла его от убийства. Похоже, Элина стала его путеводной звездой, которой он не должен позволить погаснуть. И что самое главное, не должен погасить ее сам.

Втроем они разместились на кухне. Элина про себя кусала новые ногти, перекручивая нервы, точно браслет на запястье. Тайнственная гостья Димы заняла своей аурой все помещение, выделяя Элине самую кроху, чтобы можно было дышать. И Дима, не знающий, куда себя деть, в какую из пропастей ада провалиться.

Прошлое и настоящее. Мрак и свет. Зло и добро. Продажность и невинность. Он прежний и он нынешний.

— Элина, — очнулся Дмитрий, — познакомься с Валери. Она работает со мной.

Генератор случайной лжи сработал не в полную силу. Фантазия испустила дух, не подкинув дельных идей.

— Грузчиком? — усмехнулась Элина.

— Я руковожу погрузкой, — ответила эта загадочная женщина.

— А я... знакомая Димы.

Брюнетка вопросительно посмотрела на Дмитрия. Сколько лжи он припас для своей симпатичной избранницы. Явно стремится к прочным отношениям.

— Очень хорошая знакомая, — добавил мужчина, игнорируя взгляды Валери.

Одноразовая ложь была для него как презерватив. Использовал и выкинул, обезопасив себя на какое-то время.

— Будем знакомы. Очень приятно, — тоже солгала Элина, и они погрязли по шею во вранье друг другу. — Я зашла, чтобы сказать, что согласна переехать к тебе.

Элина выпалила это так быстро, что разумные мысли не поспевали за словами. Ее разум сейчас хромал, как раненный солдат-партизан, за вражескими словами. Ревность вскипела в ней, обжигая и без того такие непрочные струны души, обрывая все аккорды.

Дима и его «коллега» удивились не меньше самой Элины. Как же вовремя все происходит! Кажется, закон подлости не дремлет. У него всегда под рукой ящик энергетиков и миллион чашек кофе, чтобы не проспать тот момент, когда можно эффективнее всего тебе насолить.

— Я очень рад, Лина! — все, что нашлось, у Дмитрия ей в ответ.

— Что ж... Пойду я.

Валери встала, а Дмитрий вызвался ее проводить. У выхода она прошептала ему максимально тихо на ухо:

— Сразу видно, что эта девушка тебе дорога. В такой кучи лжи ты ее искупал. Это, — она коснулась губами мочки его уха, — любовь.

— Пошла вон и не появляйся в этом доме.

Дверь захлопнулась за его неожиданной гостьей. Ее смех на лестничной площадке паразитами расплзся по его коже. Он сам и есть паразит. Паразитирует на дружбе. Любви. Хорошем отношении к себе. Но когда-нибудь этой идиллии придет конец. Его темное правление будет свергнуто окончательно.

... а если любви нет, то ведь к этому нельзя же принудить.

Лев Толстой «Крейцера соната»

— Похоже, я совсем чокнулась. За это стоит выпить, — кисло предложила Элина, и они с Женей стукнулись чашками с мятным чаем.

Виски потерлась о ногу девушки и замурчала, просясь на руки.

— Ну какие душевные разговоры могут быть без Виски? — рассмеялась она и осторожно устроила котенка на коленях. — У меня раньше было так много в жизни: семья, работа, куча обязательств везде и всюду, но в то же самое время мне всегда казалось, что терять нечего в случае смерти, например. А сейчас у меня есть так мало: котенок, но я не готова его потерять.

Не все материальное имеет вес. Не все духовное быстротечно. Эта истина открыла для нее новые пути познания мира и себя. Не всегда счета за квартиру и обязанность в восемь быть на работе держат нас на этом свете. Стоит только появится крохотной искорке, родственной душе, и мы готовы молить Вселенную подождать с приведением окончательного приговора в жизнь.

— И Дима у тебя есть, к которому ты собираешься переехать, — напомнила Женя.

— В нем и сосредоточено большее количество сомнений. Наверное, я поторопилась с этим решением. Все из-за той женщины у него дома! Откуда она взялась?! — голос Элины метался по волнам эфира, не находя в смятении свою частоту. — Боюсь, это был ложный шаг.

— Ну может она правда коллега, откуда тебе знать, что это не так?

— Жень, скажи, я похожа на этот стол? — постучала по нему костяшками пальцев. — Хороший такой, деревянный. Так похожа или нет?

— Нет...

— И мне так кажется, что я не настолько тупа, чтобы кормить меня столь откровенным враньем!

Внутри Элины мучительно горели и сгорали дотла леса, кустарники и мелкие растения, не в силах вынести смертельную жару. Жару ее злости.

— Я просто побоялась, что она уведет его, когда увидела, как она хороша, — отчаянно призналась девушка. — Я не собиралась переезжать к нему, как какая-то несчастная брошенка, которая хватается за первое предложение по акции.

— Эля, — рука Жени накрыла ее ладонь, успокаивая, — перестань. Мужики, конечно, козлы, если следовать этим древним женским заповедям, но не бараны. Накинуть веревочку и увести мужика невозможно, даже если ты дрессировщица от бога.

— Да, но...

— Что но? Он предложил именно тебе жить с ним. Появилась какая-то краля размалеванная. Бывает. Вокруг красивого мужчины всегда вьются пигалицы, со всеми в бой не вступишь. Или учишься принимать это как издержки производства, или... выбирай среднестатистического, нищего, не подающего надежды ни в чем мужичку. Ха! — Женя засмеялась, расплескивая чай. — Ведь и на таких: с пивным пузом, женатых, страшных, не первой свежести и с минимальной зарплатой находятся любовницы. Вот бабы, да? Рождаются же такие без самоуважения даже где-то в запасе на черный день.

— Ты хочешь сказать, что я должна привыкнуть, что в его... нашей квартире будут постоянно шастать красотки, и это нормально?

— Нет. Я про то, что коллеги, знакомые, подруги, в общем, его окружение — это наверняка красивые девушки. И ничего тут не сделаешь, Эля.

— Проще не соваться тогда в его красивую жизнь, — скривилась Элина, но ее душе было не до кривляний, если только хватало сил на грустные пантомимы.

— Нет же, Эля! Всегда у тебя так: проще не идти через реку вброд, а остаться на берегу. Проще взять себя в руки, обновить гардероб, изменить стиль, прическу, научиться делать сексуальный макияж. Покорить его не только своей прекрасной душой, но и внешностью. Сначала нужно возбудить его глаза, потом уже и душа возжелает тебя. Лень, правда?

Не то чтобы лень... Привычка. Мы так быстро привыкаем к рутине, к несгибаемому порядку вещей, к неизменному статусу-кво, что любое поползновение в сторону изменений расценивается как враждебные действия.

— Ладно, хорошо. Я не буду так быстро ей уступать и проигрывать.

— Не-ет, Эля! Ты вообще не будешь уступать и проигрывать ей. Научись уже правильно формулировать цели.

— Как я устала, — простонала Элина и расположилась на кухонном диванчике. — Почему за все нужно бороться? Почему ничего ни разу не дается легко?

— Тогда бы она не имело никакой ценности. Чем тяжелее борьба, тем слаще вкус победы. За Мишу ты не боролась, этот придурок дался тебе слишком легко. Итог сама видишь.

Девушка закрыла глаза, отпуская стальные нити, которыми привязывала к себе мысли. Они поплыли вольными островками раздумий по бескрайней полости ее сознания. Миша... Как давно началась их история и как трагично закончилась.

Он не был ей нужен в момент расцвета карьеры и личностного роста. Он был лишь одним из ее ухажеров, каждому из которых она, как истинная женщина, давала надежду на что-то, а потом всаживала нож в спину. Когда-то было приятно собирать кровь их влюбленности на свои ладони. Тогда она еще могла выбирать, а теперь выбора не оставили ей самой.

— Может, так мне и надо, Жень? Я была такой сучкой когда-то, что Катерина Стрельцова на моем фоне просто Катя. Жизнь воздала по заслугам.

— Думаю, вот что нам надо, — подруга открыла заветный шкафчик, и в ее руках заблестела бутылка белого вина.

— Оно зубы портит, но так плевать на зубы, — хихикнула Элина и приняла протянутый бокал.

— Выключи уже в себе врача. Дай насладиться пьянством.

— Вино в умеренном количестве лечит, а в безмерном — калечит. Будем пьянствовать в меру. — Звон бокалов растворил все мысли Элины, что мучили ее без конца. — А врач во мне уже давно выключен и, похоже, без шанса включиться вновь. Хотя есть кое-какие подвижки, но я не хочу пока сглазить.

— Ладно, молчи, скрытная ты моя.

Напряжение последних дней, когда она избегала звонков Димы и только накручивала себя, точно нитки в моток, отпустило Элину. Она уже столько раз ошибалась, столько граблей оставили шишки на ее лбу, что ошибиться еще раз не станет смертельным для нее.

— Как поживает ошибка прошлого? Михайло Потапыч?

Элина прыснула от смеха, отпивая вино. Кажется, оно уже стало калечить ее...

— Даже знать не хочу. Я занесла его в черный список после тысяча первой угрозы. Через две недели первое слушание в суде. Миша, конечно же, не явится ни на одно слушание, и это значит, что нас разведут через полгода где-то, — мрачной радостью отозвалась Элина. — Ну хоть не через полтора, тоже радуется.

— Аж полтора года, чтобы скинуть этого паразита с плеч?!

— Такой срок является максимальным при разделе имущества.

— Ну да, у вас-то делить нечего. Ты все отдала, — прошипела Женя, которая сама бы пошла бороться за подругу, да кому она нужна в суде.

— Я просто хочу жить, Женя, а не воевать за кусок ковра или паркета. Пусть он подавится этой не самой лучшей квартирой. Если я тебя стесняю...

— Нет же! Меня стесняет мысль о том, что из этой передраги твой козлина — бывший муженек вышел в выигрыше и с фанфарами!

— Все равно, — отмахнулась Элина. — Пусть злость и негатив тоже навсегда останутся с ним. Я победила. Избавилась от него. Этого достаточно. А уж ждать, когда с ним случится какая-нибудь пакость, я не буду.

Скоро идти на стрижку и покраску, а ее уверенность в себе таяла быстрее шоколада на солнце. Хотелось как раньше забиться в угол при первой же трудности и сделать вид, что терять не больно. Терять вновь и вновь, не имея смелости побороться.

— Зачем он связался со мной? Зачем испоганил жизнь и мне, и себе? Я не понимаю, — покачала головой Элина, снова думая о Мише. Скоро он останется в прошлом, но будет следовать за ней попятам навязчивыми воспоминаниями. — Ничего непонятно. Живешь с человеком под одной крышей годами, а он оказывается чертовым ларцом зловещих тайн, трусости, низости и подлости. И все это в одном человеке.

— Почему же непонятно? — Женя звонко поставила бокал на стол, отщипывая кусочек «Азиаго». — Все ясно. Он из того типа мужчин, которым удобно иметь домработницу в официальном статусе жены. Ни на работе, ни у друзей и родственников никаких вопросов к личной жизни. Все пристойно. А в каких притонах этот примерный семьянин проводит свободное от семьи, то есть все свое время, одному черту известно.

— Неужели ему было комфортно жить с нелюбимой?

— Нелюбимой, — фыркнула подруга, для которой разговоры о бывшем муже Элины сводились в основном к оскорблениям сего прекрасного мужчины. Так она его терпеть не могла. — Он еще как тебя любил! Думаешь, неприятно приходить во всегда чистую квартиру, жрать, уж прости, каждый раз новую и вкусную еду, ходить в чистых рубашках и носках и так далее по бесконечному списку? Любовь бывает разной, и никогда книжной. Для кого-то любовь — это секс. Соприкосновения половых органов достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким в этом мире. Для иных вполне хватает комфортного быта, то есть когда на них пашут крепостные жены. Приручил кого-то и посыпаешь ударами из хлыста — вот оно счастье для гаденькой души. А для третьих любовь — олицетворение свободы, когда не наматываешь на руку цепи и не тянешь по реке бурлаков за собой. На последнее способны лишь единицы, это как раз книжный вариант. Хотя и книги сейчас порой пишут странные, я бы даже сказала идиотские, извращая эту несчастную любовь на все лады и мотивы.

Женя перевела дыхание после своей долгой речи. Элина улыбнулась и похлопала ей, выражая согласие.

Как говорила еще в студенческие годы ее мама: «Кто всегда счастлив в любви, у того ее

просто-напросто нет, а иллюзия всегда дарит счастье. Но и вечное несчастье не имеет ничего общего с любовью. Ей нужен баланс горя и радости».

Элина свой баланс, свою любовь так и не нашла...

***

У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновение.

Иван Тургенев «Ася»

Зной последних дней тлеющими углями шипел под ногами. Теперь на солнце природа разжигала мангал и пыталась всеми способами тебя поджарить, а в тени грубоватый товарищ — ветер раздавал всем оплеухи.

Элине не хватало смелости поднести руку к двери и постучать. Казалось, вот сейчас ее пальцы коснутся стальной поверхности, и клыки оттяпают руку по локоть, причмокивания от удовольствия. Уверенность в себе — самая ценная вещь на свете, субстанция, из которой можно получить что угодно: счастье, любовь, друзей, карьеру.

Дверь распахнулась. На лице Димы читалось подозрение. Она стала замечать за ним это странное поведение, словно он ждет, что из-за угла на него набросится киллер с ножом.

— Привет, Дим, — улыбнулась девушка, до боли сжимая ручку чемодана. — А я не одна. Мы к тебе, так сказать, на временное обитание.

Мужчина чертыхнулся про себя. Что за нимфа посетила его разум в бреду, в горячке, в лихорадке... Мысли о Валери, очередного визита которой он так боялся, были сметены взрывом чувств при виде новой Элины. Элины, которую он еще никогда не видел.

— Ты... ты потрясающая, — с трудом вымолвил он и подал девушке руку, другой подхватывая чемодан. — Это все, что ты взяла с собой?

— Не люблю устраивать барахолку.

Конечно, она соврала. Было бы ей что брать. Все ее богатство уместилось в один чемоданчик: пара джинсов, пара кофт и футболок, немного невзрачной обуви, да косметика.

Дмитрий не мог оторвать от нее глаз, не смотря себе под ноги. К черту! Пусть там развернется ад и закипят проклятые реки, голодные до его плоти, он видел только ее...

— Все хорошо? — неверно истолковала его пристальный взгляд Элина.

— Более чем...

Он закружил ее в танце на своем собственном балу. Ангелы надрывали глотки, воспевая красоту женщины и страдания мужчин от ее коварства, пока он нежно придерживал ее за талию, вдыхал сексуальный аромат духов, касался обнаженной поясницы, чувствуя, что провокация удалась. Ей не нужны эти силиконовые губы-лепешки, не нужны надувные шары-титки, не нужно сходить с ума, проживая жизнь в кабинете косметологов и диетологов. Она просто прекрасна собой, как утренняя заря, что приносит новый день и новое вдохновение начать все с начала.

Она стала его началом. Его новой тропинкой в этом исхоженном лесу всех пережитых страстей. Его солнцем в мире погасшей любви и умирающих эмоций, где все продается и покупается. Она стала его валютой, которую он не сможет ни на что обменять, ибо нет ничего дороже.

Элина задыхалась в смущении от его реакции. Она просто с новой прической... и потратила чуть ли не последние деньги на эту помаду Guerlain и духи Dior... А этот костюм из короткого топа с кружевом, так приятно ласкающим немного приоткрытый живот, и обтягивающей юбки казался ей костюмом куртизанки, но она никогда не была так открыта к

новым чувствам, никогда не хотела так сильно произвести впечатление на мужчину. Словно от этого зависела ее жизнь.

— Такой смелый ход, — прошептал мужчина, перебирая ее упругие яркие волосы, которые словно дымилась потушенной сигаретой, выкуренной после сносящего крышу порыва страсти. — Такая смелая ты. Тебе очень идет, Лина.

— Эля. Я Эля. Зови меня так, пожалуйста.

При каждом упоминании Лины она видела рожицы с лицом Миши, который кривлялся и гримасничал, говоря, что она для всех будет Линой. Кем была для него, тем и останется для другого мужчины. А он вкладывал в Лину все оттенки рабского преклонения и немой услужливости, женской несостоятельности и неполноценности.

— Но мне так нравится Лина. Она более дерзкая, храбрая, подходящая тебе.

— Л-ладно, — сдалась слишком быстро, когда его губы зверски напали на ее незащищенную шею.

Тень Валери металась солнечным зайчиком по стенам и душила своим невидимым присутствием. В венах Элины бурлили реки ревности, зависти и недоверия. Эта взрывоопасная смесь сделала ее куклой без голоса, которая не могла своей пластиковой рукой помешать поцелуям, сыпавшимся на нее градом.

— Подожди, — еле собралась с мыслями она. — Не надо. Давай не будем торопиться, прошу тебя.

Хватит с нее временных ролей, из крайности в крайности: либо прислуга, с накинутой петлей в виде штампа в паспорте на шею, либо слишком легко сдающаяся крепость по первому требованию захватчика.

— Да, — чуть ли не выдыхая из себя огонь ответил Дмитрий. — Не будем торопиться.

В его крови поднимались и опадали полыхающие водопады из болезненной страсти. Никогда он еще не был в такой ситуации: хотеть женщину до судорог, мысленных конвульсий, приступа эпилепсии и не иметь возможности коснуться ее лишней раз. Он бы мог применить все свое обаяние и уложить в ее койку, потеряв потом интерес к завоеванию этого форта, но он настоящий боец... еще повоюет.

— Почему же все-таки так мало вещей? Квартирка не ахти, но я обещаю, что весь гардероб вместится, — усмехнулся мужчина, припоминая размеры гардероба своих предыдущих пассий.

— У меня больше и нет вещей, — смутилась Элина.

Вот он дурак. Пытается казаться ей не таким нищим, и она в свою очередь делает вид, что имеет все, что хочется. Встретились две противоположности, в один момент ставшие слишком похожими.

Дмитрий мысленно разбивал кулаки в кровь, сражаясь со своей тенью. Ну почему у него сейчас ничего нет? Где эти паршивые бумажки, когда они так нужны?! Ну почему на ветреных, недостойных женщин одноразового пользования у него были сотни тысяч, которые он просто бросал на ветер, даже не считая? А теперь, когда в его жизни появилась женщина, достойная миллиона самых свежих алых роз и не только их, он мог протянуть ей лишь пустую ладонь.

— Все эти шмотки не так уж и важны.

— Согласен, Ли... Эля. Свою главную вещь ты уже надела. — Он снова не устоял перед тем, чтобы обвить ее талию руками. Ее взгляд вопрошал продолжения. — Себя саму. Не снимай и не переодевай ее, ладно? Она лучшее, что у тебя есть.

Девушка покраснела и совсем растерялась. Миша всегда внушал ей, что она худшее, что вообще могло существовать на свете.

— Эй, — Дима поднял ее лицо за подбородок, — все же отлично?

— Теперь да, — прошептала Элина и поцеловала его в щеку, не будучи готовой давать ему зеленый свет откровенными поцелуями.

Для пошлости всегда найдется удобный момент, чего не скажешь о скромности.

— Расскажи, что вспомнил о себе? Нельзя же так всегда жить, не зная, кем ты был.

Девушка прошла в комнату и устроилась на кресле, желая отдохнуть. Духота, являющаяся прелюдией к дождю, и все эти сумасшедшие страсти вымотали ее.

Мужчина вздохнул. Кем он был ясно — уродом. Больше волнует, кем же он в итоге станет...

— А что поделаешь, Лина. Пусть все идет своим чередом.

Он днями думал о словах этой... этой Валери. Видимо, она его единственный мостик между прошлым и настоящим. Придется рискнуть и ступить на эту некачественную перекладину над пропастью. Дмитрий приобнял Элину и почувствовал спокойствие. В рвущем и мечущем океане жизни он нашел свой тихий уголок, из которого не хотелось уходить под сносящие голову волны и смертоносные приливы.

— У меня как раз все налаживается потихоньку. Как странно выходит: ты все потерял, а я все нашла.

— Где-то убыло, где-то прибыло. Что именно ты нашла?

— Тебя. Себя. Виски.

— Твой котенок? Приноси и ее тоже сюда.

— А хозяин разрешит?

— Плевать на него, — пошутил он и поцеловал ее в макушку. — Двое против одного.

Выгоним его самого, если что.

— Я подумаю, — рассмеялась Элина. — Заявит потом в полицию, а мне, знаешь ли, хватило посещений этого заведения.

Ее слова всколыхнули воспоминания обо всем, что он так упорно отгонял от себя. Достоевский. Цветы. Прошое, настолько могущественное, что может разорвать его на куски одним прикосновением.

— Еще я нашла работу мечты. Ну почти.

— Давай подробности!

— Я созвонилась со своим руководителем интернатуры, он согласился помочь мне. Скоро выхожу операционной сестрой в одной клинике, параллельно буду проходить курсы повышения квалификации. Надеюсь, снова стать хирургом.

— Я верю в тебя, Эля.

Все, что он сейчас может дать ей — всего лишь вера. Однако Дмитрий даже и не догадывался, что вера была самым желанным для Элины. Вера, которой бы она ни за что не предпочла деньги.

В нее теперь хоть кто-то, кроме Жени. Осталось поверить окончательно ей самой. Самый главный человек, который должен быть верить в нее оказался убежденным атеистом.

Везде, где требовалось усилие, умирало желание.

Павел Санаев «Похороните меня за плинтусом...»

Жизнь закрутилась вихрем, который то и дело выплевывал из себя новые события и старых знакомых, свежие эмоции и забытые происшествия. Элина, вооружившись фартуком и целой горой купленных продуктов, колдовала на столешнице.

Работа операционной сестрой ароматом острых специй напомнила ей о тех временах, когда она еще смотрела вдаль с широко открытыми глазами. Теперь же ее глаза лишь слезились и воспалялись. Запах спирта, холодная сталь инструментов, стерильное помещение... Она бы все отдала, чтобы эта картина вновь вернулась в ее жизнь. Кажется, мечты начали исполняться.

— Да, Женечек, слушаю тебя, — ответила девушка, придерживая телефон ухом. — Ты впервые не вовремя, дорогая.

— Чем занята, Эля? Отдыхаешь после смены в больнице?

— Лучше! Готовлю тарт с цукини, рисом и орехами. А еще в планах апельсиновое печенье с шоколадом и...

— Ого! Кто-то снова пустился во все тяжкие домохозяйские?

— Ты о чем, Женя?

Надо признать, что совместная жизнь с Димой хоть и длилась пока всего ничего, но уже вознесла ее к новым вершинам. Мировоззрение Элины тонуло в синих водах опасных морей, даже не протягивая онемевши руки к спасательному кругу. Незачем.

Все стало иным. Все поменялось. Но изменения не дают нам застыть в одной точке, что сжимается и сжимается, сводя все усилия, всю жизнь к концу.

— Я о том, что ты уже замучила эту реку, входя в нее в который раз. Снова в будку и на цепь? Работа, готовка, уборка только без штампа в паспорте?

— Я понимаю, о чем ты, — кивнула сама себе Элина, нарезаая овощи. — Ты боишься, что он увидит во мне домработницу, а ведь еще и свадьбы не было.

— Именно!

— Женя, жизнь меня кое-чему научила. Во-первых, то, что я делала для Миши, было навеяно ссадинами и побоями, оставленными от его моральных ударов. У меня выбора не было. Властелин не должен быть голоден или плохо одет. А с Димой... Я сама сегодня накупила кучу продуктов, с вечера нашла гору рецептов. Я, именно я, хочу для него готовить и делать все остальное. И он дает взамен так много.

— Что же он тебе дает? Осыпал бриллиантами?

— Дуся ты, подруга! Он дает мне что-то куда более ценное, чем брюлики. Внимание, заботу, тепло, чувства, которые уже заплыли слоем пригоревшего жира прошлых неудач. Ай, — она махнула рукой в воздухе, — сложно рассказать. Я чувствую это, трепать языком нечего.

И ведь все так просто, так легко. Домработница или любимая женщина — грани одного и то же понятия. Роль женщины в доме зависит от того, как и кем ее видит мужчина. Для одного все старания напрасны, он принимает их как данность. А для другого — приятный подарок, за который не зазорно лишней раз сказать «спасибо».

— Раз чувствуешь, Элька... Дерзай!

— Так и буду делать, Женечка. Поболтаем потом, а то царский обед пригорит, перегорит и так далее.

Элина отбросила телефон на диван и с усиленным рвением принялась за готовку. Он разжег в ней женское начало, растопил холодные льды черствости, когда готовишь ужин потому, что так надо, наводишь чистоту в доме только из-за потенциального недовольства мужа. Сейчас же она порхала по дому с вдохновением, бодростью, окрыленная душевным подъемом.

Она сама себя не узнавала. Отныне все стало другим: уже не черным, но еще и не белым. Работа не приносила бесконечной усталости и неудовлетворенности собой. Больше не было трудно вставать в шесть утра, каждое раннее утро дарило капельку надежды, что именно этот день будет не таким, как сотни остальных. В душе зазвенели колокольчики просветления и заголосили мелодии веры в себя, распевая, как она хороша.

Дима обещал сегодня быть раньше; у него зарплатный день. Элина повела плечом, думая о его работе. Он так ее не любит, постоянно говорит о том, что при существовании возможности жить лучше, он гнет спину два через два, вынося коробки с различной провизией в эти пыльные супермаркеты. Что за возможность жить лучше? У них-то? У простого люда?

В окно постучало солнышко, нежно целуя ее в лоб и щеки, заставляя волосы переливаться мягкими бликами. Девушка закрыла глаза, позволяя себе получить удовольствие от такой мелочи — солнечного тепла. Сколько утренних рассветов было встречено, сколько закатов проведено грустным взглядом вдаль... и никогда ее не посещала мысль о том, что этот свет может однажды потухнуть. Не в метафоричном смысле погаснуть, как и воспетые романтиками чувства, а в самом прямом и пугающем. Теперь солнце стало значить для нее нечто совсем иное.

— Ну пора уже на море сходить. К тому же, настроение поет, — пропела Элина, пританцовывая у столешницы.

Понравится ли Диме ее фигура? Оценит ли он ее далеко не спортивное и подтянутое, а самое обычное тело? Солнечный блик болезненно укусил ее за запястье, оставляя маленький дымящийся ожог. Она никогда не фанатела от спорта, не посещала даже фитнес. Мише до ее тела не было дела; он привык любить другие тела. Ей самой было все равно; она могла и не смотреть на себя в зеркало. А Дима, похоже, привык к спортивным фигурам, гибким телам, очерченным изгибам...

— Элька, — вздохнула девушка, — прекрати. Надеюсь, ему нужна и я тоже, а не только кусок моей плоти.

Хотя этот пресловутый кусок плоти может стать яблоком раздора между ними. Жар от плиты перекинулся на щеки Элины и разлился по ним жалящим огнем. Секс. Слово, которого она стала бояться, когда в его значении появился намек на любовь. Влюбленность. Симпатия. Неважно. С Мишей она даже не задумывалась о том, что такое секс. Пошло ли это, прилично, можно ли об этом говорить вслух. О нечастом, скучном, пресном сексе с мужем можно было только молчать в тряпочку, стыдясь даже заикнуться о том, какая редкостная дрянь происходит раз в месяц под их одеялом в темноте спальни.

Чувства к Диме буквально схватили женщину в ней за волосы в кулак и заставили поднять глаза. Она узнала, что значит хотеть мужчину, раздевать его глазами, даже когда на нем и так только шорты. Его обнаженной кожи ей было мало; она хотела коснуться его души тоже. Он намекал ей на близость, но не хватало решимости лишиться девственности еще раз.

Ведь так все и будет: ее первый секс по любви, когда она не должна исполнять супружеский долг и делать что-то механическое, обязательное, вызывающее тошноту.

— Лина-а, — неожиданный голос Димы напугал ее.

— Господи! — вскрикнула она, попав ножом не по тому ингредиенту. — Мой палец не входит в рецепт этого тарта!

— Лина, осторожней надо быть!

Элина зажала палец, ругаясь про себя. Ну как девочка, честное слово! Какой ей секс. Она же будет вести себя, как ненормальная школьница, решившая в пятнадцать лет пойти наперекор строгим родительским наставлениям. Первая любовь может случиться и во второй раз в жизни.

— О тебе думала, — смущение полностью завоевало ее щеки, разливая по ним алую кровь.

Мужчина аккуратно перехватил ее раненый палец и осторожно приник к нему губами. Элина вздохнула и задержала дыхание, чтобы не разразиться стонами от этого его действия.

— Да я опасный парень, что ли? — хохотнул он, отпуская ее палец и притягивая девушку к себе.

— Не представляешь насколько.

Его поцелуй налетел на ее губы в рейдерском захвате: без церемоний, нагло, с переливающейся за края самоуверенностью. Боль в пальце тут же стала еле заметным писком на фоне оглушающих стонаний страсти, что вспыхнула между ними, поджигая их дыхание спичкой. Руки Дмитрия не удержались от поползновений по телу Элины.

— Останови меня сейчас, или потом это будет невозможно, — прошептал ей в губы, сталкиваясь лицо к лицу со шрамом Элины.

Он все еще не мог привыкнуть к нему. Неидеальность ее лица и манила, и отталкивала его. Этот жарко ледяной коктейль восхищения и отвращения бил мужчину теплым ознобом.

— Остановись. Я еще замужем.

Дмитрий оторвался от ее губ, вспоминая про мужа. Он и забыл про этот придаток, что шел в комплекте с Элиной. Наверное, хотя бы раз в жизни он поступит, как настоящий мужчина: дождетя развода и ляжет в постель со свободной женщиной, не заставляя ее совесть харкать кровью от измены. Его-то давно уже вынесли белыми тапочками вперед.

— Ты права. Давай сделаем все правильно.

— А вдруг мы будем разводиться полгода? Слушание через четыре дня, но он не явится.

Все, что касалось Миши, было для нее загадкой, об которую можно зубы сломать, пока раскусишь. Он отказался разводиться с ней цивилизованным путем, но каждый день названивал, словно сам Сатана держал его на мушке, а она единственная могла ему помочь.

— Значит, полгода наши отношения будут чисто платоническими. Еще есть книжки в запасе?

Элина рассмеялась и положила голову ему на плечо. Кажется, она нашла плечо, на которое можно положиться, если весь мир замахнулся копьями на тебя, опереться, если отказали ноги. Она нашла мужчину своей мечты.

— Много.

— Можешь закрыть глаза и отвернуться? — таинственно сказал Дмитрий и подмигнул девушке.

— Ладно...

Что за сюрприз у него, интересно? Миша, кажется, только на день рождения и восьмое

марта всучивал ей какие-то букеты не первой свежести и замызганную долгими шатаниями в машине коробку «рафаэлок». Сегодня не восьмое марта и не ее день рождения...

Элине было невдомек, что любящие люди делают подарки не по точным дням календаря, а по зову сердца.

— Открывай.

— Ого! Боже мой...

Диму полностью закрыл букет темно-алых роз с вкраплением белоснежных цветов в центре. Эти цветы, словно кровь, затвердевшая на стеблях в завихрениях лепестков, и кристальный снег, растаявший в скульптуру. Неподвижное, немое воплощение искусного мастерства природы.

Ну ничего себе... И день рождения и восьмое марта в один день...

— Спасибо. — Губы Элины шевелились, но слова казались эфемерными ласточками, что слетали с них, широко расправляя крылья, и тут же умирали, уступая место новым полчищам счастливых птиц. — Это... потрясающе. Такой букет...

Все ее эмоции свелись к тихому ликованию. Ведь когда на душе исписанные стихами листы, все, что мы можем сказать — это пара бессвязных реплик. Зато когда там вьет гнезда пустота, слова льются рекой.

— Наверное, дорогой? Не стоило...

— Никогда, — резко оборвал ее он, — не смей такое говорить. Ни одному мужчине в своей жизни. Слышишь, никогда, Эля, не говори, что ты настолько дешевка, что букет роз для тебя — это слишком. Это всего лишь цветы. Красивые растения, не больше. И подарить женщине охапку этих растений не может быть дорого и не может не стоить того.

— Я... я не знаю... Извини.

Он совсем сбил ее с мыслей. Эти розы. Раньше она думала, что такой шикарный букет Миша может принести только ей на могилу. Раскошелится так уж и быть напоследок. Обычно верхом его щедрости был букет из почти завядших роз с неумелым напылением блесков, окруженных какой-то сорняковой травой, торчащей во все стороны и завернутых в вульгарную блестящую бумагу.

— Если ты хочешь стать женщиной, ради которой мужчина будет готов на подвиги, ты просто обязана забыть фразы типа «Не стоит мне это дарить», «Ой, как дорого, не надо было» и так далее. Слыша подобное, сразу понимаешь, что она обойдется дешевой розой даже без ленточки или вообще без розы. Женщину, у которой ставки высоки, хочется упорно покорять, повышая эти ставки каждый раз все более дорогими и изощренными подарком. Ведь она этого достойна. На остальных же хочется экономить во всем: чувствах, цветах, подарках, уважении.

Кажется, она поняла его. Все снова упирается в любовь к себе. Чем больше ты себя любишь, тем дороже стоишь для мужчины. Пусть и звучит пошло. Однако быть совсем без ценника тоже не очень хорошо. Поэтому-то мужики и выбирают себе жен, словно тапки для улицы в секунду. Чем дешевле, тем лучше.

— Спасибо, — улыбка робким подснежником показала свою головку из-под толщи многовекового сна. — Но откуда у тебя столько денег? Еще и вино дорогое, фрукты, сыры — вау! — Заглянула в огромный пакет, который он внес на кухню. — Всю зарплату оставил в магазинах?

— Нет, чуть-чуть осталось. Как раз чтобы на воду и хлеб хватало до конца месяца.

— До конца месяца тридцать дней!

Мужчина пожал плечами, и они рассмеялись. Элина стала разбирать пакет, и улыбка покалеченным войной солдатом сползла с его губ, таща за собой болтающиеся конечности. Пришлось, конечно, немного постоять с вопросительной думой на лице в магазине, прежде чем решиться на такой банкет. Пир бедняка, трапеза чумазого шахтера в версальском дворце, вкушение помещичьих яств голодранцем из рода батраков. Так он себя ощущал, спустив половину зарплаты на то, чтобы удивить Элину. Заставить ее почувствовать себя желанной. Половина зарплаты... Этот факт не переставал его шокировать. Когда-то он оставлял сумму своей зарплаты на чаевые, а теперь пытался выжить на них... Мысли о Валери все безжалостнее подтачивали его неколебимость. Скоро он сам приползет к ней на коленях с протянутой рукой.

После ужина Дмитрий помог вымыть посуду, и Элина снова чувствовала себя нахлобученной хорошенько по голове. Миша никогда не помогал ей. Да его помощь могла ей только сниться, и то в кошмарах, в конце которых он ее обязательно убивает!

— Не расскажешь, как заработала щрам? — спросил он, вытирая руки. — Только если сама хочешь, Лина.

— В принципе... Почему бы и да?

Она так долго хранила эту информацию в секрете, хотя ничего экстраординарного в ее истории не было. Совершенно банальный случай, каких миллион происходит в день по всей планете и которые зачастую ставят крест на судьбе.

Плюшевый плед нежными объятиями встретил ее тело, а мягкие подушечки принесли приятное облегчение пояснице. Дмитрий обвил руками плечи Элины, прижимая ее к себе. Вот же как бывает! Он нашел свое счастье там, где видел лишь погибель.

— История совсем непримечательная. Я была молодой, глупой, расстроенной жизнью. Принимала все, что в ней случалось, как должное. Опускала руки по швам и следовала за течением, даже если оно выносило меня в какие-нибудь вонючие сточные воды. В общем, я тогда после интернатуры осталась работать в клинике, где мы с тобой и встретились.

— Уж не были ли вы одноклассниками со Стрельцовой?

— Были даже больше: подругами. Только сейчас я поняла, что наша дружба заключалась в совместных походах в бары и театры, где мы кадрили парней и веселились вовсю. Еще наша дружба строилась на вечном соперничестве за успех в ВУЗе и на практике. Катя выиграла по всем фронтам.

Женская дружба — неуловимая вещь, которую может разрушить малейший дисбаланс: зависть, ненависть, даже любовь.

— Почему это она выиграла? Она та еще стерва. Разве можно быть счастливой с таким гнусным характером?

Мужчина осекся. Да он и сам копия Стрельцовой. Они бы не смогли прожить вместе и двух дней. Кто-то точно бы всадил нож в спину другому. Слишком они мерзкие, а мерзость не может дружить с мерзостью. Ему стало противно от себя, от того, что когда-то использовал отвратительный характер Катерины против Элины. Понадобится много времени, чтобы искупить эту глубокую чашу вины, которую он заполнил до краев своим скотством.

Но, с другой стороны, судьба порой так незаметно, на цыпочках подкрадывается к нам, даже не дышит, чтобы мы ничего не заподозрили. Вот и его судьба зашла со спины, сзади, нанесла удар в самое сердце.

— Не знаю, Дима. Выглядит она более чем счастливой и довольной. Ну это не так

важно в данном случае. Долго задержаться в клинике у меня не вышло. Либо я, либо Катя. А так как папа Кати главврач, вопрос о том, кто останется на пьедестале, а кто будет чистить конюшни, не стоял. Он потихоньку, сладкими увещеваниями о скором триумфальном будущем подвел меня к мысли о работе на «скорой». Знаешь, как будто отец взял меня за руку и, шепча о том, что все будет хорошо, отвел на расстрел. Так я к нему относилась. У меня же здесь никого не было, только лучшая подружка Катька и ее семья. Вот так вот. Я часто ужинала с ними и справляла праздники, а в итоге ее отец скинул меня в бурлящее жерло вулкана и пожелал приятного полета.

— Почему не ушла в другое место? У тебя же был выбор.

Элина вздохнула. Выбор-то всегда есть, но мы часто упорно мотаем головой и делаем вид, что выбора нет. Так проще.

— А черт его знает. Я просто была наивной глупышкой. Думала, что папа Кати — мой папа и не предаст меня. Катя же из моей подруги быстро превратилась в надменную королеву, которая с холопами редко здоровается. Постепенно я осела в этой трясущейся машине, а она — на своем блажном троне. Я вышла замуж, совершив вторую огромную ошибку, правда это произошло после получения шрама, а она меняла богатых и красивых мужиков как медицинские перчатки, а они, как ты знаешь, одноразовые.

Дмитрий про себя ухмыльнулся. Надо же, сколько общего у них со Стрельцовой...

— Собственно, шрам. Все произошло в новогоднюю ночь. Мы дежурили без перерыва, то и дело какие-то идиоты напивались, отравлялись, прыгали с балконов, ломая руки и ноги. Господи, с дрожью вспоминаю это время. Люди все-таки у нас дикари: не пить, не праздновать не умеют. Подобрали мы одного такого наркомана. Мужчина был в неадекватном состоянии. Мне кажется, он зеленых человечков видел и с ними общался. Его бредни можно было положить в основу фантастической истории. — Девушка сделала передышку. Как сейчас эта снежная ночь кружилась за окном «скорой», холод пробирал до костей и сдирал с них мясо, пальцы на ногах подворачивались внутрь, так замерзли. Я молилась об окончании смены. — Этот парень внезапно пришел в себя и, уж не знаю, что он там видел в своем помутненном рассудке, но начал шарить вокруг себя, что-то хватая. Схватил скальпель, который я забыла убрать, совсем устав от этой работы...

Она всегда думала, что слезы по этому инциденту уже давно высохли. Однако сейчас глаза плавали, нет, тонули в соленом море. Если бы она убрала скальпель, если бы не сидела так близко к этому наркоману, если бы среагировала быстрее... Из скольких «если бы» состоит наша разбитая судьба? У каждого свой счет.

— Короче, на «скорой» доставили в больницу уже меня.

Снег стал кровавым, и забивался в рот, глаза, уши, нос. Не продохнуть. Элина сделала глубокий вдох, убеждая свою панику, что все хорошо. Все в прошлом, а это то же самое, что хорошо.

— Что было дальше? — задал формальный вопрос Дмитрий, и так видя, что было дальше. Ничего.

— Дальше не помню... Серые, унылые, вечно дождливые дни. Мысли о суициде. Кавардак в голове. Боязнь смотреть в зеркало. Страх выйти в люди. Полная изоляция. Замужество, — рассмеялась она всей комичности ситуации.

— Как оно сюда вписывается?

— Идеально. Мишка подобрал истекающего кровью зайчика и завербовал его в свои рабы. В больнице я долго не появлялась, не отвечала на звонки Кати и ее отца...

Естественно, было разбирательство, хотя пострадала тогда в машине я. Но так как сама же и виновата, не убрала медицинские принадлежности, то все замяли, но взять меня на должность врача не представлялось возможным. И отец Кати снова спас меня, — усмехнулась Элина. — Дал форму медсестры и отправил мыть утки. Конец.

Мужчина оставил на плече Элины кроткий поцелуй, чтобы поддержать ее. На этом месте моментально вспыхнул ожог, но его жжение было так приятно, что она закрыла глаза и позволила своей душе слиться с тишиной вселенной.

— Пациент изуродовал мое лицо. А я изуродовала свою жизнь. Заметь, он сделал это ненамеренно, а я да, с точным расчетом. Но это ничего... Никогда не поздно сделать новый шаг, покуда ноги целы. И я уже сделала. С ролью операционной сестры справляюсь отлично. Больше никто не разговаривает со мной, как с мебелью, я стала значимым винтиком в этой медицинской машине.

Элина почти задремала в его сильных руках, впервые не боясь проснуться с перерезанным предательством горлом. Дмитрий же не ощущал позитива вообще. Он не подходит ей, совсем не то, что нужно такой светлой, ранимой душе. Ее иллюзии будут истекать кровью и плакать от досады, когда она узнает всю правду о нем. А она узнает. Он не господь бог, не сможет удержать эти жестокие войска прошлого, что несомненно скоро вторгнутся в их лживо размеренную жизнь.

В сущности, все они живут в мире иероглифов, где ничего реального никто никогда не говорит, не делает и даже не думает...

Эдит Уортон «Век невинности»

Солнце ласково разминало мышцы ее спины своими горячими прикосновениями, и Элина обводила мир вокруг себя взглядом, замутненным солнцезащитными очками. Похоже, она впервые была в том месте и в то время, когда правильнее быть просто не может.

Рука мужчины легла на ее поясницу, и солнцу пришлось уступить свое место ему.

— От тебя становится жарче, чем от палящего солнца, — пробубнила Элина, ощущая, как каждая клетка ее кожи превратилась в саранчу и кусает сама же себя.

— А если так?

Его пальцы побежали вверх по спине девушки и остановились перед полоской бюстгалтера. Она бы выгнулась, как кошка, если бы не куча людей, рассыпавшихся одиночными песчинками по пляжу. Казалось, все эти сотни взглядов устремлены на них. Стыд, порицание, упрек...

— Развратник! Тут же люди.

— И что? Ты сама-то посмотри на этих людей. Кто-то без зазрения совести ест и тут же бросает мусор на песок, — указал на женщину в аляповатом купальнике, разделяющуюся с бананом и подкидывающую новую порцию шкурок рядом с собой. — А этот мужик, — кивнул в сторону парня инфантильной внешности, — вообще переодевается без прикрытия. Не стесняется своего достоинства. Просто оглянись. Люди свиньи, и чужое свинство их давно не удивляет. В одном хлеву живут.

— Ну мы-то не свинячим, мы непристойно себя ведем, — проямлила Элина и перевернулась на спину.

Рука Дмитрия переместилась на внутреннюю сторону ее бедра. Девушка накрыла его руку своей, не давая ей продвигаться выше и не давая покинуть своей кожи, которая трепетала под ней и беззвучно молила не оставлять ее в одиночестве.

— Непристойность — лишь мера измерения ханжества и пуританства в каждом из нас. Ну, и на сколько процентов ты ханжа и пуританка?

Дыхание Элины сбилось и потерялось в обезумевшей толпе слетевших с катушек мыслей. Не дотерпит она до завтра, до развода с Мишей. Миша уже стал просто пятном на любимой футболке, которое не вывести ничем, и футболку выкинуть жалко. Слишком многое в ней пережила. А теперь появилась изысканная шелковая блузка... Дима. И хотелось носить ее вечно, не снимая, ощущая прикосновение легкого шелка к горящему страстью телу.

— Простите, если помешала, — несмело покашляла Женя, не смотря на них. — Уже не могу в этой воде плескаться.

— Да, да, — Элина покраснела. — Садись рядом.

Женя, широко улыбаясь и смеясь глазами, что были надежно скрыты от подруги большими синими очками с отражающимися в них людьми, небом и морем, плюхнулась на полотенце.

— Ну вот, на кого я похожа? На облитого водой песчаного человека? — расхохоталась Женя, притягивая песок магнитом к своему мокрому телу.

Кровь еще отошла с щек Элины, раздуваясь неконтролируемым пожаром по сосудам и капиллярам. Женя несильно толкнула ее в бок, чтобы дать понять, что не все так страшно.

— Эля, — шепнула ей на ухо, — ты, как весталка. Уже забыла, каково быть женщиной. К тебе красивый мужик прикасается, а ты дергаешься, точно от ударов тока.

— Зря я тебя с собой потащила, — огрызнулась Элина. — Помогаешь поддержкой, ага. Еще предложи мне ему тут отдаться, при всех.

Женя рассмеялась и легла на полотенце в виде бутерброда. Дмитрий, поняв, что Элине нужен небольшой отдых от него, сменил ее компанию на морскую: из соленых волн и медуз. Ему надо было охладиться. Кровь уже лопалась, словно жидкие волдыри, от ее вида в одном бикини. И он даже не смотрел на ее тело, не искал стальной пресс и тонкую талию, ему не было дела до того, как сильно накачаны ее икры... Господи, она просто красной тряпкой маячила перед ним, и мысль о желании перейти в наступление зудом ползала по коже.

— Элька, да когда ты свой панцирь уже разгрызешь? Ты там под ним не совсем задохнулась?

— Ты называешь скромность душным панцирем?

— Элюся, затяжная скромность — это уже беспритязательность, когда ты берешь то, что тебе позволяет брать твой трусливый разум.

— И что ты все-таки предлагаешь?

Элина надвинула на глаза очки и достала бутылку чая с лимоном. Какой чай... Ей бы сейчас под ледяной водопад, чтобы напором воды снесло черепашку всем боязливым мыслям.

— Я не уличный торговец просроченными пирожками, ничего тебе не предлагаю. Просто советую стать более раскованной. Мужики любят чертовщину, экстрим, запреты, понимаешь? Найти синий чулок, который дома сидит с кульком семечек и сексом занимается только под одеялом и с выключенным светом — не проблема.

— Я только завтра с Мишей развожусь.

Женя аккуратно скрутила мокрое полотенце и хлестнула им Элину, вызывая взрыв криков негодования и возмущения.

— Выпороть бы тебя хорошенько. Этот косолапый и тупоголовый представитель фауны чуть ли не рядом с тобой в кровати тебе изменял! А ты боишься за руку с другим мужчиной держаться на людях за день до развода! — девушка буквально вздучалась от переизбытка эмоций. — Когда ты очнешься, Эля?! Живи прямо здесь и сейчас. Завтра может макнуть тебя головой в грязь, поэтому живи сегодня, когда солнце так ярко светит над головой, черт возьми!

— Завтра и макнет меня в помой по самую шею...

Телефон опять был завален звонками, на которые никогда не поступит ответа. Ну как она устала от него...

— Чего ты тянешь? Эль, тебе не тринадцать и даже не двадцать три, чтобы ломать такие комедии. Мужика надо помариновать, я согласна. Когда ларчик слишком просто открывается, желание смотреть его содержимое отпадает. Однако и перегибать палку стоит. Если она треснет, назад уже не склеишь.

— Ладно! Я поняла тебя.

Элина совсем согнулась, чтобы спрятать расстроенное лицо. Срубить этот сук комплексов, на котором она так долго сидит, будет трудно. Пора бы уже давно с него упасть. Лучше последний раз получить шишку на лоб, зато начать жить с чистого листа по-

настоящему. А не брать подпорченный лист и делать вид, что он сияет белизной.

Рука Жени легла ей на плечо. Затем подруга полностью обняла ее.

— Эля, не обижайся. Прости меня. Я не права. Жизнь твоя, кровать твоя, душа твоя. И я не имею права лезть туда со своим шнобелем.

Плечи Элины затряслись, и Женя испугалась, что все-таки довела единственного родного человека до слез. Порой чужие нравоучения, как грязь под ногами: вляпываешься и вляпываешься, сам того не желая.

— Эля!

Девушка подняла лицо, покрасневшее от смеха, и они обе упали на песок, заливаясь трезвоном сотен колокольчиков.

— Уж если у тебя шнобель... то я не знаю, как назвать Мишкин клюв! — выдавила из себя Элина, сгибаясь от смеха.

— Я прощена?

Кивок все сказал сам за себя.

— Тогда надо чем-нибудь заняться. Почитаем светскую хронику...

— Не расстаешься ты с телефоном.

— Ага... Ну вот, интересненько. В ноябре состоится бал дебютанток. Позавидуем тем, кто родился в элите и с пеленок ходит в Гучах и Габанах?

Новый поток веселья стремительным ручьем пронесся по пляжу, сметая недовольные взгляды соседей по песку и мамочек, опекающих своих спящих под солнышком чад.

— Над чем смеетесь? Вас под водой слышно, — появился Дмитрий, и Элина отвела от него глаза.

Ей хватило и пары секунд, чтобы увидеть, как вода стекает по очертаниям его сильного тела, как капли остаются погреться на груди, запутавшись в темных волосах. Она молила себя не следовать глазами за этой дорожкой волос, чтобы не знать, куда она ее приведет.

— Лина, все хорошо? — встревожился мужчина, видя, как она зажмурилась.

— От солнца уже голова болит, — соврала она, думая про себя, что он и есть ее Солнце.

— Любуемся жизнью сверхлюдей, — хихикнула Женя и показала ему планшет.

Бал дебютанток. Бывал он на этом сборище богатых и не обремененных талантами детишек «правильных» родителей.

— Ты бы хотела там побывать, Лина? — поинтересовался он, устраиваясь на песке рядом с девушками.

Теперь они втроем листами фото на планшете и разглядывали фото гостей.

— Даже не знаю. Наверное, любая бы хотела...

— Нет, — отрезала Женя. — Ни за что на свете.

— Чего это?

Дмитрий обратился в слух. Послушать критику в свою сторону никогда не будет лишним. И он знал о характере Жени — рубит правду так, что щепки только враз режут глаз.

— Эль, ну ты посмотри на них, — поднесла девайс ближе к Элине.

Та все равно не понимала.

— Солидное мероприятие, бриллианты, платья от кутюр...

— От кутюр у них там все. Купленный богатенькими папками и мамками фарс для своих детишек, которые только и умеют, что зубы ломать о золотую ложку. Надо же их выставить на продажу. Ярмарка тщеславия. Классика. Балаган «элиты». Короче, они приходят туда, как на рынок: свою корову выставить и на чужую поглазеть. Или для тебя

наличие денег равняется наличию вкуса, ума, личностных качеств? Деньги есть деньги. На них можно колбасу купить. И туалетную бумагу. И даже человека порой. Но ни ум, ни вкус не купишь.

— Очень жестко, — вклинился Дмитрий, чтобы хоть как-то отстоять свой бывший круг интересов. — Там собираются уважаемые люди.

Женя хмыкнула, расплываясь в улыбочке.

— Уважаемые кем? Сами себе придумали мирок, в котором не имеют права существовать. Всякие певички безголосые, берущие трусами и наклейками на титьки; светские львицы (кстати, это вообще что за профессия такая?); бизнесмены — читай, ворье; телеведущие всяких недошюу для дураков? Только в этой стране элита представляет собой заплаченное сборище клоунов.

— Жень, ну чего ты так категорично, — поддержала Диму Элина.

— Эль, ты вечно в розовых очках, от которых уже скоро ослепнешь. Дим, хоть ты скажи ей! В какой еще стране силиконовые глупые девки, вовремя запрыгнувшие на причинное место олигархов и носящие брюки по двести тысяч рублей (возможно, наших, налогоплательщиков) причисляются к элите? Кстати, вы заметили, что все эти телки всегда певицы, актрисы и модели, не имея голоса, таланта и даже банально натуральной красивой внешности?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В пух и прах. Она уложила его на лопатки. Он даже никогда не задумывался об этом, не оценивал стороны, критически, как выглядит их фантиковая жизнь. Просто блестящие шуршащие свертки вульгарности внутри которых вакуум.

— Ладно, — после паузы согласился Дмитрий. — А кого ты считаешь правильным высшим обществом?

— Очевидный ответ: умнейших людей страны, в чьих числе гениальные ученые, например. Но наши люди хавают устоявшийся режим и мечтают стать надменной, бесталанной с распирающими от филлеров губами и размалеванной тоннами косметики дочкой какой-нибудь такой же точно мамашки. — Женя передернула плечами, не понимая встреченной оппозиции. — А ты видишь в бесполезных людях, которые ворочают миллионами ради собственных благ, высшее общество?

— Думаю, ты права, — качнул головой он. — Действительно, среди этой элиты, только и делающей, что таскающейся по разным низкопробным шоу, нет порой даже образования.

— Ну вот, Женька и тебя сломала, — улыбнулась Элина, которой было фиолетово до всех этих разговоров, будто попала на дебаты с Жириновским.

Все, чего ей хотелось в данный момент — обнимать Диму, а он пусть спорит с Женькой, соглашается с ней, что угодно...

— Она говорит здравые вещи, — подмигнул ей мужчина.

— Женька, тебе пора самой в эти телешоу. Будешь всех разоблачать.

Их местечко снова озарилось широкими улыбками. Элина поняла, что такое дом. Не координаты на карте, не бетон, вылитый в форму клетки-квартиры, не какие-то еще условности. Ее дом — это пляж сейчас, ее родина — это скромная квартирка Димы, ее отчизна — еще более тесная квартира Жени. Ее жизнь в теплоте улыбок этих людей, в размеренном биении их сердец.

И как же уютно в ее новом доме. Наконец-то она нашла его.

***

Лучше согрешить и покаяться, чем не согрешить и раскаиваться.

Джованни Боккаччо «Декамерон»

Вечер был наполнен тревогами о предстоящем разводе. Ее жизнь раскололась на две части, и одной из них было суждено болезненно утонуть в океане новых событий совсем скоро. Через каких-то несколько часов. Через одну ночь.

— Элина разводится, — шокировано пробормотала она, примеряя купленный на особый день комплект атласного красного белья.

Тело приобрело сочный оттенок загара, что отлично гармонировало с насыщенным цветом белья, словно разрезая ее фигуру всполохами кровавого пламени. Завтра, уже завтра она сможет надеть этот комплект для него, того самого мужчины, который облачил ее в эту пылающую страсть, украсил ее самой дорогой ювелирной продукцией из счастья и радости.

Миша оставил еще один пропущенный звонок днем, и больше она о нем не вспоминала. Уж если он завтра не явится на слушание, то она совсем не сможет объяснить его поведение. Скоро пути разорвутся, и она будет свободна. Почему-то штамп оказался слишком тяжелым камнем на ее шее.

— Ну не могу я так просто скинуть его, душит и душит, — простонала она и со злостью дернула кран на себя.

Невнимательность и излишняя эмоциональность привели к тому, что руки ошпарило кипятком из-под крана. Ее крик, должно быть, поднял воробьев с крыши.

В дверь раздался стук, и она замерла. Черт. Одного воробья, самого опасного из их семейства, она точно потревожила...

— Лина, все в порядке?

— Угу.

Голос куда-то резко пропал. Только казалось, белье стало нагреваться и жечь кожу. Или же это возбуждение?..

— Лина! — мужчина распахнул дверь и обомлел. — Я думал, у тебя что-то случилось... Но теперь мне самому стало нехорошо.

Она смотрела на него немигающим взглядом. Миллион сверхновых засиял над их головами. Сама Вселенная взорвалась газом и пылью, только бы оставить их одних на всем свете. И все, что сейчас было важно, это ее чувства, которые опиатом травили вены, жгучей водкой оставляли поцелуи на губах, растекались по запястьям алым потоком лепестков роз.

Всего один день... Она сможет выдержать... Сможет сыграть по правилам в этой игре...

— Все хорошо, — дрожь ее голоса была похожа на треплющуюся на ветру бельевую веревку. Она и пыталась удержать и хотела отпустить.

— Ну, я тогда пойду?

Пусть она скажет «нет»! Впервые он хотел услышать «нет» от женщины. Элина стала чем-то невообразимым в его жизни, чем-то, что еще никогда не появлялось в его жизни. Редкий цветок с другой планеты, неизвестная специя из таинственных долин Индии, неведомая сила из иного измерения... Не женщина — гораздо-гораздо больше.

— Д-да.

Она кричала ему вслед, терзала дверь ногтями, срывала кожу на руках в кровь, пытаясь его остановить, но ни один мускул на лице не дрогнул. Зато злобная часть сознания, всегда ненавидевшая ее, разразилась гомерическим хохотом. Ну вот, снова Элька все потеряла. Глупая и трусливая.

Мужчина буквально вывалился обратно в реальность. Ванная виделась ему сгорающей в тысячи огнях Преисподней, самым ее сердцем. Он тяжело вздохнул, взъерошил волосы рукой и призвал себя к спокойствию. Это не просто унижительная похоть, голод до мяса, жажда, что заставляет пить даже из лужи. Это желание нищего вкусить изысканных деликатесов. Желание мужчины, никогда не знавшего истинной женской красоты, прикоснуться к ней хотя бы подушечками пальцев. Жалкий мажор, которому в самую пору сдохнуть на этом балу с такими же отбросами высшего общества.

— Боже мой, — вымолвил Дмитрий, ударяя стену кулаком.

Бог тут ни при чем. Это не бог. Дьявол и его окаянные черти. Любовь родилась в аду, а не в эдемском саду. Черти пускают свои ядовитые стрелы, а не милашки — ангелы. Любовь — отравка, вирус, разъедающий до основания, терминальная болезнь сердца.

— Не могу, — прорычал мужчина, и его рука легла на ручки двери.

В этот же самый момент дверь чуть не слетела с петель изнутри, и ему в объятия упала Элина.

— Плевать на этот день, — прошептала девушка. — Свою совесть я заткну уж как-нибудь.

— Уверена?

— Да, — ее кроткий ответ сладким парфюмом проплыл по воздуху, потрепал его по волосам и чмокнул в щеку.

Такого уюта он еще никогда не испытывал. А Элина никогда не знала таких нежных мужских касаний. Либо похоть от знакомых на один вечер, либо ненависть мужа, завуалированная под желание.

Руки Дмитрия аккуратно стянули лямки бюстгалтера, и слезы оросили глаза девушки.

— Лина? — беспокойство охватило и его тоже. Он не хочет принуждать ее.

— Продолжай. Делай все, что считаешь нужным.

Все, что он считал сейчас нужным, это нежность, желание впитать в себя аромат ее волос, испить губами гладкость ее кожи, позаботиться и об ее удовольствии тоже. Когда в секс вторгаются чувства, он автоматически становится двусторонним, и ты думаешь уже не только о себе. Вот и он сейчас думал далеко не о себе...

Белье упало на пол, и Элине показалось, что с нее содрали кожу. Дима осыпал ее красивыми словами, точно конфетти. И она, словно губка, с жадностью втягивала в себя каждое из них. Он никуда не торопился, не старался поскорее дотянуться до сочного куса и сматываться куда подальше. Он был весь с ней, только с ней, дарил всего себя только ей, как никто и никогда не раньше.

— Кажется, я впервые счастлива, — еле различимо пробормотала она.

— Что, Эля? Я не расслышал.

— Неважно. Просто неважно.

Слова счастьем не нужны. Лишь мешают. Счастье требует чувств. И она чувствовала. До самой последней клетки души. До последнего мелкого сосуда в сердце. Чувствовала...

Как всякий человек, я хочу быть счастливым, но, как всякий человек, быть им могу только на свой лад.

Джейн Остен «Чувство и чувствительность»

Лучики света скромными перебежками перемещались от лица Элины к ее оголенным рукам. Прыгали по тонкому одеялу и снова к лицу — плясали на растянувшихся в улыбке губах.

— Соня, вставай, — мужчина пошевелил ее слегка.

Как ему не хотелось будить ее, спящую красавицу. Он бы с огромной радостью сел в кресло напротив и вместе с вечно бегущим по делам временем смотрел на нее. На дым ее разметавшихся по подушке волос, на довольное причмокивание алых губ, которые он кусал так часто ночью, от которых не мог оторваться. Она стала его сжигающим огнем, а он — ее покорным мотыльком.

Задержать бы это мгновение. Этот день. Эту минуту. Даже эту секунду, чтобы ощущение полноценности жизни, наполненности чувств и удовлетворения тем, что имеешь, навсегда оставило свой вкус в подсознании. Чтобы никогда не забыть, что он имел. Кто знает, когда ему суждено потерять все это волшебство.

Ну как же так? Жизнь умело играет нами в кости, и мы проигрываем в нее все, что когда-то имели. Однако взамен она дает так много, что не унести за раз. Когда-то в пожаре его безумства сгорали и умирали, теперь же чей-то огонек подчинил его самого.

— Лина, пора вставать, — снова повторил он, раскачивая ее сильнее. — Лина!

— Дима...

Глаза Элины распахнулись, но увидела она совсем не их единственную комнату. Перед взором пронеслись умирающими кометами видения страсти, что душила их веревками, оставляла на теле красные полосы наручников, скручивала вены в жгут. Ее самый любимый мучитель. Каждый поцелуй — пытка, которую хочется повторять и повторять, каждое слово хочется поставить на бесконечный повтор.

— Осталось мало времени. Прости, я забыл разбудить тебя вовремя.

— Какого времени? — протерла глаза девушка, стирая с зеркала сознания узоры их тел. — Куда-то надо идти?

Сознание уплыло в нирвану, о которой еще ни в одной песни мира не спели. Когда-то она слушала великие песни и думала, что обязательно поймет их смысл, переливы мелодий зазвучат как-то иначе, когда она станет счастлива. Но вот оно счастье! Она лежала на подушке, в которой булькало счастье; укрывалась одеялом, что было сплетено из нитей блаженства; слышала голос мужчины, заживавший тело, точно зажигалку — одним щелчком пальцев. А музыка и рядом не стояла. Теперь Элина знала, что все эти песни даже не представляют, что такое счастье.

— Лина, у тебя развод, на минуточку, — усмехнулся Дмитрий.

Включить бы сейчас Влади «Ревность» и затянуться дорогой сигарой. Будь он в своей игре, этот Миша бы уже давно стал просто безликим именем. Он бы заполучил единовластное правление в ее жизни взмахом руки. А сейчас приходится делить свою женщину с этим козлом. Мужчина отдернул руку от Элины, в его глазах читался страх.

— Ты чего? — испугалась Элина. Затем глянула на часы. — Господи! Через сорок

минут уже слушание!

Она подскочила на кровати, замотавшись в простыню, и побежала в ванную. Дмитрий буквально осел, как осадок на дне кружке, на диван. Своя женщина... Сердце приняло когда-то бесившую его медсестричку со шрамом на половину лица, как свою. Она его. Он будет грызть канаты, сплевывая кровь, ради нее. Сломает шею любой невзгоде, что навестит их. Он проложит дорогу в их счастливое будущее даже через бетон, пророем любую траншею, чтобы снова вернуться туда, откуда ему дали невозвратный билет.

Его женщина не будет работать медсестрой! Он купит ей целую клинику. Она не будет ходить в дешевой одежде! Он скупит все эти бутики и свалит брендовые шмотки в огромный ангар, чтобы она могла каждый день менять их и никогда не повторяться. Его Лина не будет больше стесняться своего шрама! Он оплатит операцию в самой передовой клинике пластической хирургии, хоть за границей, хоть на Луне, черт возьми! Заставит самих инопланетян сделать ей операцию!

— Димуль, я побежала. Держи за меня кулаки! — крикнула Элина, и дверь хлопнула, унося стук ее каблучков по лестнице.

Стекло разбилось с шумом реактивного самолета, и осколками забрызгало всю полость его сознания. Он не может больше жить в этой духоте нищеты, не может приносить несчастные копейки с разгрузки коробок с кетчупами и огурцами!

Придется согласиться на сделку с Дьяволом. С этой большегрудой Сатаной. Кто знает, куда она поманит его своими когтями, но выбирать не приходится. Иногда единственный выход — это вход в ад. Какие двери открываются, в те и входим.

***

Лучше в любой момент умереть человеком, чем вечно жить скотом.

Джек Лондон «Сердца трех»

Прохожие с интересом косились на Элину, пытаясь угадать, что же такое таинственное заставило эту молодую женщину сиять бриллиантами на всю округу. Шаг за шагом, метр за метром улицы светлели, деревья прихорашивались, поправляя свои шикарные прически — кроны, солнечные лучи все шире расправляли пушистые крылья.

Вот-вот все закончится. И начнется заново. Конец всегда дает начало. Умершая клетка дает право на жизнь новой.

Он не придет. Она готовила себя морально так долго, что эта мысль стала казаться ей чем-то обыкновенным, обыденным. Не придет и ладно. Новая жизнь уже вовсю срывала двери с петель, крошила старую изношенную мебель и била эти громоздкие вульгарные люстры, что давали недостаточно света. У нее уже есть Дима. А будет ли в официальном статусе еще и Миша не так уж и важно.

— Миша... — удивленно вымолвила Элина, заведя его на скамейке у здания суда.

Господи, надо было поспорить с Женей хотя бы что ли... Тотализатор принес бы ей кучу денег. Могла ли она подумать о таком развитии событий?

— Явилась, — выплюнул Михаил, словно харкая злостью на нее.

— До сих пор ненавидишь меня за что-то? Да за что, можно узнать?! — вспыхнула Элина, готовая драться с ним, если что.

Он молчал. Только ветер насвистывал свои повести о добре и зле, о беспричинной ненависти, что порой не оставляет людей ни на секунду. Проходят года, сменяются координаты, искажается мировоззрение — и только ненависть живет при любых условиях.

— Сядь.

— Мы не в казарме, и ты не мой командир. Понятно тебе? Не желаю с тобой общаться ни минуты! — ярость рвалась из нее криком. — Сейчас разведемся, и можешь катиться на все четыре стороны! Можешь обложиться шлюхами в квартире, которой владеем мы оба. Я все тебе отдам, чтобы ты задохнулся в этой грязи!

Элина замолчала, восполняя потерю энергии. Ну почему родной когда-то муж превращается в паразита — вампира и сосет твою кровь ради удовольствия унижить хоть кого-нибудь? Откуда эта тяга к унижениям себе подобных в людях? Не будет даже говорить с ним! Ни слова больше! Она понеслась ко входу, думая, что он следует за ней. Обернувшись, Элина поняла, что он и не пошевелился.

— Мне что, тебя на руках нести? Настолько царская особа? — крикнула ему, не желая подходить ближе.

Прошла еще минута. Он просто смотрел в землю, и казалось, будто что-то гложет его, пилит, разрезает по кусочку. Неужто правда хочет вернуть все назад? Но назад пути нет: мосты сгорели дотла. Элине пришлось вернуться.

— Миш, что за цирк ты устроил? Раз уж пришел, давай разведемся по-людски.

— Лиана, сядь, пожалуйста, — бесцветным голосом попросил мужчина, слова его голос вмиг вылинял, и все цвета надменности и злости просто слезли с него.

Она продолжила стоять, не имея желания играть в его игры. Прикинулся расстроенной царевной! Будет тут играть в спектакле имени себя любимого, пытаться сделать так, чтобы она выглядела во всем виноватой.

— Пожалуйста, сядь. Я должен тебе кое-что сказать.

— Говори так. Я стоя тоже воспринимаю информацию.

Михаил поднял голову, внимательно разглядывая бывшую жену. Изменилась. Показывает характер. Ничего не боится. Ее такой сделал этот хахаль. Но ему было дико все равно на ее ухажеров, нечто более серьезное заботило его сейчас.

— Что-то ты бледный. Уж не упадешь ли в обморок? — ухмыльнулась Элина, видя слабость противника и используя ее на полную катушку, чтобы показать свою силу.

— Как бы ты не упала, когда я тебе кое-что скажу. Почему трубку не брала?

— Я на допросе?

Они бы так весь день могли препираться по непонятному поводу, но ей хотелось поскорее домой. К Диме. После их чудесной ночи она сразу же убежала сюда, даже не успев ощутить этот приятный вкус новых чувств. Физически она испытала сполна, но душе требовалось еще какое-то время наедине с мужчиной, подарившим ей такое наслаждение.

— Ладно. Не хочешь разводиться, не надо. Я знала, что ты выкинешь какую-нибудь гадость, — сказала девушка и развернулась.

— У меня ВИЧ.

Эти слова ударили ее по ногам, ставя на колени. Дали под дых, лишая дыхания. Отдубасили по голове, отключая сознания. Мир закружился, как в адронном коллайдере частицы, и взорвался.

— Что... что ты такое сказал?

Элина упала на скамейку, так как ноги ослабели. Вместо них была вата.

— Я ВИЧ-положительный. Названивал тебе по этому поводу, — тихо ответил он.

— К-когда ты узнал? Как долго у тебя ВИЧ?!

— Да не ори ты на всю округу.

Она обхватила голову руками, мотая ей из стороны в сторону. Нет, нет, нет... Бред.

Чушь. Вранье! Решил разыграть ее, подлый скот! Элина накинулась на бывшего мужа с кулаками.

— Лжешь! Все это подстроено! Решил нагадить мне в последний раз! Ненавижу!

— Успокойся, — прошипел он и схватил ее руки. — Слушай меня внимательно и не ори. Я узнал тогда, когда на твой телефон стали поступать многочисленный звонки. Но тебе было проще строить из себя сучку. На медкомиссии выяснилось, что эта зараза у меня уже год. Совершенно случайно вскрылось.

— Год... — Элина успокоилась, но это успокоение было похоже на транс или кому. — Значит, и я тоже заразная. И...

Девушка замолчала, не договорив. И Дима тоже ВИЧ-положителен, а все из-за нее, из-за ее нетерпения! Слезы зажурчали рекой на ее щеках.

— Не ной ты, честное слово. После развода иди и сдай кровь, сразу же.

— Ах ты сукин сын, паршивый урод. — Вытерев слезы, она замахнулась сумкой и ударила его. — Ублюдок! Подхватил ВИЧ от одной из своих шлюх и целый год лежал в кровать со мной! Поверить не могу!

— Я не знал до недавнего времени! — начал отчаянно оправдываться Михаил. — Не знал, ясно тебе!

Все, что происходило позже, было окутано серым туманом, ширмой шока, из-за которой она не могла выглянуть на свет. Слушание, вопросы, ответы, подписи, соглашения сторон... Элина не смотрела на бывшего мужа. Теперь на его месте был монстр, каких выпускают конвейером на каком-то адском заводе. Цех смерти.

Руки дрожали, мысли сбивались и дрались за первенство. В итоге в ее голове осталось лишь побоище, засыпанное горой костей и трупов. Он заразил ее ВИЧ. Целый год она носит в себе эту заразу, является переносчиком опасного заболевания. Господи, да что же с ее организмом уже стало за год. Наверное, разлагается каждый день.

— Лина, прости за все, — сказал Миша и попытался взять ее за руку, но она отдернула ее, словно от кипящего чайника.

— ВИЧ... Ты заразил меня ВИЧ, — бормотала, словно в бреду, Элина и попятилась от него.

Она выбежала из здания суда и, когда устала бежать по горячему летнему асфальту, задыхаясь в слезах, остановилась. Солнечный свет померк. На нее пала тьма. Ее липкие потные ручки смыкались на ее шее, заставляя легкие гореть в агонии. И только одно слово пульсом стучало в висках: «ВИЧ!»

— Поверить не могу, что он так поступил со мной, — всхлипывала Элина, скрывшись под тенью огромного дерева, дававшего приют всем несчастным, слоняющимся по улицам Москвы.

Воспользовавшись телефоном, она узнала, где поблизости можно сдать кровь. Натощак, не есть за восемь часов до сдачи крови. Почти два часа уже прошло после завтрака. Осталось подождать еще шесть. Шесть часов неизвестности, тянущего страха и влезавшей во все поры паники.

Состояние Элины свелось до дрожи, слез и головной боли. ВИЧ... Он заразил ее ВИЧ, она не дождалась суток, каких-то суток! Теперь и Дима под угрозой. Вот вам и первая брачная ночь, полная зараженной крови...

***

По-видимому, раз содеянное зло всегда так или иначе становится нашим роком.

Натаниель Готорн «Алая буква»

Первая половина дня прошла в размышлениях о том, как поступить, куда податься, кому отправлять сигналы SOS. Черт бы все это побрал.

— Умнее надо было быть, Димочка, умнее! — кривлялся сам себе он.

Достоевский... За это его по головке не погладят. Скорее разобьют ему эту глупую голову. А что будет, если Элина узнает? Она тут же оставит его, пожалев обо всем, что было. Видеть ее сожаление ему хотелось меньше всего.

Валери... Если Элина узнает правду и о ней, то ему точно несдобровать. А жизнь в золотых песках без нее была ему больше не нужна. Золото заманчиво блестит, и может озарить любой, даже самый темный день. Но лишь тепло человеческого участия дарит настоящий свет, а не искусственную подсветку.

Нет другого выхода. Только обратиться к ней, к этой Горгоне о трех лицах. Может, он слишком мнительный, им овладел параноидальный психоз. Но как же не станешь паникером и психом с его-то прошлым.

— Приходи. Есть разговор, — нарочито грубо произнес он в трубку.

— Даже не поздороваешься?

— Тебе желать здоровья не буду. Прости, крошка.

— Ну ладно. Считай, что я все могу тебе простить из-за былых чувств. К вечеру буду.

— Не к вечеру, а сейчас!

Ее смех пыточными инструментами вонзился в его слух. Тварь!

— Прости, милый, но ты не в том положении, чтобы ставить условия. Жди к вечеру. И не забудь приготовить вино. Ты знаешь, какое я люблю, — отзвуки ее смеха разнеслись по волнам эфира и затихли.

Дмитрий набрал новый номер, на этот раз Элину. Придется попросить ее переночевать сегодня у Жени, что-нибудь придумает. Гудок, второй. Сбрасывает.

— Да черт возьми, — взревел он и отбросил телефон так, будто он был виноват во всех неудачах.

Время до вечера (сколько в ее понимании вечер он не уточнил) тянулось пережеванной на сто раз безвкусной жвачкой. Она словно прилипла к подошве ботинка, и он ощущал эту стухшую жвачку при каждом шаге по квартире. Про себя мужчина не забывал репетировать речь, с которой встретит давнюю знакомую. И очень близкую, если секс является синонимом близости.

Он спал с так многими женщинами, но поистине близкой ему не стала ни одна из них. Он раздевал так многих, но ни одна не открылась ему по-настоящему. Он позволял многим раздевать себя, но еще никто не захотел оголить и его душу тоже. Разве могут люди, готовые заняться с тобой сексом, считаться близкими? Только ли близость половых органов определяет близость душ? Что-то он стал сомневаться в этом. С чего бы это?

Кое-как он дожид до пяти часов, так ни разу и не связавшись с Элиной. Беспокойство за нее вытеснило мысли о Валери. Он даже Жени позвонил, но та тоже не в курсе. Если только этот засранец Миша ее как-нибудь обидит, он возьмет на себя один грех, но убьет его к чертям!

Раздался звонок в дверь, и напряжение в нем замкнулось, взрываясь в мозгу. Пусть это будет Лина! Он побежал к двери, как кот, встречающий хозяйку, но разочарование было сокрушительным.

— Ты, — вяло отреагировал он на появление Валери. — Я думал, вечер у тебя позже

пяти часов.

— Не думай. У тебя это получается не так хорошо, как кое-что другое.

Она положила ладонь на резинку его шорт и резко дернула его на себя.

— Не надо этой дешевой пошлятины. Я больше на нее не куплюсь. — Дмитрий скинул ее руку и отвернулся.

— Правильным мальчиком стал? А знаешь, тебе идет. Этакий грязный ублюдок под личиной зайки, — расхохоталась она. — Как твоя страшилка поживает? Еще не подавилась ложью? Хорошо ты ее откармливаешь...

Мужчина остановился и, повернувшись, сжил пальцы на подбородке Валери. Злость жгла кожу изнутри, воспаляя вены. Они уже светились раскаленной лавой на запястье.

— Заткнись. И не пытайся возвыситься за счет унижения Элины. Тебе даже не веляться никогда рядом с ней, слишком ты...

— Шлюха? Сучка? Ну что ты придумаешь?

Ее смех не прекращался. Казалось, что он находится в тюрьме, и только этот жуткий смех рикошетил от решетчатых стен. Сойти с ума можно.

— Убери руки, мачо. Я хочу вина, — развязно сказала она и прошла на кухню.

— Я не позволял тебе туда идти.

— Твое разрешение мне ни к чему. Ты будешь хвостиком вилять, как побитая собака, чтобы я помогла тебе. Тапочки мне в зубах принесешь, если я только скажу. Так что не строй из себя лидера. Теперь ты пешка, которую разыгрывают более сильные.

Валери обнаружила в шкафу бутылку игристого вина. Хороший у него вкус, какой и раньше был. Она разлила вино по бокалам и вернулась к Дмитрию, протягивая ему бокал.

— Спасибо, не буду.

— Будешь.

Чертова дрянь. Действительно, придется играть по ее правилам. Что ж, иногда сыграть по чужим правилам можно, если уверен, что загонишь противника в вольер со львами.

Валери приблизилась к нему вплотную и пригубила вино, следя за тем, чтобы и он тоже пил. Наклонилась еще ближе и случайно наклонила бокал. Белая футболка Дмитрия окрасилась алым расплзающимся раковым пятном.

— Прости, дорогой, — улыбнулась она.

— Ничего, — оскалился он. — Я переоденусь.

Когда мужчина ушел в комнату, Валери быстро извлекла флакончик с белым порошком из-за пазухи и отсыпала чуток в его бокал, заново его наполняя вином.

— Фиг с тобой, несчастный козел, — выплюнула она и высыпала половину содержимого. — Откинешь кони, никто не заплачет.

— Мы поговорим или нет? — Мужчина вернулся в новой черной футболке.

— Давай сразу к делу. Вот договор о том, что ты не имеешь претензий к... сам знаешь кому.

Она всучила ему бумаги, и ностальгия по забытым временам бизнеса и серьезных сделок охватила его естество.

— Что за хрень? Впервые слышу о таком договоре.

— Выпей еще вина. Станет понятней.

Отказаться все равно не выйдет. Дмитрий демонстративно осушил бокал за один раз и принялся читать договор. Что за мутная тема... В какую западню эта сучка хочет его завести?

Голова налилась тяжестью, и мир вокруг запыхтел, часто дыша ему в ухо. Господи, что за шум в ушах...

— Подписывай ты уже быстрее. Как девочка ломаешься, — торопила его Валери, зная, что такое количество порошка свалит его через пару минут.

— Сейчас, подожди, — прокряхтел мужчина, собирая силы, но они тут же рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— Некогда ждать. Я подойду, если ты не готов к серьезным делам. Зачем звонил-то? Я договор подготовила, во всеми связалась, а ты...

— Ладно!

Он поставил закорючки в нужных местах трясущейся рукой, и его тело упало мешком на пол. Смех женщины заполнил собой тесное пространство квартиры.

— Вот же идиот. Так тяжело было без денег жить, что аж подписал такую липу? — говорила она, таща его в комнату. — Теперь ты сильно пожалеешь обо всем, любимый мой.

Пора вызывать подмогу. Однако вместе с этой мыслью раздался шорох у двери. Кто-то пришел. Она успела дать дозвон человеку, ждавшему ее внизу, когда дверь открылась.

— Дим, привет! — тихо поздоровалась Элина грустным голосом, в котором тонули все яркие краски, набросив на шею спасательные круги. — Ты дома?

Валери быстро стянула с него шорты и футболку, поколебавшись с секунду, и белье тоже. Пусть девочка понервничает. Скинула с себя обтягивающее платье и легла рядом с мужчиной, делая вид, что целует его.

— Дима...

Глаза Элины распахнулись, точно врата в иной мир, когда она увидела эту картину. Не маслом, не красками, а чем-то гадким и вонючим. И как у этого художника хватило мерзости, чтобы такое нарисовать.

— Тише, — Валери приложила к губам палец, — не буди его. Димуля так вымотался.

— Все пошло по плану? — мужской бас раздался из-за спины Элины.

Она даже не успела подумать, что за действие тут разыгралось, как удар по шее спустил занавес в ее сознании.

— Не совсем, теперь придется тащить двоих, — фыркнула Валери, водружая платье обратно. — И одень этого придурка. Не хочу его касаться.

Пока ее напарник занимался Димой, она собрала документы в папку и поднесла ее к носу. Запах победы. Аромат отомщенного эго. Почему же никто не сказал ему, что играть с женщиной бесполезны? Каковы бы ни были ставки, она всегда выигрывает.

— Бедный, бедный мальчик. Допрыгался, мой солнечный зайчик, — все еще хохоча, она допила вино из своего бокала и двинулась к выходу.

...безрассудный огонёк беспочвенной надежды...

Уилбур Смит «Чародей»

Время может стать лучшей пыткой. И не надо быть изобретательным фашистом, чтобы придумать что-то более эффективное, чем томительное ожидание с повязкой на глазах и закованными руками. Она отсчитывала про себя по секунде, и уже набралось ведерко из секунд. Хотелось, как в детстве, опрокинуть ведерко в песочницу и опустошить его. Обнулить время. Увы, человеку это не по силам.

Глухая паника ползала саранчой под кожей, кусая нервные клетки, и при особо сильных укусах девушка вздрагивала. Невидимый кукловод уже намотал ее нервы на свой указующий палец и заставлял подчиняться его приказам.

— Ну что тут? Как улов? — спросил новый персонаж их мрачного спектакля.

— Урод, — прошипел Дима, и Элина вжалась в себя настолько, чтобы самой себя не ощущать.

Выходит, Дима знает этих людей...

— А это что за баба? — недовольно осведомился голос, скорее всего, тыкая в нее пальцем. — Ты идиотка? Я просил только этого говнюка притащить!

— Да не злись ты так. Это его новая пассия. Он втюрился по самые ушки, — рассмеялась Валери. — А ушки на макушке. Скоро зайчишке открутят макушку.

Элина мотнула головой, словно отворачиваясь от ударов. Дима и Валери.

— Ты когда-нибудь перестаешь смеяться, дешевая кукла китайского подпольного производства? — вслепую обратился к ней Дмитрий.

Эта реплика вызвала новую волну смеха, похожую на приступ астмы. Она чуть ли не задыхалась, кашляя сиплостью.

— Влюбился... Что ж, тогда ты молодец. Нет смысла бить врага. Ему может не быть больно. А вот удары по близким всегда оставляют болезненные раны, — проговорил загадочный мужской голос. — Идем. Пусть заключенные наслаждаются последними крохами свободы перед тем, как узнают все.

Они снова остались одни. Кратковременное появление похитителя и Валери разрядом молнии ударили по Элине. Ее уже даже не трясло — выворачивало наизнанку.

— Не вышло из тебя Деи для Гуинплена, — голос Элины растрескивался, как некачественный фарфор, после каждого произнесенного слова.

— Что за Гуспен? — не понял мужчина, которого меньше всего сейчас заботили какие-то выдумки в бреду.

— Гуинспен, — по слогам повторила она и всхлипнула, ощущая верхней губой соленую слезинку. — Так ничего и не прочитал.

Ее афалиновые глаза ярче, чем когда-либо, светились серебром в тусклом свете гаражной лампы.

— Кто же может быть виноват в том, что произошло? В том, что я добровольно встала на колени на коврик у твоих ног и позволила надеть на свою шею ошейник.

— Не городи чушь, — злобно бросил Дмитрий; его уже трясло от ярости за ее слабость. — Какого черта ты разнылась?! Твои рыдания не спасут нас, только убьют.

— Нас убил ты. Даже не дал нам родиться. А я тебе верила.

— Замолчи.

— А то что? Поглумишься над уродиной? Тыкнешь в меня пальцем? Валяй! Хуже уже быть не может!

Футболка Элины, когда-то бывшая цвета морских водорослей, покрылась пятнами грязи и влажными разводами от слез. Она подтянула к лицу, скованные наручниками руки, и вытерла о рукава слезы. Должно быть, брусьяная помада, на губах с которой она разводилась с мужем, размазалась по лицу. Ею она хотела нанести последний сокрушительный удар по Мише. Мол, смотри, что потерял. Однако удар с тройной силой вернулся ей в челюсть.

— Как я тебе, — снова заговорила девушка, — похожа я на Джокера? Ты же меня не можешь видеть, я забыла.

— Прекрати меня мучить.

Нервный, кашляющий, отрывистый смех девушки резал глубокими язвами его слух.

— Вот и не смотри на меня! — Отчаяние вырвалось из ее горла свистящими звуками. — Не смотри! Я не так прекрасна, как твоя Валери. И меня, а не ее держат в этом гараже (или где мы, черт возьми?!) на привязи. Ну точно, как бешеную собаку, — всхлипнула она. — А что я такого сделала? Поверила красивому и привлекательному хозяину, что он сделает мою жизнь лучше? Собака сама виновата — глупость наказуема.

— Ты не собака, Лина. — Голос Димы опустился до еле слышного шепота. В нем в данный момент гибли целые отряды смертников, рискнувших сделать этот роковой шаг. — Ты не уродина, — протолкнул, точно ком в горле, слова он. — Не уродина!

— Нравится мое лицо? Вот сейчас оно отражает мой внутренний мир! Благодаря тебе. Ты сделал меня калекой в душе, а никак не этот изъян.

— Прости меня, Лина...

— Уродство не бывает внешним. Оно только внутреннее, — продолжала говорить Элина в забытьи. — Подумаешь, человеку не хватает красоты. Рано или поздно природа отберет у нас любую красоту, любой фантик будет отправлен в урну. А вот когда человеку не хватает души — это беда. Без нее конфетка быстро сгнивает, какой бы дорогой она не была.

— Что мне сделать, чтобы ты простила меня, Лина?

— Для начала, хотя бы не называй меня так. Линой меня зовут только ублюдки. Их всего два: ты и бывший муж.

— А Элей можно?

— Нет.

— Эля! Лина! Элина! — вскричал мужчина и звякнул наручниками, вырываясь из поганого железа. Быть так близко к любимой женщине, на расстоянии вытянутой руки, и так далеко, за сотни тысяч километров от ее души, — невыносимо. — Все будет хорошо. Мы выберемся.

— Даже если так. Наши дороги уже разошлись.

— Не говори...

— Не приказывай, что мне делать, а что нет! Не смей!

Дмитрий, словно зверь на цепи, метался из стороны в сторону. Что же он наделал со своей жизнью. Просто сжег ее, точно надоевшую книгу с дешевым сюжетом. Вырвал из нее лист за листом самые лучшие и светлые страницы. Вовремя же он забыл, что автор сей гадкой писанины — он сам.

— Лина...

— Дай мне насладиться последними минутами тишины в грязи этого места. Ты угадал:

я всегда мечтала умереть именно так, — бессильно огрызнулась она, проигрывая страху, что щупальцами рыскал по ее липкому от пота телу, и в помещении застыла молекулами воздуха тишина. — Не вышло из тебя Деи для Гуинплена... Не вышло. Ведь ты зрячий, а глазам никогда не увидеть того, что видит сердце...

Обида — токсичный отход, благодаря которому наши души покрыты километрами непроходимой местности, забитой тоннами шлака.

— Зачем ты это сделал? — все-таки спросила Элина, не в силах держать эту сточную канаву обид в себе.

— Что я сделал? — испуганно переспросил он, думая, что все уже знает.

— Зачем... переспал с ней?

Она умоляла себя говорить равнодушно, словно его измена не больно ранит. Но он отковырял от ее сердца больше половины тонкой ржавой иголкой. Даже Мишины похождения не значили так много и не заливали всю ее кровью изнутри.

— С кем? С этой сухой? Валери? — Мужчина чуть не задохнулся. — Да ты что, Эля! Я даже не прикасался к этой стерляди!

— Да, да, а я просто вижу галлюцинации. Точно! Элина всегда дура! Даже когда ты голый валяешься рядом с ней, дура все равно я!

— Чего разорались, голубки? — снова возник где-то возле виска голос мужчины.

Обида, временно завоевавшая престол, передала вожжи страху. Страх совсем распоясался и уже ничего не стеснялся: измывался над ней со всей силой.

— Кто вы? — пискнула Элина, предвидя удар за каждое слово.

— Заткнись, — голос Валери.

— Это ты закрой рот, тварь! — крикнул Дмитрий.

Чье-то дыхание овеивает ухо — и повязка слетает с глаз. Дневной свет вспышками режет глазами, зрение дезориентировано. Элина так усиленно моргала, что была уверена: глазные яблоки скоро вывалятся. Но ей так хотелось увидеть, кто сотворил весь этот ужас с ними!

Увидела. Понятней не стало. Валери она знает. А этот мужчина в костюме кто? Нецензурная брань со стороны Димы дала понять, что и он тоже видит.

— Дима, кто этот человек? — прошептала Элина. — Что ему нужно?

— Ах ты ж ублюдок! — Казалось, слюна этого человека долетела до ее лица. Размашистый удар оставил яркий след на лице Димы. Элина закричала. — Имя мое себе присвоил?! Значит, ты теперь Дима?

Взгляд Элины скулящим котенком метался между двумя мужчинами. Что за сюрреализм?! Почему они оба Димы? Что происходит? Второй (или первый?) Дима продолжал избивать ее Диму, и Элина зажмурилась, прося его остановиться.

— Тебе было мало моей девушки? Захотелось даже имя забрать?

— Хватит! Хватит! Пожалуйста! — плакала она; вид кровавого лица ее... Димы... или кто он на самом деле вызывал у нее рвотные позывы.

— Может, тебе тоже врезать?! — злость незнакомца заразой перекинулась на нее. — Согласна получить вместо любимого Димочки?

— Не трогай ее, мразь! Бей меня! Давай еще! Только помни, что когда мои руки станут свободны, я верну тебе каждый удар вдвойне, — зарычал Дима номер два, о котором она, оказывается, ничего не знала.

— Напугал. Как же ты меня напугал! — зашелся в напускном веселье мужчина, который, по всей видимости, был Димой.

— К-кто же ты? — Элина приоткрыла глаза, смотря на... сейчас узнает, на кого.

— Александр Янг собственной персоной, — торжественно отчеканил их похититель, вытирая кровь с рук о белый платок.

— А... вы?

Она боялась задавать вопросы, чтобы ее лицо также не покрылось кровью и синяками, но любопытство сильнее страха и здравого смысла. Похоже, еще одну дорожку в ад Пандора любезно выстлала любопытством.

— Дмитрий Туманов к вашим услугам.

— Шут несчастный, — прошептал обессиливший Алекс, за что получил пинок.

— Я-то счастливый, поверь на слово. Из всех в этой истории я самый счастливый.

— Что с Риммой? — прохрипел бывший друг; его сердце зависло горящим самолетом над землей, не зная, разобьется ли.

Римма? Какая еще Римма? Элина чувствовала себя участницей шоу для глупцов. Отгадай по обрывкам фраз, кто есть кто. Сколько у него женщин?

— Оу, с ней все прекрасно! — наигранно всплеснул руками Туманов. — Думаю, в шарашке, где она валяется, ее хорошо кормят.

— Она в больнице?!

— Ничего себе ты догадливый!

— Тварь! Что ты сделал с ней? — Алекс, как зверь, скалился на шею Туманова — прогрызть бы ее.

— Да так, ерунда, — отмахнулся тот. — Ну не выдержала душа обиды. Хоть вы меня понимаете? — направил жалостный взор на Элину. — Лучший, горячо любимый друг обрюхатил любимую, самую лучшую на свете женщину, с которой я хотел вступить в брак. Ну не смог я устоять, треснул ей пару раз. А она взяла и ребенка потеряла, и в больничку загремела. Бывает же, да? — продолжал кривляться он, сверля Элину недобрыми глазами.

Рот Элины приоткрылся, пока она слушала эти дьявольские исповеди. Ее сердце то билось, то нет. Шок разрядами дефибриллятора заставлял его подсакивать.

— Сукин ты сын. Избил беременную.

— Кто бы говорил, Санек. Почему мне должно быть жалко ее? Шлюха где-то нагуляла ублюдка, а мне ее к себе под крылышко взять?

— Ты свои общипанные крылышки видел, петух голозадый? — сплюнул кровь на пол Алекс.

Рот снова наполнился металлическим привкусом, когда на его челюсть обрушился новый удар.

— Ты... ты... — Элина запиналась, глотая слюну, проталкивая ее через железный барьер в горле. — Римма с ребенком. И еще Валери?! А тебе не много?

— Эля...

— Что еще за Валери? — Туманов бросил, словно кость с помойки, взгляд на Элину. Может, он чего-то не знает о когда-то лучшем друге, и надо было бить по этой Валери...

Элина посмотрела на него, как на полоумного, и кивнула на женщину, расположившуюся в кресле. Дмитрий нахмурился.

— Марьяна?

— Марьяна? — эхом повторила Элина, снова поворачиваясь к Алексу. — Что это за игра в обмани дурочку Элю?!

— Постой, Лина, не кричи.

— Не Лина! Не Лина я! — заверещала она; злость сносила водонапорные башни в ее голове, затапливая ледяной водой все разумные мысли.

Туманов и Марьяна посмеивались, наблюдая в сторонке за их драмой.

— Эля, — тише произнес мужчина, — она на самом деле Лерка. Когда приехала в Питер и заделалась элитной шалавой, стала Марьяной. Выбрала себе проститутский ник, а в своем Мухосранске она Лерка. И назвав ее Валери, я ей польстил.

Элина уже не ощущала слез. Ее лицо онемело, а соленые океаны разъедали кожу. Похоже, что все чувствовали себя более-менее уютно в этой канализации, были своими, из одной шакальей стаи, и только она стала овечкой, случайно забредшей на вечеринку.

— Сашуля, почему ты так мало рассказал любимой девушке обо мне? Ведь это не вся информация. Или она уже не любимая? Любимые же и в горе, и радости, а ты...

— Замолчи. Не надо больше ничего говорить. Ей не нужна эта грязь под ногтями, то есть информация от тебя, — просипел Алекс, становясь верующим на все сто и моля бога заткнуть рот Марьяне.

— А это пусть Элечка сама решит, — усмехнулась Марьяна, и от ее усмешки лампы в гараже начали мигать. — Собственно, что говорить-то? — вперила взгляд в Элину. — Мы просто спали, очень долго спали. Ты знаешь, какой он монстр в постели? — Она склонилась ближе к Элине, закатывая глаза, изображая удовольствие. — Чего мы только с ним не пробовали...

— Заткнись! Заткни свой гнилой рот! — кричал Алекс и рвался из оков, стирая запястья в кровь.

— В общем, не так уж важно, что мы с ним пробовали. Знаешь, почему он спал со мной? Терпел такую тварь, как я, каждый раз ложился со мной в койку с тяжелым сердцем? Хотя-я... пусть он сам тебе расскажет обо мне и своем отце. Тебя ждет забавная драматическая история. Эля! — Марьяна крутанулась, взмахивая руками. — Я совсем забыла тебе сказать, что параллельно с продавливанием кровати у меня в доме, он встречался с некой Алисой и тоже с ней спал. Ты проверься на СПИД, так, на всякий случай. Наш красавчик половину Питера пере... ну ты поняла, не маленькая.

Почему нельзя закрыть уши? Или проколоть барабанные перепонки, чтобы оглохнуть? Элина жмурилась, ощущая себя испачкавшейся в грязи. В нее словно кидали эти вонючие комья, смрад забивался в рот и ноздри, ее тянуло опорожнить желудок, а точнее, мозг.

— Ну хватит, хватит, Марьяша. Думаю, девушке уже достаточно. А вот тебе еще мало, — проговорил Дмитрий и пнул Алекса.

— Как мне больно, — смех забулькал во рту заложника, и его начали бить нервные конвульсии. — Это все, что ты можешь? Рассказать, как я трахал баб? Господи, как же это страшно! Элина сама была замужем. У всех есть прошлое, от которого не откупиться. Так что бросай свои детские игры и переходи к конкретике. Что будешь дальше делать?

Элина все еще умирала в своем забвении, точно впала в кому. Неверие во все происходящее сталкивалось с необходимостью верить, и ее голова разбухала сверлящей болью. Хуже быть просто не может...

— Ах, тебе недостаточно, Сашенька? — Глаза Туманова бычьим взглядом прошивали Алекса. — Так и быть, расскажу ей о Достоевском.

Ужас черными брызгами расплескался по радужке глаз Алекса. Чертов придурок! Надо было закрыть рот и молча выносить все эти помои. А теперь он потеряет Элину навсегда.

— Не надо, Туманов. Я сделаю все, только не надо про это рассказывать.

— Ты в любом случае сделаешь все, чтобы не загреметь в тюрьму.

— Что? — очнулась Элина.

Пусть бьют до конца, до самого мяса, до крови и костей. Пускай один раз правда изобьет ее до состояния овоща, чем будет вечно падать на голову камнями.

— Вам интересно? — спросил Дмитрий, обходя ее по кругу, словно коршун, приноживающейся к плоти будущей добычи.

— Да.

— Эля, не надо...

— Не хочу тебя слушать, Дима-Саша. Говорите, пожалуйста, — смело обратилась к Туманову.

— Пару лет назад Сашенька наш сбил человека на улице Достоевского в Санкт-Петербурге. Хорошенькая девушка была, с голубыми глазами, осиной талией, а теперь прикована к коляске, инвалид. А что сделал Санек? Свалил на своей спортивной машине и попросил у папочки покровительство. У папочки, которому ты наставлял рога с Марьянкой! Папочка отмазал единственного сына-придурка.

Снова смех. Смех. Смех. Элина начала сходить с ума. Ее душа не выдержала всех откровений. Женщины, измены, дети, авария, отец... Не человек, а сейф с проклятьем! Какое же чудовище она пустила в свою постель. Шальная мысль посетила ее голову: а неплохо было бы подарить ему ВИЧ! Теперь уже ее губы треснули в улыбке, все быстрее расплываясь в сторону ушей. Истеричный хохот накрыл Элину с головой.

— Эля? — Алекс испугался за нее. — Эля!

— Алекс, к чему я заговорил о том инциденте. Все материалы, связанные с аварией, хранятся у твоего отца. Он готов пустить дело в оборот по первому моему звонку, — не обращал внимания на Элину Дмитрий.

— Зачем ему это? Ты блефуешь, ублюдок.

— Не-а. Марьяна все ему рассказала: о вашей связи, о всех сделках, которые ты слил его конкурентам, чтобы отомстить. Короче, лучше тебе не попадаться папаше на глаза. Шею свернет только в путь.

Алекс выругался. Вот это дерьмо. Вляпался так вляпался. А всего-то бросил одну бабу и случайно обрюхатил вторую. Все проблемы из-за баб.

— В чем конечная цель всего этого цирка? Что ты хочешь получить? Меня уже унизил, мою жизнь разрушил. Что еще?

— Твой бизнес. Ты уже подписал тут кое-что давеча, — показал ему знакомые бумаги. — Идиот, — ухмыльнулся Туманов. — Когда ты стал таким идиотом?

— Убить бы тебя, Лерка, — прошипел Алекс, проклиная ее, пытаясь наслать моментальную порчу.

— Попробуй, дотянись, — фыркнула она, закидывая ногу на ногу.

— Этих бумаг недостаточно, чтобы забрать твою долю, — продолжил Дмитрий. — Подпишешь еще одну бумажку — и все, гуляй, Вася.

— Черта с два ты получишь мою долю! — огрызнулся Алекс.

— Ну это мы еще посмотрим. Выбор небольшой: тюрьма или отдаешь бизнес. Ты так не горячись, Сашка. У тебя еще есть время подумать.

Туманов в сопровождении Марьяны удалился. В его спину впивались кинжалы проклятий и ругательств Алекса. Дверь закрылась, погружая пленников в молчание.

— Эля, — прошептал Алекс.

— Считай, что мы не знакомы.

На этом их общение закончилось. Слезы и пережитый шок сказались на нервной системе Элины, и ее глаза закрылись.

«..все кончается...»

М. А. Булгаков "Мастер и Маргарита"

Минуты образовали растяжку под ногами Элины, и она боялась ее переступить. Шаг — и рванет. Минуты закрутились в петлю, что резво накинулась на ее шею. Время стало самым лучшим другом, хотя еще вчера было самым лютым врагом. Теперь она не хотела, чтобы эта пытка заканчивалась. Как жить дальше — вопрос нерешенный.

Не все умеют стоять на коленях, и она хотела упасть.

— Эля, поешь, — попросил ее Алекс.

Она не разговаривала с ним вообще, даже не смотрела в его сторону. Мы больше не знакомы. Так ему и казалось. Женщина, которая погладила его против шерсти и этим самым влюбила в себя, больше не знала такого человека, как Александр Янг. Но ведь он сам даже не представился ей.

— Поешь, пожалуйста!

— Смотри-ка, я стала для тебя Элей. Вот, значит, как. Какой-то урод, кстати, очень похожий на тебя, должен был вывалить меня в дерьме, чтобы ты понял, что мне не нравится Лина? — Она говорила спокойно, словно бы он был трупом на вскрытии, а она патологоанатомом. Ее интонации были более жгучими, чем медицинский спирт.

Алекс закрыл глаза, их защипало от того, как она все это произнесла. Точно вылила на него литр водки и насыпала в глаза ядохимикатов.

— Он не похож на меня, — все, что он ответил ей.

— Ха-ха, — стервозный смешок Элины залил его открытые раны йодом. — Вы настолько похожи, что действительно не имеет значения, кто именно Дима. У вас одно уродское лицо.

— Поешь, — настаивал Алекс.

— Да пошел ты, заботливый.

Их диалог снова оборвался на том, как она его посылает. Отправная точка их новых отношений. Да пошел ты. Он сам виноват, даже говорить не о чем. Если только о том, какой он придурок. Но разве он мог подумать, помыслить о том, что так случится?!

— Почему ты не сказал мне свое настоящее имя? Я похожа на работника ФСБ?

Этот вопрос мучил ее так, что она спать не могла. Гордость давила горло солдатским ботинком, и она не собиралась общаться с ним. Но почему, почему он не сказал хотя бы эту крупницу правды?! Не назвал свое настоящее имя?

— По началу я помнил только его имя. Сотрясение сыграло свою роль. Ну и, видимо, потому что в память врезался наш последний разговор, в котором он сообщил мне о том, что Римма... она... беременна не от него. Больше он ничего тогда не сказал, и я наивно решил, что меня пронесло. А это было предупреждение. Он сказал мне между строк: «Выкапывай себе могилу, браток».

— Но потом же ты вспомнил?

— Да, но было поздно поднимать все это нестиранное годами белье наружу. Я подумал, что это не так важно. Дима или Саша. Какая разница, если у меня все равно не было документов, не было ничего? Имя не имеет значения.

— А я скажу тебе, что имеет значение, — грубость ее интонаций стальными нитями

полосовала его кожу. — Я имею значение. Ты хотел меня использовать, так? Сходи в полицию, сделай то, сделай это, переспи со мной, пока мои Марьяны, Риммы и Алисы далеко. Классно устроился. Подобрал идиотку с комплексами и свил из нее себе рабыню. План — высший пилотаж!

— Эля, да как... — горло пересохло от палящего в нем зноя; ему принципиально не давали воду и еду, — как я мог... откуда я мог знать, что в моей жизни появишься ты и... что ты пробудишь во мне чувства, которые я вообще не знал раньше? Если бы любимый всеми бог предупредил меня, что... сказал бы, что Элина Стриженова появится в моей жизни, я бы... — вдох принес саднящую боль горлу, — я бы остановился, я бы не допустил этого. Не стал бы таким монстром. Но в моей жизни не было ничего светлого, и я решил утонуть во мраке. Когда тебе незачем жить, ты идешь в петлю. Меня ничего не радовало, и я похоронил свой мир в печали. Из крайности в крайность, из мрака во мрак, из боли в боль, — выкрикнул мужчина и стукнулся затылком о стену.

Ну хоть наручники снял этот сукин сын.

— Ты выглядел очень несчастным, — иронично сказала Элина.

— Если ты думаешь, что улыбка — признак счастья, то не странно ли количество самоубийц, которые всегда были душами компаний? Умерла душа. Нет души. А улыбаться ничто не мешает, чисто механическое действие. Ну поешь, Эля. Умоляю. Ты такая бледная...

— Уж точно не из-за голода. Я была готова драться за тебя. Я была готова закрыть тебя от пули, если он достанет пистолет. Я была готова простить тебе связь с другой женщиной. Больше я не готова. Я просто не готова.

Вокруг нее валялись миски с какой-то пищей. Должно быть, у бомжей отобрали и сюда кинули. Она со злобой пнула миску, словно это сама судьба из пластика. Пешка судьбы перевернулась и чвакнула вывалившимся на пол жидким содержимым. Какой-то разводной суп. Бомжи лучше питаются.

Волосы сбились в колтуны, лицо протухло от не смытой косметики, не говоря уже о теле. Элине казалось, что по ней вши ползают, что она облеплена навозными жуками, и они чавкают, уплетая грязь с ее кожи.

— Эля, не было никакой связи, тем более с женщиной. Какая она женщина? Наличие половых органов не определяет пол, увы.

— Ты-то знаком с содержимым ее трусов, — непривычно ехидно и зло ответила девушка.

За эти двадцать четыре часа она стала другой. За словом в карман не лезет — носит с собой целую сумку ехидств и колкостей. Не боится говорить — плюется словами, точно скорлупой от семечек.

— Да что ты несешь?! — взорвался Алекс, который был с ног до головы оплеван ею.

— А в чем я неправа? В чем? Ты же спал с ней? — Молчание. — Спал, дорогой мой.

— Назови меня хоть раз по имени.

— У тебя нет имени. Для меня нет. Я тебя не знаю, зачем мне твое имя. Могу Димой называть, пойдет?

— Нет!

Она резала его двумя руками, нанося быстрые и точные порезы в самые важные места. Сердце. Душа. Самолюбие, если от него вообще хоть что-то осталось.

Время перестало быть определяемой единицей в этом гараже. День ли, ночь ли... Усталость неряшливо построила гнезда в ее голове, выкопала свою берлогу в ее сознании и

устроилась там, как у себя дома.

— Эль, я не спал с ней. Пусть меня прям сейчас инфаркт схватит, если я лгу. Она пришла потому, что я позвал. Я... хотел решить финансовый вопрос.

— Каким образом? Правильно спросил твой друг: «Ты идиот?»

Алекс словно получил апперкот, когда она встала на сторону Туманова. Господи, ну почему люди не могут предвидеть свое будущее? Лет пять назад бы знать, что просто слова этой женщины будут расковыривать его душу до мяса, он бы все изменил. А теперь уже поздно.

— Не знаю, каким. Теперь не знаю. Я устал жить в нищете, зная, что у меня в Питере золотые горы пылятся! Я хотел удивлять тебя подарками, настоящими подарками, а не этими букетами из двадцати роз и каким-то сыром из супермаркета.

Элина нахмурилась, поднимая на него взгляд. Его зовут Александр. Алекс. Он стал выглядеть иначе, будто изменился внешне. Имя Дима ему не шло, она всегда чувствовала, что это не его имя. Слишком простецкое для его харизмы, слишком невзрачное для его ослепляющей яркости, слишком тихое для его голосистого эго. Алекс подходит на тысячу процентов.

— Какой ты дурак. Ты был моим самым дорогим подарком. Без цветов и сыров. Без бриллиантов и шелков. Посмотри на Марьяну и на меня. Она женщина с ценником, и каждый раз лепит новый поверх старого, когда цены взлетают вверх. А я... у меня нет цены. Я ничего не прошу за свою любовь. Я не продаю себя на рынке, — крикнула Элина, — не надо взвешивать меня, как мясо, как свинью! Не надо думать, сколько травы запихнуть в эту скотину, чтобы мясо вышло хорошим!

По ее щекам, которые уже ныли от постоянных слез, снова покатались невысыхающие ручьи. Он думал, что она не ляжет к нему в постель, если не накормит ее до отрыжки деньгами. Думал, что она не останется с ним, если не начнет пухнуть от несварения жадности и алчности! Вот как он мерил ее по своей шкале продажности.

— Я верила, что все было искренне, а ты... ты продавал и покупал меня! Наверное, был шокирован, когда эта дура, эта дешевка, которой не перепало дорогих подарков, прыгнула к тебе в койку? Слишком легко сдалась? А я-то думала, что для секса нужны чувства. Черт, буду теперь знать, сколько стоит тело.

— Эля, не надо говорить так, будто ты сразу же пойдешь искать нового мужика.

— Нет, Саша, — она чуть не подавилась, назвав его по имени, — мужика я искать не буду. Мужиков, — презрительно сказала Элина, — с меня хватит. Я буду искать мужчину, который не станет стелить мне постель из золота. Знаешь, спать на ней жестковато.

— Я не Саша. Зови меня Алекс.

— Не хочу никак тебя звать.

— И перестань делать вид, что я для тебя ничего не значу.

Взгляд Элины наматывал паутину на корявый палец, собирая ее с потолка; раскидывал грязные шины, завалившиеся за ненадобностью в углу; отстирывал мысленно замасленные тряпки в углу. В общем, делал все, только бы не смотреть на него. На Алекса.

Она сомневалась, что когда-нибудь вообще сможет довериться мужчине. Кажется, что череда неудач на личном фронте подрывает навсегда нашу уверенность в себе. От ее уверенности остались лишь раздробленные конечности.

— Эля...

— Простоответь на мои вопросы. Честно и исчерпывающе. Открой мне душу, как ты

никогда этого не делал.

Алекс посмотрел на нее так, словно она, водя пальцем по строчкам, прочитала все его мысли. Никому и никогда он не открывал душу, не отвечал честно и искренне.

— Задавай.

— Что за история с отцом?

— История, в которой много грязи.

— Не больше, чем в нашей с тобой, — парировала Элина.

Он вздохнул, словно забирая весь кислород у вселенной. Обойдется, ему нужнее. Говорить об отце, сыпать соль на эти уже не кровоточащие раны не хотелось. Однако терять Элину не хотелось еще больше.

— Эта история длиною в жизнь. Я и отца-то своего не знаю толком. Кто он, чем и как живет. Мне никогда не было интересно. И он проявлял симметричность: плевал на меня. Я был каким-то огрызком в жизни родителей, нагулянной по дурости обузой. Я никогда не знал, что такое «нет денег, сынок». Слышал подобное в обычных дворах, куда забредал гулять. Кстати, частенько с Тумановым.

— Он твой давний друг?

— Да. Наша дружба — это тема для отдельного тома классификации психических отклонений. В общем, у меня всегда были набиты карманы деньгами на мороженое, пирожное и лимонад, — усмехнулся Алекс, переносясь в то далекое время, чувствуя ту пустоту в душе, которую он заедал деньгами. — И у меня всегда было расстройство живота и ума от их количества. В какой-то момент я перешел этот порог, когда деньги перестали быть важны. Я просто знал, что у меня их столько, что жизни не хватит потратить. С этим чувством пришло ощущение пресыщенности. Казалось, я попробовал все, что может дать этот мир.

— Причем тут отец? — напомнила о теме их разговора Элина.

— При том, что он никогда не фигурирует в моих рассказах о детстве. Там только деньги, деньги и Туманов позже. Я его редко видел. Думаю, он зависал у своих любовниц. Каждой покупал по квартире или дому. Марьянка, например, отжала у него крутой домик и квартиру в придачу. Про мелочи типа машины и сумок из крокодилов, занесенных в Красную книгу, я даже не говорю. Постепенно отец стал для меня книжным персонажем. Это был человек, регулярно подкидывающий денег. Мне было плевать, где он и что с ним, лишь бы купюры текли в руки. Няньки, учителя всякие, кухарки — обслуга, одним словом. Вот эти люди меня вырастили.

— Его совсем дома не было? — спросила девушка, а сердце предательски сжалось.

— Бывал. Жил-то он как бы со мной. Однако вся его жизнь проходила в кабинете с бумажками. И со временем я стал ненавидеть и эти бумажки, его долбаные вечные контракты, которые были ценнее меня, тоже. Потом я вырос. Денег стало еще больше. Я блевал ими, а отец все больше и больше насыпал их мне в плотку, чтобы я ни разу не задумался, а где же моя семья?

— А как же мама?

— Мама у меня кошка. Выкормила меня и дала пинка под зад, махнув хвостом. Они долго разводились, скандалили, чуть ли не рвали эти поганые доллары у меня на глазах. Потом у нее стали меняться мужики быстрее, чем я рос. По паре миллионеров в год. Маман я тоже скоро забыл. От нее не было даже денег, ничего. Не считая парочки поздравлений с днем рождения в младенчестве. Этого мужика, своего отца, я хоть видел иногда. Затем я стал

совсем взрослым, научился понимать и принимать мир вокруг себя таким, каков он есть. Я понял, что значат деньги, льющиеся проливным дождем от отца. Он помог мне открыть свой бизнес, и мы считали друг друга квитами. Отец и сын.

Концовка показалась Элине скомканной, словно он зажевал часть истории. Алекс не поднимал глаз от пола, и она читала его боль, прыгающую неоновыми буквами на лбу. Откуда взяться чему-то светлому в нем, если его взрастили во тьме...

— Ты все мне рассказал?

— Опустил момент с малолетками, которых он трахал в нашем доме. Он превратил этот темный дворец окончательно в ад, когда там стали появляться девки моего возраста... — Алекс вздрогнул от отвращения. — Я помню эти хреновы звонки: «Мам, я у Светы. Уроки делаем». Надеюсь, она была хотя бы в одиннадцатом классе. Не знаю, сколько они стоили, эти шлюхи, которые учили математику в койке со стариком. Были и постарше, студентки.

Вот кто стал основоположником его жизненно-рыночной философии. Отец научил своего сына наклеивать ценник на людей, сканировать штрих-коды, которые, по его мнению, обязательно имеются на представителях высшего разума. Хотя, чем в таком случае человек отличается от собачки, за которую тоже платят деньги? Мы все покупаем и все продаем, но когда выставляют на продажу нас самих, мы бухтим от недовольства.

— Наверное, сейчас ты хочешь узнать про Марьяну? — продолжил Алекс, уже больше обращающийся сам к себе. Ему был необходим этот прием у психолога, необходимо все высказать, дать этой словесной рвоте выйти из него. — С ней он начал жить гораздо позже, когда я уже всю залечивал свои раны постоянными похождениями во всякие притоны с элитным эскортом и дорогим алкоголем. Она старше меня, поэтому я никогда особо ею не интересовался. Зачем мне тетка, если я могу постоянно есть на завтрак сочное и молодое тело? Любого возраста, цвета и комплекции. Но однажды он притащил ее ко мне в дом, на знакомство.

— И у тебя тут же созрел гениальный план? Точнее, у твоих гениальных гениталий, — фыркнула Элина.

— Да, — его мученический вздох мог стать причиной землетрясения. — Она была так мне противна, хотя я и радовался, что он перешел от детей к зрелым женщинам. Я уже не помню, как мы оказались в койке, но я получал ни с чем несравнимое удовольствие. Когда он позже целовал ее у меня на глазах, обнимал, я ликовал, просто бесился от этой извращенной радости. Я конченный урод, знаю.

Алекс поднял взгляд к потолку. Он видел, как с него свисали трупы, словно туши свиней на бойне. Он превратил свою жизнь в чертову могилу добрых деяний.

— А Алиса зачем? — вспомнила еще имя Элина. — Как ты только успевал? Как на всех хватало сил? Многостаночник ты, Саша.

— Алекс, — буркнул мужчина, снова встречая в штыки ее оскорбления.

— А мне все равно. Вспомни, сколько раз я говорила «Эля», и посчитай, как долго я буду говорить «Саша».

Чертов бумеранг. Скорость у него гораздо выше скорости, с которой мы совершаем гадости.

— Да не переживай, — произнесла девушка. — Меня отсюда в любом случае выпустят, и больше ты никогда не услышишь ни Сашу, ни Алекса из моих уст.

— Эля, ты же не уйдешь так просто?

— Уйду так же просто и легко, как ты обманывал меня.

— Все мои женщины были разложены по полочкам, и у каждой было свое предназначение, — признался он. — Марьяна — орудие мести. Алиска — показная статусность.

— Римма — орудие скотства по отношению к другу?

— Да нет, Эля! — взорвался он. — С ней все вышло случайно...

— Что вышло случайно? Твое рождение? — спросил Туманов, входя в их каморку. — Согласен.

— Явился, козел, — «радушно» встретил его Алекс. — Новый компромат на меня принес? Как я бабушку убил лопатой?

— Твою бабку не убьешь. Ваш род Янгов вообще не возьмешь тупым ломом. С вами хитро надо действовать. Вот твоя свобода.

Перед лицом Алекса появился новый документ. Белизна листов вызывала у него тошноту.

— Я не буду подписывать.

— А так? — Туманов схватил за волосы Элину. — Хрен с этим ребенком Риммкиным, кому он нужен. А это ведь твоя Эля любимая. Если ее не станет, ты будешь плакать?

— Отпустите! Уберите руки! — брыкалась она; страх снова вылупился из своего тонкого панциря и стал шипеть на нее.

— Ты не убьешь ее, Туманов. Я знаю твою трусливую тушку как свои пять пальцев.

— Оставь мысли про свои вонючие пальчики при себе. Больше ты ими не залезешь в чужую жизнь.

— Ладно. — Дмитрий отошел к стене, считая про себя до десяти. На пятерке его самообладание выстрелило себе в горло, и он накинулся на Алекса с кулаками. — Может, без зубов ты будешь сговорчивее?!

Алекс только смеялся. Зубы... Вставит новые. А вот лицезреть бессильную злобу Туманова — бесценно. Теперь его разум заполнили рекламные лозунги.

— Это просто прелюдии, — перешел на спокойный тон Туманов.

— Перед тем, как поимеешь меня? — кровавая улыбка разбрызгалась по уставшему лицу Алекса.

— Да.

Элина даже не дышала. Не вдыхала воздух, боясь быть слишком шумной. И не выдыхала, страшась, как бы колебания молекул не достигли Туманова. Кажется, после всего случившегося койка в психушке ей оплачена до конца жизни.

— Элина, зубы — чушь. Есть кое-что куда дороже этой мелочевки, — умело ударил ее в живот словами Дмитрий. — Твоя свобода. Уверен, на зоне таких красавчиков быстро пускают в расход. Но! — не дал Алексу огрызнуться. — Я ведь очень великодушный человек.

— Не то место и время для самопиара, — все-таки вставил словечко тот.

— Ты получишь еще один бонус: я отпущу твою любимую сразу же после того, как ты поставишь подпись.

Алекс посмотрел на Элину, забившуюся в угол. Он лишится денег при любом раскладе. Отец — слишком влиятельный соперник, чтобы даже думать о победе. Туманов — слишком хитро сделанная гадина, которую не прищучишь так легко. Но он может не лишиться шанса все исправить.

— Давай ручку, — согласился он. — Прежде, чем я поставлю подпись, ты поднимешь ее и отведешь к двери.

— Без проблем.

Дмитрий помог Элине встать, ласково поддерживая ее. От его пластиковой заботы хотелось разmozжить голову об стену. Ее ноги забыли, как ходить. В коленях брнчала на бубнах такая дрожь, что они подкашивались.

Руки Алекса так же дрожали. Этой подписью он нанесет последний удар по себе. Выломает последнюю свою целую кость.

— Подавись. — Откинул подписанный документ на пол и прислонился к стене, не отрывая взгляда от Элины. — Отпусти ее!

Она бросила на него последний взгляд — умирающую дымовую шашку, от которой на глаза навернулись слезы.

— Конечно. Проходите, мадам, — галантно пропустил ее Туманов.

— Эля, мы не все обсудили. Мы обязательно договорим! — крикнул ей в спину Алекс.

Ее глаза сказали обо всем, даже не моргая. Не договорят никогда. Их время обнулилось и стало никогда. Навсегда...

Старая суфийская пословица: «Когда ты в клетке, все равно летай».

Анита Амirezвани «Равная солнцу»

Жизнь навозной кучей разлагалась вокруг Элины, пока она пыталась оторвать голову от подушки. Лицо слово приклеилось, и она боялась, как бы кожа не осталась на наволочке. Тело истыкали иголками, поэтому она не могла пошевелиться — словно вся его поверхность стала большим кровоподтеком. Душа превратилась в сплошную гематому.

— Ненавижу его, — прошептала она, выдыхая с воздухом последние силы, искорками умирающие в пустоте.

Все повторилось вновь. Все всегда повторяется вновь, будто мы живем во вселенной «дежавю». Это уже было. Боль уже терзала когда-то сердце. Силы когда-то покидали даже пальцы на ногах. Остается лишь ожидать очередного круга страданий. Из этого состоит вся жизнь.

— Эля, — голос Жени дрожащим лучом фонаря пробился сквозь толщу тьмы.

— Женя? — не поверила Элина, шаря рукой по постели.

— Это я, Элечка. Я тут. Все хорошо.

Девушка нащупала руку подруги и так крепко ее стиснула, что Женя поморщилась. Но нет такой боли, которую мы не вытерпим ради действительно любимых. Элина разразилась слезами, точно грозовое небо — дождем.

— Элиночка, моя хорошая, — Женя обняла ее, подпрыгивая на ее трясущихся плечах. — Элечка, не плачь.

Сколько длились ее рыдания, Элина не могла сказать. Ее сознание было на данный момент забитым до отказа пылесборником, который необходимо вытряхнуть, очистить до скрипа. Наконец-то, поток слез иссяк, и она перевернулась на спину. Глаза не открывались, спутавшиеся от слез ресницы лапками пауков преграждали вход к зеркалам души.

— Элечка...

— Все хорошо, Женя.

— Что хорошего ты тут видишь?! Что вообще произошло? И...

— Женя, давай это все потом, — прохрипела Элина. — Дай воды, пожалуйста.

Горло растрескалось от жажды. Слезы выжали из нее всю жидкость. Наверное, похудела она знатно за это время. Сколько там прошло-то? Пара-тройка дней? А ощущение, будто жизнь закончилась и началась заново.

— Держи, — подруга протянула стакан холодной воды.

Вода своими холодными руками гладила ее горящее горло, и слезы снова намочили глаза. Вода показалась ей сейчас такой роскошью, таким богатством...

— Может, поешь? — суетилась в беспокойстве Женя. — Я пожарила аппетитных стейков и...

— Какая гадость! Фу! — закричала Элина; тошнотворный комок оккупировал горло, не давая ему отдыха.

Унитаз встретил ее недружелюбным взглядом. Ну вот, вода снова вытекла из нее. Новые рыдания устроили марфон на ее щеках. Горло сжималось в такт желудку, ложные рвотные позывы сводили ее с ума.

— Звоню в «скорую». — Женя бросилась к телефону.

— Не надо. — Элина без сил упала головой на опущенную крышку унитаза. — Это все твой стейк. Я не ем мясо, Женя, пора это принять.

— Хорошо, Эля. Прости.

— И самой пора сделать выбор! Либо ешь всех, и своих любимых котов в том числе, или никого!

Она ворчала, как злобная бабка, живущая на отшибе в домике на куриных ножках. Виски подбежала к хозяйке, громким мяуканьем оповещая всю округу о том, как скучала по ней.

— Моя малышка, — заплакала Элина, прижимая ее к себе. — Променяла тебя на ублюдка.

— Виски уже опьянела тут без тебя, — улыбнулась Женя. — А ты, — подняла Элину за локоть, — марш в душ и там под ледяной водой выпусти пар.

Забрав котенка, Женя втокнула Элину в ванную и закрыла дверь. Пару минут она просто стояла, прижавшись к стене, и плакала. Губы превратились во что-то мало похожее на губы. Сухое бледное месиво из свисающей кожи, которую она отрывала пальцами в нервном припадке.

Вода (она даже не чувствовала ее температуру) смыла грязь с тела, обнажив царапины и легкие синяки. Все, что у нее осталось от Алекса.

— Нет, нет, нет, — запричитала Элина, не позволяя даже его имени проскакивать в мыслях.

Убегать долго от себя не выйдет, все равно рано или поздно догонишь сам себя. Сам себя вывернешь наизнанку и оторвешь по кусочку от кровоточащей плоти. Каждый сам для себя лучший палач.

— Эля, все хорошо? — настойчивый стук Жени вывел ее из оцепенения. — Выходи уже. Свежевыжатый апельсиновый сок и печеньки ждут тебя. Не заставляй их расстраиваться.

— Ну если сами печеньки меня ждут, — вздохнула Элина, пытаясь поймать позитивную волну в этом штормящем темном море, — то иду!

Пол под ногами все так же не ощущался, словно она наступала в рыхлую землю, которая засасывала. Апельсиновый сок вызвал новый вихрь из песчинок и прочего мусора в ее горле, от которого жажда раскрыла свою пасть еще больше.

— И печенье ешь, — Женя пододвинула тарелку к ней.

— Не хочу. Мне все еще тошнит. Тебе деньги не жалко переводить? А вот сок просто космос...

— Рассказывай, космонавт, что произошло. И со всеми подробностями!

В итоге было выпито четыре больших стакана апельсинового сока и рассказано нескончаемое количество тонн грязных подробностей о Диме, который Саша, и о Мише, который теперь является переносчиком ВИЧ. В Элине пузырьки злости перемешивались в сумасшедшем танго с пузырьками витамина С.

— Ну начнем с меньшей из проблем, — с холодной головой произнесла подруга, не имевшая привычки впадать в оголтелую панику по любому поводу. — Миша и ВИЧ. Черт, я устрою сегодня пьянку по такому случаю! Этот выродок отныне и навсегда девственник! — Ее радости не было предела. — Нет, это точно судьба, Эля!

— Что ж тебе так весело? — кисло поинтересовалась Элина, крутя в руках пустой стакан. И жизнь ее такая: пустая, выпитая до дна, и больше не хочется. — Все то же самое относится и ко мне.

— Элюся, открой свои глазки заплаканные, — Женя пощелкала пальцами перед ее лицом. — Нажимай уже кнопку активации мозга.

— Ты о чем?

Мысли Элины сейчас представляли собой кучу спутанных проводов, что валяется в дальнем ящике комода. Всем плевать на это старье, все равно техника уже не работает, а провода с каждым годом все больше покрываются пылью и приходят в негодность. Ее мозг сейчас был такой кучей столетней давности.

— Ты же работаешь в больнице, Эля! Хирургом! Ну почти, неважно. Ты операционная сестра. Да тебя бы там по стенке размазали, если бы на медкомиссии выявили ВИЧ. Уже бы весь лоб клеймом обклеили и по всей Ивановке разнесли сплетни.

Удар по затылку отрезвил Элину. Новый приток мыслей испинал ее черепную коробку. А в словах Жени есть смысл...

— Женечка, ты вроде и права, но мне так страшно. ВИЧ — это же пожизненный могильный крест...

— Отлично, твой муженек бывший похоронен. Больше я о нем и думать не буду. Смысл его проклинать, если он, паскудник, получил свою порцию того, чем кормил тебя изо дня в день?

— Не хочу о нем говорить. Ты права. Он свое вернул себе. Бледный, даже похудел, несчастный.

— Все правильно, — кивнула Женя, как врач, слушающий рассказ пациента, сделавшего все процедуры верно. — Любая какашка, которую мы кидаем в другого человека, неизменно вернется нам под ноги коровьей лепехой.

Элина устало рассмеялась, чувствуя родство стен этой квартиры. Сюда она всегда приходит, когда жизнь бьет слишком сильно. Сюда она приползает, когда колени стертые до костей. Слезы снова брызнули гейзером из глаз.

— Ну, Эля, — подруга обняла ее, прижимая к груди, а рядом примостилась Виски, согревая своим меховым тельцем. — Насчет второго твоего рассказа... Жесть. Я бы не поверила, если бы ты вчера не рухнула у моего порога вся грязная, изможденная, словно тебя пытали...

— Я и сама не верю, — всхлипнула Элина. — Представляешь, он, оказывается, из тех самых богачей, которых мы обсуждали на море. Выскочка элитная.

— Думаешь, он был неискренен в отношении тебя?

— Женя, ты с Луны упала?! А как иначе? Вся его искренность в мести отцу! Вот тут он самый искренний человек на свете. А я и все остальные его бабы так, чтобы были.

— Все же ты не совсем права, Элька. Ты ему вообще ничем не была выгодна под самый конец, когда он пригласил тебя жить. Ты его не обеспечивала, ни в чем криминальном не помогала... Его держали чувства, я думаю. И ради тебя он пошел на сделку с этой селедкой престарелой.

— Ты что же, его защищаешь? — шок Элины пробился даже сквозь громкие помехи слез.

— Нет, но я не хочу, чтобы ты создала трагедию века на пустом месте. Да, ложь — это плохо. Нас так всегда учат с пеленок. Не ври мне, Вася, где гулял. Я все равно узнаю. Соседка, бабка, училка донесет — и будет тебе ремня до посинения! В итоге мы лжи боимся, как терактов или конца света. Но ложь вполне естественная в нашей жизни. Это иногда защитная функция души.

— Ну круто, — шмыгнула расквасившимся носом Элина. — Сейчас позвоню ему, попрошу прощения.

— Чего ты в крайности впадаешь и не выбираешься из них? Я к тому веду, что он не соврал тебе о том, что находится на работе, а сам у шлюхи кувыркается. Уж на этом ты съела не одну собаку.

Укол обиды свернул жилы Элине, когда Женя снова больно толкнула ее за бывшего мужа. Но она права. Всегда и во всем.

— Сложная судьба у мужика, — пожала плечами Женя. — Родители-идиоты часто коверкают жизнь своим детям, словно имеют на это право. Из оперы «Я тебя породил, гаденыш — я тебе и жизнь испоганю». А кто просил тебя породить меня?! Вот в чем вопрос.

— Переложение «Франкенштейна» Евгенией Симоновой, — лучики улыбки запрыгали по губам Элины. — Мне жаль его, конечно, — призналась она, ковыряясь пальцами в воздухе, — но это не отменяет того, что он скрыл от меня столько всего.

— Согласна. Но пока не могу представить, как бы он тебе все рассказал. Вечером за чаем вывалил бы про сбитую девушку, отца — ублюдка, всех своих баб? Типа: «Вкусный суп, Эля. А ты знаешь, что папаша меня отмазал от ДТП, в котором девушка стала калеккой? Поддай хлеб, пожалуйста».

— Он бы назвал меня Линой, — пробухтела Элина. — Как бы там не было, Женя, но человек не предпринял ни одной попытки что-то мне рассказать! Давай не будем его обелять и причислять к лику святого. Каждого жизнь хотя бы разок распинает на кресте, но не каждый потом этим кичится, совершая пакости.

— Вина за ним, это бесспорно. Просто подумай, стоит ли обрубить связь с ним на корню. Может, не горячиться? Когда еще у тебя появится такой богатый поклонник? — пошутила Женя и тут же приняла серьезное выражение лица, от которого они обе рассмеялись.

— Он уже не богат, — злорадно хихикнула Элина. — Да и зачем мне обрубить связи? Он сам не позвонит и не напишет. Спорим, у него уже началась новая жизнь? А Элина — это просто клякса на одной из страниц жизни.

— Кто знает, Эля, кто знает...

Элина была уверена, что знает. Знает лучше судьбы и провидения, которое зачастую слепо к нашим желаниям. Она твердо знала, что Алекса больше не встретит никогда.

***

Совесь, мой милый, это палка, которою всякий готов бить своего ближнего, но отнюдь не самого себя.

Оноре Бальзак «Утраченные иллюзии»

Он все еще с трудом мог передвигаться. Ноги рассыпались, как конфетное драже, при каждом шаге. Казалось, что этот урод, который лучший друг, не упустил ни единого миллиметра на его теле.

Удары лучших друзей самые болезненные, но заживают быстрее всего, ибо желание встать с колен и тем самым отомстить подогревает силу духу. Вот и он тоже встал, пока только на колени, но уже хотя бы стоит.

Туманов еще какое-то время издевался над ним в том гараже, бросал на пол мясо и разливал воду под его ногами. Присоединялась к нему и Марьяна. Его месть отцу, которой он питался, утолял жажду, благодаря которой существовал, вернулась к нему ударом,

раздробившим кости в пыль.

— Молодой человек, с вами все хорошо? — к нему подошла какая-то женщина средних лет. — Вам помочь?

Алекс вздрогнул, готовый к удару или еще чему-то из разряда гадкого и не очень приятного, но это была просто женщина. Петербурженка или приезжая из другого города, но с очень добрым сердцем. Он ощущал себя недавно родившимся котенком, которого отняли от мамы-кошки и в мусорном пакете выкинули на улицу. Только за ним грехов больше, чем за котенком... раз в сто миллионов.

— Все хорошо, спасибо, — неуверенно ответил он, а взгляд против воли задержался на пакете с булочками, что ароматом сочащейся малины щекотали его голодный желудок.

Как бомж пялится на пакет с пирожками. Свежими, будто минуту назад еще томились в печке с румяными щечками... Похоже, ниже опускаться ему уже некуда, и так бьется головой о самое дно.

— Держите, — женщина протянула ему два пирожка. — Простите, что грязными руками...

— Спасибо, — прошептал он и схватил пирожки, чуть ли не истекая слюнями.

— Обратитесь в полицию, может, они вам помогут. Всего вам доброго!

Она ушла, а эти малиновые пирожки навсегда оставили след доброты где-то на одной из миллиардов страниц огромной книги жизни Вселенной.

Алекс откусывал по куску, наслаждаясь малиновым вареньем, и почти плакал. Сидит, как нищий, немытый попрошайка на привокзальной скамейке, и жует чужие пирожки. Он никогда не ел таких пирожков. В элитных ресторанах подают только всякую изысканную выпечку за баснословные суммы.

— Ублюдки, — с набитым ртом бормотал он, сторя от злости.

Все внутренности выжгла эта стерва — злость. Желудок разболелся, когда он доел свою первую еду за несколько дней. Теперь бы попить... Навряд ли кто-то еще окажется настолько сердобольным, чтобы помогать молодому бомжу посреди улицы. В глазах той женщины он прочитал такое мнение о себе.

Потерпит. Вода сейчас не так важна, как свобода. Алекс с трудом поднялся, покачиваясь и опираясь о скамейку. Не попасться бы ментам на глаза. Эти собаки сразу учуют запах добычи. Мужчина добрал до стоянки такси и постучал в окно первой машины.

— Не подвезете, пожалуйста? Я заплачу на месте, у меня с собой денег нет.

— Ты себя видел, оборванец? Пробухал все деньги, а теперь тебя везти куда-то?

Унижение снова разлилось по всему телу, точно яд. Какой-то водила поганый с ним так разговаривает. Да весь его годовой заработок — один день его, Алекса, жизни.

— Подвезите, пожалуйста. Я заплачу вам вдвойне.

— Ну и куда тебе надо?

— Прозорово.

Глаза таксиста стали квадратными. Он явно воспринял это как шутку.

— Парень, меня шутки не интересуют. Может, мне тебя еще в Кремль завести? Или у тебя память отшибло, и ты решил, что являешься выходцем из высшего общества?

Алекс ударил по машине ладонью, уже еле сдерживаясь. Заткнуть бы этого болтуна, да руки связаны.

— Везешь или нет? Тройную цену даю.

— Ну садись, блаженный. Пусть тебя тамошняя охрана отметелит хорошенько.

Идиот, а не водила. Думает, что кто-нибудь просто так поперся бы в элитный поселок?! Да после такого визита костей не соберешь. Зачем он ехал к отцу, Алекс и сам не знал. Сейчас он был не в том положении, чтобы думать, не говоря уже о том, чтобы думать связно. Просто попытается попасть на территорию, потом в дом, в кабинет, поищет материалы по тому ДТП... Благо лазейки он знает, не зря же это дом отца.

— Приехали, — водитель с опаской выглянул в окно; он так и видел направленные на него дула автоматов.

Роскошь этого места заставляла слюну вырабатываться в чрезмерных количествах, и мужчина не успевал ее глотать. Ему бы так жить. Хотя бы день побродить по этим окрестностям, словно они его. Посидеть в беседке, окруженной пышной зеленью... Все, что ему светит — бомбить по дорогам дорогой столицы с утра до ночи, расплачиваться за съемный угол, а на остальные деньги покупать немного дешевой еды и отправлять копейки матери в другой город.

— Свобода нам только снится. Ее отнимают у нас еще до рождения, — неожиданно проговорил он.

— Чего? — переспросил Алекс, составлявший план проникновения в дом.

— Говорю, свобода эта — сказка. Кто сказал, что мы можем быть свободны? — воскликнул таксист. — Думаешь, парень, кто-то бы выбрал родиться в нищете и всю жизнь в ней прожить? А родиться без рук или без ног? В семье алкашей и тиранов? Свобода, — фыркнул он. — Дерьмо с рекламных щитов предвыборных кампаний. Мы рождаемся рабами, просто кто-то получает немного больше привилегий. Мне не видать таких красот, даже если я не буду вылазить из-за баранки днями. А люди, которые здесь живут, думаешь, всего своим умом и своими руками добились?!

— Ну, — был застигнут врасплох Алекс, — наверное. У всех есть образование и...

— Или богатый папаша, так же? А у меня нет богатого папаша. Он не просунет меня в любую денежную дырку. К черту, — вздохнул мужчина. — Ты идешь или как? Счетчик капает.

— Да, да.

Слова таксиста крутились по волнам его мысленного радио, пока он шел к воротам. Сейчас эти мордвороты выкинут его отсюда, как мешок с собачьими экскрементами.

— К отцу, — как можно более небрежно сказал Алекс, готовый к драке, хотя все тело до сих пор ломило.

— Проходи, — кивнул знакомый охранник, и челюсть Алекса вытянулась.

Он показал водителю знак «ОК», означающий скорую оплату проезда, и побежал в дом. Вот же удача! От такого везения кажется, что петля спустится откуда-то с потолка, когда он не будет к этому готов.

Добежав, перепрыгивая три ступеньки, к отцовскому кабинету, Алекс перевел дыхание. Нужно действовать максимально быстро. Он схватил часы, лежавшие на столе, и спустился с ними вниз. Таксист все гудел мотором старого мерседеса у ворот.

— Держи. Оплачу сразу несколько сотен тысяч поездок, — улыбнулся Алекс и передал мужчине швейцарские часы отца.

— Да ты что... Парень... Ты что же это... Ты из этих, богатых сынков? — речь водителя сбилась в путаницу и шок.

— Типа того, — нехотя ответил тот. — Бывай!

Снова вернувшись в кабинет, он стал думать, куда бы папаша спрятал такие важные

улики...

— Если только в сейфе, — пробормотал Алекс, чувствуя себя Шерлоком.

Его дедукция могла помочь найти если только пропавшего под каким-нибудь кустом их частного сектора кота.

— Не может быть, я же знаю пароль, — продолжал рассуждать он, набирая цифры. Сейф открылся. — Та-ак, что это у нас тут такое.

Мужчина вытащил папку, диск, деньги. Очень похоже на улики по ДТП.

— Привет, сын. Я ждал тебя.

На пороге кабинета появился отец, и Алекс метнул на него ненавидящий взгляд. Пришла пора узнать кто кого, чьи клыки окажутся острее.

Напрасно притворяться, прошлое не дремлет, хоть в той коробке, хоть в другой.

Дельфина Бертолон «Солнце на моих ногах»

— Положи эти документы. Они касаются новой стройки, тебе они ни к чему.

Мужчина в возрасте с интересом рассматривал копию себя, только младше на тридцать лет. Что-то пошло не так в его жизни, если родной сын жил одной лишь мезтью ему...

— Нет уж, папочка, — скривился Алекс. — Они касаются той аварии, в которой пострадала девушка.

— Открой, посмотри.

Одним глазом следя за отцом, который теперь стал врагом номер один, он открыл папку. Чертежи, схемы, договоры... Что за черт?

— Идем в столовую. Тебе надо поесть. Разговоры потом.

— Да, конечно! Сейчас я поем, а через пять минут какой-нибудь ублюдок типа Туманова скрутит меня и притащит в вонючий свинарник за грехи перед тобой.

— Не дури. Идем в столовую. Там уже накрыто.

Алекс сглотнул. Как же хотелось есть. Господи, он готов был продать Иисуса даже не за тридцать сребреников, а за ломоть хлеба и горячую похлебку. Правильно говорят, хлеб — всему голова. В его случае голова уже сходилa с ума.

— Чем накрыто? Похлебки с ядом? Кувшины с отравленным вином?

— Александр, прекращай этот цирк. Ты довольно уже из себя шута строил. Пришло время серьезных разговоров.

— Да, серьезных, а я и не понял! — разошелся Алекс, и скинул папку со стола. — Смотри на мои синяки и кровоподтеки! А это, — собрал пальцами грязную ткань футболки, — следы от малины. Женщина на улице угостила, но от нехватки сил варенье капало изо рта. Так что я понимаю всю серьезность случившегося дерьма!

— Случившегося по твоей вине! — перешел на крик отец.

— Знаешь что...

— Прекратим этот балаган, — пресек начавшую подниматься на ноги истерию Антон Робертович, — и спустимся в столовую. Еда не заражена тифом, не отравлена мышьяком и не была в зубах у крыс. Не переживай за здоровье своего желудка.

Черт с ним. Есть хотелось сильнее, чем ругаться с отцом. Иногда крайняя нужда заливчатски сворачивает шею любой гордости.

— Идем, — буркнул Алекс, и ноги понесли его в столовую.

Он ненавидел этот дом, но знал каждый его миллиметр. Интуитивно. Шестым чувством передвигался по дому, который когда-то окрестил запретной зоной. Тайны, которые хранились здесь, были всегда вне зоны доступа.

— Кстати, за тобой должок, сын. Часы, которые ты украл со стола, стоили не мало тысяч долларов, — оборонил, точно пару монет на ходу, отец.

— Предоставь улики, что это я их украл, тогда поговорим.

— Научился быть бизнесменом, — хмыкнул Антон Робертович. — Будем считать, что я подарил их тебе.

— Даже они не окупают украденное у меня детство, но так и быть, будем в расчете, — сказал Алекс, и тема украденных часов исчерпала себя навсегда.

Столовая начала радовать его еще до того, как он подошел к двери. Ароматы супа, жареного мяса, салатов, напитков и десертов практически разбили ему голову кирпичом. Кажется, слюна может не удержаться во рту...

— Даже если все здесь просроченное, плевать, — набитым под завязку ртом говорил Алекс, накидываясь то на одно, то на другое. — Вся моя жизнь просрочена раньше срока. Спасибо тебе за это. Как тебе компания Туманова? Ты же всегда его ненавидел. От любви до ненависти... Сколько шагов тебе потребовалось?

— Ты слишком категоричен, — отец устроился на другом конце стола. Его сердце учащенно билось от осознания того, что с ролью отца он не справился. Бизнесмен, любовник, любитель экстремального спорта — кто угодно, только не отец. — Я не испытывал к твоему дружку ненависти, просто не любил его. Ну он же слизняк, как и его папаша. Оба неприятные и мутные типы.

Его сын уже не мальчик, а взрослый мужчина. Мужчина, который разрушил свою жизнь, не оставив себе ни одного бункера, чтобы спрятаться. И он взрослый мужчина, который приложил руку к этим разрушениям. Почему же взрослые такие глупцы? Почему они глупее детей? Может, потому что их порывы окрашены только цинизмом и меркантильностью. Видимо, деньги оказались не так важны для его сына, как он сам.

— Да ты и сам такой же слизняк, мутный тип. — Алекс откусил от оленины и заел ее чесночным салатом.

Как бы Эля сейчас его упрекнула. Просто взбесилась бы! При этой мысли оленина встала погрызенной со всех сторон костью в горле, и он закашлялся. Чертова вегетарианская чушь!

— Ты чего? — Антон Робертович подбежал к сыну, но тот отверг его помощь.

— Осенило что-то о том, как отвратительно есть мясо, — ответил Алекс и отодвинул оленину. Перебьется чаем с выпечкой.

— Смешные у тебя шутки, — рассмеялся отец, демонстративно откусывая от сочащейся болью и негодованием оленины. — Ты с пятнадцати лет со мной на охоту и рыбалку ходил! Напомнить тебе, как ты стрелял в медведя из винтовки? А всех этих птичек несчастных ты помнишь? Между прочим, их потом наша кухарка готовила нам же на ужин. Хорошо же тебе промыли мозги. Только кто?

Промыли мозги... Алекс уже не слушал жестокие бредни отца. Не промыли, а вставили на место. Как он мог рассчитывать на любовь Элины, если не был готов пойти ни на один компромисс ради нее. Любовь есть компромисс. Не жертва, когда ты обливаешься слезами, отказываясь от чего-то, и бьешь себя в грудь при всех, а именно компромисс — желание изменить себя, добровольно пойти на этот шаг, не жалея расстаться со старым хламом привычек и привязанностей. Он не смог расстаться со своей глупостью, начав читать книги, которые она советовала. Он не смог не лгать ей, хотя она заслуживала честности. Он не смог отказаться от мяса, а ведь она предлагала присоединиться к ней.

— Черт, — выругался Алекс, мысленно плюя в миску.

Да он ничего не смог для нее сделать! Только мечтать о деньгах, чтобы прикупить себе любовь женщины, которая давала ее ему совершенно безвозмездно. Каким же нужно быть слепцом, чтобы не замечать то, что тычется тебе в нос.

— Что такое?

— Забей. Наверяд ли ты поймешь мои душевные терзания.

— Сын, я объясню тебе ситуацию с Тумановым.

— Не нужно. Это как будто слушать подробности извращенцев, — отмахнулся Алекс, которого больше не заботил отец, не заботила еда, только Элина имела значение. — Меня вот что интересует: ты что, серьезно бы засадил меня за решетку?

Во рту кубарем перекатывалась еда, смесь из овощей, а в голове то же самое творилось с мыслями. Эля, Элина, Лина. Его самая дорогая женщина. Как же вернуть ее теперь, когда он сам себя окончательно потерял?

— Не сядешь ты ни за какую решетку. Улики по этому делу давно уничтожены. Я взял Туманова, как вы говорите, на понт. И именно по этой причине оставил тебе доступ к дому и сейфу.

— Лжешь.

— Нет.

Алекс уставился на отца, на минуту позволяя лицу Элины скрыться за шторкой подсознания.

— Прямо так и нет у тебя ничего! Димон что, поверил тебе на слово? Он хитрый, слизняк, кто угодно, но не идиот.

— Сын, какой же ты маленький... — вздохнул мужчина. — Ненависть выкалывает глаза в два счета и высасывает мозг еще быстрее. Он ослеп от ненависти к тебе, ему не нужны были никакие доказательства, только мое честное слово. Ты должен его понимать, — намекнул на их собственные отношения.

— Да, я его понимаю и не собираюсь этого скрывать. Я ненавижу тебя. Или ненавидел. — Алекс задумался. — Знаешь, сейчас мне так все равно на твое существование, а раньше да, я сгорал от ненависти к тебе. У меня не было ничего, и я цеплялся за ненависть к человеку, который породил меня и бросил на этом свете. А сейчас у меня есть кого любить, и я не упущу эту возможность.

— Я не бросал тебя.

— Не-ет, отец, ты бросил меня. Ты никогда не расставался с телефоном, а сына мог месяцами не видеть. Очередная шлюшка на яхте была важнее? Не удивляйся, что через тридцать лет ненависть к тебе стала важнее любви. Пожал то, что посеял, хренов фермер. Ладно, я пойду, — сказал он и, вытерев рот салфеткой, кинул ее на стол.

Этот жест символизировал конец всему. Их семье, которая умирала, но никак не могла сдохнуть. Конец всем мучениям. Нет в его жизни отца, нет страданий. Конец всем этим похождениям по бабам. Больше нет нужды заливать свою боль таким анестетиком. Конец грязи, что бесконечно пачкала его белое пальто. Пора выстирать себя раз и навсегда.

— Так просто уйдешь, Саша?

Алекс сжал зубы от злости. Саша! Буль проклят этот Саша! Он Алекс!

— Я просто уйду. Мой дом, — он обернулся, — ты забрал его тоже?

— Дом твой, но машин там нет.

— Спасибо, что не пустил по миру с голым задом.

— Я уверен, ты скажешь еще спасибо за то, что я забрал у тебя бизнес. Построй что-нибудь сам, сотри руки в мозоли, тогда ты сможешь гордиться собой. А жить на мои деньги всю жизнь и плевать мне под ноги — так каждый может, сын.

— Какая трогательная речь. Надеюсь, Туманов не подавится моими деньгами.

Его трясло. Температура то падала ниже нормы, то била все рекорды. Алекс был готов наброситься на этого лоснящегося старика с кулаками. Последняя битва.

— Ему не достанется ни копейки.

Слова отца остановили кровопролитие буквально за секунду до того, как кулак Алекса взлетел в воздух.

— Как это так?

— Друг твой мало того, что темный человек, так он еще и глуповат. Хитер, но с теми, кто хитрее, играть не умеет. Он даже не посмотрел, что взял у меня из рук. По этим бумагам я получаю все твои активы, а Туманову — жалкий процент от сделки.

— Он в курсе?

— Уже, думаю, да.

Алекс согнулся пополам. Его туловище, точно плохо сшитая кукла, рвалось по швам от смеха. Туманов придурок! А папаша молодец. И между врагами можно выбрать лучшего.

— Надумаешь сдать меня в ментовку, хотя бы сообщи. Хочу побриться перед камерой, — бросил Алекс и открыл дверь.

— Нет никаких улик, — повторил отец. — Я бы не позволил тебе сесть в тюрьму ни при каких обстоятельствах. Уж точно не из-за того, что ты спал с этой дешевкой сельской. Да, меня расстроил тот факт, что ты вставлял мне палки в колеса, но эта женщина точно не причина упечь единственного сына за решетку. — Спина Александра была напряжена, словно лук перед выстрелом. — Улик давно нет, Саша. Это правда. Но наказать тебя придется, и этим наказанием станет твой бизнес.

— Вы само благородство, Антон Робертович.

— Можешь показывать мне язык сколько угодно, но посмотри, не почернел ли он. Кстати, насчет этой девушки. Все это время я помогаю ей материально. А ты хоть раз интересовался, как у нее дела?

— Прощай.

— Ключи от дома не хочешь забрать?

— Давай.

Дверь за Алексом закрылась, разрубая голову призраку прошлого навсегда. Все вопросы решены. Петля скинута. Но свою удавку затягивает на шее новая...

***

Единственный способ победить страх — это встретить его лицом к лицу.

Деннис Лихэйн «Остров проклятых»

Его дом. Гнездо, свитое для певучей боли, для яростной ненависти, для страшных тайн. Этот дом до хруста сжимал его шею своими бетонными ручищами.

— Никогда больше, — задыхаясь, крикнул Алекс, — никогда!

Он взлетел по ступенькам в свою спальню. Дверь со слезами ударилась об стену и затихла. Ящик комода упал на пол, с такой злостью он рванул его на себя.

— Никогда больше вы не будете мной управлять, не позволю!

Пора разорвать контракт с дьяволом, стереть эти подписи левиафанов. Хватит с него совместного проживания с прошлым! У него есть настоящее, которое стало пепелищем, но он отстроит заново всю свою жизнь. У него есть будущее, которое он все еще может не упустить на этом перроне скоростных поездов.

Мужчина нашел зажигалку в ящике ниже и, не думая ни секунды, поджег фотографии, свои письма в пустоту, свои рисунки, что никогда не будут показаны ни маме, ни папе.

— Всем плевать, Саша, — прошептал он, наблюдая за тем, как сгорает робот, нарисованный коряво и неаккуратно, зато с любовью.

Такая она детская любовь: корявая, неуклюжая, но всегда уверенная в себе и искренняя.

Но не получив ответа, она становится еще одной безликой ненавистью в этом мире, полном чужих и злых людей.

— С днем рождения. — Он провел пальцами по фотографии, единственном напоминании о семье, и сжег ее тоже. — Покойся с миром.

Алекс дополз до стены и осел, подпирая ее. Из него вышел весь воздух, шарик сдулся. Шарик устал так жить. На его глазах горели обрывки детства, целые главы его больной жизни, исчерканные детским почерком. Как же он устал... Устал приходить в этот дом и заново, круг за кругом, бежать этот марафон. Но свою боль не опередить, не побить ее рекорд, не прыгнуть выше ее. Остается только сжечь ее к чертовой матери, выкинуть пепел, развеять по миру. Вместе со своим сердцем.

Ему даже показалось, что где-то посередине грудной клетки кольнуло. Кольнуло больно. В последний раз.

— Вот и все, — пробормотал Алекс, таращась в оцепенении на кучку пепла.

Вот так, за минуту, вся жизнь может сгореть. Жизнь, которую мы храним в записях, фото, рисунках. Не даем этой боли уйти, не отпускаем ее, держим на привязи. Пусть будет рядом, так спокойнее. Но как же он устал держать этого бешеного пса на цепи. Нет больше воспоминаний, нет того дня рождения, нет матери, нет отца. Есть только он.

И Элина.

Есть Элина, и он не отпустит ее. Она будет с ним, он освободил для нее место. Указал на дверь всем своим черноглазым демонам, выгнал всех Церберов с кровавым ртом, только чтобы она была рядом.

— И тебе пора на помойку, — сказал Алекс, поднимая ящик комода. — А это что?

Ко дну прилипла фотография. Та женщина. Вика, кажется.

Пришлось сесть в кресло. Голова снова закружилась. Вика... Он помнил свой животный страх, когда сбил ее. Куда он несся в тот вечер, что так сильно волновало его, что ждало — он и сам не в курсе. Он просто заплатил здоровьем молодой девушки за отсутствие собственных мозгов.

— Золотой мальчик, — усмехнулся мужчина, смотря в глаза этой девушки, чувствуя, как боль впрыскивается в вены через иглу отчаяния. — Урод.

Ему было так страшно прийти к ней. Он так боялся посмотреть ей в глаза. Знал, что его гадкая сущность не выдержит прямого зрительного контакта с инвалидом. Он спихнул проблемы на отца и продолжил жить в своем гниющем мирке, затолкав Вику и ее неходячие ноги далеко в кладовку подсознания.

Это фото хранилось тут так долго, мучилось вместе с маленьким Сашей, пока взрослый Алекс чудил и уходил на дно все больше.

— Пора исправлять все ошибки. Не корректором замазывать, а решать примеры заново. — Алекс достал телефон и набрал отца. — Скажи адрес Вики.

— Какой Вики?

— Ты понял!

Записав ее адрес, он скинул звонок. Что ж, осталось самое «легкое» — все-таки посмотреть ей в глаза.

Путешествия на автобусах оказались куда более захватывающими, чем он представлял себе раньше. Вика жила не в самом лучшем районе Питера, и чтобы добраться до ее дома, ему пришлось поменять несколько трясущихся грязных автобусов, в том числе и маршруток, в которых только стоять и можно.

— Господи, наконец-то, — выдохнул мужчина, выходя на последней остановке.

Желудок стоял уже где-то у неба. Он склонился над ближайшими кустами, но ничего не произошло. Автобусы... Все прелести нищей жизни. Похоже, судьба приготовила ему целое минное поле из унижений, и на каждую установленную мину ему придется наступить.

Солнце исполняло свои сонеты всем прохожим, но над его головой завывала лишь «Лакримоза». Все эти водевильские интриги, в которых он напрочь запутался, затмили его разум. Вместо того чтобы хотя бы раз навестить девушку, чью жизнь он искалечил, он тратил свою, как мелкие купюры, налево и направо. Так жизнь и прошла мимо, даже не задержавшись ни на одной остановке.

Только бы не отступить сейчас, когда он так близок. Его дух, истерзанный и сломленный, все равно воспрял. Нет смысла отступать. Позади только прошлое. А оно так и ждет момента, когда ты приползешь с раскаянием в глазах униженно просить о новых муках.

Алекс нашел нужный подъезд, проскользнул мимо домофона, представившись почтальоном какой-то бабушке из соседней квартиры, и поднялся на третий этаж. Ступеньки рассыпались в песок, когда миновала следующая и следующая, словно отрезая путь назад. Как же она спускается с третьего этажа в пятиэтажном доме без лифта?

У двери он простоял еще пять минут. Руки онемели. Вспотели до того, что перестали слушаться его. Еще можно уйти... Эта мысль не могла быть продолжена, так как именно в этот момент отворилась дверь.

— Викуль, я скоро.

Мужчина врезался прямо в Алекса.

— Ты кто? — Он недоверчиво посмотрел на незваного гостя. — Квартирой ошибся?

— Нет. Я... я к Вике.

Горло пересохло. Каждый сгусток слюны казался клубком намагниченных иголок.

— К Вике? Вик, ты ждешь кого-то?

— Ром, ты издеваешься? Я никого больше не жду.

Ее голос, точно жалобный, умирающий февральский ветерок солнечным мартом, донесся до его слуха. Больше никого не ждет...

— Как вас зовут?

— Александр. Позвольте пройти, она все поймет.

— Ну проходи...

Хозяин квартиры прошел за Алексом вглубь квартиры, сбитый с толку. Инвалидность Вики поставила крест на ее социальной жизни, и гости в их квартире обычно имели лица родителей.

— Добрый день, — Алекс запнулся, увидев то, что так страшило его. Красавица Вика и уродливое инвалидное кресло. — Я... Боже мой...

— Парень, с тобой все хорошо? Ты чего пришел-то? — Молодой человек Вики начал выходить из себя. — Нарик, что ли? — Он схватил Алекса и припечатал к стене. — Наркоша, я тебя спрашиваю?! Видел я вас тут недавно, ищите дозу по квартирам.

— Рома, отпусти его. По нему же видно, что не наркоша. — Вика улыбнулась, и ее улыбка всадила последнюю пулю в сердце Алекса.

Роман отпустил Алекса, и тот сразу же упал на колени перед девушкой. На его глаза навернулись слезы. Усталость крошила вены, хотелось орать, реветь, биться головой о все эти стены. Не было больше сил держать все это в себе.

— Прости меня, прости, — бормотал он, сжимая ее худенькие колени.

До чего он довел эту молодую, когда-то искрящуюся жизнью девчонку. Она потухла, высохла, кости торчали неестественно сильно. Ее каштановая копна волос была теперь короче и поредела. Ведь крутиться у зеркала с масками для волос и утюжками больше не было возможности...

— Точно придурок какой-то. И без тебя живется туго, — рявкнул Роман и собрался вытолкать этого залетного идиота в дверь.

— Я Александр Янг, — твердо произнес Алекс и поднял взгляд на Вику.

Ее глаза расширились от ужаса, делая лицо еще больше похожим на скелет, и она вскрикнула, отталкивая его.

Человек стоит столько, во сколько он сам себя ценит.

Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

— Ты... Неужели...

Вика побледнела. Она знала имя своего палача. Его имя часто сопровождало ее в кошмарах. Но она никогда не видела его лица. У боли была просто черная маска без прорезей на все лицо, теперь появились глаза убийцы.

— Позволь поговорить с тобой, Вика, пожалуйста, — просил Алекс, пока она плакала.

— Постой-ка... — Роман задумался. — Янг? Фамилия у мужика, который прикрывает задницу своего сынка и деньги тебе перечисляет за аварию, такая же.

— Это я, я тот сынок.

— Ах ты мразь. Давно я мечтаю с тобой расквитаться!

Он оттащил Алекса за ворот от Вики и начал бить. Из-за него почти каждую ночь они живут в кошмаре потому, что она подсакивает с криками и слезами снова и снова, когда спортивная машина переезжает ее ноги. Из-за него Вика живет в психологической тюрьме, хотя так молода. Он сократил ее жизнь до стены и стены этой квартиры.

— Хватит, Рома, прошу, перестань его бить! — закричала Вика, заливаясь слезами.

Алекс не стонал и не кряхтел. Ни единого звука. Пора получать по заслугам. Когда ты слишком долго бьешь других людей, будь добр снести все побои в ответ достойно.

— Я заслужил, — его голос дробился на звуковые частицы, прерываемые кашлем. — Бей еще. За все это время, что я не появлялся.

— Не буду больше пачкать руки. Не хочу, чтобы они были такими же грязными, как и твои. Вставай и проваливай отсюда.

— Вика, — Алекс посмотрел на нее заплывшим глазом, видя ее только наполовину, — поговори со мной. Дай сказать то, что я хотел, пожалуйста.

— Рома, — девушка подняла руку, останавливая молодого человека, когда тот двинулся к поднимающемуся на колени Алексу, — все хорошо. Ты можешь идти по делам.

— С ума сошла? Идти по делам, когда в нашей квартире этот ублюдок?!

— Он ничего мне не сделает. Посмотри на него.

— И что? Придушит тебя, а папаша будет уже только мне бабки посылать.

Алекс слушал это и понимал, какие они с отцом и все их окружение на самом деле бесчеловечные твари. Жаль, за деньги нельзя стать человеком.

— Я клянусь, что ничего не сделаю. Не приближусь к ней без ее разрешения.

— Рома, — с нажимом сказала Вика, — иди.

Мужчина вышел, недовольно хлопнув дверью. Не дай бог, что-то сделает ей... Убьет его мучительно и даже скрываться не будет. Сам пакет с расчлененными конечностями отнесет в полицию.

— Прости его, — прошептала Вика.

— Нет, нет, нет! Ты прости меня. Я еще мало получил. — Он подполз к ней, взглядом спрашивая разрешение приблизиться. Вика кивнула. Алекса накрыл ее ладонь своей, испачканной в крови. — Прости меня.

— Почему ты не пришел раньше?

— Потому что я обделался по полной после той аварии и, наверное, месяц сидел дома,

боясь каждого шороха. Я боялся даже спрашивать отца, жива ли ты... Некоторое время, пока я находился в пугающем неведении, мне казалось, что твой призрак приходит ко мне по ночам.

— Да уж, лучше бы я умерла.

Эти слова слились с тишиной Вселенной, так тихо они были произнесены. Но ведь порой тишина голосит так, что и рупор ей ни к чему. И Алекса ее слова оглушили.

— Потом, — продолжил он, — я все-таки узнал, что ты жива, но прикована к коляске. Отец сообщил, что решит все проблемы с тобой, и я... я забыл. Я сделал все, чтобы забыть. Буквально заливал память ацетоном и отбеливателем, чтобы не помнить.

— Не вышло, я так понимаю?

Она говорила с ним спокойно, без презрения или ненависти. Эта девушка не превратилась в комок желчи и ненависти к нему после того, как он покалечил ее, а он люто ненавидел отца за куда меньшее.

— Не вышло. — Голова Алекса безвольно упала, снова представляя взору ее иссохшие коленки. — Жизнь вернула мне долг за тебя в полной мере.

— Ты про Рому? Прости, что он сорвался...

— Нет, не про него.

И как у нее поворачивается язык просить у него прощения?! Ему хотелось, чтобы она тоже ударила его, наорала, обозвала. В последнее время ему это было так привычно, что стало необходимо для трезвой мыслительной деятельности.

— Расскажи о ваших отношениях, — попросил Алекс и сел по-турецки рядом с ее коляской.

— Рассказывать особо нечего, — Вика говорила с ним добродушно и благожелательно, как с хорошим знакомым. У нее просто-напросто не осталось этой злости и обиды. Они выпили ее всю, обглодали каждую ее кость. Она не хотела выливать на голову человека, распластавшегося в покаянии у ее ног, ведро грязи. — Рома был в армии на тот момент, а когда вернулся... его ждала невеста с того света.

— Он остался с тобой?

— Да, что очень странно. Он остался один. Это так страшно, — сказала девушка, и ее глаза — печальные озера наполнились соленой водой, — остаться в пустоте. За окном ходят люди, но больше друзья не зовут гулять. На афишах красуются новые постеры крутых фильмов, но целоваться на последнем ряду, с трудом удерживая попкорн и свою страсть, больше не получится. Я уже не говорю о других мелочах, типа красивых нарядов, косметики, смысле жизни...

— Эй, — Алекс сжал ее бледную ладошку, — не надо так. Смысл жизни можно откопать даже в мусорной куче. Поверь знатоку.

— По тебе, кстати, заметно, что ты копал глубоко, — робкий смешок преступно пробежал по ее губам и воровато скрылся обратно во рту.

— Врачи категоричны в своем решении? Ты не будешь ходить?

Пусть скажет, что есть шанс! Пусть так! Тогда он Солнце заставит вертеться вокруг Земли и кружиться так, как надо будет ей, только бы был шанс.

— Ну-у... Наши врачи ничего сделать не могут. Не очень понятно, что вообще наши врачи умеют делать, кроме как лечить простуду туфтой вроде «Арбидола». Знаю только, что не все стоматологи могут отличить молочный и коренной зубы, — со смехом округлила глаза она.

— Серьезно? Есть такие идиоты?

— О да! И их много, увя. За свои же налоги мы получаем высочайший сервис. Хорошо еще хоть помнят, где сердце находится. — Ирония расплескалась в ее словах, как едкая водка по дну стакана — не кусает, но ощутимо жалит. — Мама недавно ходила с братом (он школьник) проверять зубы: сказали лечить несколько коренных.

— И?..

— Она решила лечить их у знакомого врача, не у того, который ставил диагноз. Так эта врач сказала, что эти зубы еще молочные, а из-под них лезут коренные!

Они оба изобразили неподдельный ужас и рассмеялись. В стране потребителей медицина и образование соответствующего уровня. Хочешь потреблять качество? Плати! А в государственных учреждениях будь добр удаляй коренные зубы вместо молочных. Бесплатно — синоним халатно.

— Ты сказала, наши врачи бессильны, — ухватился за соломинку Алекс. — А западные?

Вика махнула рукой, не желая тешить себя иллюзиями. Чем больше мы верим и надеемся, тем меньше от нас оставляет надежда с каждым прошедшим днем. От нее почти ничего не осталось.

— Я больше не хожу, Саш, — прошептала девушка, не понимая, какие эмоции у нее вызывает имя человека, лишившего ее ног. — Нечего делать, только смириться. Двадцать пять лет я ходила, бегала, танцевала и даже плавала. Хоть столько. Кто-то рождается без ног вовсе.

— Откуда в тебе столько мудрости?

Она поражала его все больше. Кто-то рождается без ног, а она двадцать лет имела шанс ходить. Хватит с нее. Не тот случай, чтобы обижаться. Он имел не самую плохую жизнь: горы денег, все возможности мира, здоровье. И что сделал он со всем этим богатством?! Растратил на ненависть к родителям, которые лишили его детства. Какой же он идиот... Свои годы назад он уже не вернет; время не тот волшебник, который дает займы или принимает поддержанную жизнь на обмен.

— Это не мудрость. Это перегоревшая обида. Думаешь, я не билась по ночам в рыданиях, мечтая отомстить тебе? Не проклинал тебя, надеясь, что тебя самого покалечат? Я питаться первое время не могла, чтобы не пожелать тебе подавиться, — призналась она. — Деньги твоего отца я принимала с отвращением, но все же принимала. Плакала и тратила их.

— Его обеспечения хватает?

— Да, — неуверенно ответила Вика.

— Честно?

— Честно. Мои траты не такие уж и большие. Еда, плата за квартиру. Мы на съемной живем. Я с ужасом думаю о том дне, когда Роме надоест калека на его плечах и... и он бросит меня. У меня даже квартиры своей нет. Родители живут в другом городе, какой им еще инвалид на шею...

Голос Вики впервые ощутимо дрогнул. Улыбкой виселицей затянула десяток осужденных и сползла с ее губ. Алекс опустил глаза в пол. Она должна тратить деньги на платья, туфли, сумки, должна бесить своего молодого человека огромными тратами, как любая нормальная девчонка! А она только еду покупает и за квартиру платит. Он ощутил всю надуманную жалость своей жизни. Сам выдумал трагедию, сам облился слезами, посочувствовал себе и решил не снимать этот жертвенный наряд с себя никогда.

— Вика, точно нет шансов на лечение? Отвечай честно!

— Да есть они, есть, но не по моему карману. В Израиле могут провести нужную операцию, но все очень сложно и дорого. Не вариант.

— Вариант! — в сердцах выкрикнул Алекс! — Сколько нужно денег?

Вика мотнула головой, не имея никакого желания называть эту сумму снова, причиняя себе боль. Она не мазохистка и цепляться за эту занозу надежды в больной коже не будет.

— Напиши здесь. — Он судорожно всунул ей клочок бумаги и ручку, что он нашел на столе. — Пиши, Вика.

Сумма с шестью нулями его не удивила. Как он и думал... Таких денег у него нет, а еще ведь он хотел преподнести подарок Элине... Черт.

— Я все решу. Связывайся с больницей. Деньги будут. Готовься к операции, собирай вещи, — сказал Алекс и встал.

Пора действовать. Нет времени ждать.

— Но... — Вика в непонимании уставилась на него.

— Просто делай, как я говорю. Я позвоню!

Алекс уже был в дверях. План созрел мгновенно. Он все исправит. Любой ценой. Шести нулей, десять, хоть двадцать... Больше эти небоскребы из нулей не поставят крест на жизни молодой девушки.

— Так, а номер...

— Есть!

Он вылетел из ее квартиры, как сквозной ветерок в форточку, словно и не было его. Но оставил он после себя самое страшное, что только можно — надежду.

***

В этом мире все боятся оказаться не на высоте. Так что нечего волноваться. Паоло Соррентино «Молодость»

Пот катился по лицу Элины, заливая глаза. Она ассистировала хирургу вот уже второй час. На операционном столе лежал мальчик с развороченными внутренностями. Рак.

— Потеря пульса. Сердце не бьется!

Анестезиолог, хирург, она, да еще и стажер, следящий за операцией... Никто не смог помочь этой крохе.

— Обширное кровоизлияние!

Слова, термины, лекарства — все смешалось и бултыхалось в крови, цепляясь за раковые метастазы.

— Умер, — прошептал хирург, и обычно оживленная операционная стихла.

Никаких шуточек, планов на будущее, позитивного тона. К смертям здесь все были привычные, но каждая новая смерть причиняла боль как в первый раз. Глубоко в душе каждого врача жил ранимый человек, оплакивающий каждого пациента, но снаружи ни один мускул хирурга не дрогнул.

Оставив духоту операционной, Элина выбежала в коридор. Ее форма была залита кровью и потом, руки дрожали. Какой маленький, господи...

— Эля, — другая медсестра присела к ней. — Умер?

Она кивнула. Нет слов для смерти. Она не заслуживает.

— Не переживай так сильно. Со временем ты поймешь, что есть мы, а есть они. Врачи и пациенты. И они умирают, мы не в силах этому помешать. Зачастую только отсрочить дату смерти. Ты же знала историю болезни этого мальчика: химия, лучевая, две операции уже были им перенесены... Не знаю, на мой взгляд, разумнее было дать ему умереть.

— Кто решает, кому умереть? А, Свет? Покажи мне, кто раздает красные карточки на этом поле! — воскликнула Элина, перед лицом которой стояло безмятежное лицо мальчика.

Заснул и не проснулся. Зато больше никаких мучений, больше не будет боли и бесконечной терапии химией и радиацией.

— Рак проклятый, вот кто решает, жить или умереть. И обычно он отдает предпочтение второму варианту, — пожалала плечами более опытная коллега, давно научившаяся равнодушно принимать смерти пациентов.

Элина привела себя в порядок, умылась под прохладной водой и зашла в комнату отдыха. Окна были зашторены, и она благодарила того, кто это сделал. Солнце еще не сбавляло своей горячности, проявляя темперамент все сильнее день ото дня.

— Ничего, скоро осень, дожди пойдут, — пробухтела она себе под нос и поднесла трясущийся стаканчик с водой. — То, что надо.

Обучение шло полным ходом, и Элина предвкушала начало новой жизни. Однако сегодняшняя операция поколебала ее уверенность в себе. Сможет ли она столкнуться со смертью ребенка еще раз и не свихнуться? К горлу подкатил кислый ком, напоминая о съеденной за завтраком булочке. Силой воли подавив тошноту, она закрыла глаза, устраиваясь на диванчике подремать.

Сможет ли она быть настоящим врачом, как говорят, от Бога? Хотя она уже давно стала сомневаться, является ли эта характеристика положительной. Все, что этот бог создает, непременно оказывается полной халтурой... А врачом она хотела быть хорошим.

— Как тебе операция? — в комнате появился тот самый стажер; глуповатая улыбочка нервным тиком дергалась на его губах. — Первый раз увидела смерть в прямом эфире?

Элина знала таких стажеров. Когда-то у нее были такие же однокурсники, которых не пронимал вид искореженных трупов, страшные травмы, смерти в операционной... Она помнила, как некоторые твердолобые и жестокосердные отпускали черные шуточки о смерти пациента. Может, им так становилось легче. А у нее снова в горле стал царапаться ком.

— Угу.

— Не парься. Будешь часто такое видеть.

— Да я не парюсь. — Девушка резко села, желая посмотреть в глаза этому юнцу без души. Но вместо зрения засверкали фейерверки, и пришлось снова на пару секунд ослепнуть. — Не мне было десять лет, когда этот чертов рак сожрал половину моего организма! Не я мать ребенка, который куском холодного мяса сейчас валяется на стальной койке!

Диван пискнул, проседая под весом ее тела, когда она соскочила с него и понеслась к раковине. Рвотные спазмы выжимали ее горло досуха, желудок сокращался где-то в ушах, смешиваясь со взбесившимся пульсом. Этот стажер пялился на нее в удивлении, и стыд начал хлестать ее ремнем, как сумасшедший родитель провинившегося ребенка.

— Элина, с тобой все хорошо?

— А тебе не все равно? Я же даже не умерла, чего ты беспокоишься, — буркнула она, закрывая кран и выходя из комнаты.

Какой стыд... Будущий хирург сотрясает раковину, сгибаясь пополам, после неудачной операции. Пойдут слухи, и ее карьере можно будет снова хоронить. Только в этот раз хирурга Стриженову посыплют песком в последний раз.

Зазвонил телефон, но в голове мелкой моросью плыл туман, поэтому Элина даже не

посмотрела на звонящего.

— Алло.

— Вас беспокоят из клиники. Готов результат на ВИЧ. Вы ВИЧ-отрицательны.

Телефон выскользнул из ее рук, и слезы солью защипали обкусанные губы. Девушка опомнилась и схватила телефон.

— Девушка, как я могу быть ВИЧ-отрицательна? У меня у мужа ВИЧ, — сбивчиво говорила она, оглядываясь по сторонам, чтобы ненароком не подмочить свою и без того хлипкую репутацию.

— У вас иммунитет к ВИЧ.

Элина разрыдалась на весь коридор. Все-таки она счастливица. Как часто она проклинала судьбу за свое легкомыслие, за свою глупость, за брак с этим мужчиной, за все неудачи, а та берегла ее так долго! Так долго спасала от ее от этой страшной болезни... Впервые в жизни Элина пришла к согласию со своей душой и больше не пеняла на судьбу. Может, ангелы и пишут сценарии наших жизней, но все ляпы в них только наших рук дело. Однако же иногда и они кидают нам спасательный круг.

— Женька, ставь чайник. Я иду домой, — улыбнулась Элина, чувствуя облегчение.

Главврач, видя состояние Элины, отпустила ее без вопросов, хотя и было неловко признаваться, что рядовая операция вывернула ее всю шиворот-навыворот. Маршрутка дотрясла ее до дома, подбрасывая на каждой яме и кочке. Зря она снова сунулась в операционную. Да у нее же случится тремор, особенно если перед ней положат ребенка.

Жизнь снова обрушилась, словно своды катакомб, пробивая камнями ей череп. Снова все не удастся. Снова по нулям во всех сметах ее удач и бьющие все рекорды рейтинги ее фиаско. Даже будучи полным профаном в математике, она, как бухгалтер собственной жизни, понимала, что работает в минус. Опять...

— Элюнь, а что случилось? — Ее встретила Женя. — Почему ты так рано? Ого, ты запаслась!

Подруга приняла у нее из рук пакет с конфетами, печеньем, тортом и прочими сладостями.

— Руки даже дрожат, так хочу сладкого, — пожаловалась Элина, открывая на ходу пакет и закусывая свое нервное расстройство шоколадным зефиром. — Господи, как вкусно...

— Эм... Эля...

— Что, Жень? Рот в шоколаде?

— Кое-что похуже... — Женя не знала, как бы так срубить правду-матку, чтобы щепки не попали ей же в лицо. — Я понимаю, у тебя сложная ситуация в жизни...

— Причем всегда, — хмыкнула девушка, уже став на сто грамм шоколада спокойнее.

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь задумывался о том, что наркотики имеют самую разную форму? Порошок, инъекция, водка, шоколадная конфета. У врага много лиц, и некоторые из них иногда улыбаются, как лучший друг.

— Эль, Эль, ну хватит. Зефиры уже кончаются. Дождись хоть чаю.

— Запивать еду вредно.

— Ага. А жрать кило зефира в один присест нет?

Элина плюхнулась на стул и с обидой посмотрела на Женю. Обычно все Женины замечания имеют под собой вполне разумную основу.

— Что ты хотела этим сказать, Жень?

— Эль, ты знаешь, что я не умею врать.

— Ну!

— Ты днями ешь то сладости, то какие-нибудь чипсы. Вон на лице прыщи высыпали, талия поплыла! Эль, ну мозги-то включи, один желудок не сдюжит.

Элина поперхнулась. Она медленно встала и дошла до зеркала в коридоре. Точно... Тональнику теперь работы прибавилось: шрам и гнойные прыщики на лице. А ведь у нее никогда особо не было прыщей. И талия... Элина вздохнула, оглядывая себя. Расползлась она, как коровушка.

— Да-а, Жень, все плохо. И на работе проблемы.

— Какие?

Женя поравнялась с Элиной. Наверное, не очень тактично с ее стороны сказать подруге прямым текстом о том, что она располнела, но Женя знала Элину лучше, чем свои пять пальцев. Начнется у нее потом новая депрессия. Кому это нужно? Лучше сразу отрезать эту гноющуюся конечность, пока заражение не пошло дальше.

— Мальчик сегодня умер во время операции. Онкология. А я... Я блевала, как какая-то дура над раковиной, тряслась вся, чуть ли не плакала. А еще пришел анализ на ВИЧ. Отрицательный.

— С ВИЧ все понятно. А с операцией нет. Ну все равно, не переживай. — Женя обняла ее. — Это нервы. У тебя нервное истощение.

— Да, только при нем все худеют до костей, а я жирею до свинячьих складок.

— Ой, заканчивай, Эля. Одна операция не в счет. Все будет хорошо.

Элина качнула головой. Все не так просто.

— Нет, Жень, я не могу даже описать, что я чувствовала. Эта кровь... — Она съежилась. — Фу, сейчас опять вырвет. Но кровь-то я видела сотню на раз! На «скорой» я и гной повидала, и кучу всего прочего. А тут...

— Эля, не накручивай. Просто не накручивай. Идем пить чай. Не закусывая, — подняла указательный палец в воздух и рассмеялась Женя.

Элина положила голову ей на плечо, и Женя увела ее на кухню. Пора брать себя в руки. Снова. Только теперь объемы ее тела стали больше, а значит, держать их будет труднее...

Обстоятельства могут измениться, но они не проходят бесследно.

Эдит Уортон «В доме веселья»

— И на следующей странице подпись, — указал юрист, и Алекс перевернул страницу договора.

Он уже устал расписываться на этих листах, мелкий шрифт и суммы, прописанные там, резали глаза. Не верится, что сейчас он продает все, что когда-то приносило ему стабильный доход. Продает, чтобы вырученные деньги навсегда отдать.

— Деньги поступят на ваш счет в ближайшие рабочие дни.

— Ясно, — безучастно пожал плечами мужчина и вышел из этой конторы.

Алекс брел по улице, чувствуя себя уже даже не потеряннм — выкинутым, забытым, никому не нужным. Вновь. Только теперь не просто папа дома не ночевал, теперь у него не осталось друзей, родных, знакомых...

— Черт возьми, никого, — изумленно прошептал он и остановился у ларька с фаст-фудом. — Кофе за девяносто и сэндвич.

Пока продавец, а по совместительству еще и повар в этом гастрономическом закутке холестерина и тромбов разогревал явно не первой свежести бутерброд и заваривал дешевый пакетный кофе, который выдавал с наценкой, Алекс обводил глазами сквер. Он стал таким голодным до впечатлений. Голуби со своими заводными головками клевали семечки, что разбрасывала по асфальту старушка. Самокаты и велосипеды мчали резвящихся детей вдоль улочек, взметая в воздух недовольные возгласы прохожих, чьи сумки и пакеты задевали шалуны. И он... с дешевым кофе, от которого даже картонный стаканчик мутило, и сэндвичем с ветчиной, которая вряд ли знает что-то о свинье вообще.

Прижимая к себе свое скромное богатство, Алекс уединился на свободной скамейке. На глаза упали очки, чтобы скрыть стыд за свой ланч. Он откусил от сэндвича и понял, что не только мясо в нем было пластилиновым, но и даже хлеб.

— Вот твой уровень, — пробормотал он, отпивая растворенную в проточной воде гуашь. — Еда, которую ты заслуживаешь.

Желудок больше не был изысканным кулинарным критиком. Отныне он, сняв с себя аристократическую салфетку, нацепил лишь жалостливую мину. Супы быстрого приготовления, замороженные блинчики с начинкой из лучше не знать чего, колбаса из самой слабой и тощей коровы, бургеры и картошка фри. Его желудок из ценителя превратился в едока.

Стаканчик от кофе приземлился точно в урну, набивая шишку на свой картонной пятой точке. Жирная бумага, в которую был нежно запихнут сэндвич, свалилась на своего товарища, измазывая его кетчупом и майонезом. Алекс хмыкнул, смотря на это уничижительное состояние оберток, и подумал, что он и его гордость очень похожи на них сейчас.

— Вик, привет! — Он набрал ее, чтобы обрадовать. — Ну что, с больницей все утрясено? Ты готова?

— Привет! Ты серьезно?

Ее надежда робко высунула голову из кирпичного панциря безысходности, в котором не было окон и дверей. Неужто и вправду есть шанс?

— Я похож на Галкина с его несмешными шуточками? Я совершенно серьезно. Через несколько дней я переведу деньги на счет больницы, и ты сможешь начать лечение.

— Не верится, — всхлипнула девушка; послышался мужской голос, успокаивающий ее. — Не верится, что есть шанс встать.

— Шанс есть всегда, если только мы сами не откручиваем ему голову своими страхами. И ты не бойся. Я позвоню.

Алекс не мог говорить с ней долго. Ее голос будет вечно шептать ему проклятья на ухо. Ее голосом будут озвучены все его кошмары в аду. Ее голос у диктора сатанинской радиостанции, которая без умолку вещает в его голове. Никогда он не сможет себя простить, ведь подарить прощение себе в силах только самый отважный человек. Ибо только мы сами знаем, оправдаем ли данное самим себе прощение.

К его ногам прикатился футбольный мяч.

— Дядя, киньте его сюда, пожалуйста!

Футбольная площадка одного из питерских дворов затихла, тихонько перешептываясь, гадая, что этот незнакомец сделает с мячом. А мяч дорогой. Вовке отец купил за пять тысяч в спортивном магазине.

— Ловите, ребята! — крикнул Алекс, подавая мяч ногой.

Мальчишки унеслись вихрем, а мяч замелькал, изворачиваясь меж их ярких кроссовок. И он такой же: пинаемый десятками ног, весь в ухабах и ссадинах. С одной лишь разницей: мяч покупают и делают с ним, что душе будет угодно, а он сам продан своей ненависти. Проданся задешево: мечь насыщает желудок, как мимолетный перекус на улице. Через какое-то время снова вернется голод, и ты опять остановишься у ларька. В итоге стенки желудка начнет разъедать язва...

Он продал две квартиры, которые до этого момента успешно и очень прибыльно сдавал. В самом центре Питера. Прекрасный ремонт. Куча денег, вложенных в них. Кто-то бесконечно вкладывает деньги в недвижимость, а кто-то до старости пытается сделать очередной съемный угол родным домом. Арендодатели жизни и арендаторы поеденного кем-то куска этого огромного мира. Те, кого у есть, и те, у кого никогда не будет.

Продажи этих квартир хватает ровно на операцию. Перелет, размещение в клинике Израиля, реабилитация, лекарства... Все это нужно оплачивать отдельно. А еще было бы неплохо купить Вике квартиру. Алекс снова дошел до какой-то скамейки и уселся на нее. Делать ему все равно ничего, вот и бродит по влажным от прошедшего ночью дождя улицам. Всю ночь дождь своими босыми ногами топал по крыше, хлюпал промокшими ботинками по черепице и стекал слезливыми стонами по окнам.

Телефон (он позволил себе купить дешевую сенсорную модель) пискнул. Сообщение. Кто там? Снова какая-нибудь акция в суши-баре или распродажа сумок? Вся наша жизнь — это сплошной спам и поток ненужной, захламляющей полки и отсеки мозга хлам.

— Да что за везение, — вздохнул Алекс, читая сообщение.

Клиника пластической хирургии. Лечение Элины у лучшего врача Москвы будет стоить вдвое выше, чем он предполагал... Около полумиллиона. Все удобства, гарантированное хорошее отношение персонала и врач, не имеющий права на ошибку. Он хотел выкупить это право ошибиться на лице Элины за любые деньги. Ведь чем больше положишь доктору на лапу, тем меньше вероятность, что клиент скажет: «Ай, болит!»

Он и так уже начал распродавать ценности из своего дома по цене гораздо ниже рыночной. Спешка и острая нужда в деньгах заставили отдавать произведения искусства за

сущие копейки. Да простят его великие творцы за подобную кощунственную распродажу. Он бы назвал сие мероприятие: «Подлинник Ван Гога с Алиэкспресс». Значит, придется продать еще одну картину, чтобы хватило денег Элине на операцию. Но ведь нужно решить до конца вопрос с Викой...

Решение проблемы не заставило себя ждать. Как ни парадоксально, но самые трудные решения, требующие от нас мужества и решительности, приходят слишком легко и быстро. Алекс убеждал себя, что Вика важнее, чем он сам. И наконец-то, он это понял. Если считать других людей важными наравне с собой, возможно, мир откроется с другой стороны.

Пришло время не только приносить в жертву чужие жизни, а отдать свою на усмотрение мясника с топором судьбы. Будь что будет. Экран телефона осветился исходящим вызовом юристу, оформлявшему сделки с квартирами.

— Олег, мне нужно продать дом. И я знаю, что это будет небыстро, поэтому снижай цену до адекватного порога.

— Ты уверен?

Да или нет. Мужчина или трус. Белое или черное. Саша или Алекс.

— Да.

***

Если ты поверил в человека, не спеши менять мнение о нем.

Артур Хейли «Отель»

Состояние не то чтобы не улучшалось, оно оставалось каким-то расслабленно странным. Элина выдохнула, когда очередная операция закончилась. Ну хоть тут все легко: аппендицит.

От крови все равно поджилки тряслись, словно она первый раз в жизни увидела кишки, словно с ее перчаток, а то и рук, никогда не стекала литрами кровь.

— Да что ж это такое, — произнесла Элина вибрирующим от слабости голосом и присела на кушетку.

Пациентку забрали на срочное обследование, не дождавшись ее. Пустая палата навевала тоску. Голые стены, как и ее жизнь. На стенах вальяжно развесились пустые картины счастливых моментов, которых никогда не было. Все стало неправдой. Мечты о счастливой карьере, удачные старты в учебе, планы на замужество и детей. Особенной пустотой в глазницах сверкала картина в самой большой рваной раме — ее чувства к Саше. Или Алексу.

А есть ли разница? Алекс или Саша? Не один ли это человек? Элина качнула головой. Алекс — это демон, темная сущность, фантом дьявола в на самом деле хорошем мужчине. Или она опять пытается обмануть себя, сама толкает себя на острые грабли. Похоже, мы, люди, испытываем извращенное удовольствие, протыкая пятки любимыми граблями снова и снова.

— Эля, в норме? — Хирург, с которым она работала, тронул ее за плечо.

Девушка вздрогнула; сердце упало куда-то до уровня коленей. Сейчас бы встань последний раз в униженную позу перед этой несчастливой судьбой и раздавить его к чертям собачьим.

— Эля!

— Д-да, Виктор Павлович. Давление, наверное, скачет.

— Элина, — голос мужчины скинул маски, а заодно и дружественные нотки, спускаясь до тона начальника, — я настаиваю, чтобы ты прошла медицинский осмотр. Мне не нравится твое состояние.

— Нет, все хорошо. Погода просто меняется и...

— Отставить, — голос стал еще более суровым. — Не надо приплетать дождь и снег сюда. Ты не перед мамой, гонящей тебя в школу, отчитываешься. Элина, — Виктор Павлович развернул ее к себе и заставил смотреть в глаза, — от того, как ты и я себя чувствуем может зависеть жизнь человека. Ты это понимаешь?

— Я...

— Я тебя отстраняю от работы, пока на мой стол не ляжет медицинское освидетельствование твоего состояния. Печать психиатра обязательна.

— Но...

— Ничего не желаю слушать. Не порть себе жизнь, Элина. Медицина, как и саперное дело, не терпит ошибок. Сделай, как я говорю.

Элина с шипением втянула в себя воздух, сжимая кулаки так, что кожа стала белее мела. Она оглядела свои руки: почти белые, с выступающими синими венами — переносчиками крови, что еще поддерживала в ней жизнь. Но жизни, кажется, не осталось и вовсе в ее растекающемся жировыми складками тельце.

— Похоже на депрессию, — проговорила Элина.

Погода стояла хмурая: губы надуты в предвестии дождя, брови домиком — мечущиеся из стороны в сторону ветки деревьев, морщины — тучи прорезали лоб матушки-природы. Антидепрессант купить, что ли? Да кто продаст без рецепта... Но попробовать стоит.

— Эля, привет!

Дверь комнаты впустила в себя нового гостя — знакомую медсестру из соседнего отделения. Маринка принесла с собой контейнер с едой, и по всему помещению разразился, точно споры сибирской язвы, запах сочного мяса. Тошнота заскребла по стенкам горла, и Элина уже намеревалась кинуться к умывальнику для ставшего обыденным ритуала.

— Все в порядке? — Марина покосилась на позеленевшую Элину. — Хочешь? — Протянула ей миску с мясом и тушеными овощами. — Уже все отделение судачит, что ты болеешь.

— Да здорова я, а есть мне противопоказано, — брякнула Элина, внезапно понимая, что аромат мяса перестал быть ароматом смерти, а начал вызывать повышенное слюноотделение.

Она смотрела на мясо с подливой, приправленное овощами, и только оно занимало мысли. Девушка сглотнула, ощущая болезненную жажду в горле. Желудок заурчал, вывешивая свой предательский флаг с изображением обезглавленной курицы в зарослях овощей. Элина ждала новой волны тошноты и приготовилась сгибаться и бороться с собой, но ничего не произошло. Просто эти куски чертового мяса смотрели прямо ей в глаза и укоряли ее за такое вероломство, за предательство принципов, за отступничество.

— Чего это?

— Жирная стала.

На этих словах она вспомнила то недалекое время, когда точно так же категорично отзывалась о красоте своего лица. И опять жизнь кинула ей этот не спасательный замкнутый круг. Только теперь пришло время ненавидеть тело.

— Эля, ну ты и чушь несешь. Нормальная ты, особенно в этих балахонах, уж прости, в которых ты ходишь в последнее время, — ответила ей Марина.

— Вот и хожу в балахонах, чтобы не трясти неприлично большими телесами.

Марина повела плечом, не понимая этих стенаний насчет фигуры от стройной девушки.

Всегда так было: красивые любят придирается к любой мелочи в своей внешности; стройные обожают плакаться о лишних килограммах; умным всегда не хватает прочитанных книг. Прибедняться — любимейшее из занятия венцов творения. И созданы-то мы не так, и слеплены не этак...

— Зря, — хмыкнула вторая медсестра. — Может, тебе успокоительные попить? А то начнешь еще худеть, станешь анорексичкой.

Куда ей худеть... Справиться бы с эмоциональной опустошенностью. Засыпать бы ночью без головокружения и тошноты, не видя сны с Алексом, в которых он снова использует и обманывает ее, и она, протягивающая руку в прощении еще большей лжи. И просыпаться бы по утрам в кровати, а не возле унитаза все с той же тошнотой. Завтракать бы снова кашей или омлетом, а не чаем и килограммом конфет вперемешку с печеньем. Эмоции выгорели, оставляя в душе лишь копоть и гарь. Запах спаленных чувств металлической ржавчиной заполнял собой сознание.

— Не стану. У меня еще есть мозг. Серое вещество не выцвело, слава богу, — хмыкнула Элина.

Марина доела и убежала выполнять свои обязанности дальше, а Элина продолжила отдыхать. Никогда она не была так рада отдыху. Всегда стремилась работать до потери пульса, упивалась работой, как истинный трудоголик. Она любила медицину... когда-то. А теперь от этой любви осталось лишь усеянное костями поле боя. Кровь вызывает рвоту. Внутренние органы — отвращение. И это все впечатления хирурга! Ни в одном анекдоте она такого не читала. Жизнь порой проявляет навыки самого черного из всех стэндап комиков.

Куски мяса все еще шефствовали над ней. Этот запах, который она уже давно забыла, возродил в памяти далекое прошлое. Память гладила ее сознание своими потными старыми руками, заставляя морщиться от омерзения и улыбаться от сладкой ностальгии одновременно.

— Возьми себя в руки, Стриженова! — громко крикнула Элина и резко поднялась на ноги. — Никакого мяса, никакой рвоты, становись снова врачом!

Остаток рабочего дня пролетел, точно подбитый вертолет: медленно, с шумом в ушах и учащенным сердцебиением. Под конец своей смены Элина была уверена, что умрет. От усталости даже сумка с кошельком и расческой внутри стала казаться неподъемной. До того хотелось спать и есть, что сил идти не было.

— Кого ждем? — спросила работница регистратуры, выходя из здания больницы.

Элина прохлаждалась на крыльце, аккуратно опираясь о стену. Ох, черт... Если кто-то из начальства заметит, как она подпирает стену с ватными ногами, ее увольнение и принудительное лечение у психиатра будет делом решенным. Дождь все-таки прошел, оставив свои мокрые следы на земле. Однако проще не стало: голова все так же болела, давление не переставало скакать, словно она была бесплатным батутом.

— Такси, — понуро ответила девушка и закуталась в легкую шаль, чувствуя озноб.

Ну вот, простуда. Точно депрессия подрывает ее организм партизанской войной.

— Что-то раньше ты никогда на такси не ездила, всегда говорила, что пешочком лучше. Пока, Эля!

— Пока, Тома!

Ей и самой не нравилась идея ехать на такси до дома, когда дойти до него не составит труда, но ноги уже совсем не ходили. Они гудели, и спина вторила этому фальшивящему дуэту, наигрывая боль на струнах ее мышц. Старая она стала для медицины...

— Элюся, привет! — крик Жени встретил ее у порога. — Чай, кофе? Как сегодня на работе было?

— Чай... Или кофе! Давай лучше сок.

— Может, воды или пива? — расхохоталась подруга. — Мы не в баре.

— Пиво, — пробормотала Элина, вспоминая о существовании алкоголя. — А давай винишко разопьем на двоих?

Женя высунулась из кухни и удивленно поглазела на Элину. Не перестает удивлять.

— Винишко? Ты время видела? Завтра тоже на работу, нам обеим, кстати.

— Ну-у, Женя! Мы же совершеннолетние. И не за рулем.

— Ладно!

Бутылка красного полусладкого смела со стола все остальные напитки и потеснила еду. Женя разлила вино по бокалам и вручила один из них Элине.

— Ммм, то, что надо, — пропела Элина, ощущая себя так, будто нашла то, что полжизни искала. Она пригубила алую жидкость, но как только она коснулась языка, тут же выплюнула ее обратно. — Какая же гадость редкостная.

Тошнота исколотила желудок своим настойчивым бешенством. Да что ж творится-то...

— Элька, да ты беременна, — рассмеялась Женя, наблюдая очередной фортель от подруги. — Я уже тебя боюсь.

— Ага, беременна. От святого духа. От дождичка проливного. Сегодня как раз подхватила эту самую беременность, — вторила ей Элина. — Просто крыша, похоже, поехала. Когда рассудок расстроен, тело тоже чудит.

— Кстати! — Женя метнулась к ящику. — Тебе тут кое-что пришло.

Она отдала Элине конверт без адреса, с ее именем.

— Что там?

— Если бы я знала. Но явно тебе пришло послание.

Элина открыла конверт, про себя придумывая разные страшные догадки: опасный вирус, бомба, повестка в суд...

— Хм. Сертификат из клиники пластической хирургии. Ничего себе, — присвистнула она. — На полмиллиона, Женя!

— Может, ошиблись?

— Нет. Мои данные. Вот еще записка ниже.

«Дорогая Элина, это мой подарок тебе. Умоляю, не отказывайся от него. Не ассоциируй этот сертификат с моим именем. В клинике все уже подготовлено: тебя ждут лучший врач, VIP палата, самое совершенное лечение. Все включено. Исполни свою мечту, Эля.

Ты красавица. Ты прекрасна. Ты — лучшая из женщин, которые были в моей жизни. А мне есть из чего выбирать. Я хочу, чтобы ты любила себя такой, какая ты есть. Но если это невозможно, я готов сделать все, чтобы ты смогла улыбаться себе всегда.

Надеюсь на скорую встречу. И прости меня за все.

Твой Алекс Янг»

В великие, решительные минуты женщина не рассуждает, а чувствует.

Джек Лондон «Странник по звездам, или Смирительная рубашка»

Августовское утро приносит с собой либо зной в потных летних ладошках, либо накрывает перекрестным огнем из тяжелых капель дождя. Голова Элины была тяжелее бетонной плиты этим утром. Утром, которое могло стать переворотным в ее жизни.

Кажется, на своем жизненном пути, трудном карабканье наверх и неизбежном падении вниз, она дошла до перевалочного пункта. Пора остановиться и отдохнуть, выпить воды, смочив свои высохшие в погоне за каким-то мифическим смыслом мысли, и просто перевести сбившееся от долгого восхождения в гору дыхание.

Девушка встала с раскладной кровати, снова пускаясь во все тяжкие размышления о необходимости собственного жилья. Однако, долго думать об этом было невозможно. Тошнота, от которой было не скрыться даже за темными шторами сна, снова догнала ее с напильником в руках. Будет теперь резать долго и очень больно.

— Бог ты мой, — сонный вскрик шепотом разорвал жилы утренней тишины, на фоне которой деревянная лопатка аккуратно мешала овощи на сковороде, а на другой потрескивал омлет, да чайник заливался своим горячим смехом от щекотки огня конфорки. Элина в немом изумлении уставилась на себя в зеркало. — Вот это да...

На нее смотрела не Элина. Кто же это? Она подошла к зеркалу ближе. Девушка на худеньких ножках с ручками — спичками, того и гляди воспламенятся и сгорят, с бардаком на голове, которая вопиюще рассержена тем, что она забыла записаться на коррекцию цвета. И каре уже отросло криво, превращая ее некогда стильную прическу в фарс из волос разной длины и какого-то грязного цвета небрежности и нелюбви к себе. Но самое странное, что привлекло ее внимание — это живот, выпирающий из-под майки.

— Какой необычный жир, — через слово вдыхая поглубже воздух, произнесла она, закатывая майку.

— Элька, встала уже? — Голова Жени высунулась из дверного проема. — Оу. Прости, если помешала.

— Нет... Жень, что это за живот такой? Он должен быть рыхлым и желейным со складками...

— У тебя не жирный живот, а беременное пузико, — усмехнулась подруга, подходя ближе к Элине. — Ты чего такая слепая-то? У толстяков не бывает такого круглого, ровного, аккуратного живота. И к тому же, задница тоже плывет, если ты толстеешь. — Женя ущипнула Элину за ягодицу и рассмеялась. — Орех. — Смех стал еще сильнее. — Но не грецкий.

— Спасибо, — надулась Элина, но через пару секунд ее щеки вместе с недовольством сдулись, и она присоединилась к веселью.

— Сделай тест. Ты ничего не потеряешь.

Не потеряет, конечно. Потеряет еще как, если он вдруг окажется положительным! Потеряет свободу, работу, всю свою жизнь, в которой к тридцати годам ничего не добилась.

— Ну, может быть, — отмахнулась девушка, боясь подпускать мысли о беременности ближе, чем на расстояние пушечного выстрела к себе. — Потом. Я сейчас все равно в клинику поеду, а потом может быть.

— Эля! Тест надо сделать до того, как ложиться под нож. — Элина уже развернулась и побежала в ванную. — Эля! Чтобы после клиники ты вернулась с тестом! Или ты меня знаешь.

— Знаю я тебя. Притащишь сюда всю гинекологию и заставишь меня обследовать. Куплю я эту штуку с полосками, — как можно небрежнее бросила Элина и открыла кран с холодной водой. — Чего мне бояться? Я не могу быть беременна, ведь от воздуха не бывает детей.

Зерна сомнений очень удачно упали на ее постоянно мечущуюся в терзаниях душу, и урожай не заставил себя ждать. В такси Элина садилась голодной, так как от вида любой еды начинало выворачивать, и испуганной. Голод и тошнота от еды. Вегетарианство и желание вонзить зубы в кусок мяса. И целая куча других симптомов, которые свидетельствовали или о ее душевном помешательстве, или о беременности.

— Лучше бы помешательство, — еле слышно пробормотала она, подпирая в раздумьях щеку и глядя на улицы Москвы.

Сначала клиника и разговор с врачом, а потом тесты и прочая ерунда. Элина убедила себя в том, что все эти разговоры про беременность бред. С ВИЧ пронесло, и с этим пронесет. Жаль, у нее нет иммунитета к беременности. Надо иметь мозг, тогда иммунитет не понадобится, чтобы купить противозачаточные таблетки и держать их под рукой. Выдохнув из себя весь лишний мусор из мыслей и тревог, Элина зашла в искрящееся роскошью здание клиники. Точно в каком-нибудь дворце...

И ждать не пришлось, как в обычных, даже частных, клиниках. Никаких задержек или иных неудобств. Вот что значит деньги! Сами придумали и напечатали бумажки и теперь покупаем за них себе комфортную жизнь. Величайшая финансовая пирамида в истории человечества.

— Здравствуйте, — поздоровалась Элина, оглядывая чуть ли не позолоченную отделку кабинета врача.

Полмиллиона только с нее... Ничего удивительного. Можно и во дворце принимать пациентов.

— Здравствуйте, Элина. Позвольте обращаться к вам по имени?

Ее врачом оказалась женщина средних лет с великолепной осанкой, можно сказать выправкой, и с безупречным макияжем. Такому врачу хотелось доверить заботы о своей красоте.

— Конечно. Как мои анализы? — спросила та, присаживаясь напротив.

Неужели она избавится от этого чертового шрама? Мечты так близко подступили к ней, что она могла слышать их дыхание. Мечта снова стать красивой. Мечта иметь возможность ходить по магазинам без килограмма косметики. Мечта любить себя.

— Элина, я буду с вами честной, — тон врача слишком резко сменился с поглаживающего по голове на бьющий наотмашь. — Ваш мужчина заплатил очень большие деньги клинике за проведение операции. Эти деньги обязывают меня делать многое, но...

— Доктор, я не понимаю, о чем вы.

Почему она говорила с ней, как с какой-то преступницей?

— Понимаете, — продолжила София Артуровна, — за деньги можно купить почти все, но неужели вы готовы купить даже смерть?

— Что?! — Элина отпрянула от нее. — Что здесь происходит? Что за чушь вы несете?

— Я отказываюсь вас оперировать. Может, в какой-нибудь подпольной клинике мясник

и возьмется за вас, но не я. Да, я понимаю, какие могут быть последствия, учитывая сумму, заплаченную вашим мужчиной, но тем не менее. И, — она жестом остановила Элину от назревшей тирады, — я бы могла по телефону вам отказать, но уж очень хотелось посмотреть в ваши глаза.

Элина уже совсем ничего не понимала. Это розыгрыш какой-то? Прикол от Алекса? Мстит ей за что-то? Что не так с ее глазами? Что плетет эта ненормальная? Она была близка к тому, чтобы заплакать. Вот это сервис: заплати полмиллиона, и тебя совершенно бесплатно бонусом обольют помоями.

— Я не понимаю...

— Что здесь непонятного? Этическая сторона работы моей клиники не позволяет проводить такие операции.

— Да какие операции? — всхлипнула Элина, чувствуя себя униженной.

— Одно дело рисковать жизнью ребенка, если у вас киста лопнула или аппендицит прорвало, но ради красоты лица! — Злость, с которой врач буквально прошипела ей это в лицо, ошарашила Элину. — Немыслимо!

Беременна... Господи, беременна... Головокружение сбilo все счетчики и компасы в ее голове, светлые стены кабинета размазались перед ее глазами.

— Беременна... Не может быть... — безумный шепот Элины резко стих, когда она попыталась встать и потеряла сознание.

Сознание возвращалось тучами — темными разводами спутанных имен, бессвязных мыслей, неверия в происходящее. Над ней нависла знакомая врач, которая буквально проехала катком по ней, вдавила ее прежнюю жизнь в асфальт и утрамбовала ее там.

— Милая, очнулась, — голос женщины потеплел, словно на смену стуженной зиме пришла ласковая весна с ее красками и оттепелью. — Ну, смотри на меня, смотри на меня!

Элина усилием воли сфокусировала зрение на ней, заставляя себя смотреть на источник голоса.

— Я беременна, — снова шокировано прошептала она. — Беременна, понимаете...

— Теперь понимаю. Ты что же, не знала, выходит?

София Артуровна посадила Элину на диван и прижала к себе.

— Бедная девочка.

— Какая же я девочка...

— Все мы, взрослые, опытные, мудрые женщины, становимся девочками при первой беременности. Это же первая беременность?

Элина без сил кивнула. Неужели по ее состоянию не видно, что беременность не только первая, а еще и крайне нежелательная?

— Я не знала, но догадывалась. Все-таки правда. А вы уверены? — Элина вцепилась в рукав халата врача. Пусть все перепроверит, заново возьмет все анализы...

— Уверена. Все же я врач, и было бы странно, если бы по анализам крови и мочи я не разглядела в вас новую жизнь.

— Простите, я не хотела вас обидеть.

Девушка отодвинулась от врача и встала. Унизительное положение. Ей уже тридцать, не девочка, чтобы хныкать в больнице, узнав о беременности. Но как же хотелось биться головой об стену, лишь бы только узнать, что это неправда.

— Я могу рассчитывать, что вы ничего не скажете Александру? Это мужчина, оплативший лечение, — собралась Элина, дабы не терять лицо и дальше.

Ее сопли и слюни, которые она начала с остервенением размазывать по лицу своей гордости, никак не вязались с обстановкой клиники.

— Если вы того желаете, — пожала плечами врач, не совсем понимая, что происходит.

Она-то думала, что эти большие деньги являлись взяткой, пришли к ней с манифестом преступности, а на деле вон как... Этот мужчина даже не в курсе.

— Я очень этого желаю. Поклянитесь, что ничего ему не скажете, — набросилась на женщину Элина, у которой тошнота превратилась в душевную тоже — ее сознание сейчас отчаянно исторгало из себя мысли об этом ребенке.

— Я клянусь, если вы уверены в своем решении.

— Более чем уверена.

Элина встала, нервно схватив сумку, и побежала к выходу. Она уверена в своем решении, и нечего тут рассуждать. Алексу не нужно знать о ребенке, которого у него никогда не будет. У них не будет.

***

Дети плодятся в нищете как шампиньоны в навозе.

Эмиль Золя «Западня»

— Я тебе дам! — крик Жени носился скулящим от звука негодования собственного голоса по всем углам их квартирки. — Женщин, а тем более беременных, бить нельзя, но ты у меня получишь затрецину!

Кулер на кухне не успевал сопеть и наполнять стакан за стаканом, которыми Элина никак не могла напиться. В горле разверзлась самая настоящая пустынная бездна.

— Не кричи, Жень, — устало попросила она. — Какой смысл мне угрожать? Я и так в дерьме, прости, больше, чем по самые уши. Что мне твой крик? Хуже уже быть не может.

По ее щеке мелкими перебежками скатилась слеза, которую она так упорно держала в себе. Дурной пример заразителен. За ней рванули и другие. В итоге Элина, спрятавшись в домике из ладоней, рыдала на столе

Женя присела рядом с ней, остывая, и обняла сзади.

— Эля, прости. Это эмоции. Я в шоке от того, что ты так легко приняла решение сделать аборт.

— Мне не нужен этот ребенок.

— Да откуда в тебе столько презрения к нему уже сейчас, когда он только тошнотой тебя помучил чуть-чуть? Ты и большее людям прощала.

Всю жизнь она что-то кому-то прощала. Решила, видимо, что происходит из знатного рода Христа. Подумала, что ее душа вместит любую обиду. Но простить себя за такую оплошность с ребенком она не сможет никогда.

— Получается, я стала одной из этих дур, которые выстраиваются на аборты только по причине своего скудоумия. Я стала одной из клуш, которые не могут купить презервативы или проглотить крохотную таблетку! — Слезы душили каждое ее слово, поэтому предложение растягивалось на минуту всхлипываний и бормотаний. — Я стала убийцей только из-за того, что мне не терпелось прыгнуть к нему в койку!

— Эля... Эля! — Женя встряхнула ее, но это не подействовало. — Что ты будешь делать.

Оставив подругу на полминуты, она метнулась к раковине и набрала в первую попавшуюся миску холодной воды. Эта вода оказалась на голове Элины, тут же приводя ее в чувство. Мозг переключился с истерики, которая бросила якорь в его водах, и стал

возмущаться такому ужасному поведению.

— Ты что сделала?!

— Попыталась вправить твое серое вещество на место. А теперь глубокий вдох. — Элина послушалась. — Еще раз! И еще. Замолчи, и не смей открывать рот, пока я не разрешу.

Будучи слабохарактерной всегда и во всем, она не смогла противостоять Жене. И ей же лучше. Ведомым хорошо быть на поводке, они сами его ищут. На поводке удобно и безопасно: отведут куда надо, скажут, что делать. А ты только и делай, что подчиняйся.

Плечи Элины перестали лихорадочно подниматься, стремясь успеть за ее рваным дыханием, которое трещало, как разрываема марля. Этот ребенок в ней — снова тупик. Либо потеря всего, к чему она так стремилась, либо убийство. Самый сложный выбор тот, который мы сами навязываем себе посредством своей глупости. Правда, иногда глупость бывает судьбоносной.

— Теперь говори, — дала добро Женя, — почему не хочешь этого ребенка. Внятно и по пунктам.

— Мне уже тридцать.

— И? Я же сказала, внятно. Аргументируй свою позицию. Наоборот, по меркам любой соседской тетки с тремя чадами в однушке ты уже даже опоздала.

— Вот именно, Женя! Я не хочу быть одной из среднестатистических женщин, которые рожают и рожают в однушке от непонятно кого без каких-либо перспектив на будущее. У меня даже однушки нет! Я живу в твоей квартире! — Эмоции так и рвали когтями ее спокойствие, как пуховую подушку. — Я не из тех мамаш, которые мотылятся с детьми по съемным квартирам.

— Ну, Эля...

— Женя, очнись! У нас вся страна построена на этом мышлении стереотипов безвыходности и долженствования кому-то. Ради чего женщины рожают детей в нищете? Рожают детей, когда они сами из себя ничего не представляют и ничего не имеют? Мне нечего будет дать своему ребенку: ни отца, ни материальной стабильности, ни преуспевающей мамы — моему сыну или моей дочери будет нечем гордиться в этой жизни.

— Это ты ни в чем не преуспела?! А кто же у нас учился в престижном ВУЗе? Кто получил красный диплом?

Элина рассмеялась, искренне и беззлобно. Не верится, что ее рациональная и практичная Женя считает красный диплом достижением. Особенно, у рядовой медсестры с зарплатой, которой никогда не хватит на покупку своего жилья.

— Скажи, Женя, зачем люди заводят детей? — спросила Элина, поднимая взгляд на подругу.

— Потому, что хотят, — растерянно ответила Женя, никогда раньше не задумывавшаяся о материнстве.

Просто так всегда было: женщина — мать и жена. Больше женщина не кем быть не может и быть не должна. Устройство для смены памперсов и приготовления окрошки и котлет. Зачем же задаваться какими-то глубокими философскими вопросами, если все уже вбито в подсознание многовековыми традициями?

— Что это за ответ, Женя? Ты сама себя слышишь? Даже с котенком так нельзя поступать — заводить только потому, что ты хочешь! А убирать за ним лоток, покупать ему кучу дешевой еды, всякие когтеточки и прочие штуки? А возить постоянно к ветврачу за деньги? Стерилизовать за приличную сумму и потом неделю выхаживать? А купать его,

стричь когти и расчесывать шерсть? А чистить ковер и всю одежду от шерсти?

— Подожди, — перебила ее подруга. — А это здесь каким боком? При чем тут коты?

— Притом. Если бы каждый, кто хочет принести в дом котенка, просто задал себе эти вопросы и честно на них ответил, может, было бы меньше бездомных смертников на улицах.

Женя задумалась. Элина начала приводить веские аргументы, пошатнув ее уверенность в данном вопросе.

— Хочешь назову тебе еще причины, по которым женщины рожают детей? — продолжила атаковать слабеющего противника Элина.

— Валяй.

— Первая и самая, на мой взгляд, глупая причина — угодить мужику. Мол, вот сейчас рожу ему богатыря или принцессу — дочь, и он думать забудет о любовнице и походах налево. Ага, — ухмыльнулась Элина, — разбежался этот похотливый кобель любить такую недалекую бабу. А ведь это именно баба, Жень, а не женщина. Она обрекает не только себя на нелюбовь мужчины, который уже вытирает об нее ноги, но еще и ребенка в эту кабалу загоняет. В итоге ребенок будет постоянным свидетелем вражды родителей, слез матери и наплевательского отношения отца. Такие истории обычно заканчиваются разводом, сломанной детской психикой и разрушенной судьбой женщины, у которой вместо карьеры, увлечений и полноценной жизни остается лишь разбитое корыто семейных отношений, нищета и ребенок, нужный только ей. Фуф, — девушка выдохнула. — К сожалению, я сама это поняла поздно, только сейчас, а когда-то всерьез рассматривала такой вариант отношений с Мишей...

— А вторая причина?

Женя ощущала себя боксером, впервые вышедшим на бой. И вот она уже выплевывает свои зубы на ринг.

— Тоже глупая. Давление со стороны родителей, чаще всего матери, или родственников. Разговоры о том, почему ты все еще одна, а когда замуж, а тебе уже не поздно рожать, а как же семья, муж, куча детей, каторга, кухня и так далее. Под натиском этих идиотских разговоров сдаются совсем уж слабые душой женщины, для которых мнение какой-нибудь троюродной тетки и вечная замшелая истерия матери, чьи корни тянутся из СССР, важнее собственного «Я». В таком случае, как правило, эту несчастную сбавривают первому попавшемуся мужику (чаще всего военному), бабушки и дедушки счастливы, а сама женщина уже просто не видит другой альтернативы, кроме как радоваться тому, что имеет.

— Когда ты таким психологом заделалась? — удивилась Женя.

— Я часто думала на эти темы, но не было повода порассуждать вслух. Теперь представился... — уныло пробормотала Элина, до сих пор будучи в шоке от того, что ей пришлось все-таки прибегнуть к этим рассуждениям.

— Хорошо. А когда нужно, по-твоему, рожать детей?

— Жень, ответ очевиден — когда ты к этому готова. Готова душевно, то есть понимаешь, что этот ребенок нужен тебе самой, ты готова его любить за то, что он есть, а не за то, что он отдан под залог ваших с мужем отношений или является гарантом уважения родственников. Нужно также быть готовой материально: банально иметь свое жилье и стабильный доход. Вопросы все те же, как и с котенком. Ты готова предоставить своему ребенку все блага цивилизации? Оплачивать кружки, секции и репетиторов? Покупать хороший телефон и ноутбук? Или эти вещи будут, как у нас заведено, заветной мечтой, прибереженной для дня рождения или Нового Года? Тратиться на одежду, чтобы ребенок не

ходил в одних изношенных кроссовках и джинсах с вытянутыми коленками пять лет? А оплатить обучение в дорогом ВУЗе ты готова? Кормить ребенка фруктами, овощами и орехами независимо от времени года и цен на них? Готова ли ты предоставить уже оперившемуся птенцу собственное гнездо, или он должен мотаться по съемным квартирам у чужих теток и дядек? Мы приводим своих детей на этот свет, и да, мы обязаны обеспечить их всем! От горшка до своей отдельной квартиры. Мы это должны, Жень, мы, родители. Иначе живи себе сам, и не плоди этот пласт общества, который вечно задыхается в налогах и безработице.

— А папаша на что? Или все это женщина должна? — задала резонный вопрос Женя, слушая Элину с открытым ртом.

— Ты правильно сказала — папаша. Его дело залезть на тебя и получить удовольствие. Заметь, он всегда это может сделать и на стороне. Для мужика ребенок — это полудрагоценный камешек в кармане. Его приятно носить с собой, но если начнет мешать, можно и выкинуть. А можно и еще насобирать с другой женщиной. Все эти внебрачные дети как контрабанда в данном примере.

— Неравноценно как-то, — вздохнула Женя.

— А так и есть, что поделаешь. Женщины вынашивают детей, часто ценой своего здоровья и свое красоты. Женщина дает первое питание ребенку — свою грудь. Мужчина может уйти в любой момент, его уж точно ничто не держит. И что тогда делать матери с ее ребенком? Бежать к маме и униженно просить крова и еды? А затем в магазин на график два через два, чтобы хоть как-то обеспечить ребенка? Ведь обычно женщины бросают или вовсе не начинают учебу, уходя в материнство. Карьера всегда будет тебя кормить, а мужик нет. Я только начала наводить порядок в своей жизни, только начала вставать на ноги, поэтому...

— Поэтому? Договаривай!

Элина встала, чувствуя, как этот разговор оставил ее всю в ожогах. Правда всегда прижигает эти раны самообмана раскаленным железом. Она повернулась к Жене и твердым голосом произнесла:

— Я сделаю аборт. Я ничего не могу дать своему ребенку: не то что квартиру, а даже и горшок. У меня нет приличной работы, родителей под боком, мужа и отца ребенка. Моих денег хватает только на обеспечение котенка. Я не люблю себя, а значит, не смогу подарить любовь, которой во мне нет, ребенку. Родить в моем случае значит совершить тяжкое преступление. Я не хочу в тюрьму, Жень, а жизнь станет именно ею с рождением ребенка.

— Отцу ребенка можно и сообщить.

— А можно и не сообщать. Прости, Жень, я устала и хочу отдохнуть.

Элина ушла в соседнюю комнату с тяжелым сердцем. Она старалась не думать о ребенке, которого скоро из нее вытащат по куску, как о малыше, сынишке или дочке. Что же она наделала. Вновь.

Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри «Супружество как точная наука»

Черные тени собак сновали из стороны в сторону между сотен адских огней, ласкаемые болью сгоравших в них душах грешников. Эти собаки ели на завтрак черные сердца людей, поданные с гарниром из желчи и ярости, щедро приправленные неконтролируемой злостью и раздражительностью. Они любят этот вкус. Вкус человеческих пороков. Самый горький из всех вкусов.

Их лай тревогой проникал в сознание, расшатывая этот тонкий мост между реальностью и вымыслом. Мост, что был не толще ослабленного, ломкого волоса, раскачивался, потрескивая неумолимостью падения. Последние петли, удерживающие его и собак над пропастью Преисподней, треснули.

Алекс вырвался из шершавых рук кошмаров, которыми они передушили не одного человека. Эти сны, каждый раз становившиеся все более мрачными и страшными, прикладывали к его лицу отравленный платок, как только он ложился спать. А потом начался фестиваль... Кровожадное скопление «лучших» качеств его души, что вставали в ряд, точно продажные женщины у трассы, и зазывали вернуться. Или хотя бы остановиться на чуть-чуть, потрогать их черствые тела, послушать их ядовитые голоса, вспомнить то, что когда-то составляло его самого.

— Интересно, эти собаки — папаша и Туманов? — прорычал мужчина, откидывая подушку.

Подушка стала тем близким человеком, который посреди ночи успокаивал его, собирал его слезы и пот, шептал на ухо, что чудовище не живет под кроватью.

Чудовище живет в нем самом.

— Больше никакого долбаного сна. Закуплюсь к черту энергетиками и кофе и перестану спать, — ругался он, направляясь в ванную.

Сон перестал быть тем явлением, о котором он знал раньше. Сон стал темной лошадкой в безжизненной пустыне его жизни. Лишь комья брошенного там когда-то мусора перекатывал по разбитой, сухой дороге ветер. Холодная вода принесла стухшую свежесть, опалила слишком горячей прохладой.

Он даже не решился смотреть в зеркало. Морщины, о которых он и не подозревал, повылазили сорняком на цветастой клумбе. Жесткая щетина, усиливавшая его сходство с представителями помоек Питера, колола даже изнутри. Зубы, которые он перестал регулярно отбеливать, пожелтели. Тело стало другим: мышцы постепенно уходили, расчищая дорогу для костей и кожи, что больше не была в тонусе. Похоже, он становится обычным человеком.

— Ну хоть не уродом, — ухмыльнулся Алекс, доставая банку из-под кофе.

Что такое нормальная жизнь? Кажется, он никогда не знал ответа на этот вопрос. Был богатым, все имеющим, могущим все себе позволить — казалось, что счастье где-то за бортом его золотой яхты, прячется где-то за территорией особняка, забитого шедеврами живописи и литературы. Плечи мужчины сутуло поникли: он разбазарил на всяких сомнительных аукционах драгоценнейшие вещи!

И самой главной вещью, которую он отдал кому-то за бесценок, была его собственная жизнь.

Сам себе. Сам себе он втюхал эту дешевку с истекающим сроком годности! Свой личный сутенер, продавший себя себе же, как какую-то бракованную шлюху. Слишком долго он скитался по грязным борделям ненависти, шатался по гниющим притонам себялюбия, обтирал подпольные казино, ставки в которых были чрезвычайно высоки. И он проиграл.

Растворимый кофе забулькал смущением, когда ложка вторглась в его брюхо, размешивая в нем сахар. Звонок в дверь дал ему шанс остыть.

— Кто приперся в такую рань, — процедил Алекс, даже не смотря в глазок. — Наталья Владимировна? Но мы же договаривались на половину двенадцатого...

Женщина учтиво кашлянула, и он додумался глянуть на часы. Время молниеносно утекает слизью через решетки сточной канавы нашей жизни, когда остается только сожаление.

— О, черт, — вздохнул мужчина, — почти двенадцать.

— Я даже опоздала.

— Прошу прощения. Проходите на кухню.

Хозяйка квартиры прошла в указанном направлении, а Алекс бросился в комнату искать деньги за квартиру. Дурацкий сентябрь. Настал так быстро! Все стало происходить так быстро: полдень наступает на пятки, а он даже не замечает, барахтаясь в своих ночных кошмарах; осень раздает тумачи лету, а он и не замечает повисшей в воздухе тяжести будущих дождей и гроз.

— Александр, у вас все хорошо? — спросила Наталья, пересчитывая деньги. — Выглядите уставшим или больным.

— Да, я болен. Плохо сплю.

— Кошмары снятся?

— Можно и так сказать. Постоянно собаки преследуют во сне. Наверное, прошлое так дает о себе знать, — зачем-то поделился наболевшим; ну хоть с кем-то, а то можно распрощаться с рассудком только так.

Его тело устало плюхнулось на стул. Утро, только что встал, а уже чертовски устал. Так устал, будто тягал полную телегу весь день. А всего-то помогал Вике со сборами, да бегал по банкам.

— Прошлое тут ни при чем, — уверенно сказала женщина, устраивая купюры в апартаментах своего кошелька. — Ученые (когнитивные нейробиологи) считают, что наши сны уходят далеко в доисторическую эпоху, когда человеку приходилось выживать. Скорее всего, эти собаки — саблезубые тигры, с которыми приходилось сражаться вашему очень далекому предку. Не берите в голову.

— Спасибо, — удивленно качнул головой Алекс. — Успокоили.

Дверь за хозяйкой закрылась. Не будет брать в голову. Куда уж его голове справиться еще и с ночными кошмарами. Хватит дневных. Кофе остыл до такой степени, что больше напоминал растворенную в воде землю. Оказавшись на дне раковины, смешиваясь с застрявшими в стоке частицами овощей и других продуктов, кофе сморщился, но принял свою судьбу.

И ему пора принять. Будущее в долгосрочной перспективе пока что не имело четких очертаний и постоянно расплывалось в его голове, стоило только подумать о нем. Цели не были поставлены, а значит, и шаги, которые нужно предпринять для их достижения, не

определены. Зато он знает, что ему делать прямо сейчас.

В последнее время он устраивал обход своих прихожан. Мессия собирал свои греховные камни, которые когда-то бросал с удовольствием в других. Пришло время повесить их на свою душу. Римма. Еще одно имя, что кровью высечено на его сердце. Такой боли он, наверное, никогда не чувствовал, а ведь ему казалось, что уж о боли он знает все: может написать собственную многотомную энциклопедию и классифицировать боль, бережно разложить ее по полочкам, затолкать в ящики комода, развешать на плечиках. Однако, только когда Римма потеряла его ребенка, он понял, какую боль приносят когти страданий, что вырывают из души смердящие куски и бросают их стервятникам прямо на землю.

Мысли об Элине также не оставляли его призраков в покое, постоянно возвращая их к жизни. Как прошла операция? Счастлива ли она теперь? Неужели даже не свяжется с ним и не скажет спасибо? Ему не нужно ее спасибо ради благодарности, просто услышать бы голос, который стал таким родным. Как голос матери, напевающий колыбельную, который он никогда не слышал, но знал, что роднее этого голоса быть ничего не может...

Маршрутки, ставшие его личным эксклюзивным транспортом, всегда приходили на остановку переполненные.

— Судьба, сучка, — усмехнулся Алекс, вновь заталкивая себя в полную машину.

Ни разу он еще не сидел! Обязательно какая-нибудь бабка ткнет его зонтом или жирный мужик наступит на ногу. Еще часто заходят беременные и закатывают истерики о том, что им никто не уступает место. Хочешь познать жизнь? Десять минут езды в автобусе стоя поведает о ней больше, чем десятилетия — на собственной машине.

Больница, в которой лежала Римма, оказалась местом, куда попасть трудно. Ему пришлось долго общаться с врачом, чтобы позволили просто постоять у ее палаты и поглядеть в окошко.

— Черти что. Она же не в концлагере! — рывкнул Алекс, желая перегрызть трубку телефона, пусть у него и был мобильный. — Почему нельзя с ней поговорить?!

— А как еще бы вы назвали психиатрическое отделение? — поинтересовался врач, и сказав еще раз, что все просмотры только через стенку и в его присутствии, отключился.

Психиатрическое отделение. У него из головы не шли его слова. Да быть такого не может, чтобы Туманов запихнул ее в дурку. Подумаешь, измена. Все изменяют, все предают, у каждого за пазухой имеется персональный перочинный ножик для спины своего ближнего. Это же не повод заточать ее в психушке...

Лужи забирались своими ручищами с водяными волдырями в его ботинки, резиновая подошва которых почти расклеилась. Внутри волдыри лопались, промачивая насквозь носки. Ветер гнал капли дождя прямо в лицо, и они без зазрения совести кусали глаза и оставляли свои холодные поцелуи на щеках. Самая «приятная» погода за весь год.

Медсестра вызвала врача, и тот проводил Алекса на нужный этаж и к нужной палате. Может, он себя просто накрутил всеми этими мыслями о психушке? Как бы там ни было, а идти по этажу психиатрического отделения ему было не себе. Словно оказался в собственной голове. Внутри своей же больной черепной коробки, которая ломилась от складываемых там отходов его жизнедеятельности: злости, ненависти, боли, сожаления.

— Здесь находится девушка, которую вы ищете, — мужчина остановился возле палаты и кивнул.

На кровати сидела Римма, сгорбившись над чем-то, что он не мог разглядеть. Ее темные волосы — водопады спускались по плечам тусклыми потоками, в худенькие плечи —

покатые склоны гор равномерно поднимались и опускались.

— Что она делает? — спросил Алекс.

— Вышивает.

Он поморщился. Вышивает? Все это напоминало театр абсурда. Римма, которую он когда-то знал живой и яркой, немного стервозной, но в то же время забитой паскудным характером Туманова, сидела на койке в психушке и вышивала!

— Почему я не могу поговорить с ней?

— Вы имеете какое-то отношение к произошедшей с ней трагедией?

Вопрос врача обескуражил Алекса. Легко сказать нет и тем самым обелить себя. Но как он может обелить себя, если весь покрылся черной копотью?

— Да. Но сначала вы расскажите мне, что собственно произошло.

— Ее доставили в больницу в тяжелом состоянии после избиения. Многочисленные травмы оказались несовместимы с жизнью ребенка, и она его потеряла. Вслед за этим нагрянула депрессия, бессонница, анорексия, булемия... Она нашла для себя отдушину в виде вышивания.

Ясно все. Если она увидит его, у нее сорвет тормоза. Алекс покачал головой, пытаясь схватить за уши прыткие мысли, что убегали от него, как зайцы от лисы. Римма потеряла ребенка и загремела в психушку с расстройством души. Мог ли он себе такое вообразить, нарисовать хотя бы эскиз подобного ужаса в голове раньше?

— Вы удовлетворены? У меня нет времени весь день тут стоять, — в его размышления смерчем ворвался голос врача, расшвыривая пойманную добычу по сторонам.

— Я не могу остаться здесь один? Я ничего не сделаю.

— Нет, исключено. Проведена огромная работа по лечению и реабилитации девушки. Мы не можем рисковать всем только ради того, что вы хотите с ней пообщаться. О чем с ней сейчас говорить? Ее эмоциональное состояние подавлено таблетками, а душа измучена беседами с психотерапевтом.

— Я понял вас.

И этого достаточно. Больше Римма о нем не услышит, если только прошлое не включит свою телепередачу в ее голове. Тогда он будет транслироваться по всем каналам.

— Пора перебираться из Питера... — пробормотал Алекс, выходя из больницы.

Телефон завибрировал короткими гудками. Смс.

— Что за...

От банка. На его счет вернулось четыреста тысяч рублей от клиники. Мужчина тут же набрал представителя клиники, убежденный, что их бухгалтер ошибся не в свою пользу.

— Что это значит? Как операция отменена?!

— Приносим извинения за задержку денег. Возникли трудности с банком. Вы должны были получить четыреста тысяч рублей, остальная сумма является неустойкой за отмену операции.

— Почему операцию не провели? — Терпение Алекса уже кипело и свистело, точно чайник на плите. Вот-вот взорвется и ошпарит все вокруг. — Соедините с главврачом! Немедленно! — Гудок, и ему уже отвечает спокойный женский голос. — Почему Стриженова Элина не прооперирована? Что за чертовщина?

— Успокойтесь, молодой человек.

— Что вы ей сказали? Отговорили, чтобы не работать и получить неустойку?

— Александр...

— Я требую четкого ответа, в чем причина отказа от операции!

— Эта информация является конфиденциальной.

— За мои бабки информация конфиденциальная для меня же?! Вы ничего не перепутали, мадам? — вспомнил, что в нем живет немного гопник, Алекс. Злость убивала аристократическую кровь, уступая место дворовому воспитанию.

— Не смейте со мной так разговаривать! Всего хорошего.

— Что... Чтоб тебя, старая клюшка перекроенная! — выплюнул он; от его негодования тучи становились темнее.

Что такого должно было произойти, чтобы Элина отказалась от своей мечты? Что эта врачиха ей сказала или сделала, что она так легко отбросила возможность исполнить заветное желание?

Вот и повод перебраться из Питера в... Москву.

***

... не бывает прохладного местечка на жаровне.

Оноре де Бальзак «Невольный грех»

Москва мало чем отличалась от Питера в начале сентября. Все те же лужи по колено, летящая во все стороны грязь и хлопаящие разношенные ботинки.

— Ну и жизнь, — брякнул Алекс, перескакивая очередной потоп в уменьшенном масштабе в виде лужи на тротуаре. Ноги были все мокрые.

Даже на дорогие ботинки нет денег. Вот бы купить, как раньше, в бутике туфли из крокодиловой кожи... Рыночные башмаки не для осенней погоды. Они вообще не для чего не годятся, только для урны. Четыреста тысяч вернулись на его счет, но рука не поднималась купить ботинки на все эти деньги. Больше не поднималась.

Унылое здание клиники словно оплакивало красоту своего фасада, теперь залитое дождем и находящееся под постоянными ударами порывистого ветра. Алекс направлялся туда быстрым шагом, готовый свернуть шею любому, кто посмел обидеть Элину. А потом... потом, может, хватит духу разыскать и ее саму.

— Девушка, я не собираюсь с вами говорить! Звоните главврачу этой шараги!

Он намеревался устроить скандал, каких это заведение не видывало, если они действительно причинили вред Элине.

— Молодой человек, — пискнула мышка — медсестра, чем вызвала еще большее недовольство с его стороны.

— Звоните, черт бы вас побрал! — Хлопнул ладонью по столу Алекс.

— Проходите в двадцатый кабинет на втором этаже, — голос девушки окончательно потерял звонкость, пасуя перед упорством воинственно настроенного незнакомца.

— Благодарю.

Алексу не нравилось быть таким огрызающимся комком нервов, но он не мог совладать с собой. Тревога за женщину, которая стала ему дороже жизни, не отпускала. И будь он проклят, если отправил ее в ненадежную клинику!

— Александр Антонович, как понимать ваше буйство? — жесткий тон Софии Артуровны не дал ему и рта раскрыть. — Вы понимаете, где находитесь?

— Я уже не совсем понимаю, где нахожусь: в элитной клинике или в государственной бюджетной помойке?

— Еще раз прошу вас успокоиться!

— Ответьте на мой вопрос, тогда я и успокоюсь.

Мужчина небрежно отодвинул стул и сел. Нервы уже насакивали друг на друга в нетерпении.

— Я не имею права раскрывать...

— Вы серьезно эту чушь несете? Я заплатил полмиллиона вам, а вы не можете сказать, почему она отказалась от операции?! Чем вы ее обидели? — Алекс подался вперед, сверля женщину взглядом. — Что вы ей сделали?

— Да ничего я ей не делала! Пациентка сама попросила не разглашать причину отказа от операции, и я уважаю ее право на приватность.

Непробиваемые доводы не действовали на Алекса. Приватность, просила не разглашать... Что за таинственный цирк?

— Я затаскаю вас по всем судам РФ! Вы понимаете, с кем связались? — попытка испугать врача Алекс, надеясь, что все еще звучит грозно и самоуверенно, как раньше.

София Артуровна задумалась. К чему ей проблемы с богатым психованным клиентом? Пусть выясняет отношения со своей женщиной сам. Ее клинике проблемы не нужны.

— Беременна ваша женщина.

— Да как вы... — на автомате начал ругаться Алекс, ожидая чего угодно, но только не новости о беременности Элины. — Что... От кого?!

— Уж чего не знаю, того не знаю.

— Точно беременна? Вы уверены?

Доктор усмехнулась. А у них с Элиной есть что-то общее.

— Я похожа на студента-двоечника, который не может определить беременность по анализам?

— Простите. Я просто... Я... — Алекс шумно выдохнул, чувствуя гарь догорающих мыслей. — Не ожидал такого.

— Она тоже.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что для вашей девушки беременность тоже стала неожиданностью. Причем, неприятной.

— И она попросила скрыть это от меня?

— Да.

Мир, точно вращающаяся платформа аттракциона, ушел из-под ног. Теперь вся его жизнь встала с ног на голову. Если он раньше думал, что все изменилось, то теперь понял, что это не так. Все изменилось только что, в эту самую секунду, как он узнал, что у него будет ребенок.

Сатана подчас бывает весьма любезным джентльменом.

Роберт Льюис Стивенсон «Клуб самоубийц»

— Бедные школьники, — сказала Элина, стоя у окна и согреваясь этим дождливым утром чашкой зеленого чая.

— Чего это они бедные?

Женя уже порхала по кухне с кошачьими мисками, моющим средствами и кормом.

— Ты на их портфели посмотри! Где ж у них будет здоровая спина.

— Будем надеяться, что к тому моменту, как твой пойдет в школу, введут в использование электронные учебники. Или уже вообще машины будут летать, — рассмеялась подруга.

— Мой не пойдет в школу.

Голос Элины ошпарился в горячем паре, исходящем от чая, и почти слился с его шипением. Последние дни были проклятыми, дышали тяжестью и смертью, зажимали ей нос прищепкой и душили. Мысли об аборте причиняли боль, но жизнь показала себя таковой, что боль и есть ее основа. Мы рождаемся в боли, умираем в боли и всю жизнь ее терпим.

— Почему? Дома будешь его учить?

— Я не буду его учить.

Женя обернулась на роботизированный, сухой, безэмоциональный голос. Это говорит не Элина, а какая-то механическая кукла. И мысли ее стали бесчувственными. Голос жестокого разума подавил голос любящего сердца.

— Эль...

— Жень, — Элина раздраженно дернула занавеску и отошла от окна к раковине, — тема закрыта. Представь себе табличку, как на магазине, и не лезь ко мне, пожалуйста.

Вода брызнула в чашку, захватывая каждый миллиметр, вслед за ней жгучий моющий гель зашипел керамику. Элина терла эту маленькую чашку так, словно видела в ней себя. Или будто это была волшебная лампа Алладина. Потри и загадай желание. Жаль, ее желания привели ее в ад.

— А ты меня знаешь, — не сдавалась Женя. — Если магазин закрылся раньше, чем должен, я могу и в дверь молотить, пока сигналка не включится!

— И что ты собралась делать?! — Чашка приземлилась на полку, перевернулась головой вниз, обсыхая, и позволила воде стечь с себя. — У меня выходной сегодня, и я записана к гинекологу.

— Ты... Ты сделаешь аборт?

— Женя, ты издеваешься? — устало спросила Элина; пусть дадут ей испачкать руки кровью и не лезут в душу. Это ее руки, это ее кровь! Никто не в силах помешать испытать грех, особенно если крышка уже отвинчена. — По-моему, мы только и делали, что обсуждали аборт в последнее время.

— Да, но я была уверена, что ты не бессердечная тварь! Остановись, Эля!

— Называй меня так, как тебе угодно, — ее голос дрогнул, но она быстро затолкала боль обратно в черный чулан.

Пусть весь этот мусор вывалится сразу после аборта и похоронит ее в своей ядовитости.

Главное, не сейчас. Киллер не плачет перед убийством.

— Ты не сказала отцу ребенка! Ты совсем сдурела? Вместе сделали ребенка, вместе и убивайте. Или сохраняйте! Но ты не имеешь права распоряжаться тем, что тебе не принадлежит полностью.

— Мне все равно, — буркнула Элина и быстрым шагом скрылась в ванной.

В этой квартирке даже негде спрятаться! Женя, как старший брат, всегда и везде ее видит. Читает ее помыслы по чертам лица, считывает все ее эмоции по движению зрачков. А так хочется забиться в свой угол и там поскулить.

— Эль, ну не пори ты горячку. — Женя прислонилась к двери ванной, сжимая руки в кулаки. — Убить всегда можно, а ты дай право на жизнь.

— На какую жизнь, Женя?! Где ребенку жить? В этой ванной?

— Мы накопим! — твердо крикнула подруга. — У меня нет никого, кроме кошки, поэтому я помогу тебе!

— Нет, нет, нет! Меня уже сняли с должности и не разрешают работать, так как от спирта я чихаю, от вида крови меня тошнит, руки с инструментами дрожат. Я стала никчемным сотрудником, — всхлипнула Элина. — Так больно снова все терять.

— Ну может, не судьба тебе в кишках копать? Плевать на эту медицину! Она тебе столько горя принесла. Ты отдаешь ей душу, деньги, время, всю себя, а что получаешь в ответ? Да ничего ты не получаешь! Ни-че-го.

— Не верю, что слышу это от тебя. Ты предлагаешь мне бросить мечту всей жизни?

— Вчера эта мечта была заветной, а сегодня от нее не осталось и следа. Это жизнь, и она катается по нам, как фигурист на катке. Плевать ей на наши мечты; она вычерчивает такие фигуры, которые нужны ей. Откроем свой бизнес. Я не знаю... Придумаем что-нибудь, черт возьми!

Элина рассмеялась, услышав про бизнес. В ее нищем положении только бизнес открывать.

— Да, Жень, бизнес откроем и каждому по особняку купим, — произнесла она и вышла из ванной, стараясь не смотреть на подругу. — Прости, Жень, но мы не в пятом классе.

— Чего ты передо мной извиняешься? Я-то жить буду, не меня за шкуру из твоего живота вытащат мертвую.

— Прекрати!

Закрыв уши руками, Элина перемещалась по комнате и собирала вещи. Женя разозлилась и хлопнула кухонной дверью. Она не сможет жить в одной квартире с человеком, который вот так просто, без суда и следствия, пережимает сонную артерию еще не родившемуся ребенку. Как они будут дальше существовать в одной квартире...

— Жень, что-нибудь купить в магазине? — крикнула в дверь кухни Элина, стоя у выхода.

— Гроб.

Вздых колючим ершиком прошелся по легким Элины, и она переступила порог квартиры. Пути назад уже нет. Путь назад развалился по камешку, пылинками разлетелся по воздуху, пеплом рассыпался у нее на глазах. Неосознанно рука переместилась к животу.

— Прости, — беззвучно пошевелила губами Элина и вышла.

***

Мадам смотрела на него влюбленным взором — взором, говорящим «да», стыдливое и более сладостное, чем «да», сказанное вслух.

Ги де Мопассан «Заведение Телье»

У дверей больницы она помедлила. Жизнь, словно киноплёнка в проекторе, замельтешила некачественной картинкой и барахлящим звуком. Могла ли Элина Стриженова, мамина любимица и папина красавица, подумать, что будет делать аборт? Девочка, посещавшая воскресную школу и закончившая школу с отличием? Гордость всех местных кружков и достояние медицинского вуза пойдет в клинику, чтобы переломить позвонки своему ребенку?

— Прости, — прошептала она и толкнула дверь больницы дрожащей рукой.

— Девушка, с вами все хорошо? — к ней подошла миловидной наружности медсестра. — Может, воды?

— Если только с ядом.

Женщина вопросительно посмотрела на нее, гадая, не перепутала ли пациентка психиатрическое крыло больницы с гинекологией.

— Извините, — вымученная улыбка разорвала губы Элины, треснув на них прозрачным блеском. — Я записана к врачу Азатьяновой.

— Вы с поликистозом, да? К сожалению, Людмила Григорьевна сегодня отменила приемы по причине болезни.

— Нет, я не с поликистозом, я... Неважно. Как отменила? А другой врач меня может принять?

— С чем вы идете на прием? Если просто посмотреть анализы и сделать УЗИ, врач найдется.

— Я... на консультацию по поводу аборта.

Стыд от этих слов ураганным ветром врезался в стекла ее домика, раздробил ставни и засыпал пол осколками. Как же стыдно сказать медсестре, что она пришла сюда убить своего ребенка.

— Увы, но тогда вам придется перезаписаться. Приносим вам глубочайшие сожаления.

— Л-ладно.

Элина развернулась к выходу. Чувства пришли в полнейшее смятение.

— Девушка, так вон же стойка регистратуры! — позвала ее медсестра, но Элина не отреагировала.

Сентябрьский ветер измывался над ее волосами, подкидывая их своими лапищами ей в лицо. Девушка всхлипнула и поднесла к лицу тонкий палантин, чтобы скрыть слезы. Почему она разрыдалась, Элина и не знала. То ли от того, что отсутствие врача поколебало ее уверенность, то ли от того, что хотелось разделаться со всем этим быстро и без лишних сантиментов...

Она все равно сделает аборт. Все равно сделает! И потом ее накроет с головой своим толстым, теплым одеялом депрессия, перекроет дыхание и задушит. Элина свернула к аптеке. Похоже, антидепрессант остался единственным выходом. Все ее разумные выходы заварило безвыходностью и залило отчаянием.

Фармацевтом в аптеке оказалась молодая девушка, у которой купить страшный препарат не составило труда. Она даже сама подобрала ей его! Спросила для приличия, есть ли проблемы с сердцем и сахарным диабетом. Ну а если нет, то чего же не продать хорошему человеку АД!

— Не зря вас называют АДами, — сказала Элина, запихивая таблетки в сумку.

В ста метрах от дома на нее обрушился стеной дождь. Кирпичи — дождевые капли

падали ей на голову, отзываясь звоном в ушах. Голова закружилась, сил никаких нет... Девушка доползла до домофона и позвонила, не имея сил достать ключ.

— Женька, открывай, — прохрипела она.

Наплевав на здоровый образ жизни, Элина вызвала лифт. Какой ей ЗОЖ... Жрет все подряд, даже уличные коты более разборчивы в еде! Может чипсы запить какао и получить райское наслаждение. Утренняя зарядка превратилась в «полежать» еще минут пять, десять, тридцать. Ступеньки заменил лифт, все ее любимые хобби стали диваном, пультом и подушкой под поясницей. Как будто не беременная, а больная...

— Жень, ну выйди хоть! — простонала Элина, присаживаясь на табуретку в коридоре.

Слезы накрыли ее ударной волной после взрыва эмоций, и она дала им волю.

— Жень!!!

— Что случилось? — Бледная Жень вышла из комнаты.

Вид у нее был такой, словно у ее виска только что дымился пистолет.

— Гинеколог заболела, и все сорвалось. А с тобой что?

— Так значит, убийца моего ребенка захворала! — Из комнаты появился насупившийся Алекс.

Элина вскрикнула, точно увидела привидение. Наверное, галлюцинации от стресса...

— Что происходит...

— И ты тоже, Эля, больна! Только на голову! — разошелся мужчина, и, схватив с тумбочки губку для обуви, запустил ее в стену.

— Как ты нас нашел? Купил всех, да?! А больна я или нет, тебя не касается! Следи за своей головой, она у тебя тоже не совсем здорова!

— Брейк! Хватит! Как две бешеные собаки! — крикнула Жень, вставая между ними.

Было ощущение, как будто она стоит на краю пропасти: с одной стороны кровожадные гиены скалились на ее плоть, с другой — пели свои опасные песни лесные сирены.

— Зачем ты его пустила? Или тебе он тоже денег дал на лапу? — рывкнула Элина, уставившись на Женю.

Нужно было найти врага, и она отлично подходила на эту роль.

— Родишь, и я тебе хорошенько влеплю за такие слова!

— Поддерживаю. Родит — и влепишь! За меня тоже, — встрял Алекс.

— Ополчились против меня, любители детишек! Ненавижу вас!

Элина поднялась с табуретки, и комната стала подпрыгивать на роликах, кружиться и танцевать. Не успела она издать стон, как нашла себя нежно прижатой к теплому мужскому телу. Алекс. Хотелось бить его, кричать, показывать характер, которого у нее нет, но силы остались только на то, чтобы прикрыть глаза и расслабиться. Хотя бы на минутку...

Жень показала жестами свое намерение уйти на кухню и оставить их вдвоем. Алекс кивнул и подхватил Элину на руки. В его сердце что-то щелкнуло, екнуло, зашевелилось. Черт знает что, но, видимо, это та самая любовь, которой он не знал, от которой у него никогда не щемило в области сердца. Все золото его жизни, все самые ценные активы, все счета в банках, имущество — все это воплотилось в ней, характерной и сильной колючке, которая на самом деле была хрупкой и незащищенной девочкой.

— Спи, — прошептал он и уложил ее на диван, оставив на лбу поцелуй.

Не трогая одежду на ней, дабы не встречать пробуждение с истерики, мужчина нашел одеяло и накрыл Элину. Сам устроился рядом и закрыл глаза. За окном свирепствовал дождь, сражаясь с ветром, пытаясь вырвать власть над природой. Темное небо прорезали

разряды молний, завораживая своей грозной привлекательностью.

Как нелепо все происходит. Он нашел свое счастье там, где никогда и не ожидал найти. Он обрел душевный покой в самый разгар сумятицы. Получил глоток кислорода, когда, казалось бы, асфиксия неизбежна.

— Эля, Элочка, как ты мне дорога, — вымолвил Алекс и погладил ее по лбу.

Такая измученная, заплаканная и беременная его ребенком. Его! Эта жизнь в проклятом одиночестве, захлавленная бесполезными и ненужными людьми, уже в печенке у него сидела. Как же хочется возвращаться домой к семье, которая тебя ждет. Не денег на стол и подарков на праздники, а тебя самого. Впервые он желал дать другому человеку нечто большее, чем пропечатанные купюры.

Голова Алекса гудела, как отходящий от берега пароход. Закрыв глаза, слушая шум дождя, он откинул вибрирующую голову на спинку дивана. Что-то небольшое уперлось в затылок. Нащупав рукой этот предмет, Алекс обнаружил карманную книжку.

— «Три товарища» Ремарк, — прочитал название и взял на заметку, отложив книгу в сторону. — Точно Элина читает.

Девушка прокашлялась, приходя в себя. В какой из кошмаров она угодила? Снова одной ногой в капкан, а другой — в лаву?

— Ты...

— Я, Эля. Ты готова поговорить со мной?

Первым ее порывом было оттолкнуть его и убраться подальше от этого мужчины. Так далеко, как только можно. На край света. Дальше! Однако ребенок в ней так сладко уснул, расположился в удобной позе и, наконец-то, отпустил ее горло и перестал пинать желудок. Дыхание выровнялось, по телу разлилась легкость.

— Твой ребенок тебя уважает. Дал мне передышку от постоянной тошноты, — улыбнулась Элина, решив не дергаться и не совершать лишних движений.

— Он точно мой? — все-таки спросил Алекс; вдруг он зря устраивает тут скандалы моралиста.

От одной этой мысли он готов был искромсать себе вены в припадке ярости.

— Что?! — Глаза Элины стали треугольными, и в каждом из углов читался шокирующий вопрос. — Я что, похожа на твоих баб, которые спят каждый день с новым мужиком?

— Нет, нет, прости. Ну всякое же бывает... Мой! — гордо воскликнул Алекс и накрыл ее живот ладонью. — У меня есть что-то свое. Только мое, Эля. Не лишай меня ребенка, прошу тебя.

— Не только твое. Я мать этого ребенка.

— Но это не значит, что тебе решать, жить ему или нет. Уж прости, что природа дала тебе право его выносить и родить.

Элина надулась. Ну почему все пошло не по плану? Почему ветер подул сильнее, чем обещал прогноз, и пуля снайпера отклонилась от головы жертвы?!

— Я не хочу это обсуждать.

— Придется, — настоял на своем мужчина. — Ты распоряжаешься не подаренным тебе телефоном, чтобы думать, оставлять его или выкинуть. Моего ребенка ты не вытащишь за крохотные ножки — и прямиком в медицинскую урну! Ясно тебе? Моего ребенка ты не скрутишь пополам и не выскоблишь из себя!

— Какого черта ты повышаешь на меня голос? — Элина предприняла попытку встать,

но Алекс удержал ее на месте.

Она сделала вид, что крайне недовольна тем, что он распускает руки, но как же было классно лежать и чувствовать себя в безопасности и комфорте! Такие мы женщины: самостоятельные, сами себе на уме, и горящую избу с конем войдем, но так хочется заботы и ласки. Репейник тоже умеет чувствовать.

— Я не хотел кричать, но ты вынуждаешь меня. Роди ребенка и отдай его мне. Такой расклад тебя устроит?

— Может, мне еще почку вырезать и тебе отдать?!

— То есть почку тебе жалко!

Девушка шумно выдохнула и закрыла глаза. Когда ладонь Алекса рефлекторно заскользила по ее выпуклому животу, она блаженно застонала. Не описать чувства, которые она испытывала... Не физическое опошленное возбуждение, а душевный уют, когда рука отца ребенка любяще гладит твой живот. В такие моменты понимаешь, что одиночество — просто байка.

— Эль, в чем причина, по которой ты сегодня пошла приносить нашего ребенка в жертву? Перечисли, и я все исправлю.

— Да что перечислять... У ребенка нет семьи, начнем с этого! Нам что, его таскать из Москвы в Питер? Из моих трущоб в твои апартаменты? От нищенки к принцу?

— Не переживай, мы в равных условиях. Я теперь максимум принц из трущоб. Из короны уже все алмазы продал, апартаменты заложил. Если надо, перееду в Москву. Дома, как строения из кирпича, у меня нет, зато появился дом в виде семьи... Ты и наш ребенок. Мы можем все начать с начала.

— Я не хочу больше ничего начинать. Не хочу никаких отношений, мужчин, проблем. Хочу просто строить карьеру и жить, а ребенок разрушит все мои планы! Он уже поставил крест на операции, за которую, кстати, спасибо большое. Он почти поставил крест на работе, так как меня отстранили от должности операционной сестры. Я не могу сосредоточиться на занятиях на курсах, ибо все, о чем я думаю, это тошнота и стейк с кровью.

— Да к черту твою медицину! — Алекс стукнул кулаком по дивану. — Она тебе дала только шрам и разбитые мечты! Сделаешь операцию потом, через пару лет. Выноси ребенка, выкорми его — и я куплю тебе, все что попросишь! Любую операцию, полет на Луну, все, Эля!

— Неужели ты серьезно? — Прозрачная гладь ее озер — глаз смотрела на него в неверии. — Хочешь купить и своего ребенка тоже? Я не суррогатная мать, чтобы перечислять мне деньги на карту за вынашивание ребенка!

— А что ты хочешь в обмен на его жизнь? Сколько стоит жизнь моего ребенка? А, Элина?! Сколько стоит место в твоем животе для моего сына или моей дочери?

— Эй, все хорошо? — Женя заглянула в комнату. — Вы орете на весь дом.

— Мы шепотом, Жень, как влюбленные голубки, — огрызнулась Элина. — Сама его пустила, теперь не жалуйся.

Подруга махнула рукой и вышла. Алекс нежно убрал упавшие ей на лоб пряди волос, приоткрывая лицо. Его Эля... Он найдет ключик к этому искусному ларчику.

— Эля, давай говорить на языке бизнеса. Почему ты считаешь предприятие невыгодным? Я понял про наше не сложившееся партнерство. Еще причины?

— У меня нет жилья. Куда мне нести ребенка из роддома?

— Решим.

— У меня нет карьеры! Что я за мать такая? Что я скажу своему ребенку? Прости, сыночка, я дирижер кастрюль и хореограф швабр? Ну то есть домохозяйка. Мне всю жизнь будет стыдно за себя.

— Я подумаю, что можно сделать.

— Над чем тут думать? Карьеру ты мне не купишь. Не та ситуация. Я не светская львица.

— Давай так. Я обеспечу тебя всем: от карьеры до жилья. А ты обеспечишь меня здоровым и живым, Эля, живым ребенком! Подходит такой обмен?

Заманчивое предложение. Как он это сделает? Элина видела, в какой одежде он пришел, как в целом выглядел... Явно не на миллион и не долларов уж точно.

— Давай, — Элина хлопнула его по ладони. Просто из спортивного интереса, чтобы посмотреть, что же он сделает и как. — Хочу стать главврачом и иметь собственную пятикомнатную квартиру в центре Москвы с евроремонтом, добрая фея.

Алекс присвистнул и вспомнил свои расклеившиеся ботинки. Наверное, фее будет сложно выполнить желания принцессы...

У каждого бывают в жизни такие минуты чистой романтики, когда отважно идешь на все.

Джон Голсуорси «Санта-лючия»

Утро неспешной молочной дымкой окутывало ее мирно спавшее сознание. Первое за долгое время утро, когда не нужно было бежать на работу, сражаясь с тошнотой и головной болью. Первое утро, когда мысли в голове не натыкались на острые колья сомнений и не складывали головы на милость злости и унынию.

— Как же хорошо, — почти что промурлыкала Элина и потянулась, не ощущая боли внизу живота — только приятное тепло зародившейся в ней жизни.

Она не хотела признаваться себе, но факт оставался фактом, даже если она отвергала его. С души градом скатились камни, когда Алекс взял на себя ответственность за нее и ребенка.

— Доброе утро, мамаша, — в комнате появилась Женя. — Чего опять такая грустная?

— Мысли всякие не отстанут никак.

— Аборт?

Глаза Жени метали высоковольтные разряды в нее. Если бы она обладала сверхъестественной силой, то убивала бы взглядом. Все плохие мысли наповал. Ее личный блокатор негативных эмоций.

— Делись уже давай своими тараканами. Будем им вместе бошки отрывать.

Элина рассмеялась и потянулась еще раз, ощущая, как пижамная майка натягивается на животике. А он становится на миллиметр, но больше с каждым днем. Ее дочка или сынишка подрастает. Глаза девушки увлажнились.

— Да вроде как я и не против этого малыша. Не всю же жизнь сидеть в одиночестве, прятаться в кустах. Но мне так неловко, что я должна зависеть от мужчины. Всю жизнь рвалась работать, достигать каких-то вершин, и что в итоге? Буду, высунув язык, просить деньги на памперсы и подводку для глаз? Мне так приятно ощущать его заботу, его готовность пойти на все ради меня и ребенка, но... Но, Женя, я не имею права присаживаться ему на шею, даже если я вынашиваю его ребенка! Это неправильно.

— Эль, почему всю жизнь? — Женя присела к ней и взяла за руку. — Рассуждай так. Девять месяцев беременности твоя работа есть хорошо, спать, не таскать тяжести и просто быть счастливой. Эти девять месяцев он просто обязан тебе оплатить, обеспечить всем от подводки до носков! Это только мое мнение. Ведь, каков его вклад в этого ребенка, пока он не родился? Засунуть в тебя свой пистон? О боги, как это сложно! — Элина сжала руку подруги и рассмеялась. Что бы она без нее делала. — Так вот, он засунул и высунул. Все. А тебе девять месяцев таскать это пузо огромное, умирать от желания съесть все подряд и прохлаждаться у унитаза постоянно с токсикозом.

— Ладно. А потом?

— Потом вашему ребенку нужна в первую очередь мать! Да, Виски? — Женя потрепала кошечку за шерстку. — Ее вкусная сися, нежная рука, любимая улыбка. Я уж молчу про вонючие памперсы, отрыжку и так далее. Это тоже работа, черт возьми, Эля. Мужик вкалывает на работе с утра до вечера, а ночью спит. Что делаешь ты? Вкалываешь с ребенком круглосуточно. И уж если ему вздумается поорать для прикола полночи, выбора у

тебя нет, спать или бодрствовать. Ты понимаешь меня, Эль?

Элина кивнула. Взрослая тетя она уже, а первая беременность вычла из ее возраста лет пятнадцать точно. Глупость и наивность, максимализм и радикализм стали ее чертами.

— Пару лет, пока ты растишь нового человека для общества, можно и посидеть на шее у мужчины. У отца своего ребенка, Эля. Ты же не к какому-то мужику на улице подошла и просишь денег на финтифлюшки для себя за то, что возишься с чужим ребенком.

— А потом как быть? Я же себя потеряю в этих распашонках и кастрюлях. Уже это проходила с Мишей, а тут будет ребенок, с которым я не смогу развестись, от которого не смогу уйти.

Женя наклонилась к Элине и шуточно ущипнула ее за щеку.

— Элька, ну почему ты мыслишь так негативно? Может, наоборот, ты найдешь себя новую? Откуда ты знаешь, что все будет плохо? Вдруг у тебя появятся новые хобби, интересы?

— Горшок намывать до скрипа?

— Прекращай, злючка. — Женя чмокнула подругу в лоб. — Идем завтракать.

Элина нехотя встала, жалея покидать насиженное гнездышко. Однако желудок уже завел свою шарманку и скрипел несмазанными струнами о том, как голоден и обижен.

— Сейчас поедим, маленький. Ты не боишься родиться толстяком? Еще не пролезешь, — болтала сама с собой Элина, расчесывая волосы.

Сегодня и лицо посвежело, румянец даже немного скрыл прыщи, которые красными пятнами уродовали ее бледную кожу.

— Но Алекс твой псих, — поделилась Женя, встречая Элину в пропитанной ароматами чая, омлета и блинчиков с малиновым вареньем.

— Почему?

— Я думала, он убьет меня вчера! Ты пошла на аборт, а он хотел придушить меня. Слава богу ты пришла, а то он бы меня на фарш пустил и тебе же сделал из него диетические котлетки.

— Господи, как вкусно, — пропела Элина, начиная с блинчиков и варенья в соотношении блинчик поменьше и пять столовых ложек варенья сверху. — Наверное, он детей любит.

— Я думаю, да. Эта девушка, не помню имя, потеряла его ребенка. И вообще, он рос в очень неблагополучной семье.

— Горы денег. Само неблагополучие.

— Элька, ну ты как глупыш какой-то. За бабки можно купить дом и машину, а семью-то нет. Вот и его папаша не смог купить счастье в развалившейся семье.

— А эта девушка, которую ты вспомнила. Ты думаешь, это нормально? Я не смогу быть уверенной, что где-нибудь на стороне не растут маленькие Алексы от левых телок.

— Ни одна женщина не может быть уверена, что не узнает лет через десять о внебрачных детях своего мужа. Ни один шахтер не может быть уверен, что сегодня вечером выберется из шахты. Ни один спецназовец не уверен, что не получит завтра пулю в лоб. Понимаешь? Ты либо делаешь и все тут, либо бери мыло и веревку — жить с паранойей за руку невозможно. Пойдет налево, сломаем ему ноги. Больше ходить не будет, — Женя разрядила философскую минутку шуткой.

— Скоро останется без ног Алекс, — хмыкнула Элина.

— Не накручивай. Будет еще бегать и бегать с цветами для тебя и «Фрутоняней» для

мелкого. Не притягивай негатив. Ты, как магнит. Я прям чувствую это сильнейшее поле тревоги и страха. Отпусти их к черту, пусть валят во Вселенную, подальше от тебя. Пока ты носишь ребенка, Алекс точно будет стелиться перед тобой шелковым ковриком. А что будет потом зависит только от тебя. Заплывешь жиром и детской отрыжкой на всех футболках, то уж прости, что он уйдет к другой.

Девушка в который раз убедилась в мудрости подруги. Женя, точно японский нож, режет больно, но всегда четко и по делу. Как бы жестко она с ней не говорила, ее слова всегда поражали самую сердцевину яблочка и убивали этого пакостливого червяка, что пилил и пилил ее мозг.

— Доедай свою банку варенья, и выдвигаемся! — скомандовала Женя, не давая пучине мыслей утащить Элину в свои глубины.

***

Ад таков, каким ты его устроишь.

Чарльз Буковски «Макулатура»

Редкие зеленые листочки прилипали к подошве ботинок, которыми Элина перепрыгивала через лужи, словно играла в классики. Природа застыла в кадре немного черно-белого кино, расцветиваемая только деревьями, что еще не скинули свои изумрудные шубки из листьев.

— Женька, как круто на улице. — Она прижалась к подруге и зажмурилась. — Хочу вечером посидеть у окна с горячим шоколадом и печеньем, наблюдая за дождем.

— Тебя послушать, так охота романтические книжки начать писать, — усмехнулась та. — Вот что нормальный мужик делает с женщиной! Он просто делает женщиной. Даже тебя из бабы Яги вытащил на свет божий, снова увидели Элину.

Мало просто родиться женщиной и соответствовать этому званию половыми признаками. Женщине нужен настоящий мужчина рядом, который, точно садовник, вырастит из нее пышную розу. А одной можно и придорожным сорняком всю жизнь прожить, когда некому дарить свое тепло и красоту.

— Как ребенка назовешь? Уже думала?

Женя понимала, что нужно культивировать в Элине любовь к ребенку, не давать ее демонам сорваться с цепи. Чем больше она будет говорить и думать о нем, тем больше будет от мысли об аборте.

— Мне нравится имя Мелисса для девочки. И фамилия Алекса подходит. Мелисса Янг, как тебе?

— Экзотично, но мне нравится. А мальчик?

— Может, Виктор? Мальчику еще не подобрала имя. Надо же учитывать тот факт, что останется моя фамилия. Тогда Мелисса Стриженова будет вызывать только смех.

— У ребенка должна быть фамилия отца, да еще и такая колоритная. Брось надумывать ерунду.

Элина добралась до ближайшей скамейки и, смахнув с нее влагу и грязь, села. Даже маленькая сумочка с ключами и телефоном стала вызывать боль в шее и плечах, словно с рынка пакет тащила.

— Много чего должно быть, да не так все есть на деле. Его фамилия будет у ребенка, только если она будет и у меня тоже. Короче, замуж меня никто не зовет.

— Элька, ну ты же сама его посылаешь во все нелицеприятные стороны. Он и заикнуться боится о свадьбе.

— Вот что ты его вечно защищаешь! Всегда на его стороне!

Женя показала язык подруге, и они захохотали. Осенние мотивы прохладными ветерком скользили по шали Жени и тонкому шарфику Элины.

— Он прав. Все мы совершаем ошибки, и всем нам иногда просто необходимо прощение. Ты от своей обиды на него готова была своего ребенка зарезать. Убить всегда проще, чем простить. А ты не иди простым путем.

— Увидим, что он сделает для прощения. Сомневаюсь, что хоть что-нибудь.

— А ты не сомневайся! Будь, как Ева в Эдеме — не сомневайся и кусай яблочко. В чем кайф вечно сомневаться?

— Ну а если не сомневаться и действовать наобум, знаешь ли, можно быстро закончить свое существование. По крайней мере, радостное и беззаботное.

— Эль, мы не в шахматы играем! Не надо ходить конем и ставить мне шах и мат. Это не игра на цветной доске, а твоя жизнь. И надо уметь рисковать.

Элина неожиданно припомнила не самый приятный репортаж, случайно мелькнувший в новостях, когда она поглощала молочный коктейль и заедала его эклерами. Горло забилося в сумасшедшем припадке, и она закашлялась.

— Элина, что такое? — Женя погладила ее по спине, не понимая, что происходит. — Тебя от жизни так тошнит?

К приступам кашля Элины добавились хрипы смеха, и девушка стала сгибаться от его настойчивых объятий.

— Объясни, что такое, Эля!

— Да я репортаж про Битцевского маньяка вспомнила, этого Пичушкина. Он в шахматы любил играть... на людей.

— Нашла, о чем думать, мамаша. — Женя постучала пальцем по виску.

— Рожа этого маньяка запомнилась потому, что я за просмотром телека ела такие вкусные эклеры... Там было столько шоколада... Брр. Всякие ненормальные ассоциации.

— Да-а... — протянула Женя, не найдя слов. — Я знала, что беременные часто ведут себя экстравагантно, но чтобы настолько...

Смех щекоткой пробежал по губам Элины, и она взяла Женю за руку. Кажется, никого ближе и роднее у нее нет. Родители живут далеко, и все ее общение с ними сводится к нечастым звонкам и еще более редкому общению по «скайпу», бывший муж не остался ее лучшим другом, как показывают в сопливых фильмах и бульварных книжках. Он стал ее самым большим воспоминанием о потерянном времени, которое не вернуть. Алекс... Как относиться к нему, она еще не решила. Даже если он купит ей квартиру и все остальное, он не сможет купить ее доверие. Доверие не оплатить ни одной золотой «визой». А любовь и вовсе не принимает зеленые купюры — привередливая мадам.

— Я люблю тебя, Женечек, — призналась Элина, ощущая теплоту, словно встроенный радиатор грел ее изнутри.

И она готова была покрыть эти огромные счета за отопление, лишь бы тепло родного человека всегда ее согревало.

— И я тебя, Элька. А когда-то ты со своей Стрельцовой дружила! — шутливо надулась подруга.

— Юность такая юность. И друзья порой раскрывают свою неприглядную личину сквозь года. И любовники, оказывается, совсем не от слова «любовь». И мечты порой приводят не в ту светлую, радужную страну, которую ты видишь во снах. Бывает и так, что

ты находишь их в кошмаре. Кстати, Катя аборт делала на втором курсе. Я знаю.

— Не мудрено. Через нее столько мужиков прошло, что Рубикон отдыхает! Странно, что ВИЧ могли у тебя обнаружить, а не у нее.

— Кто знает, какую заразу она в себе носит. Сомневаюсь, что она сообщает своим богатеньким мажорам, сколько костей (не будем озвучивать истинное название этой части тела) хранится в ее бездонном шкафу.

— Эля, — Женя потрясла ее за плечо, обращая внимание девушки на торговый центр, — смотри! Давай пойдем посмотреть детские вещи! Ну давай!

Элина притворно вздохнула, но согласилась. Ей было стыдно проявлять интерес к ребенку после того, как хладнокровно она хотела слить его в канализацию своей жизни. Однако же мысль о том, чтобы выбрать малюсенькие ботиночки, курточки, распашонки, всякие красивые вещички, будоражила ее сознание.

— Если ты так хочешь, — бросила она и якобы без энтузиазма поплелась за подругой.

Огромные окна торгового центра вещали со всех сторон о жизни граждан этой огромной страны, в которую иммигрируют каждый день все новые и новые жильцы. Страны покупок и бесконтрольных трат. Молодые девушки цокали каблуками ботильонов, прыгая, точно кузнечик с травинки на травинку, от одного бутика к другому. Детишки носились по эскалатору, радостно прижимая к себе воздушные шары или цветные пакеты из игрушечного магазина. Элина вдохнула этот аромат счастья, когда с карты списывается энная сумма, а продавец передает тебе в руки пакет с желанной покупкой. Наверное, шопинг — это и есть та женственность, которая делает женщину женщиной. Не платье в горошек или кокетливая юбка, а стремление оставить все свои деньги в каждом из открытых магазинов.

— Безумие, — прошептала Элина и зашла в красиво освещенный магазин, следуя за Женей в детский отдел. — Вау! Женька, какой костюмчик!

Она подбежала к стойке, где висел ультрамодный костюм для мальчика, а под ним стояли лакированные ботиночки — точные копии тех, что были выставлены в мужском отделе.

— Жень, скажи, этот костюм точно такой же, как тот, что носит Алекс. Носил... Я уверена, он ходил в таких костюмах.

Женя прикрыла улыбку ладонью. Эля сама и не заметила, как мамочка в ней отодвинула эту жестокую стерву и воздвигла свой трон.

— А эти футболочки... И юбочка!

— Где корзина? Чего ты с пустыми руками? Клади все туда!

— Ты шутишь? Ребенку до этих вещей еще пару лет расти. Да и... — Элина покраснела, откладывая маленький акриловый джемпер, — это очень дорого. Я даже один такой комплект одежды не могу себе позволить. Скоро зима, а у меня куртка старая, уже скоро порвется. Не до шика. Купим в простом магазинчике на рынке как-нибудь потом.

Нотки горечи в ее голосе снова напомнили о наводнявших разум мыслях. Почему ее ребенок должен ходить в дешевых тряпках, которыми в пору только полы мыть? Может, не стоит торопиться... Еще можно сделать аборт...

— Эй! — Женя крутанула Элину к себе. — Только подумай об аборте — и я тебя отметелю сейчас какой-нибудь кофточкой! Прямо при всех и беременную!

— Да что ты мне вечно угрожаешь?!

Элина недовольно развернулась и подошла к стойке спортивной одежды. Лучше бы она не смотрела, сколько стоит эта утепленная жилеточка «Адидас»... Как бы ей не было

грустно, но уходить из магазина не хотелось. Руки скользили по распашонкам, как по чистому шелку, что струился рекой по гладкой коже пальцев. На секунду ей показалось, что она чувствует запах своего ребенка, закутанного в эту пеленку.

Время тянулось запутавшейся в волосах жвачкой. Больно. И все попытки от нее избавиться приносили мучения.

— Ладно, пойдем отсюда, — буркнула Элина и тут же врезалась в Алекса. — Черт... Черт возьми! — Она схватилась за сердце, тяжело дыша. — Еще немного — и выкидыш был бы неминуем.

— Прости, Эля, — ласково произнес мужчина и притянул ее к себе. — Не хотел тебя напугать. Просто ты так увлеклась всеми этими милыми вещицами...

Они стояли посреди магазина, по которому сновали мамочки за руку с малышами или отцы, строго держащие шалуна-сына за руку и запрещаая трогать дорогие вещи. Алекс обнимал ее так сильно и так крепко, словно отпусти он ее — и потеряет навсегда смысл своей жизни. А ведь он так долго его искал.

— Что ты здесь делаешь? И... где Женя? — Элина оглянулась, не находя подругу. — Очередная подстава?

— Никаких подстав. Женю вызвали на работу, она попросила меня заменить ее. Все. — Алекс поднял ладони кверху в примирительном жесте.

— Так и быть, верю.

Ага, конечно! Поверила она ему! Явно с Женей в сговоре. У нее нюх на подобные аферы. Приучили.

— Покажи, что тебе понравилось, — попросил Алекс и, обвив ее талию рукой, двинулся к нужной стойке.

Он понимал, что это всего лишь спектакль. Молодая счастливая пара в ожидании малыша. Только вот одна половинка несчастлива. Алекс принимал недовольное лицо Элины за чистую монету, искренне раскаиваясь во всех грехах. А она благодарила ангелов и всех, кто причастен к этому чуду — сильной, но нежной мужской руке, точно защищающей ее животик от посторонних взглядов.

Женя действительно хитрая! И он ценил это ее качество. Вкупе с любовью к его Эле это качество делало ее верным бойцом на его стороне в этой войне за счастье. Она прислала ему требовательное смс, заставляя появиться в торговом центре и принять участие в шопинге. Алекс достал карту с последними деньгами и сжал в руке. Он пока еще не нашел выход из сложившейся ситуации, но найдет. У него просто нет другого варианта. Его ребенок не поймет, почему отец не дал ему ничего, кроме разбитой семьи. Даже двух разбитых семей: с матерью отношения не клеятся, как бы он не собирал эту поделку; с бабушкой и дедушкой вообще беда. Его сын будет жить в лучших условиях, какие он только сможет обеспечить! Даже если это будет стоить ему крови и лишений.

— В таком платье можно быть королевой на свой первый день рождения, — восхитилась Элина, рассматривая бархатное платьице.

— Берем. — Алекс положил вещь в корзину. — Давай к нему тифельки возьмем и вон — ободки всякие и колечки.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— А если мальчик будет? И где эти покупки хранить?

— Где хранить, найдем. А если будет мальчик — не беда. Сделаем потом девочку, — неуверенно пошутил он, уже жалея, что распустил язык, как помело. Однако Элина только

залилась краской и нервно пощупала платье еще раз. — Берем?

— Берем.

Из магазина Алекс вышел, похожий на новогоднюю елку — весь в ярких пакетах и со счастливой улыбкой. Он намеревался купить коляску и кроватку, можно комод и всякие качалки для малыша, но Элина устала от духоты торгового центра, да и ноги у нее отекли.

— Эля, присядь. — Мужчина усадил ее на скамейку и поставил рядом гору пакетов. — Я сделаю тебе дома массаж ступней, спину разомну, если хочешь...

— Перестань. Не делай вид, что мы молодожены во время медового месяца. — Она отстранилась от него. — Ни первое, ни второе неправда. Отвези меня домой на такси, и я тебя не задерживаю. Спасибо за покупки.

Элина никогда бы не подумала, что в ней пропадает, гниет заживо, такой актерский талант. Улыбаться, когда нитки души вспарывают ножницами; отвергать, когда руки так и тянутся обнять; говорить нет, когда сердце обливается кровавым да. Она была не готова сделать шаг к своей судьбе, так казалась ей авантюристкой той еще. Не было желания попасть в эту любовную пирамиду и остаться без всех своих душевных вложений. Слишком дорого может стоить спешка.

Что лучше — быть отверженным или безумным?

Дени Дидро «Монахиня»

За окном поезда рябила зелень, подхватываемая резкими порывами осеннего озлобленного ветра. Он метался в своем изолированном безумии, беснуясь от того, что сентябрь не торопился уступать место более холодному октябрю, доживая свои последние деньки. Алекс скрутил надоевшую своей желтизной газету, дочитав объявления о работе, и прислонился к стенке.

— Нашел что-нибудь, мужик? — прокряхтел седовласый дедушка, устроившийся с чашкой кипятка и чайным пакетиком напротив.

— Нет, отец, глухо.

Работа, которую предлагали в газете, годилась если только для забавы. Когда надоело зарабатывать деньги, и ты решил развеяться на тяжелой, низкооплачиваемой должности. Ну и заодно захотел показать своей семье, что такое голод. Похоже, под это описание подходят все вакансии, присутствующие на рынке труда в этой стране.

— Ну а что умеешь? Головой работаешь или руками?

Алекс задумался. Если он и умеет работать, то точно головой, а не руками... Руками он только рушил жизнь людей вокруг себя, залезал своими распухшими от вседозволенности пальцами во все запрещенные щели чужих судеб. Ничего он не умеет, кроме как рулить бизнесом. Вся черную работу выполняли другие люди. С него только подпись и требовалась.

Да-а... Оказывается, его жизнь никогда не была трудной. Нужно было просто наплевать на эти семейные дразги, отпустить веревочку воздушного шарика с обидами и невысказанными претензиями к родителям и просто жить. А он существовал все эти долгие тридцать лет.

— Парень, желаю тебе удачи, а то ботинки, — мужчина кивнул на ноги Алекса, — совсем прохудились.

Пошевелив замерзшим большим пальцем, тот мысленно согласился со стариком. Ботинки прохудились, как и его жизнь: подошва отклеилась, и он ступал по промерзшей земле голыми пятками; кожа светилась дырками, то и дело заноса в форточку его здоровья простуду. Он простыл безвозвратно. Любовью к Эле. К своему ребенку. К жизни с ней.

— К черту ботинки, папаша, — воодушевленно воскликнул Алекс; мысли об Элине и ребенке подстегивали его боевой дух, заживляли кровавые раны на коленях. — Любовь делает жизнь ярче. Даже в рваных ботинках тепло.

— Твои слова да богу в уши, юнец, — рассмеялся собеседник.

Алекс покачал головой. Нет уж! Он знает, что такое скотская жизнь. Знает, каково быть мертвым, а с виду живым. Самый частый обман, на который ведутся люди, точно мышки на ароматный сыр. Мы верим улыбкам и морщинкам радости, а на деле эти морщины — лишь борозды печали, что умело скрывает улыбка.

— Так и есть. Я знаю точно.

Бросив затею с поиском работы, не желая идти на стройку или в официанты, он достал книгу. Ремарк «Три товарища». Стать ближе к Элине — вот его цель. Сблизиться с ней не физически, это они уже проходили. Контакт тел не принес ему ничего нового, всю ту же

боль, все то же разочарование. Ему нужно, жизненно необходимо стать к ней ближе духовно. Он смог в свое время соблазнить ее тело, теперь стала иметь значение душа.

Пятнадцать страниц уже были осилены. Чтение давалось ему с трудом. Мозг, не привыкший напрягаться больше, чем просканировать каталог швейцарских часов, отказывался вникать в глубинный смысл, понимать героев и их метания, раскрывать метафоры и наслаждаться эпитетами. Его мозг был сухой горбушкой хлеба, а литература — настоящим сладким джемом из натуральных ягод. И он отказывался ее принимать. Роберт Локамп, Отто Кестер и Готтфрид Ленц — его новые спутники на этой разбитой дороге жизни.

Время пролетело незаметно под стук колес и собственного сердца, которое билось в такт происходящим в книге событиям, под храп соседа по купе и аромат остывшего чая. Ему нравилась такая жизнь. Настоящая. Какая есть. Без прикрас и взяток. На перроне его никто не встречал, а он и не ждал. Не ждал так же, что и судьба склонит голову к нему в жесте великодушия. Придется снова опуститься на колени, ощущая каждую набитую на них шишку. Каждая мозоль на коленных чашечках, как зарубка на деревянной дощечке нашего мужества. И сегодня он поставит еще одну.

— Пресненская набережная, — сообщил таксисту пункт назначения Алекс, и машина тронулась.

Он хотел быть самостоятельным. Мужиком. Хотел сам обеспечить свою женщину и своего ребенка. Но, видимо, он так и остался мальчишкой, которому не хватило отцовских наставлений, самостоятельного плавания в водах взрослой жизни. Он получил все, чтобы жить комфортно, и все, что смог отдать взамен было лишь черной неблагодарностью.

— К отцу, — известил секретаря, топчась у ее стола.

— Я оповещу Антона Робертовича.

Прошло минут десять прежде, чем отец ответил. У него был какой-то важный разговор. Для Алекса было в новинку стоять под дверью кабинета отца в ожидании аудиенции. Черт возьми, но какой же крутой поворот взяла его жизнь после, казалось бы, кратковременной заварушки. Вот так мелкие ямы на дороге сильно калечат ноги.

— Проходите, — дала добро секретарь.

Алекс собрался с духом, которого у него прибавилось значительно после новости о беременности Элины. Теперь он был готов на любые унижения, лишь бы сохранить жизнь своему наследнику. Да только что его ребенку наследовать? Пустоту и нищету, которые он добросовестно складывал в коробочку, прятал на черный день? Однако же этот день настал, и небо затянуло непроглядной тьмой.

— Сын? Удивлен видеть тебя здесь. Вроде ты говорил, нет, кричал, что никогда больше мы не встретимся, — Антон Робертович беззлобно улыбнулся, действительно больше не имея гнева.

От его былой злости остались только черенки. Мы должны воспитывать своих детей, а не мстить им. Родители не имеют права на месть. Чего не скажешь о детях.

— Мы бы и не встретились, если бы не обстоятельства.

— Ну так, понятно. Обстоятельства — наш бич.

Воздух неслышным шипением выходил из его рта. Разворачиваться надо и уходить отсюда! Ничего, кроме насмешек его тут не ждет. Радужный прием у папочки.

— Долго будешь тянуть? Сколько тебе нужно?

— Чего?

— Александр, прекращай ломать комедию. Она уже давно сломалась и стала трагедией. Нашей личной трагедией, — произнес отец и внимательно посмотрел на сына. — Сколько денег тебе нужно?

— Как ты понял? — безучастно спросил Алекс для виду, чтобы не выкладывать так сразу свои просьбы.

— Твоя любовь обналичивается в условных единицах, насколько я помню. Иначе любить ты не умеешь. Вот и спрашиваю, какое количество любви привело тебя к отцу.

— Это ты собрался разглагольствовать о любви? Серьезно?! Что ты знаешь об этом светлом чувстве?

— Наверное, то же, что и ты.

Разговор зашел в тупик и треснулся лбом о стену. Алексу надоело ходить подворотнями, и он выпалил:

— Двести сорок миллионов. Хотя бы.

— Хотя бы? — усмехнулся отец. — Ты уверен, что просят хотя бы такие суммы? Тысяч сто, я понимаю, но двести сорок миллионов... В рублях, я надеюсь?

— В них самых.

— Позволь узнать, зачем тебе такая сумма? Уж не абонемент ли в рай ты решил прикупить?

— Аха-ха. — Алекс поаплодировал напоказ, бесясь все больше и предчувствуя новую родственную стычку. — А ты узнавал расценки там, — поднял взгляд к потолку, — у боженки за пазухой? Думаешь, тебя с твоими финансовыми махинациями примут на облачка?

— Я тебя больше не задерживаю. — Челюсть Антона Робертовича сжалась, став похожей на гранит. — До свидания, сын. Или лучше — прощай.

— Мне нужны деньги на квартиру в Москве.

— Нагло, — ухмыльнулся отец.

— Да не для себя! Для моей... девушки. Она беременна.

Лицо отца переливалось всеми оттенками неверия и шока. Блеф! Уловка ради квартиры. Для его сына нет ничего святого.

— Придумай что-нибудь более душещипательное.

— Я не лгу! Элина беременна моим ребенком! — вскипел Алекс. — Ей негде жить! Я обещал ей помочь с жильем!

— Ну так помогай. В чем проблема? Или твоя Элина царских кровей, и на меньшее, чем квартира за двести сорок миллионов, не согласится?

— Моя женщина и мой ребенок самых, мать их, долбанных царских кровей! Уясни это себе, отец!

— Выбирай выражения, щенок! — Антон Робертович стукнул по столу кулаком, заставляя папки с важной документацией подпрыгивать с насиженных мест. — Обеспечивать хоромы твоим шалавам я не собираюсь. И плевать я хотел на Элину, ребенка, которого, я уверен, нет, на все плевать. Заработай сам на хотя бы собственную комнату, а потом плоди детей на каждый квадратный метр!

Алекс набросился на отца с кулаками и прижал его к креслу. Господи, не дай ему все же загреметь за решетку! С таким-то папашей это легче легкого.

— Еще только одно слово об Элине, и я размажу тебя по этому кожаному креслу, папуля. Эта женщина — все, что у меня есть, и я не разожму свои руки, даже если гребаная

жизнь будет пинать меня с обрыва. Я удержу свою любовь, если надо в лепешку расшибусь, но у нее будут лучшие условия для жизни и вынашивания моего ребенка! И твоего внука, между прочим, — выплюнул он завершающий аккорд этой тирады. — Да пошел ты к черту, дедуля хренов. Без тебя обеспечу свою семью всем. А ты не смей даже приближаться к своему внуку. У меня не было отца, у моего сына не будет деда. Спасибо тебе.

Антон Робертович не мог собрать окровавленные крылья своих эмоций, что были вырваны с корнем. Если кто-то умеет так искренне играть, то он должен был получить все награды мира... Сын выбежал из его офиса, чуть ли не сорвав дверь с петель. В мультике, наверное, за ним бы увивалась струйка дыма, настолько он был зол.

Алекс поставил мысленный жирный крест на своем небольшом семейном древе. Отец отныне навсегда остался в прошлом. Крики птиц настойчивым порицанием царапали его слух. Он поднял взгляд к небу и мысленно свернул шею каждой пролетающей вороне. Ярость заискрилась в ядерном реакторе его души, предвещая катастрофу мирового масштаба, от которой никто не сможет спастись.

Паника была родниковым ключом, подрывая уверенность в своих силах. Дурак... Где он возьмет столько денег на такую квартиру? Он себе-то еле-еле может позволить снимать шалашного вида коробку со стенами, что говорить о пятикомнатной квартире в Москве, да еще и с евроремонт. От навязчивых мыслей, которым солировали не замолкающие вороны, кликающие дождь, его отвлек звук пришедшего на телефон сообщения.

— Хм, что тут интересного, — вздохнул мужчина и открыл почтовый ящик.

Оповещение из социальной сети о том, что Элина Стриженова поделилась с друзьями новой фотографией. Должно быть, с мамой. Элина уехала на неделю к родителям в Мурманск, и Алекс постоянно накручивал свои нервы, точно склизкую лапшу на вилку, переживая за ребенка и здоровье самой Элины. От нечего делать Алекс залез на ее страничку, просто чтобы полюбоваться ее любимым лицом в какой-нибудь смешной шапке и закутанную в шарф.

Что за чертовщина?! Почему его Эля улыбалась во все свои ровненькие тридцать два зуба, стоя в обнимку с каким-то хрычем (иначе Алекс не мог назвать этого парня), который к тому же положил свою лапу на ее живот! Новый прилив злости разорвал его только успокоившиеся нервы. Алекс набрал Элину, чувствуя, как душевные силы гаснут с каждой пройденной минутой.

— Что это за мужик с тобой на фото? — как можно спокойнее спросил он, но его слова ураганом пролетели над спокойствием девушки.

— Прости, Макс. Я на минутку.

— Это музыка там играет?! Ты где, черт возьми, находишься?

— Я в кафе.

— С кем?

— Я в кафе, а не на допросе.

— По каким притонам ты шляешься с моим ребенком? — рявкнул Алекс, сходя с ума от ревности. — Что за уроды лапают твой живот?!

— Успокойся ты, — прошипела Элина, краснея от стыда выслушивать эту истерику. Невидимые провода связи начали накаляться. — Я еще тебя не спросила, с кем мне ходить в кафе и кому позволить прикоснуться к моему животу.

— Я отец ребенка!

— Кто спорит? Увы, это так.

Мужчина ошеломленно замолчал. Увы?

— То есть ты жалеешь, что у нас будет ребенок?

— Если бы не этот ребенок, не было бы нас. Так что можешь пока пользоваться этим словом.

— Пока?

Мимо Алекса переваливался на тонких лапках жирный голубь, наклевавшийся семечек и хлебных крошек. Распознав в птице врага, он угрожающе топнул, пугая голубя. Пусть это будет Макс. Вот бы ему клюв сломать и руки тоже.

— Да, пока.

— Ты уже решила, к кому уйдешь, когда родишь?

— Ну а чего тянуть. Вопрос важный. К Максиму и уйду. Он моя первая любовь. Вдруг и последняя тоже.

— А я? Я не твоя любовь?

— Любовь? — Элина рассмеялась. — Ты не умеешь любить. Ну может, только своего ребенка. Но не меня.

— Не говори за меня. Я свои слова сам скажу.

— Ну скажи.

Второго голубя постигла еще худшая судьба. В него Алекс запустил попавшимся на дороге камешком, не попав, но воображению хватило, чтобы представить Максима с проломленной головой. Лепота.

— Делай ты что хочешь.

Он отключился. Бушевавшая в венах ярость пенилась отравленной кровью. Схватив камень побольше, Алекс запустил им в дерево. И еще один. И еще. Женщина, шедшая рядом, вскрикнула и поспешила прочь от этого странного мужчины. А он продолжал разбрасывать камни, пока капли дождя не похоронили тлеющие угли ревности в кострище его чувств.

***

Итак, вы теперь не хуже меня самого знаете, что я представляю собой: безумец, но последовательный в своем безумии.

Роберт Льюис Стивенсон «Клуб самоубийц. Алмаз Раджи»

Приятная теплота кашемирового платья согревала ее нежностью, словно бы это были руки любимого мужчины. Элина съежилась, мысленно топча надоедливые мурашки. Звонкок Алекса опустошил ее и наполнил энергией одновременно. Одарил прохладой и обласкал теплом. Погладил и ударил.

— Черт, — прошептала девушка и, махнув рукой на кого-то эфемерного, вышла из темного закутка кафе.

Элина вернулась к Максиму, который уже почти расправился со своим вишневым пирожным. Смотря на вытекающий вишневый сироп, она подумала о том, что расправился он с ним жестоко и беспощадно. Как и она сама с Алексом минутой назад.

— Наговорила, звезда? — улыбнулся Макс.

— Забудь ты уже прошлое. Я давно не звезда. Все лампочки перегорели, больше не свечусь.

Усталость пригвоздила ее к стулу. Всего-то минуту говорили, а как будто он пропустил ее через супермощную соковыжималку. Или она сама с собой так поступила? Мы единственные люди на свете, поступающие с собой максимально жестоко. Какая она звезда... Таковой она была в школе, тогда с ней хотели все общаться. Она ставила рекорды

на олимпиадах по химии и биологии. Все парни хотели таскать ее портфель до дома и до школы. А теперь...

— Вижу, какая ты замученная вернулась. На работе проблемы?

— Почти. Эта работа называется «любовный фронт».

Зачем она так повела себя? Да кто из женщин вообще сможет ответить, с какой целью они вызывают безосновательную ревность у мужчин? Просто есть вещи, которые должны быть. Ревность и желание знать, что ты кому-то необходим, из этого списка.

— Там частенько тяжело. Мы с Анькой тоже не всегда понимаем друг друга, звездочка. — Тепло улыбки друга еще одним согревающим лучиком обняло Элину, и она отпустила негатив, сковывающий ее цепями. — Не переживай, черное рано или поздно становится белым.

— Я не звездочка. Мне неловко слышать это слово. И неловко, что я пропустила твою свадьбу.

— А ведь в школе ты обещала раньше меня обзавестись печатью!

Девушка ухмыльнулась. Печатью-то она обзавелась, а семьей нет. Что дает эта краска в паспорте? Что дает марание официальной бумаги чернилами? Любовь? Безопасность? Гарантии? Если только гарантии унизительных судебных разбирательств в случае исчезновения великой любви. Печать она такая, несмываемая.

— Я и обзавелась раньше тебя ею, Максон. Да вот только неудачно. Так что мой паспорт не девственно чист.

— Я понял. Зашел на опасную территорию. Мы так давно не виделись, я ничего о тебе не знаю. Это ненормально!

— Согласна.

Радужный настрой померк, ее душевный подъем заволокло туманом грусти. Макс — ее лучший школьный друг. Наверное, это тот мужчина, к которому она никогда не испытывала физического притяжения, но всегда его любила. Сосед по улице, сосед по парте, сосед по духовному единству. И как же далеко их раскидала жизнь... как мусорные ошметки вокруг помойки. ее закинула в столицу, в лапы к неудаче и Мише. А Макс остался в родном городе, погрузился в учебу и работу, в любовь... Связь потерялась, казалось, навсегда.

— Зато вот с малышом ты точно меня опередила! — нашелся друг с репликой, чтобы вызвать улыбку Элины.

Она улыбнулась для галочки, дабы не портить их посиделки до конца. Жаль, улыбка — не тетя по вызову: нажал на кнопку — и она тут как тут, скачет по твоим губам за определенную цену.

— С малышом да... Я и себя с ним опередила...

Их дружеская встреча переросла в неудобное обоим молчание. У Элины не нашлось нужного набора слов для кривляний и игры в счастье. Она запуталась в этом лабиринте, не могла ответить на простой вопрос. Любит ли она его? Хочет ли она с ним будущее? Сможет ли на чистом листе нарисовать их новую жизнь?

Пока что все карандаши ломались, как только она подносила их к бумаге. Их будущее выходило чумазой кляксой на белом листе. Ни формы, ни очертаний, лишь темнота и неопределенность. Страх полюбить снова истреблял ее уверенность в Алексее. Ведь нужно было полюбить так много людей сразу! И себя, и Алекса, и ребенка. Или... она уже любила их всех?

Отравленная ложью атмосфера заражает, разлагает всю домашнюю жизнь. Дети с каждым глотком воздуха воспринимают зародыши зла.

Генрик Ибсен «Кукольный дом»

Пятая, шестая... уже двенадцатая... двадцать третья... Антон Робертович считал взглядом дождевые капли, сползающие с неммым укором по оконному стеклу. Они словно протягивали к нему свои руки в слезливых мольбах. Только что они хотели? Мужчина тряхнул головой, сбрасывая эти ржавые цепи наваждения.

— Алло, Вов, привет! Очень нужна твоя помощь.

— Здорово, дружище. Для тебя любая помощь, ты же знаешь, если только это в моих силах.

— А что может быть не в силах генерал-майора ФСБ? — рассмеялся Антон Робертович в тысячный раз ловя себя на мысли, что уметь завязывать нужные знакомство — основа жизни на Земле.

— Ну не томи, выкладывай, кого надо прижучить.

— Никого. Просто нужно полное досье на одного человека, женщину.

— В чем провинилась? Долю не отдает?

Прессовать женщин было не в стиле генерал-майора ФСБ, но неоплачиваемый долг, в котором он находился у Янга, нельзя было переоценить. Многие темные финансовые делишки прошли под его прикрытием. А сколько еще пройдет...

— Нет, Вов, не горячись. Никаких мер не требуется. Это не бизнес, а личное. Хочу проверить новую пассию сына. Пожалуйста, хочу знать о ней все, что только можно. Вплоть до того, как часто ногти стрижет в салоне.

— Понял. Жди на почту.

Антон Робертович отключился и сел в кресло. Ему казалось, что он сидит на раскаленных углях. Мысли о том, что сын не солгал, не оставляли его ни на секунду. Внук... Он мечтал о внуке. Наверное, это старость. Или его нереализованный отцовский потенциал, но он бы с радостью возился с внуком или внучкой. Надоели совещания, партнеры по бизнесу, эти беспринципные гиены, акулы афер и мелкого шрифта. Достала фальшь дорогих стен его особняка — тюрьмы особо строгого режима. С женщинами серьезные отношения не складывались, с сыном так вообще разверзлась пропасть взглядов.

Насколько же сильно они были далеки друг от друга с родным сыном. Его родная кровь взбунтовалась против него и пошла в наступление с факелами и литром керосина, лишь бы сжечь факт их родства напрочь. Лишиться внука, если все-таки он существовал, было выше его сил! Зная характер сына, вряд ли он дождетс другого внука. Двести сорок миллионов... Ерунда. Для родного внука он бы купил дом и дорожку. Да вот верить сыну нельзя. Черт бы побрал это кривое зеркало их нездоровых отношений.

Письмо на почту пришло оперативно. Досье было совершенно небольшим, значит, ничего стоящего об этой женщине сказать нельзя. Мужчина щелкнул мышью по папке с файлом, не испытывая интереса к персоне Элины. Наверняка очередная безмозглая дура с надутыми сиськами. Их любимый с сыном типаж.

— Элина Стриженова, — прочитал Антон Робертович. — Тридцать лет, была лучший выпускницей хирургического, куча грамот и наград, сертификатов и прочего.

Интересно... — Он пролистал выписку из ее диплома и справку с места работы. — Медсестра. Работник «скорой». Несчастный случай, шрам, отстранение от работы. Развод. Даже так... — Следующий лист представлял собой конфиденциальную медицинскую информацию. И как Вова смог достать ее? Врачи же всегда вопят о клятве Гиппократата и конфиденциальности. — Не подтвержденный ВИЧ. Вот это да. Беременность...

Мужчина выдохнул. И еще раз. Воздух горел у него в легких, сжигая живительный кислород. Беременна! Да и девушка вроде нормальная, не клуша с кудрями до пояса и верблюжьими губами. Врач, умница, он уверен, красавица, несмотря на шрам. Его сын никогда бы не выбрал мышку. Только львицу, пусть и раненую в бою. Беременна! Он не мог осмыслить этот факт. У него будет внук. Может быть, если он найдет путь к сердцу своего сына. Еще раз проверив информацию, Антон Робертович убедился, что на Элину не оформлена никакая собственность: ни квартиры, ни машины, даже на стиральную машину кредит не брала. У родителей двухкомнатная квартира в Мурманске и больше ничего. Его внуку действительно негде жить.

— Что ж сын. — пробубнил он, набирая номер, — если твоя любовь имеет прайс-лист, ничего страшного. Яблочко точь-в-точь, как яблоня. Какой пример показал, такой результат и получил... Мариночка, добрый день. Сделайте то, о чем мы договорились. Спасибо.

***

...я уже в клинике заметил: кто злится на свою боль — тот непременно ее победит...

Тургенев И. С. «Отцы и дети»

Алекс вышел из кабинета Сафроновой Марины Анатольевны — ведущего специалиста агентства недвижимости, чтобы взять тайм-аут в виде минуты раздумий. Он ничего не понял. Что это было? Сон? Обморок? Кома? Он жив вообще?

У телефона уже случился приступ укачивания, пока он его крутит в руках. Эта женщина сказала, что отец купил ему квартиру. То есть он сам может выбрать вариант, который ему понравится, и все оформить... Да не может быть! Не после их разговора. Но кто, если не отец? Господь бог? Ну так это еще более маловероятно. Господь еще больший скупердяй, нежели его отец.

Черт, или зря он так об отце? Звонок отвлек его от мыслей.

— Ты встретишь меня в аэропорту? — спросила Элина, идущая на посадку.

— Да, Эля, я буду на месте в назначенное время. Пусть я и всего лишь папаша ребенка и больше никто, тебя я встречу.

— Как великодушно с твоей стороны.

И снова здравствуйте. И снова они поцапались, как кошка с собакой. Только что они делают? Свою любовь? Или ее отсутствие?

— Александр Антонович, вы приняли решение? — поторопила его секретарь.

Кто будет раздумывать, принять ли такой щедрый подарок? Дед Мороз в мешке квартиру за триста миллионов точно не принесет. Даже за хорошее поведение.

— Да, да. — Он вернулся в кабинет. — Марина, я еще раз хочу уточнить. Мой отец готов оплатить покупку квартиры, так? Антон Робертович Янг?

— Именно так. Он просил передать вам, если вы будете сомневаться, что это его подарок любимому внуку.

Алекс нахмурился. Любимому внуку? Где-то точно скрытая камера, и над ним потом будут потешаться! Его несколько дней назад он обзывал Элю всеми непотребными словами, в существование внука вообще не признавал! Что изменилось?

— А к черту, — ухмыльнулся Алекс. Унизительный розыгрыш, значит он унизит себя. Но ступить в этот капкан нужно, вдруг он не захлопнется. — Я смогу оформить квартиру на другого человека?

— Например?

— На мать моего сына, то есть внука моего отца.

— Да.

— Тогда давайте выберем подходящий вариант...

Они приступили к поиску квартиры, и Алекс до последнего ждал, когда эта тетка скажет ему: «Розыгрыш! Посмотрите вон туда!» Но этого не произошло. Они выбрали понравившейся ему вариант, полностью укомплектованную современной техникой и мебелью квартиру, с утепленными полами, новыми окнами, электрической плитой и просто огромной ванной с джакузи и душевой. На миг перед глазами застыла картинка: он, Эля и их малыш в этой квартире. Как бы он, должно быть, был счастлив...

— Теперь мне нужно приехать сюда с будущей владелицей?

— Да, либо предоставить нотариальную доверенность от нее.

— Я привезу ее, завтра уже.

Алекс покинул агентство и вдохнул полной грудью, расправляя крылья, которые уже покрылись коррозией в виду простаивания без дела. Квартира есть, осталось только сделать Элю главврачом. Но это явно будет сложнее...

Нужно сказать отцу спасибо. Ему хотелось кричать во все горло, но он не мог протолкнуть слова, которые словно прилипли к стенкам горла. Набрав отца, через один гудок Алекс сбросил звонок.

— Это твой отец. Ты сможешь сказать ему спасибо, тряпка, — прошипел он и снова набрал его.

— Слушаю.

— Отец... Я... Пап, спасибо.

На этих словах сердце Алекса сжалось, точно его ударили битой. Как же больно и трудно быть человеком. Воевать всегда легче, чем поддерживать мир. Злость всегда слаще любви. Такие мы люди извращенцы.

— Я приобрел право на общение с внуком?

— Ты приобрел право на его жизнь, — прошептал Алекс, всерьез веря, что Элина может тайком сделать аборт, если он не выполнит условия.

— Как это понимать?

— Никак, я просто брякнул чушь. Я бы хотел заключить с тобой устный договор.

— И какой же?

— Ты одолжил мне деньги на квартиру. Я буду возвращать тебе эти деньги, пока не верну все до единой копейки.

— Каким образом? Ты понимаешь, на сколько лет потянет отсидки такая сумма?

— Ты о чем?

— Я о том, что украсть из банка триста миллионов... Это приличный срок. Иначе как ты мне их вернешь?

Алекс улыбнулся. Первая шутка отца, которой он рассмеялся. Прогресс.

— Я найду работу, выпутаюсь из этой ситуации. Все будет по-другому, мне только нужно время. Но я настаиваю на возврате денег.

— Договорились.

— Еще раз спасибо.

— Всегда пожалуйста, сын. Сообщи, когда я смогу встретиться со своей невесткой. Ты же уже купил кольцо?

Молчание ответило за Алекса. Что ему сказать? Что он может купить сейчас только кольцо из детского мира? Или предложить матери своего ребенка расписаться в джинсах и без гостей? А может, сказать отцу, что она вообще его послала в далекое путешествие с невозвратным билетом?

— Да, скоро куплю, — соврал Алекс.

— Буду ждать звонка.

***

Жизнь, как вы знаете, всего-навсего подмости, на которых каждому предоставляется возможность кривляться, пока не наскучит.

Роберт Любис Стивенсон «Клуб самоубийц»

Утро следующего дня Алекс встретил на пороге квартиры Жени. С первыми лучами солнца он примчался к Элине, чтобы обрадовать ее новостью о квартире. Ну или встретить новую волну ненависти и недовольства. Иногда он ловил себя на мысли, что все его планы и надежды тщетны. Она, как хорошо укрепленный форт, не сдается. А он слишком слабый боец, чтобы пойти до конца.

— Спит еще, — прошептала Женья, впуская его. — Кажется, заболела.

— Заболела? Чем? Как? Когда?

— Не знаю, насморк у нее вроде бы. Всю ночь чихала и сморкалась.

Наверное, этот упырь мурманский заразил! Чихнул на нее или еще что-то... Алекс даже не подозревал, что его проклятья, которые он не переставал направлять на Макса, нацелены не на того человека. Пройдя в комнату, где спала Элина, он бесшумно присел на край дивана. Действительно, нос красный и опухший, и платок валяется мокрой кучей хлопка на полу.

— Заболела, моя девочка, — чуть слышно произнес мужчина и убрал упавшую на глаза прядку волос. — Или девочки. Знали бы вы, как я вас люблю.

Элина делала вид, что спит. Но эти слова буквально врезались кометой в ее пульсирующий шарик ее души и разбросали по поверхности осколки. Любит?..

Минут десять она притворялась спящей, дабы не выказать факт приобщения к тайному знанию. Он любит ее и ребенка. Любит... Пути сомнений колючей проволокой впивались в запястья, удерживая от поглаживания его руки. Как же она боится. Боится быть снова преданной, оставленной, убитой. Но убитой в последний раз. Больше она не вынесет огня на поражение.

Долго играть в спящую красавицу не удалось, так как нос защекотало, и ее пробуждение, должно быть, стало явным для всех жителей дома.

— Отойди, — просипела Элина, — а то заражу тебя.

— С ума сошла? Чихай сколько хочешь на меня. На кого еще, если не на отца своего ребенка?

— Мучеником решил стать? Подставить... — ее речь прервал очередной чих, — обе щеки для ударов бешеной мамашы?

— Ты сама выбрала для себя такую роль — быть бешеной мамашей. Но я готов принять любую роль в ответ.

— Ради ребенка? — спросила девушка, затаив дыхание.

Пусть он скажет, что любит ее! Пусть скажет это четко и искренне, так чтобы она каждую букву расслышала, каждую интонацию прочувствовала. Пусть просто скажет то, что ей еще никогда не говорили. С ней были ради тела, ради борща на ужин и всегда чистого унитаза, ради ребенка, но не ради нее самой!

— Да, — только и сказал Алекс, не решившись снова показывать свои чувства, чтобы не получить новых ссадин на сердце. — Ради него.

— Ну и отлично, — взбрыкнулась Элина и поднялась, откидывая одеяло.

Майка стала слишком короткой для ее животика, который уже становился полноценным животом. Взгляд Алекса задержался на нежной персиковой коже, под которой тихой музыкой, лучшим шедевром на свете, звучит жизнь его сына или дочери — бьется крохотное сердечко. И к этому великолепию приложил руку он.

Не в силах сражаться с собой, он притянул к себе Элину и уткнулся головой в ее живот.

— Какой гладкий и красивый...

— Ага, а потом будут растяжки и целлюлит в три раза больше.

— Все-то тебе надо испортить, — вздохнул Алекс. — Будешь ты такой же красивой, даже еще лучше.

— Ты все равно мое тело не увидишь после родов, так что тебе нечего переживать за его красоту.

— Эль, — глаза мужчины вспыхнули надеждой, что тем не менее держала в одной руке мыло, а в другой — веревку, — а может, ты дашь мне шанс? Не увидеть твое тело, а просто остаться в твоей жизни, рядом с тобой.

— Зачем тебе это?

Говори же! Говори! Элина до крови врезалась ногтями в кожу ладоней, мысленно умоляя его сказать слова, которые спасут ее, вытащат из этого ледяного ада неопределенности.

— Ребенку нужен отец, — снова не решился на громкие слова Алекс.

Он всегда успеет крикнуть: «Я люблю тебя!» Но ведь любому человеку хочется знать, что это взаимное чувство, а не унижительная подачка. Мол, хозяйка, я принес тебе тапочки. И получить этими тапочками по своей же морде.

— Отец необязательно должен быть биологическим.

Она старалась уколоть его побольнее, выпустить как можно больше крови, чтобы он захлебнулся ею! Ведь она слышала его слова о любви, почему нельзя их повторить?! Или он такой смелый только когда она спит?

— Не так важно, кого ты выберешь в отцы моему ребенку. Ты же мать, — с презрением выплюнул Алекс зараженную болью слюну, — ты распоряжаешься его жизнью. Ладно, это все ерунда. Кто бы не нянчил моего ребенка на постоянной основе, жить ему где-то надо. Этим вопросом сейчас и займемся.

Лед его голоса жег кипятком ее чувствительную душу. Эта война восхваляла проигравших и терзала трупы победителей. Хотя где они, эти победители... И бывают ли они вообще на войне?

— О чем ты?

— О пятикомнатной квартире с евроремонтом, являющейся залогом жизни моего ребенка. Произведем первую часть обмена прямо сейчас.

Он сказал это так, словно ударил ее, избил до крови, превратил лицо в кровавое поле битвы. Приклеил ей на лоб клеймо бесчувственной стервы, торгующей его ребенком!

— Да не нужна мне твоя гребаная квартира! — в слезах крикнула она и толкнула его в грудь. — Не нужны твои чертовы деньги, которые ты кидаешь мне в лицо, как какой-то торгашке с рынка! — Элина еще раз замахнулась на него, но не удержала равновесие и повалилась вперед.

Алекс подхватил ее, бережно касаясь живота. Она плакала так горько, словно за двоих. Будто бы его дочурка в ней тоже рыдала от того, какой плохой у нее отец. Эта сцена разбивала ему сердце маленьким, острым молотком.

— Так а что тебе надо?! Я похож на долбаного экстрасенса из зомбоящика? Не умею я читать мысли, черт возьми!

— Эй, все живы? Или ментов вызывать? — вмешалась Женя, напуганная криками.

— Еще пару минут — и вызывай оперов. Будет убийство с особой жестокостью, — прошипела Элина, отталкивая Алекса и присаживаясь на диван. — Оставь нас, пожалуйста.

Кивнув, подруга скрылась. Эта вечная драма с истериками и руганью уже порядком достала ее.

— Ну так скажи, чего ты хочешь! Прямо и конкретно!

— Любви! — Элина закрыла лицо руками, ощущая влагу слез. — Любви я хочу! Хочу быть любимой, нужной, дорогой чьему-то сердцу! Хочу быть нужной тебе не ради ребенка, как инкубатор с ценником, а как любимая женщина! Но у нас все извращено, у меня все не как у человека всегда. То замуж выйду за человека, который меня не любит, то забеременею от такого же. Идиотка!

— Ты правда идиотка. — Алекс опустил на корточки перед ней. — Ты вышла замуж за мудака, который тебя никогда не любил, и поняла это. Ты носишь под сердцем ребенка человека, который в тебе души не чает и только ждет момента подойти к тебе поближе, и в упор этого не замечаешь!

— Да? Почему тогда ты ни разу не сказал, что любишь меня? Когда я спала только. А вслух нет!

— Я боюсь снова нарваться на истерику и драку. И ведь ты сама сказала, что уходишь к этому Максусу. Я что, должен унижаться, как сопливый пацан-десятиклассник?! Таким ты хочешь видеть своего мужчину? Куском мягкотелого дерьма, которое ты размазываешь по асфальту своими туфельками?

Элина всхлипнула и промолчала. Ее каменные стены рушились по кусочку, кирпич за кирпичом. Они так устали сдерживать напор ее чувств, ограждать ее от счастья. Пора им окончательно рухнуть. Девушка отняла руки от лица и протянула их к Алексу. Без лишних слов он принял ее, сжимая дрожащие ладошки. Притянул ее к себе и поцеловал волосы.

— Эль, я люблю тебя. Зачем бы мне был нужен ребенок от нелюбимой женщины? Я сам такой ребенок. Отец, наверное, уже миллион раз себя проклял за случайную связь с моей матерью. Лучше умереть, чем прожить такую жизнь, как моя. Горы денег и такие же горы несчастий. Но у моего ребенка есть семья! Я люблю его мать. А ты, ты любишь меня? — Элина молчала, тихонько сопя мокрым носом. — Любишь или нет?

— Да, — беззвучно сказала она.

— Не слышу! Оглух к чертовой матери. Не пойму, да или нет, любишь или ненавидишь.

— Да! — завопила во все горло Элина. — Да! Я люблю тебя! Теперь слышишь?!

Алекс залился смехом и уткнулся головой в ее колени. Элина запустила руки в его волосы и нежно потянула их на себя. Склонилась к нему так, чтобы животу было комфортно, и последний раз всхлипнула.

— Мы чокнутые, — пробубнил он, не в силах оторваться от нее. — Просто чокнутые. А как же Макс?

— Ну если бы двоеженство было у нас разрешено...

— Не понял.

— Жена у него есть. Он просто мой школьный друг. Портфель таскал, пирожки покупал и все дела.

— У нас-то будет посерьезней. — Он приподнял ее майку и поцеловал живот. — Любовь, ребенок, все дела.

Элина не переставала тихо смеяться и всхлипывать. Кажется, простуда мигом прошла, стоило в ее разбитые окна постучаться любви.

— Эль, надо собираться и выезжать.

— Куда? Давай весь дома пробудем. Вдвоем.

— Вдвоем не получится. Мы уже втроем.

— Ты меня понял, — нежно ответила девушка и прикоснулась к его лицу.

— Понял, но сначала нужно сделать все дела. Едем квартиру оформлять на тебя.

— Квартиру? Ты шутишь?

— Никак нет, товарищ мамочка моего сына, — отрапортовал Алекс. — Как и просила, пять комнат и евроремонт, расположена в центре.

Элина выдохнула. Вот это куча новостей с утра пораньше.

— Где ты взял деньги? Я же... Я несерьезно. Я так просто про квартиру... По крайней мере, пять комнат мне не нужно.

— Тебе нет, а малышу пригодятся. Над ремонтом детской можно подумать, если хочешь.

— Саш, ты правду говоришь про квартиру? — Она испытывала такое удивление, несравнимое ни с чем. В один момент получила так много всего: и любовь, и квартиру.

— Как ты сказала? Повтори.

— Ты правду...

— Нет, не это!

— Саша.

Алекс усмехнулся. Саша — это семья. Это любовь. Это новая жизнь. Он хочет быть Сашей.

— Саша, Саша, Саша. — Элина поцеловала его в щеку и обняла.

— Эля, Эля, Эля.

Они снова рассмеялись, и Элина откинулась на диван. Мужчина плюхнулся рядом с ней. От их смеха стены хватались за головы и трещали, расходясь по швам. Женя одним глазком заглянула в комнату и улыбнулась. Ну наконец-то, солнце осветило это царство мрака и вечного дождя.

Одно счастливое обстоятельство порождает в нас надежду на второе, откуда, быть может, и возникла поговорка: «Удача родит удачу».

Дени Дидро «Монахиня»

Время летело стаей мелкой мошкары, то и дело ослепляя глаза и путаясь в волосах. Октябрь подходил к концу, даже не успев зарегистрироваться в сознании Элины. Заселиться в квартиру сразу не вышло, бумажная волокита заняла добрую часть октября. А львиную долю ее здоровья забрал этот дурацкий кашель и непрерывное чихание, точно перец в нос насыпали.

— Эль, ну может уже к врачу? Еще и дня не прошло, чтобы ты не чихала.

— Аллергия на тебя, — кокетливо улыбнулась она, пока они поднимались на свой этаж.

Дрожь добралась до каждой косточки и жилки. Своя квартира... И какая!

— Клинь клином, как ты знаешь, — томно прошептал Алекс и нежно сжал ее талию, очертания которой заметно плыли день ото дня.

Как же ей нравилось терять фигуру! Теперь было в кайф каждый день замечать, как прежние майки и кофты становятся все меньше. Наверное, беременность от любимого мужчины — это тот фигуры, о котором мечтает каждая. Он так быстро вычистил ее голову от ненужных мыслей, отравлявших сознание. Он любил ее, а она полюбила ребенка. Круговорот любви в природе. Самая простая схема в мире.

— Подожди ты со своим клином, — одернула его поползновения Элина и поправила удлинненную куртку. — И не на лестничной площадке же! Все, отстань, мы подошли.

Благоговейный страх подменил ее нервные клетки. Они были в этой квартире лишь раз, да и то бегло все осмотрели, не более того. Казалось, что в бездонном море комнат можно утонуть. Утонуть в объятиях любимого мужчины, отца ее ребенка. Элина так разволновалась, что нос передумал чихать и успокоился.

— Тогда давай быстрее открывать дверь, а то скоро уже стемнеет, а нам надо вещи разгрузить.

— Разгрузить, — рассмеялась девушка, с усмешкой смотря на его рюкзак и сумку в руках. — Ну у нас прямо тонны вещей с собой! И то в сумке почти все детское.

— Эль, — Алекс поцеловал ее за ухом, — у нас все будет. Я обещаю.

— Глупый ты, Сашка. — Она кротко поцеловала его, не давая насладиться сладостью ее губ, дразня. — У нас уже все есть.

Ключи покоились в ладошке Элины. Их ключи от рая. А может, от ада... Кто знает, во что со временем превратится их семейная жизнь. Противные покалывания злодейского духа в ней не давали расслабиться. Что если он с ней все-таки из-за ребенка? Если нет любви? Тогда их жизнь превратится в кошмар, они станут жертвами серийного убийцы — никому ненужного одолжения, которое всегда рушит жизни.

— Эля, уснула? Знаю, с вами, беременными, всякое бывает.

— Вот ты говоришь, как Женя! Считаешь, беременных ненормальными! Это дискриминация!

— Значит, ты и при ней вела себя... эксцентрично.

— Саш... Нет, ничего.

— Продолжай, и никогда так больше не делай. Не молчи и не держи в себе. Если хочешь

сказать, что я придурок просто потому, что сегодня тошнит больше обычного, говори. Ладно?

Элина кивнула. Ей не хотелось своим языком поколебать хрупкий мир, установившийся между ними. Сейчас же даже мелкая искра может спалить их общий дом, где они нашли пристанище.

— Ты не жалеешь, что оформил квартиру на меня? Если... Ну вдруг мы разойдемся. У тебя не будет жилья.

— Если мы разойдемся, у меня в любом случае не будет жилья. И речь идет не о бетонных стенах и электропроводке. — Мужчина зарылся лицом в ее пахнущие ягодами волосы. Аромат деревенских кустарников, обласканных веснушчатым солнышком. Аромат любви. — Без тебя мне и не нужна эта квартира. Я уже жил в такой и не был счастлив. Комнаты ничего не значат, если тебе в них хочется только повеситься. Да и это подарок от отца нашему ребенку.

— Мне неловко перед твоим отцом...

— Эля, да перестань ты думать, ловко или неловко, честное слово. Это квартира для тебя и нашего сына или нашей дочери. Тебе не плевать, кто и на каких условиях ее дал? Она твоя, и точка. Будь отцу жалко, он бы никогда тебе и копейки не подарил в конверте. Поверь мне на слово.

Ключ врезался в замочную скважину, и через три поворота дверь открылась. Элина помедлила еще секунду, прощаясь со старой жизнью: с одиночеством, крошечной квартирой Жени, неудачами. Пусть у нее не сложится с карьерой, она всегда сможет стать лучшей мамой на свете. Возможно, это и было предписано всевышним доктором наук этой дисциплины, то есть жизни.

— Вау... Эта квартира прелестна.

Поскольку на улице уже стоял вечер, а им еще нужно было разобрать вещи, детальный осмотр квартиры откладывался на завтра. Элина сжимала в руке платок, обходя третью комнату, представляя, что здесь будет детская.

— Думаю, тут поместится даже спортивный инвентарь на будущее, — предположила она, рассматривая большую светлую комнату. Вся Женькина квартира в ней! — И пианино. Вдруг наша малютка захочет уметь играть на нем в будущем? Но принуждать ходить в музыкалку я не буду! Сама когда-то таскалась на аккордеон. Боже, как он меня бесил.

Алекс рассмеялся, обнимая Элину сзади. Ее разговоры о будущем их малыша были самым сладким соком, самым вкусным десертом. Она уже заботится о его интересах и комфорте. Осталось ему только найти способ обеспечить своего ребенка всеми этими приспособлениями. Плечи девушки дернулись, и воздух задрожал, атакуемый бактериями.

— Эля, я настаиваю на посещении врача!

— Простуда сама пройдет, — гнусавым голосом ответила она.

— Я не понимаю твоего упорства! Оно глупое какое-то. Ты не свое здоровье ставишь под угрозу, черт возьми, Эля. Завтра пойдешь к врачу.

— Нет.

— Почему?!

— Я не хочу сидеть в государственной больнице с вечно недовольными чем-то стариками и всякими больными, желающими пройти на минутку за справочкой, бумажкой, еще какой-нибудь ерундой. Медсестра из прошлой клиники, Маруська, была беременна и ходила в обычную больницу.

— И что? Выкидывай случился из-за стресса? Чушь.

— Чушь! А ты бывал в этих бюджетных больницах хоть раз? — возмутилась Элина, понимая, что он лечился только в частных клиниках или за границей. — Так вот Марусю там обхамили и заставили с температурой полдня сидеть в очереди. Врач, видите ли, была занята чаепитием и поеданием конфеток.

— Без проблем. Запишись в частную. — Девушка молчала. Ну чего он прикопался?! — Элина.

— Нет.

— Почему? — теряя терпение спросил Алекс.

— У тебя есть столько денег, чтобы оплатить первичный прием и потом вторичный? Конечно же, выпишут сначала кучу анализов и УЗИ, наверное, прежде чем сказать, что у меня обычная простуда. Я же беременна. С меня можно содрать нормально бабла.

Она не хотела этого говорить. У нее не было намерения задеть его и обидеть своими намеками на его несостоятельность, как главы семейства. Началась совместная жизнь.

— Ладно, потом сходишь, — неуверенно ответил мужчина. — Я пока заварю тебе лимонный чай. На это у меня средства найдутся.

Алекс ушел рыться в пакетах в поиске чая и лимона, а Элина прислонилась к двери. Она знает, что семейные стычки и ссоры — это норма, без которой не бывает семьи. Но она также знает, что, если мужчина не зарабатывает деньги, достаточные для обеспечения своей семьи, их союз развалится в любом случае. И не из-за ее неуемного аппетита, а как раз из-за того, что он не может удовлетворить никакой, даже самый хиленький ее аппетит. Комплекс добытчика, как она сама назвала этот феномен.

Усталость быстро дала о себе знать, и, приняв на скорую руку ванную, Элина легла спать. Лимонный чай покоился останками выжатого кипятком лимона на дне кружки, а ее душевные силы — на кладбище терпения. Как же у них получится жить в дальнейшем...

— Я зашторю окно, не люблю, когда светло ночью, — произнес Алекс, направляясь к шторам.

— Саш... Ты не мог бы лечь в другой комнате. Благо, их тут много.

Взгляд мужчины остановился на ее разгоряченном чаем лице в удивлении. Уже так быстро его выпинаывает из семейной спальни? Ничего себе, как скоро у них закончился медовый месяц и превратился в горькую жизнь.

— А что так? Я тебе мешаю?

— Нет, я болею, и не хочу, чтобы ты заразился. Тогда уже нам обоим понадобится врач.

— Ясно, — печально усмехнулся он, — а денег-то нет. Спокойной ночи.

Он ушел, а с ним и все тепло, которое якобы исходило от чая. Темные окна взирали на нее с негодованием. «Что за стерва?» — так и кричали они, сливаясь своими гримасами с темнотой. Элина надулась и сильнее замоталась в одеяло, но сон не шел. На душе тревожно били в колокола изгнанные монахи, преданные собственной верой.

Постепенно ее глаза начали закрываться, в театре наступил антракт. Однако сон Элины длился не более двух минут. Где-то (может быть, и у нее в сознании) скрипнул пол, и она с ужасом уставилась во мрак перед собой. Голову стали атаковать различные картинки из виденных когда-то, даже в детстве, фильмов ужасов. За дверью точно привидение, а из телевизора сейчас вылезет девочка, хоть она и не смотрела пленку. Под диваном так точно знаменитый клоун Кинга уже подтачивает для нее ножи...

— Виски бы сюда. Поскорее бы ее перевезти, — прошептала Элина, уйдя под одеяло по

самые брови.

До чего все это смешно! До чего она смехотворна. Как бы она не уговаривала себя повзрослеть, жить в таком большом доме ей еще не доводилось. Казалось, что в каждом углу притаилась нечисть и сверлит ее своими глазками-бусинками.

— Черт, — пробормотала девушка, вылезая из одеяла, которое не хотело ее отпустить.

Оказавшись на ногах, Элина поняла, что теперь все монстры смогут наброситься на нее, когда она потеряла защиту одеяла. Срочно в соседнюю комнату!

— Эля? Что такое? Плохо? — Алекс вскочил с кровати, откладывая Ремарка на тумбочку. — Эля!

— Плохо, — слезливо призналась она и села рядом с ним. — Без тебя.

Мужчина перевел дыхание. У него чуть сердце не остановилось. Он помог ей лечь в его объятиях и накрыл одеялом.

— Даже если ты против, я всегда буду с тобой, — тихонько сказал Алекс и поцеловал ее лоб.

— Я не против, — из последних сил пробубнила Элина, тут же проваливаясь в сонную лощину, где ее встретили дружелюбные слуги дедушки Морфея.

***

Одно дело — преследовать нечто безымянное, но совсем другое дело — найти его.

Говард Филлипс Лавкрафт «Данвичский кошмар»

Теплая вода царапающими струями смывала с полотна ее души угольные мазки переживаний и тревог. Самые изощренные маньяки, потрошащие своих жертв до последней косточки — страхи. Элина дрожала под водой, все прибавляя напор. Скоро кипятик начнет оставлять на ней ожоги, но ей было холодно.

— Нет, хоть бы не это, — дрожащими губами проговорила она, вылезая из душевой.

Махровое полотенце обхватило ее своими волосатыми руками, не согревая. Девушка быстро натянула на себя велюровый домашний костюм и достала с ванной полочки градусник. Всю ночь она буквально полыхала в огне, который казался ей страстью, но когда в шесть утра начал бить ледяными градинами озноб, сомнения по поводу температуры начали разгрызать камень ее уверенности в своем титаническом здоровье.

— Эля! Ты занята? Эля! У меня кое-что важное.

— Да, — прохрипела она; голос куда-то испарился, оставив от себя только предательский хрип.

— Эля!

— Саш, ну чего ты орешь? Выйду, тогда и скажешь!

— Прости.

Элина вздохнула, понимая, что переборщила. Она вообще, как оказалось, не самый лучший повар на этой кухне бытовых отношений. Вроде уже кухарка со стажем, а готовить изысканные деликатесы так и не научилась. Вечно пересолит, пересахарит, перебродит, недожарит, недоварит... Постоянно ее блюдам с Алексом чего-то не хватало.

— Ну что ты мне скажешь? — обратилась она к градуснику, медленно доставая его слабыми руками. — Тридцать семь и шесть... Нет... Нет!

Время глиняными шариками перекатывалось в ее потных от волнения руках, растрескиваясь и растекаясь. Заболела, черт возьми... В первом триместре беременности температура не есть хороший знак. Сегодня же позвонит в клинику.

— Эль, извини, если я тебе мешаю. — Алекс стал аккуратным, точно сапер, стоящий на

растяжке. — Но мне нужно скоро уходить.

— Куда?

— Выйди, пожалуйста. Дверь бесчувственная, неохота с ней говорить.

Элина открыла дверь и выползла из нее облаком усталости. Теперь еще с этой болезнью промучается. А ведь шел третий месяц ее беременности. Третий месяц как жил ее сынок или барахтала ножками в животе ее дочка.

— Саш, тут такое дело...

— Элька, мне мама позвонила! Мама!

Мужчина закружил Элину на руках, стараясь быть максимально внимательным к своим движениям, однако радость захлестывала его.

— Мама?

— Именно! Господи, я в шоке... Нет, я изумлен к чертям. Эль, представляешь, мама позвонила сама и хочет встретиться!

— Она здесь? В Москве?

— Нет, в Питере. Элечка, ты не против, если я уеду на пару дней? Я мать не видел всю свою жизнь, а мне уже тридцать и у меня будет скоро свой ребенок... — Его речь сбивалась с ритма, а рваное дыхание нарушало дикцию. — Я так долго враждовал со всем миром во имя ненависти к родителям. Я хочу все исправить.

— Как уедешь?

Ее охватил необузданный страх. У нее температура и все это... А он уедет!

— Я уже заказал онлайн билет, вылет через три часа. Я прямо сейчас поеду в аэропорт. Эль, это такая удача! Ты отпустишь меня?

Алекс усадил Элину на стул, видя, что она неважно себя чувствует.

— Ты не мой хомячок, чтобы я закрывала тебя в клетке. — Элина протерла лоб, покрывшийся испариной. Она должна побороть себя. Он просил ее обратиться в клинику, а она кидалась на него с рыком, теперь она не имеет права держать его. — Езжай, Саш, конечно. Беги вещи собирать, времени и так нет.

— С тобой все хорошо, милая? Ты такая горячая.

— После душа.

Алекс чмокнул ее в лоб, дивясь его горячности. Но мысли о матери, внешность которой он пытался смоделировать в мысленном фоторедакторе, занимали все его сознание. Он покидал первые попавшиеся под руку вещи в сумку, не забыл взять Ремарка, которого почти дочитал, и уже одевался.

— Саш, можно со мной эти дни поживет Женя? Мне некомфортно в такой большой квартире.

— Делай все, что ты захочешь, Эля. Я скоро вернусь.

Алекс вышел, и до Элины донесся звук закрывающегося лифта. Он лязгнул своими дверцами, унося его в Питер. Далеко от нее...

Часы ожидания вылета и полета пронеслись автоматной очередью. Алекс даже их не заметил за своими думами. Какая она, женщина, которая родила его? Как выглядит сейчас та, кому он обязан жизнью? Кого он увидит по прилету? Должно быть, она красивая. Кто-то же дал ему красоту! Жестокость и хладнокровие, оплаченные на две жизни вперед золотыми слитками, ему преподнес в качестве приданного отец, а милую мордашку, вводящую жертву в транс и иллюзии, безусловно мать. Она пантера или пугливая кошечка? У нее зубки или клыки? Какая же она...

— Ну и жизнь, — пробурчал мужчина, наблюдая в иллюминаторе за снижением самолета.

Он не сирота, но не может представить себе, как выглядит его мать. У него есть отец, но что такое отцовское воспитание он не способен понять. У него есть все, но ничто не держит его в этом мире. Кроме Эли и их ребенка... Эта женщина стала его личной силой притяжения, его безжалостной гравитацией, его силой трения и импульсом движения. Она — его все.

Питер встретил его разлитой по асфальту серо-черной акварелью и сумасшедшими танцами стремительно лысеющих в преддверии зимы деревьев. Мрак, в котором некому его согреть. Алекс качнул головой, уносимый далеко муссонами своих мыслей. Его родной город стал просто чужой точкой на атласе страны, безликой кляксой на глобусе планеты. Вся его жизнь горела люстрами в одной комнат квартир Москвы. Две его жизни.

— Александр Антонович, — окликнул Алекса мужчина, выглядывая из джипа.

Нормально его встречают. Он уже и не помнит, что такое джип. Зато маршрутки стали его личной фобией! Разнообразие эмоций. Дойдя до машины, он помедлил. Готов ли он посмотреть в глаза женщины, вынашивавшей его девять месяцев, а потом так легко бросившей из-за кусков разбитых слитков золота, которые она не смогла поделить с его отцом? Сможет!

— Здравствуй, Саша.

Тонкий голосок, точно прикосновение кашемира к голому телу, поцеловал его в темечко. Саша, которого она забросила в чулан своей жизни, сидел перед ней. Женщина, говорившая с ним, поразила его воображение. Он знал, что мать красавица, но что она писаная красотка с картин лучших мастеров догадаться не мог. Загорелая кожа, копна шелковых темных волос с модным мелированием выгоревшими прядками, кошачьи зеленые глаза — заросли мха, тянущего в свои болота, точеный носик и скулы, дуги — брови, влажные от блеска малиновые губы... Безусловно дорогое пальто скрывало под собой не менее дорогой строгий костюм, а в пол машины упирались стилеты.

— Здравствуй... мам. Я же могу вас так называть?

— Саша, я понимаю, что пропасть между нами не перешагнуть и даже не перелететь. Силы наших крыльев не хватит для такого разгона. Я прошу у тебя прощения за то, что мы с твоим отцом сделали с нашей семьей.

— Распотрошили вы нашу семью! А была ли она вообще? Были только ты и он, а ну еще ваши интересы. Жаль, я в них не вписался.

Алекс выдохнул. Глупец. Что он ждал? Что она кинется обнимать его и целовать, просить на коленях прощения? Он не хочет видеть свою мать такой. Пусть она останется ледяной королевой в бизнес-костюме с идеальными стрелками на глазах. Пусть не будет лицемерия хотя бы в его отношениях с ней. Они просто партнеры: мать и сын. Неудавшаяся компания.

— Извини, — перевел дух мужчина. — Забудь то, что я сказал. Свои обиды я оставил в детском саду, в раковине с остатками каши и какао. В первом классе у меня уже не осталось ни каши, ни мамы. Значит, так всем будет лучше. Что ты хотела?

— Сын, пойми...

— Нет! Не буду ничего понимать. Не смогу. Не хватит ума и душевных сил. Я слишком подонок, чтобы понять. Слишком устал, чертовски просто измотан этим семейным дерьмом, чтобы понимать. Почему, почему твой тридцатилетний сын должен понять мотивы,

которыми ты руководствовалась, когда бросала его? А ты, взрослая женщина, не смогла в свое время понять, что любому ребенку нужна мать! Ты оставила меня с человеком, которому было плевать на меня. Он засовывал в меня деньги, как в трусы какой-нибудь стриптизерши. Держи, детка, и отвали. Кормил меня баблом, как керамическую свинью с прорезью на спине. А потом разбил и был таков.

Алекс представил, как затягивается сигарой до полного сожжения легких, до пожара в своей душе, который оставит лишь копоть от его чувств. Как же сложно не выяснять отношения с матерью. Он же видит ее впервые за столько лет!

— Говори, что хочешь, пожалуйста, или я пойду.

— Ближе к сути, — голос женщины сменился со складного ножика до мясницкого топора. — Я узнала о твоих проблемах и хочу помочь.

— У меня все прекрасно.

— Александр, давай без эмоций поговорим. Мой нынешний муж скупает по всему миру недвижимость, но не везде успевает открыть бизнес. У него есть два больших здания в Москве и одно здесь, в Петербурге. — Она щелкнула замком своего кожаного кейса и достала папку. — Бумаги о передаче их в твою собственность готовы, нужны только подписи.

Мужчина сначала не понял, что она ему предлагает. Какие здания? Что за...?

— Я не просек фишку, прости, мам.

— Я отдаю тебе во владение три больших здания с ремонтом в Москве и Питере. Точнее, мой муж отдает. У него руки не доходят до России, а помещения простаивают. Что в них открыть, решишь сам.

— Что я могу в них открыть? — Он демонстративно вывернул карманы. — Если только дверь! Ну и закрыть ее сразу.

— Не кипятись, Саша. Я договорилась с банком, в котором опять же есть связи у моего мужа. Тебе дадут необходимый кредит.

— Да ладно? Так просто? Пришел с улицы и получил кредит? Даже с зарплатой в ноль рублей?

— Под залог твоей новой квартиры.

Откуда она все про него знает?! Ну конечно, с папочкой пообщались. Надо же, он стал поводом для их воссоединения. Как мило.

— Нет, — отрезал Алекс. — Даже не обсуждается. Нет, нет, нет. В этой квартире живет моя семья.

— Не торопись с ответом. Подумай. Обсуди со своей женой.

— У меня нет жены.

— Со своей женщиной тогда обсуди. Подпись поставить ты можешь и сейчас — и постройки твои, а что делать с ними дальше, сам решай.

Слова матери о бумагах и постройках пронесли мимо него, точно гоночные болиды по трассе. У него нет жены... Элина не его жена, и это чертовски печальное упущение! Но сыграть свадьбу, даже купить кольцо не на что. Постройки, свадьба, Элина...

— Давай бумаги.

Поставив везде подписи, Алекс сухо поблагодарил мать, и вышел из машины. Бумаги он спрятал под куртку и всю дорогу прижимал их рукой, точно свое сердце. Он обдумывает, как поступить. Как бы там ни было, он знает точно, что такого шанса больше не предвидится. Шлюпку утопающему сбрасывает только один раз.

Конечно, ссоры будут всегда. Такова природа Женщины.

Чарльз Буковски «Почтамт»

Ноябрь брэнчал на расстроенной гитаре хиты уходящей осени, пытаясь увековечить свою власть завывающими трелями холода ветрами. Алекс продирался сквозь эту ветряную мельницу, подняв повыше ворот куртки. Во дворах всегда ураган сносит с ног.

У него было столько новостей для Элины. Она точно обрадуется! В Питере он провел еще неделю, встретился с некоторыми старыми друзьями, стер пыль с парочки дружеских контактов, имевшихся в прошлом. Он снова почувствовал себя всадником на коне. Но если Эля воспротивится его планам, он станет всадником без головы.

Знакомые по бывшему бизнесу парни предложили ему много выгодных идей, на которых он бы смог поднять процветающее дело и даже рассчитаться с отцом за квартиру, чтобы Эля знала, что она и их ребенок не живут в долг перед дедом. Кто его знает, этого деда, какой белены он объестся завтра и, возможно, без единого чемодана выгонит их на улицу. Не в силах ждать встречи, мужчина набрал Элину.

— Отвечай быстрее, Эля, а то пальцы отморожу, — стучащими зубами шептал он, удерживая трубку посиневшими пальцами.

В этом весь ноябрь! Продрогшие конечности, колтуны из волос, чвакающий нос и ледяная пустота внутри, которую всего через месяц запорошит первый снег декабря.

Ответа он не получил, а только голос робота, доносящий до его сведения, что абонент, именуемый Элиной Стриженовой, сейчас ответить не может. Опять обижается на что-то? Или ускакала с Женькой куда-то? Алекс, наконец-то, добрал до их района и с завистью осмотрел двор. Он был лишним в этом царстве аккуратно подстриженных газонов, всегда чистых улиц и убранных мусорных баков. Он был чужим среди этой роскоши элитных внедорожников, паркинга, гаражей, модернизированной детской площадки. Но он был рад, что его ребенок будет играть не в грязной земле, наполненной окурками и собачьими фекалиями, перед окнами типичной пятиэтажки. Он благодарил отца за то, что его сын или дочь не будет кататься в дешевом пуховике с ржавой горки и бегать с самокатом по дороге среди машин, ибо для детей крестьян никогда не было и не будет оборудованных площадок.

Домофон таинственно молчал, поэтому пальцам Алекса не удалось погреться в карманах куртки. Вынужденные искать ключи по всем возможным карманам, они начали шарить в джинсах и тотчас были покусаны безжалостным ветром. Видимо, Эли нет дома. Точно с Женей гуляет.

— Ну вот куда можно выйти в такую погоду, да еще и с соплями! — негодовал мужчина, поднимаясь по лестнице, чтобы разогреть застывшую на минус десяти кровь.

В квартире действительно никого не оказалось, и Алекс опечалился. Он так скучал по Эле, по ее знойному характеру: никогда не знаешь обогреет ли ее теплота или спалит дотла. Однако он любил ее и готов был нежно греться под лучами ее солнышка или превратиться в уголь. Как она пожелает. Чего он будет достоин. Мужчина — зеркало женщины. И либо она отражается в нем силой и уверенностью, либо растекается неуверенностью и жалостью к самой себе.

Время протопало семенящими муравьями, уносящими на своих спинах идеи его будущего бизнеса. У него было столько планов, бумаг, наработок, идей! Поскорее бы Эля

вернулась. Ему не терпится обсудить с ней каждую свою мысль, сделать ее соучастницей их обеспеченного и счастливого будущего. Взглянув на часы, Алекс удивился. Уже вечер на дворе. Где они могли пропадать? Пора звонить Жене. Через несколько гудков усталый женский голос, лишь отдаленно похожий на Женин, ответил ему.

— Жень, а вы где? Ты вообще с Элей? Я ее уже полдня жду дома.

— Ты вернулся, — немного нервно вскрикнула Женя.

— Выходит так. Где вы? Встретить вас? Какого черта вы шляетесь в холод и темень на улице?

— Саш, мы... — Девушка вздохнула. — Мы в больнице. То есть Эля в больнице, а я сейчас дома, так как часы посещений уже закончились...

— Не понял. Какие часы посещений? В какой она больнице? — Алекс вскочил со стула, отпिनывая его в сторону. — Она что, госпитализирована?!

— Да, только не кричи.

— Не кричи?! Почему я не в курсе, что мать моего ребенка лежит в больнице? Ты-то вроде разумная, Женя! Почему не позвонила?!

— Хватит кричать! Я и так устала, уже не помню себя. Не ори на меня!

Ее ответный крик был похож на эхо в горах или пустой комнате. Каждая капля усталости, конденсатом стекающая по ее голосовым связкам, достигла Алекса. Он взял себя в руки. Цирк! Только вот не смешно.

— Я сейчас же приеду. Адрес больницы.

— Нет смысла. Тебя не пустят к ней. Ты время видел?

— А ты видела время?! Неделя, как я уехал, и ни слова от тебя о состоянии Элины! Как долго она в больнице?

— Неделю.

— Что?!

— Все, разговор окончен. Часы посещений начинаются с трех. Завтра в два я пришлю тебе адрес.

Женя отключилась. Алекс метался по комнате, готовый крушить эту дорогую квартиру, ломать мебель, сдирать обои. Зарывав от бессилия, он кинул телефон на пол. Не разбился, уже хорошо. На новый-то денег нет!

Выдохнув, он остыл, точно забытая на плите сковородка с котлетами. Котлеты протухли и окоченели. Осталась всего лишь ночь. Продержаться в этом мраке, в этой неизвестности, в мольбах молчаливому небу о здоровье Элины.

***

Казалось, что в целом мире их только двое — он и эта женщина.

Джон Голсуорси «Санта-Лючия»

В два сорок Алекс уже топтался у отделения, где лежала Элина. Медсестры недовольно глазели на него, явно желая вколоть ему какого-нибудь морфина, чтобы он перестал маячить.

— Молодой человек, ну успокойтесь вы уже. Часы приема с трех! — не выдержала старшая медсестра. — Сядьте!

— Там мои... девушка и ребенок! А вы мне предлагаете сесть?! Если только в тюрьму за чье-нибудь убийство. Поторопите свои дурацкие часы, чтобы уже было три!

Женщина покрутила пальцем у виска и оставила сумасшедшего папашу беситься в одиночку. Алекс уже прожег шестеренки наручных часов взглядом, не отводя от них глаз.

Чувствуя себя неуютно под раздевающим и колющим ножом взглядом, стрелки покраснели.

— Проходите, — буркнула сестра, толкая дверь в отделение.

— Эля! Эля! — Найдя глазами койку Элины в самом углу у окна, он кинулся туда. —

Элечка...

— Привет, — прошептала девушка и, закрыв глаза, обняла его. Всхлип сорвался с ее бледных губ. — Мне так тебя не хватало. Здесь ужасно одиноко, сыро и холодно.

Алекс присел на край кровати и наклонился к Элине. Бледность выбелила ее свежее личико, стерло ягодный привкус с румяных щечек и арбузную свежесть с губ. Из бабочки его красавица превратилась в полудохлую моль.

— Почему ты не сообщила мне о том, что тебя положили в больницу?! Разве так можно, Эля? Можно причинять такую боль любимому человеку? Или я не любимый? Давай уже расставим все закорючки над нашими собственными буквами. Хочу научиться этому алфавиту, чтобы понять тебя.

— Ты любимый, самый любимый, — протараторила она, покрывая его лицо поцелуями. — Нет, не самый.

— Как это?

— Он самый любимый, — голос Элины упал до температуры зимних сумерек, когда она накрыла закутанный в одеяло живот. — А ты сразу после него. А я дура.

Слезы затанули свои петли на ее ресничках и упали вниз, катясь вниз головой по щекам. Мужчина сжал ее в объятиях. Его любимая звездочка на чужом, неприветливом небосклоне. Его личная маленькая, но такая огромная планета в этом жестоком космосе. Его спасительный круг на «Титанике». Его дорогая Эля.

— Не плачь, моя хорошая. Просто пообещай больше так не делать. Я хочу всегда быть рядом, всегда знать, что с тобой. Готов бегать за прокладками в пять утра, — пошутил он, что вызвало у Элины смешок, — скупать тушенку в половину первого ночи, на все готов. Ты только дай мне навигатор, и я всегда буду возле тебя... вас.

Элина прижалась к его лбу своим и держала глаза закрытыми, чтобы дневной свет и взгляды других женщин в палате не разрушили романтику момента. Она нашла свой смысл. Свой ответ. Решила единственную важную задачу, выиграла в битве с этим уравнением. Вся ее жизнь свелась к этой встрече, все знаки равно указывали на него. Лучшего мужчину на свете. Он не приносил ей купюры, перевязанные резинкой, он принес ей свое сердце. И она будет держать его, точно гранату с сорванной чекой, пока не откажет последний нерв.

— Я не хотела омрачать твою встречу с мамой. Ты так ждал этого, так горел идеей встретиться с ней. Я решила, что это важнее.

— Эля, если бы можно было вообще омрачить встречу с моей маман... — усмехнулся он, выпуская ее из своих рук и усаживая к стенке кровати на подушку. — Мать, эта незнакомая женщина с ботоксным лицом и костюмом из уж не знаю, чьей кожи, не может быть важнее моей семьи.

— Мы твоя семья? — спросила Элина, просто чтобы услышать это еще раз, чтобы закрыть глаза, словно котик, от удовольствия быть обласканным со всех сторон.

— Нет. Вы — моя жизнь и моя смерть, моя свобода и неволя. Мое богатство и мое разорение. Вы — мое все, а не просто семья. Семейей называют всех кого не лень, достаточно иметь соответствующую запись в паспорте, но почему-то не все эти люди, случайно оказавшиеся вместе в крохотной комнатухе жизни, являются семьей. И если раньше я был уверен, что знаю, что такое предательство и одиночество, я крупно ошибался.

— Почему?

— Потому, что одиноким я стану, если ты уйдешь от меня. Буду чувствовать себя преданным, если ты перестанешь мне доверять. — Элина все еще сжимала его ладонь своими тоненькими пальчиками без маникюра, ведь некогда было! Нужно ее успокоить. — Как тут кормят? Ты доволен, малыш? — обратился к ее животику Алекс, шумя магазинным пакетом. — Давай посмотрим, что я вам принес.

— Апельсиновый сок! — хлопнула в ладони Элина, оживляясь. — Кормят здесь отвратно, иногда хочется доесть за соседками, — стыдливо призналась она.

— Ну конечно, вас же двое. Как раньше, куском яблока ты не обойдешься.

— А это что? — Повертела в руках пестрый контейнер. — И это?

— Овощной салат и блинчики с творогом. Еще тут кое-какие фрукты и сладости.

— Ты сам сделал салат и блинчики?!

— Женя, — выдал все секреты Алекс и понуро опустил голову.

— Мы все равно тобой гордимся, папуля ты наш, — ласково улыбнулась Элина и, подозвав его к себе, поцеловала в щеку. — Рассказывай, как съездил, а мы поедим.

Девушка удобно устроилась на кровати, подтянув к себе ноги, и принялась за инжир, запивая его апельсиновым соком. Вкуснотища! Но отчего ей действительно становилось сладко, так это от его присутствия здесь. От его энергии, что он излучал и щитом накрывал ее и ребенка. От его любви, которую он выплескивал на нее, не жалея ресурсов своей души.

— Сначала ты расскажи, что с тобой.

— Вирус какой-то. Врачи тут толком ничего не объясняют. Дают лекарства и обещают скоро выписать. Температура спала, нос успокоился, кашель стал меньше. Все хорошо. — Теперь от зубов Элины пострадала хурма, а стакан снова наполнился ярко-оранжевым, точно нектар самого солнца, соком. — Не томи, Сашка, говори.

— Да о чем говорить? Если бы я не знал, что это моя мать, никогда бы по этой высокомерной сучке не догадался о нашем родстве. Точнее, о моем родстве с ее яйцеклеткой. Больше у нас ничего общего.

Элина чуть не подавилась, но сок успел проскочить в нужные отделы пищевода, и она просто прокашлялась.

— Саш, что ты такое несешь? Это же твоя мама.

— Откуда вообще у людей такой пиетет перед матерью? Тоже мне звание героя вселенной. Мать — это не женщина, которая раздвинула перед кем-то ноги, а потом выплюнула кровавый комок рефлексов и инстинктов из себя, забывая о нем навсегда. Моя нянечка, как у Пушкина, знаешь ли, является мне больше матерью. Я помню ее лицо по ночам, ее сказки, ее за завтраком. Так же помню деньги, которые отсчитывал отец и платил ей. Класс. На всех этапах моей жизни меня покупали и продавали.

— Саш... — Она погладила его по руке, ощущая комок боли где-то посередине грудной клетки. Так бьется ее сердце в унисон его горю. — Сейчас-то никто тебя не покупает и не продает. Надеюсь, я смогу выкупить тебя у этой боли со временем. Я, конечно, тоже не подарок... скорее петарда в подарочной упаковке, но я научусь любить, как надо.

— Эль, нельзя уметь любить, как надо. Нет такого понятия «надо любить». Любить не надо, любить — это чувствовать. А у чувств нет долженствования. Чувства не обязаны быть взаимными, не обязаны не угасать, не обязаны вообще быть. Если ты чувствуешь уют, когда я рядом, мне больше ничего не нужно. Значит, ты ощущаешь мою любовь, а я готов дарить тебе ее до тех пор, пока не выгорю, или пока ты сама не попросишь забрать все подарки

назад.

— Хочу домой. Хочу лежать с тобой на одной постели, под одним одеялом. Хочу слушать, как бьется сердечко нашего ребенка, как ты дышишь, как дышу я. Хочу знать, что все эти дороги сошлись-таки в конечной точке.

— Поэтесса ты моя ненаглядная, — улыбнулся Алекс и оставил поцелуй на ее носу.

— И что, больше новостей нет от встречи с матерью? Совсем никаких?

— Ну есть, конечно, кое-что еще, но, я думаю, нет смысла об этом говорить.

— Давай вместе думать? Я за то, чтобы ты поделился со своей семьей всем, без остатка.

Мужчина вздохнул. Этого он всегда хотел: делить всю свою жизнь, каждую победу и каждое поражение, бесконечную радость и бездонную печаль со своей семьей.

— Мать отдала мне кое-какие пустующие постройки в Москве и Питере. Там можно было бы открыть что-нибудь... Я набросал примерные варианты: продуктовый магазин, бутик или бар на худой конец. Можно открыть сеть... Но это все мечты, не более.

— Ничего себе она расщедрилась!

— Сам в шоке. Наверное, старость ударила в голову. Бес по всем ребрам прошелся.

— А почему это только мечты?

Элина сама не заметила, как уже хрустела шоколадной вафлей и поглядывала на зефирку. Вот это она проголодалась! И до любви, и до еды. Этот мужчина утолил все ее аппетиты.

— Потому, что нужны огромные деньги на развитие даже для одного такого помещения. Есть возможность взять кредит, но... Нет, — он отчаянно мотнул головой, — не вариант. Это как играть на свою жизнь в карты. Проиграешь.

— Ты можешь говорить яснее? Не приключенческий роман пишешь, Стивенсон.

— Есть предложение взять необходимую сумму под залог нашей квартиры.

— Что?!

Кусочек вафли упал на белую простыню, засыпая всю постель крошками.

— Какое, однако, кабальное предложение.

— Эля, не переживай, — успокоил ее Алекс. — Я не давал своего согласия. И квартира твоя. Не переживай, все хорошо. Дождь начался.

Он отошел к окну, чтобы скрыть свое разочарование. Можно этими бумагами разжечь огонь в камине, больше они ни на что не сгодятся. Ну и ладно. Завтра устроится на какую-нибудь работу, любую, какую первую найдет в газете. Хватит мечтать о несбыточном. Он отхватил свой кусок красивой жизни, пора закрыть рот на замок.

— Саш, ты расстроился?

— Нет, Эль. Дождь заслонил все мокрой стеной. Слышишь, как ветер завывает?

— Угу. словно одинокий волк в лесу.

— Точно.

Элина зажмурилась, пронзая копьями свою истеричную тень. Это не ее квартира! Не ее. Только грязь на входном коврикe ее, а все остальное не принадлежит ей ни по какому праву. Как же все это сложно... Но ведь он ее любовь, ее сердце и душа, ее мужчина. Разве сможет она жить в этих хоромах, зная, что своими руками сломала позвонки всем его стремлениям? Настоящая женщина и есть то самое шампанское, которое испивает мужчина, принимая риски. Она должна довериться ему. Должна встать за его спиной и поддержать его, вместе с ним идти к успеху или упасть в канаву неудач. Как бы там ни было, но вместе.

— Саш, вернись ко мне.

— Скоро уже меня выпроводят отсюда. Медсестры меня не любят. Это не лечится, — рассмеялся он, но без толики радости.

— Готовь пока свои идеи, как только меня выпишут, я подпишу бумаги о передаче квартиры под залог.

Глаза Алекса приобрели непомерно много углов, принимая форму неведомой геометрической фигуры. У него, должно быть, ушной клещ и нарушение слуха...

— Александр, — Элина пощелкала пальцами перед его лицом, — ты меня слышишь? Ты вообще жив?

— Я... Ты серьезно?

— Нет, с первым апреля! Авансом.

Мужчина тряхнул головой. Что-то он запутался...

— Саш, я серьезно. Бери кредит, осуществляй свои мечты, будь тем, кем ты хочешь быть. А я буду твоей верной спутницей, и в здравии, и в болезни, и в кредите.

Алекс рассмеялся, чувствуя себя так, словно на него снизошло откровение всей его жизни. Дед Мороз существует. НЛО живут рядом с ними. Бог — твой сосед по лестничной клетке, тот мужик в семейках и майке-алкоголичке. Ему досталась лучшая женщина на свете.

— Но ведь это так рискованно, Эль. Ты не боишься? — Он обнял ее, не смущаясь заинтересованных взглядов сокамерниц по палате.

— Я в тебя верю, а это самое главное. Страх, сомнения и все прочее — лишь шелуха. Вера — то, за что я держусь. Я в тебя верю, Саш, — произнесла она, смотря ему в глаза. — И поэтому я иду за тобой в рай и ад всеми возможными тропами. Надеюсь, что мы придем все-таки в рай, но если и нет, то... Все равно ведь муж и жена одна Сатана.

Элина не подала виду, как огорчил ее факт их гражданского брака. Кто придумал этот гражданский брак? Для кого он? Для ловеласов, которые сегодня по-граждански облюбовали эту койку, завтра ту, а послезавтра задержались на третьей чуть подольше с сервисом все включено: завтраки, обеды, ужины и обслуживание номеров.

— А что бы ты хотела открыть?

— Ой, не знаю... Магазин с косметикой? Салон красоты? Женщины всегда делают маникюр и прическу. Эта сфера никогда не рухнет.

— А бар? Люди всегда едят и пьют.

— Ну да, тоже хорошая идея. А если... — Элина выдохнула от изумления. Вот это мысль!

— Что?

— Давай откроем сеть аптек. И я снова получу шанс приобщиться к медицине, хоть таким способом. Мы сделаем идеальную аптеку, в которой рецептурные препараты не будут отпускаться на добром слове, завезем огромный ассортимент лекарств, так же и дешевые аналоги, чтобы все имели возможность лечиться. Позже можно будет расшириться и, например, открыть лечебное крыло: брать анализы, вести прием офтальмолога или терапевта.

— Вау, Эля! Отличная идея. Аптеки — это очень хорошо, очень прибыльно. Мороки много, конечно, но мы со всем справимся.

— Часы посещения закончены, — суровый голос медсестры точно скалкой огрел Алекса. — Мужчина.

— Иду я, иду. Пока, мои любимые, — прошептал он Эле на ухо и оставил на ее губах

скромный поцелуй. — Я завтра приду. И спасибо, Эля, за все.

Алекса силой вытолкали из отделения, а Элина перевела взгляд в окно. Улицы блестели слезами прошедшего дождя, а на небе своим толстым животиком заняло небо осеннее солнце. Девушка улыбнулась. Дождь всегда проходит, а солнце неизменно продолжает светить.

Чтобы любовь была настоящей, она, по-моему, должна перевернуть сердце, мучительно скрутить нервы, опустошить мозг.

Ги де Мопассан «Полено»

Одинокими кукушками жаловались на жизнь ветра, то и дело застревая в голых ветках деревьев. Природа сбросила с себя все одежды, словно крича: «Приходи, зима, и обрушь на меня свои холода!»

— Ну-ка, шарф поплотнее завяжи, — заботливо приказал Алекс, помогая Элине одеться.

— Я как бабка уже в этих слоях одежды, — пробубнила она, выглядывая из-под толстой шапки. — Ты же обещал такси вызвать. Нас что, ветром сдует?

— Хватит причитать, бабулька. Сталина на тебя нет. Он бы научил тебя правильно одеваться.

Проходившая мимо пожилая уборщица недовольно скривилась, поражаясь форменному богохульству этой современной молодежи. На святое замахнулись! Молодые люди рассмеялись и двинулись к выходу.

— Думаешь, кто-то так действительно говорит? Про Сталина? — спросил мужчина, одной рукой поддерживая Элину, а другой — неся ее сумку.

— Знаю точно, что говорят. Как раз бабульки. Как-то слышала на почте, бабушка натравливала Сталина на операторов за дороговизну коробки.

Их смех без боя сдался громогласному ветру, от которого тут же заложило в ушах. Но Элине было все равно. Эти стерильные стены больницы с советским ремонтом и еще более затхлым духом чуть не вогнали ее в депрессию. Свежий, пусть и морозный воздух, шествующего к выходу ноября доставлял ей удовольствие.

Перед больницей переливаясь агатовой чернотой сиял огромный джип. Наверное, родственник какой-то шишки сегодня выписывается. Девушка засомневалась, а лежат ли в такой захолустной больнице шишки? Если только сосновые, под окнами во дворе.

— И где такси? Ты же сказал, что уже вызвал.

— Прямо перед тобой, милая.

Ей уж было почудилось, что совсем тронулась умом, раз не заметила машину такси, но, когда Алекс подошел к джипу и открыл заднюю дверцу, вместе с ней открылся и рот Элины.

— Запрыгивай, Эля. Нечего нашему карапузу дышать этим холодом.

— Прямо туда? — опасливо поинтересовалась она, подходя ближе и чувствуя тепло и уютный аромат дорогого салона.

— Прямо туда. На все сто процентов, — усмехнулся Алекс, помогая ей залезть в машину.

Внутри ее встретил статный и довольно симпатичный мужчина за рулем. Рядом с ним сидела не менее великолепная женщина, явно моложе, но порода читалась даже в морщинках на ее лице. Алекс устроился рядом с Элиной и так же в недоумении уставился на гостью.

— Мама?! Что ты здесь делаешь?

— Сын, это я ее позвал. Давай только сейчас не будем выяснять отношения. Мы этим всю жизнь занимаемся. Сделаем перерыв.

Автомобиль тронулся, унося на своих шинах удивление, радость, страх и смущение

находившихся в ней людей. Элина не знала, как реагировать на такую внезапную встречу с родителями Алекса. Спрятаться поглубже за шарфом?

— Предлагаю отпраздновать выздоровление моей дорогой невестки в теплом семейном кругу. Круг есть, попробуем сделать его теплым, — предложил Антон Робертович. — Кто за?

— Я, — негромко дала согласие мать.

— И я, — еще тише сказала Элина, боясь саму себя перед его отцом.

— Саша? — обратился к нему отец.

Алекс молчал. Он знал, что отец встретит их. Они договорились об этом. Он позвонил ему, чтобы узнать новости об Эле и сам подал идею об их знакомстве. Ожидание собственного ребенка что-то изменило в нем, Алексе Янге, который отныне ассоциировал себя с Сашкой. Он больше не хотел чувствовать себя нелюбимым и ненужным ребенком. Вырос он уже для таких обид. Сам скоро станет отцом. Негоже отцу таить обиду на деда и отравлять тем самым отношения с собственным сыном этой темной аурой и черной энергетикой стухшей за столько лет ненависти. Пришло время залатать дыры их недопонимая с отцом. Но мать... Ее он видеть не так уж и хотел. Да и что может быть, когда черное и белое (его мать и отец) столкнуться на этой палитре? Уж не забрызгают ли они их с Элиной в итоге алой кровью своих вечных разборок?

— Сашуль, не порть момент. Вдруг все получится, — прошептала ему на ухо Элина и оставила на виске пылкий поцелуй холодными губами.

— Согласен.

По пути к дому они заехали в гипермаркет, и Элина повеселилась от души, набирая с бесконечных полок все, что только душа пожелает. Она узнала, что мать Алекса зовут Анна Мария, но она не прочь быть просто Анной для нее. Они даже нашли общий язык, перебираясь от полки к полке. Как оказалось, мать ее мужчины совершенно нехозяйственная. Она не имела представления о том, чем можно накрыть стол для празднования, не разбиралась в продуктах, а названия некоторых ингредиентов и вовсе на русском не помнила. Элина обещала помочь ей на кухне.

Пока Анна набирала яблоки и груши, Элина пыталась дотянуться до апельсинов на верхней полки. Она оглянулась, ища Алекса, но он был где-то в другой части магазина.

— Ладно, — вздохнула она и отошла от стойки с цитрусовыми.

— Сколько нужно апельсинов? — вопрос Антона Робертовича, который неожиданно очутился рядом, застал ее врасплох.

— Парочки хватит, — промямлила она, тушуясь перед ним. Явно же гуляют на его деньги.

— Держи. — Он набрал целый пакет сочных, ласкающих своей кисло-сладкой композицией обоняние апельсинов и протянул ей. — Чуть-чуть больше, чем парочка.

— Спасибо.

— Не стесняйся, дочка, — нежность отца Алекса выплеснулась на нее в теплых объятиях, от чего Элина совсем уж побледнела. — Ты сделала моего сына мужчиной, ты подарила ему счастье. Спасибо тебе за это. А эти апельсины... Если начнут продавать звезды с неба, твоя первая, — подмигнул ей, и она, покраснев, улыбнулась.

Бледность и яркие краски румянца смешались на лице Элины, и она впервые почувствовала себя красивой. Прекрасной. Самой сексапильной и очаровательной. Любимой.

— Ты чего? — тут как тут возле нее оказался Алекс. — Папаша что-то сказал плохое?

— Прекрати. Еще раз назовешь так отца — и мы расстаемся. — Глаза мужчины стали формы мягкого квадрата и грозили развалиться кубиками удивления. — А вообще, я люблю тебя, — счастливо пропела Элина и чмокнула его в щеку.

Она убежала к Анне помогать с дальнейшим выбором продуктов, а Алекс прикоснулся к щеке. Пылает. Ее разъедает от огня. От кислоты. От сладкой боли. Саша в окружении семьи. От этого слова по коже пробежал ток, сжигая волоски напрочь, но оставляя приятное тепло, разливающееся под некогда ледяной кожей.

Покупки в виде груды пакетов были сложены в багажник джипа, и все снова заняли свои места. Страх и скованность отпустили Элину, и она с радостью придала им пинка для ускорения движения. Наконец-то, можно расслабиться. Вокруг свои. Дорога до их квартиры прошла мирно, даже весело, в рассказах Антона Робертовича и милых воспоминаниях из детства Алекса.

— Я помню того ежа, — его смех всколыхнул нагретый печкой воздух. — Туманов тогда подумал, что это подушечка для иглолок на ногах. Он всегда был глуповат.

— Кстати, твой Туманов в СИЗО, — вспомнил о главной новости отец.

— Где?

— Там, Саша, там.

Алекс переглянулся с Элиной, не веря в услышанное. Не может быть! Такую занозу юркую, как Димон, не засадишь ни в какое СИЗО. А уж с его-то связями...

— Да ну, отец. Ты что-то путаешь.

— Говорю тебе, так и есть. Деталей не знаю. Его отец делает все, чтобы было как можно меньше публичности, но в своих кругах уже давно все известно.

— А что случилось?

У Алекса, должно быть, третье ухо выросло на лбу. Для лучшей слышимости.

— Перешел дорогу кому-то гораздо более влиятельному, чем он и его семья. В общем, какие-то крупные махинации в бизнесе. Эти люди не простят ему ни копейки. За каждый рубль получит по году строгача.

— Да ладно? Все настолько серьезно?

— Саша, ты как будто первый день в этом дер... этой клоаке варишься. Конечно, серьезно. Твой дружок, похоже, решил, что может гавкать на всех подряд, но и на него нашлись Церберы.

Элина взглянула на Алекса. Тень сожаления укусила его радостное до этой минуты лицо. Неужели он сочувствует этому подонку?

— Саш, тебе жалко такого монстра? — спросила девушка, надеясь, что он ответит отрицательно.

— Не знаю, Эля. Мы, люди, хитро устроены. Можем годами желать кому-то смерти или инвалидности, а получив это, разочароваться в отсутствии ожидаемого кайфа. Нет ощущения удовольствия от услышанных новостей.

— Мне его не жаль, — фыркнула она. — Он же вылитый прототип Франческо Ченчи! Еще жалеть таких.

— А кто это? — вступила в разговор Анна, все еще чувствовавшая себя лишней на этом торжестве семьи и любви.

Свою-то семью она не смогла сберечь... И даже больше: своими руками нанесла ей колото-резанные раны по всему телу.

— Герой произведения Дюма. Жуткий тип с садистскими наклонностями. Чем не Туманов?

И вновь Туманов омрачил его жизнь. Он стал мрачным символом его прошлого, лишённого доблести и чести. И вот бывший друг повержен, как и само прошлое...

***

Бывают минуты, когда слова люблю тебя настолько неуместны, что становятся почти неприличными, запомни это хорошенько.

Ги де Мопассан «Слова любви»

Мягкий свет кухни отражался улыбками на лицах собравшихся за столом людей. Алекс расплывался в счастье, как кот в сливках. Он не хотел думать о прошлом, о мотивах разрыва родителей, о своем одиночестве. Этого больше нет. Есть Эля и их ребенок. Есть мама. Есть папа. Есть счастливый он.

— Элиночка, все было очень вкусно. Я спокоен за сына. Сыт будет всегда, — похвалил ее в который раз Антон Робертович.

— Спасибо, но это не только моя заслуга. Анна тоже поучаствовала в этом великолепии.

— Да что ты, Эля, — смутилась женщина. — Только тарелки поставила на стол.

— Буду сыт, пап, буду, если деньги смогу заработать, — произнес Алекс, поглаживая руку Элину. Он и не заметил, как дотянулся до нее. Просто ему нужно знать, что она рядом. — Кстати, пойдем, я покажу тебе планы, а еще поставщиков лекарств. Я столько выгодных предложений нашел!

Анна бросила взгляд на часы. Увы, но безжалостный внешний мир не имеет сочувствия к их воссоединившейся семье.

— Саша, — нетвердо начала она, — мне скоро придется уйти. Я бы очень хотела поговорить с тобой, если ты не против.

Элина кивнула Антону Робертовичу и предложила ему пройти в кабинет сына, где он сможет посмотреть бумаги. Оставшись с матерью наедине, Алекс не знал, куда деться. Словно исполнилась мечта всей его жизни встретить кумира, и в этот грандиозный момент он не знает, что сказать. Глупо.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, мой мальчик, — тихо произнесла мать и робко обняла его. Ее родной. Дорогой. Так похожий на нее. И брошенный ею. Первые секунды Алекс сопротивлялся, но все же сдался. Проще сдаться этому демону сейчас, чем позволить ему воткнуть в него ножи позже. — Прости меня. Прости нас. Но, конечно, в первую очередь виновата я. Я оставила тебя.

Тишина кухни тикала у него сознании таймером бомбы. Это его сердце, что сейчас кровавыми кусками разлетится по стенам.

— Расскажи, почему. Я имею право знать, почему каждую ночь проклинал себя, винил в развале нашей семьи.

Анна отпустила его и вернулась на диван. Момент истины. Сквозь года. Через всю причиненную боль.

— Во всем виновата только моя глупость и не готовность к серьезной жизни. Я была очень молода, когда ты появился. Твой отец был сильно старше. Я искала удачную пару, ставку, которая сыграет. Любовь тогда не имела значения вообще. Только деньги, перспективы, статус в обществе. У Антона это все было.

— Любовь так и не возникла?

— Откуда ей было возникнуть, сынок? Мы с твоим отцом жили разными жизнями, но на одной огромной жилплощади. Мы могли даже не видеться в этом особняке. Он пропал на работе, строил свою империю, я — на светских мероприятиях, в окружении таких же молодых и пустоголовых девиц, какой была я сама. В итоге мы стали, как две реки, текущие в разных направлениях.

— И появился я? — горько усмехнулся Алекс.

— Да. я забеременела случайно, опять же по своей глупости. Только не думай, что ты был ошибкой. Ошибкой было мое решение оставить тебя в прошлом и начать будущее без тебя. Прости, Саша.

— Продолжай, мам.

Ее слова скатывались в шипованный ком в горле. Еще чуть-чуть — и он начнет давиться кровью.

— Аборт я не стала делать по нескольким причинам. Мне было страшно, к тому же, это первая беременность. Да и я не видела проблемы в твоём рождении: деньги есть, все есть. Теперь я понимаю, что не было самого главного — любви, в которой и должны рождаться дети. Антон был не против ребенка, ему все равно нужен наследник.

Алекс молча глотал эту едкую дрянь — признания матери. Вот кем, точнее, чем он был — наследником, живым выкидышем. Он стерпит эту боль, проткнет иглой этот гнойный пузырь. Раз и навсегда.

— На какое-то время ты объединил нас, но надолго этого плацебо не хватило. Мы начали снова отдаляться друг от друга. За мной ухлестывали молодые и богатые мужчины, твой отец вечно светился в желтой хронике с моделями. Мы стали ссориться на пустом месте, даже из-за такой ерунды как, например, в какую школу в будущем тебя отдать. Он не соглашался со мной ни в чем: ни какой кашей тебя кормить, ни какого цвета подгузники покупать. Мы стали бесить, ненавидеть друг друга. Никому не хотелось возвращаться в этот проклятый дом. А там ты, плачешь и чего-то требуешь.

— Маму и папу, а не их вечную базарную брань, — вставил Алекс.

— Все так. В итоге мы дошли до точки кипения и решили расстаться. Развод был болезненнее операции без наркоза. Мы собачились днями и часами, делили каждую помятую десятку. Я пыталась оттяпать у твоего отца как можно больше, он старался отобрать у меня каждый ржавый рубль. Он сразу сказал, что не отдаст тебя. Засудит меня, упечет за решетку, в психушку, но сына я не получу. А я... — женщина смахнула слезинку, — не стала и бороться. Тогда еще у меня не было этого материнского инстинкта. Врут, что он есть с рождения у каждой женщины. Я была дикой кошкой, которая не нагулялась. Мне нужны были свобода, деньги, ночные тусовки, всякие выкрутасы, а не пеленки и круглосуточный крик. Я оставила своего сына и просто сбежала в другую страну к новому мужику.

— Я вижу, что с ним все сложилось.

— Не с ним. Мужчина, с которым я живу сейчас, был вторым после того, с кем я сбежала от тебя. Я долго искала себя прежде, чем осесть и остепениться. Постоянно порывалась куда-то бежать дальше, искать, сравнивать. Потом возраст взял свое, и мне захотелось покоя и семьи. Какое-то время я поздравляла тебя с днем рождения, а потом... Потом у меня появились другие дети, и постепенно я ушла с головой в новую жизнь, надеясь, что и Антон женился на хорошей женщине, которая заменила тебе мать. А он все так и спал со своими деньгами и моделями, — выплюнула она.

— У тебя есть дети?

— Две дочки. Одна как раз сейчас беременна, и... Знаешь, я провожу с ней так много времени, переживаю за ее ребеночка, как за своего. Совесть стала мучить меня сначала ночами, но я принимала таблетку снотворного, и все проходило. Но когда я стала сходить с ума и днем, думая о своем сыне, который уже мужчина, о сыне, которого я так же вынашивала в себе, а затем, как глупая скотина просто бросила на дороге и ускакала к лучшей доле, я поняла, что нужно что-то делать. Позвонила твоему отцу, после традиционной перепалки мы все-таки нашли точки соприкосновения.

— Когда я ехал тогда к тебе в Питер, оставив большую беременную Элю, я ждал, что мама обнимет меня, поцелует сразу, как увидит. А мама впихнула мне в рожу бумаги и ждала спасибо.

Боль снова оскалилась, проступая морщинами на лице Алекса. Анна встала и подошла к сыну, взяла его за руку и закрыла глаза.

— Я знаю, я сука. Так и есть, Саша. Я не женщина и не мать. Я просто существо без ума, но с инстинктами. И... — Она всхлипнула, сжимая его руку. — Мы с тобой чужие люди, я это понимаю. Я не знала, как вести себя. Мне было страшно, что ты оттолкнешь меня, и я этого не вынесу. Проще было сообщить тебе новости и сделать вид, что я бездушная тварь. Но увидев твое лицо, я увидела не мужчину и не человека вообще, а свою жизнь, тридцать лет своей жизни в тебе одном. В моей крови и плоти. В моем слегка курносом носе, в моих шоколадных глазах. — Анна коснулась его скулы, и слеза не удержала равновесие на ресницах, покотившись вниз. — Все мое.

Она плакала перед ним, и глаза Алекса увлажнились. Только единожды он позволил своим глазам намокнуть — когда узнал, что Эля в больнице. Тогда он боялся потерять самую дорогую женщину на свете. А сейчас вторая самая дорогая женщина плакала по прошлой жизни, которую не вернуть, не стереть ластиком и не нарисовать новую. Знала ли он тогда, тридцать лет назад нося его под сердцем, во что все выльется? В какую ненависть и злобу превратится его жизнь? Знала ли она, что эта непотребная жизнь приведет его к величайшей любви и нескончаемому счастью? Должно быть, Эля окупила всю его боль. Когда-то он потерял, чтобы найти. Лишился покалеченной руки, чтобы она выросла снова, но целая и здоровая. Сделав шаг вперед, он заключил мать в объятия и услышал еще более громкие всхлипывания.

— Я люблю тебя, мам.

— И я... Я тебя люблю, сынок.

Складывалось ощущение, что любви здесь не место. На выжженной траве не растут благоухающие цветы. В борделе не заикаются о гордости. На поле боя не страшатся крови. Но тем не менее его закат сменился долгожданным рассветом, и так хотелось подставить лицо под эти проливные лучи майского солнца после затяжных декабрьских снегопадов.

Из-за угла тихонько выглянули Элина и Антон Робертович. Он обнимал ее за плечи, скорее, для собственного равновесия. Казалось, что ноги не выдержат. Его глаза щипало, но это не слезы. Нет.

— Что я сделал с жизнью своего мальчика, — прошептал мужчина, и Элина вздрогнула. — Молодость прошла, деньги заработаны, от моделей тошнит, но жизнь единственного сына исковеркана.

— Нет, все не так, — успокоила его девушка. — Он счастлив. Я это знаю. Саша готов стать отцом, значит, вы воспитали достойного мужчину.

— Моей заслуги в этом нет. Это целиком и полностью твоя заслуга. Правильная женщина — пьедестал для мужчины. А неправильная — его кипящий котел в аду. Поверь, дочка, я знаю.

Элина прикрыла глаза, слушая про себя сердечко их с Сашей малыша, всхлипы его матери и дыхание его отца. Вот она жизнь, со всеми ее картами и координатами. Сдалась, открыла все тузы и десятки. Вот оно счастье, к которому они так долго пробирались сквозь чащи и непроходимые леса.

Вот она... любовь.

Любить — это ещё не всё, нужно ещё быть любимым.

«Любите ли вы Брамса?» Франсуаза Саган

Февраль витал ароматами рассыпавшихся по полу елочных иголок, переливался радужной гирляндой и окутывал душу шелковой шалью праздничного настроения. Элина посильнее закуталась в эту шаль и устроилась в руках Алекса — ее собственной крепости.

— Проснулась? — Его губы приласкали ее слегка горячий от объятий подушки лоб. — Как себя чувствует моя малышка? — спросил он и погладил ее живот. — Мелисса, привет.

— Мелисса спит, отстань от нее. И помни, что она тебе отомстит через какие-то три месяца, — хихикнула девушка. — Будешь дневать и ночевать у ее кровати.

— Я не против, Эля.

Мужчина прижал к себе Элину и закрыл глаза, продолжая видеть цветные сны и наяву. Она — его самый яркий сон. Самое желанное видение. Самая лучшая мечта. Резкий шум взбаламутил умиротворенные воды его размышлений, и пришлось вынырнуть из этого океана любви и нежности.

— Виски! — прикрикнула Элина, но смех пересилил сердитость. — Только не злись, Саш. Я подмету иголки.

Огромная тушка изумрудной елки покачнулась, но удержала равновесие, балансируя на остатках терпения. Ну сколько можно издеваться! Эта кошка уже в печенках у нее сидит. Точнее, все печенки и отбила своими дикими выходками. Виски еще раз дернула за елочную игрушку и на всех порах скрылась в одной из многочисленных комнат.

— Она, видимо, решила, что вся эта квартира — один большой игровой полигон для нее, — усмехнулся Алекс. — Бедная елка. Уже пять раз ее роняла на пол.

— Не злишься? — прошептала Элина и поцеловала его в шею поцелуем провинившегося ребенка, который обещает пропылесосить каждый миллиметр квартиры за невыполненную домашку.

— Эль, ты как будто жена тирана. Боишься каждого моего вздоха. Это твоя квартира, твоя кошка. Она может грызть диваны, рвать обои, копать в лотке в три часа ночи... Все, что ей будет угодно.

— Дурак ты, Сашка, — обиделась Элина и отвернулась от него.

Алекс нахмурился. Он чувствовал себя сапером, который ошибается больше, чем один раз. И постоянно теряет по конечности. Что опять не так?

— Эй, девчонки, вы чего? — Легонько потряс ее за плечо. — Эля, чем я тебя обидел?

— Тем, что выкинул себя из моей жизни, — ответила она, разворачиваясь к нему. Ее ладони легли на его щеки и ласково заскользили по ним. — Саш, это наша квартира. Наша кошка. Наш ребенок. Наш коврик возле двери, — улыбнулась Элина. — Все наше. И не нужно вечно потакать мне во всем, будто ты никто и ничто, а всем здесьправляю я.

— Хочешь, чтобы я превратился в командора и заставлял тебя ходить по струнке?

Пальцы Алекса проворными сороконожками накинудись на шею Элины, и она затряслась от безудержного смеха. Щекотка — смертельное оружие против нее! Нечестная игра!

— Нет. Я просто не хочу, чтобы у нас были такие роли: ты — слюняй и тряпка, а я — баба со стальными яйцами. Я не хочу такой быть. И моя беременность не обязывает тебя

задерживать дыхание рядом со мной. Я же знаю, что тебя бесят шалости Виски. Ну так и отругай и ее, и меня, как ее нерадивую хозяйку, а не делай вид, что все нормально.

— Одолжишь яйца мне?

— Забирай навсегда!

Новая волна смеха брызгами смела возникшее между ними напряжение. Алекс не переставал гладить Элину, представляя, как уже совсем скоро у нее на руках будет посапывать его дочь. Его маленькая Мелисса Янг. Впервые эта фамилия станет символом искренней любви.

— Эля, я боюсь, что мы начнем ссориться и превратимся в комедийную семейку, у которой второй ребенок — бытовуха. У меня никогда не было серьезных отношений. Я никогда не делил квартиру с женщиной на условиях настоящей любви, а не в режиме койки. И кошки у меня никогда не было. Я никогда не убирал лоток в час ночи, не пылесосил по три раза за утро, ибо наполнитель разбросан по всем углам. Раньше я бы наплевал на желания своей пассии и приказал бы выкинуть кота к черту из дома, и меня бы нисколько не заботили ее чувства и желания. Я плачу, я заказываю музыку в этом баре.

— А сейчас платишь не ты?

— Сейчас, Эля, платишь ты. Своей любовью ко мне. К нашей дочери. Ты платишь своей теплотой и нежностью. И я не готов потерять эти золотые слитки из-за своей раздражительности или привередливости.

— Ты их не потеряешь. Наша любовь стоит немного больше, чем ссоры из-за грязной раковины или разбитой чашки. — Элина подтянулась ближе к нему и зарылась лицом в его волосы. Запах любимого мужчины. Запах любви и надежности, силы и безопасности. А она всегда думала, что это будет запах похоти и секса, меркантильности и циничности... — Грош цена отношениям, которые трещат по швам от каждого несогласия. Чрезмерный компромисс убивает отношения так же, как и излишнее упрямство.

— Тогда марш в ванную, а я пока приготовлю вам завтрак. Мелисса, радуйся, что можешь есть сейчас вкуснятину. Скоро будет только противная, — он шутливо высунул язык, — каша. А нет, сначала будет кое-что другое...

Алекс незаметно ущипнул Элину за грудь сквозь майку и подскочил с кровати, пока подушка не осела на его голове пухом. Девушка встала, хохоча и поддерживая живот. От смеха запершило в горле.

— Да что такое. — Кашель сполз болью в грудную клетку, и тонюсенький голосок паники сдавил горло. Через несколько секунд приступ отступил, и Элина выдохнула. — Слава богу.

— Эль, что за кашель? — уже возле нее крутится Алекс со своим постоянным беспокойством.

— Если бы я знала.

— Сейчас же запишу тебя к врачу.

— Зачем? Я была у него недавно. Ты же видел список лекарств: все там есть, от витаминов до жаропонижающих.

Взяв ее под руку, мужчина помог Элине дойти до кухни, которая уже дирижировала оркестром из фруктовой овсянки и травяного чая.

— Странное ощущение, — пожаловалась она. — Тело часто ломит, тошнит. Уже пора бы токсикозу пройти.

— У нашей малышки, видимо, характер не сахар, — отпустил шуточку Алекс, касаясь

животика Элины. Он не мог ничего с собой поделаться. Там, за этим слоем кожи и внутренних органов шевелит маленькими ручками и топает ножками его дочь. Его Мелисса.

— Ты еще поговори тут, папаша. Какая вкусная каша!

После выписки из больницы прошло уже много времени, они успели отобедать ни один раз всей семьей. Осталось только встретиться ее семье и семье Алекса. По отдельности все уже перезнакомились, кроме родителей. Новый Год принес с собой незабываемый аромат праздника, горячего чая, подарков и мандаринов. Элина вдохнула запах чая, переносясь в морозный зимний лес. Только дурацкий кашель и слабость не давали наслаждаться беременностью.

— Но ведь я постоянно нахожусь под наблюдением у врача. Говорит, осложнение от перенесенного вируса. В моем положении это нормально.

— Что в этом нормального? Рожать тоже будешь, кашляя?

— Рожать я буду, срывая горло от крика, — усмехнулась Элина, хотя роды ее пугали до чертиков.

— Я буду держать тебя за руку, если захочешь.

Алекс поставил на стол вазочку с шоколадными трюфелями, которые в последнее время составляли девяносто процентов рациона его девчонок, и приобнял Элину. День рождения дочери станет днем его второго рождения. Днем, когда Мелисса Янг привела на свет и его тоже, Сашку Янга. Его дочь сделала его человеком, даже не появившись на свет. Что же с ним станет, когда она улыбнется ему своим беззубым ротиком? Стрельнет игриво глазками, обрамленными пушистыми ресницами? А что же он почувствует, когда она скажет «Папа»? Кажется, это будут лучшие чувства после его любви к Элине.

— Как там твоя мама? — спросила девушка, набивая рот конфетами.

— Укатила уже к себе, у нее дочь вот-вот родит.

— Хотел бы познакомиться с сестрой? Сестрами, точнее...

Бархатный стул встретил его уставшее тело с распростертыми объятиями. Открытие аптек утомило. Ни минуты покоя: вечная беготня по разным инстанциям, часы работы над бумагами, постоянные проверки каких-нибудь нюансов. Впервые в жизни он что-то построил своими руками. Не сломал песочный замок, наступив на него ногой, а не разгибая спины, построил свой собственный. Осталось только дерево посадить.

— Такого желанья нет. Я все понимаю, Эль. Эта встреча с матерью была просто показательным выступлением, для аплодисментов, так скажем. Картины маслом «Мать и сын» не получится, я это осознаю. Пусть она любит своих дочерей, у меня есть женщина, которая подарит мне любовь.

— Ну конечно, у тебя их даже две! — пропела Элина и шоколадными губами оставила на его щеке сладкий след. — Неужели с мамой совсем нет шансов на воссоединение?

— Почему же? Мы воссоединились. Не знаю, как этот прием называется в психологии, но мне всю жизнь нужно было это сделать — обнять маму и услышать от нее честный ответ, почему она так поступила. Больше мне от нее ничего не нужно. Это чувство недосказанности, незавершенности какой-то глодало меня день ото дня. Теперь я удовлетворил аппетит этого монстра. Он больше не точит на меня ножи.

— Сегодня поедем в аптеки? Не дождусь, когда уже можно будет набирать фармацевтов для работы. Чур, в одной буду работать я сама.

— Да сейчас! — Алекс перехватил у нее трюфель и съел сам, показывая Элине черный язык в ответ на ее хмурые брови. — Ты уж либо становись матерью для Мелиссы, либо для

коробок с противорвотными и жаропонижающими.

— Меня на всех хватит, и вообще...

Только что пришедшею в голову шутку прервал звонок мобильного. Элина переключилась на звонящего.

— Ого! Егор Иванович звонит!

— Это кто?

— Руководитель моей интернатуры. Я скоро вернусь, — радостно крикнула девушка и убежала в комнату.

— Звонок как раз вовремя. Остальные трюфели мои, — пробубнил мужчина, раскидывая блестящие фантики по столу.

Эти фантики — его прошлые маски. Похотливый кобель, отвратительный сын, худший на свете друг... Кем он только не был. Элина облагородила его. Бегущей строкой в сознании пронесли строчки из недавно прочитанной книги Ремарка. Кажется, пришла пора произнести эти слова...

— Сашка! Сашка! — Элина ворвалась в кухню праздничным фейерверком и закружила вокруг себя пыль, превращая ее в блески.

— Ну что, ты готова ехать? Бизнес не ждет. Чем быстрее мы закончим все формальности, тем быстрее откроемся.

— Сашка! — Она обняла его и положила голову ему на грудь. — Егор Иванович зовет меня попробовать себя на поприще преподавания в медицинском ВУЗе, где я училась. Он стал заведующим кафедрой, и у них нехватка кадров.

— Эль, ты беременна. Кто тебя возьмет на работу сейчас? А наши аптеки?

— Ты чего такой пессимист? Я не собираюсь устраиваться на работу ради денег, только ради удовольствия. Буду давать лекции по мере возможностей. Не дам пропасть своим знаниям, в которые я так много вложила. Ты не рад, Саш? Я везде успею: и в универе, и в аптеке.

— Да не в этом дело, Эля. — Он усадил ее на колени, совершенно не чувствуя тяжести веса любимой женщины. — Ты хочешь преуспеть везде, кроме материнства. Стаж в ВУЗе, наработанный опыт в аптечной сфере — это все ясно. Но и наша дочь вырастет. И что ты ей скажешь? Попросишь через тридцать лет прощение за то, что днями работала?

— Ну ты и дурилка, — улыбнулась Элина. — Естественно, наша малышка — самая главная и важная составляющая нашей жизни. Она теперь крутится вокруг нее. Но я также думаю, что Мелиссе будет неприятно узнать, что ее мать просидела свою жизнь на диване перед телевизором и холодильником. Я найду оптимальную возможность для совмещения ролей матери, преподавателя, фармацевта и, конечно же, самой лучшей жены. Не души мои амбиции, Саш, они и так всю жизнь хрипят от удушья.

— Хорошо, моя золотая. — Алекс качнул головой, признавая свое поражение. — Я так понимаю, ты сейчас на встрече со своим заведующим?

Элина энергично закивала и пообещала наведаться в аптеку тоже. Неужто солнце не только не закатилось за горизонт, а еще и стало светить ярче для нее?

***

Будь ты чист, как свежесвыпавший снег, или даже чище, шишки все равно валятся на того, кто оказался на месте происшествия.

Пэлем Грэнвил Вудхаус «Радость поутру»

— Жень, да я серьезно! — в сердцах воскликнула Элина, предпринимая попытку

вытащить коробку с каплями для носа. — Сейчас, подожди. Вытащила.

— Ты чем таким занята?

— Приступила к работе в одной из наших аптек. Ищу капли. А насчет преподавания: да, серьезней некуда.

— Элька, ты умеешь удивлять! Так, я что-то не пойму. Ты где работаешь-то?

Девушка вздохнула. Вот всем надо на пальцах объяснять! А кому-то еще и доказывать, что она не из спичек сделана, не сломается от умственного труда. Это, безусловно, про их любимого папочку, который считает, что ничего тяжелее чашки с чаем (теплым, а не горячим или холодным!) она не должна поднимать.

— Я работаю сейчас в аптеке и хочу продолжить это делать после родов, через какое-то время, конечно. А в ВУЗе еще пока работает прежний преподаватель. У нее не истекли две недели после увольнения. Как истекут, так уж и я примусь за дело.

— Страшно?

— Если только боюсь влюбиться в красавчика — студента, — кокетливо ответила Элина. — Ну а что, я женщина не замужняя.

— Зато при дворце, принце и королевском наследнике.

— Но тем не менее не замужняя.

— Ты опять нагнетаешь? Теперь я понимаю, как ты смогла выйти замуж за того кроманьонца Потапыча. Тебе просто нужно было замуж, и точка.

— Я не нагнетаю. Я ни слова Саше не сказала про свадьбу. И не скажу. Если он решится, то хорошо. А нет, так... Так квартира все равно моя, а алименты он будет обязан выплачивать.

— Да ты говоришь, как прожженная пожирательница алиментов, — рассмеялась подруга, и Элина тоже не устояла перед весельем. — Все будет отлично, Эля. Дай ему время. Он же был инфантильным молокососом до встречи с тобой. А тут ему и жена, и ребенок, и куча обязательств на блюдечке без золотой каемочки. Ему боязно.

Грудная клетка снова дала о себе знать болью, и кашель пронесся колючими шинами по гладким стенкам ее горла.

— Мамуля, ты все еще болеешь?

— Чертовщина какая-то. Пью таблетки, а лучше не становится. Мне уже рожать скоро, а я все еще не перестала лечиться.

— А врач что говорит?

— Что при беременности понижается иммунитет и все такое, что эти лекарства не навредят плоду. Но лекарства они и есть лекарства. Как они могут не навредить здоровому малышу?

— Саша что думает на этот счет?

— Эй! Тут есть кто-нибудь?! Сколько я должна ждать вас, черт возьми? — хриплый женский голос разбил вдребезги стекла ее хорошего настроения.

— Женечка, вот и все прелести работы. Какая-то хамка пришла, мне пора.

— Подсунь ей слабительное вместо того, что нужно, — пошутила Женя и отключилась. Настроение снова поднялось в ее градуснике жизни, и с улыбкой на лице Элина вошла в зал. Женщина в черных очках и платке нервно перебила пальцами по витрине.

— Я требую жалобную книгу! — взвизгнула она. — Это свинство — заставлять клиента так долго ждать!

— Я заставила вас ждать не больше минуты. Приношу свои извинения. Жалобная книга,

пожалуйста.

Да уж, работа фармацевта — это не то, о чем она мечтала. Явно не то. Это работа продавца, о которого каждая фифа считает своим долгом вытереть ноги. А она уважает любую профессию, и разговаривать таким тоном хоть с уборщицей, хоть с дворником непозволительно.

— Стриженова?! — голос незнакомки стал до тошноты знакомым.

Стрельцова собственной персоной.

— Катерина?

Сняв с лица очки, заклятая подруга показала ей свое одутловатое лицо с отеками глазами. Макияжа и след простыл на этом взбухшем от случайно пролитой воды холсте. Уж не за «Похмелином» ли пришла подруга?

— Слышала, что у нас открыли новые крутые аптеки. Странно, но отец не в курсе, кто ворочает такие дела. Вот решила зайти, разведать, что тут и как. А тебя, значит, понизили до должности раздавайки?

— Можно и так сказать, — пожала плечами Элина, зная, что отвечать змее шипением нельзя — яд так и начнет сочиться с жала. — А как в больнице дела?

— Не знаю, не работаю там. Не поверишь, но я теперь живу в таком же дерьме, как и ты, подружка. Без работы, без нормального мужика, без всего, короче.

— В смысле?

— В прямом, — буркнула бывшая завсегдатай клуба избранных. Когда карта постоянного клиента высшего общества аннулирована, интонации немного меняются. — Уволена за врачебную ошибку. Хорошо хоть не за решеткой.

Элина удивилась таким откровениям. Может, ей бесплатно валерьянки дать? Или сразу что-нибудь запрещенное? Теперь понятно, что все эти колкости — лишь остаточные патроны некогда грозного оружия. Катя по привычке решила унижить ее, но бревно в своем глазу слишком уж давит на зрачок.

— Пациент жив?

— Жив, но остался инвалидом. Поэтому-то я не в кутузке.

Стрельцова еле стояла. Ее шатало и штормило. Элина хотела предложить ей сесть, чтобы потом не соскребать с пола остатки когда-то горделивой и самовлюбленной женщины, но мысль о том, что она увидит ее живот остановила девушку. Не нужен ей слез от этой ведьмы.

— Кать, мы скоро закрываемся... Что ты хотела купить?

— Вот. — Протянула ей рецепт.

Слава богу, эти лекарства тут, рядом. Стрелка остановила свое маленькое тельце возле восьми, и рабочий день закончился. Побыстрее пробить лекарства — и домой, к любимому пледу на диване и еще более любимому Сашке под бок.

— Девчонки, как ваш день прошел? — Решив, что посетителей уже нет, Алекс решил помочь Элине закрыться. — Элюся... Привет. — Наткнулся на карикатуру Стрельцовой.

— Привет. — Ее удивление было непомерно выше его. — Ты что тут делаешь? Каких девчонок ищешь?

— Саш, ты уже тут. Минутку. — Элина опустила глаза к кассовому аппарату и просканировала лекарства.

— Заехал к своей жене помочь закрыть нашу аптеку, — ответил мужчина так, чтобы все вопросы у бывшей пантеры отпали сразу.

Рассчитывались они со Стрельцовой молча. Их аптеку... К жене... В глазах у Катерины помутнело. То ли зависть охватила ее душу, то ли жар подскочил...

— Ты Саша? Так вы вместе? Все серьезно?

Элина вздохнула. Ну почему все считают, что в их жизни что-то несерьезно? Они что, похожи на кукол? И жизнь их пластмассовая? Она навела порядок на рабочем месте и, вдохнув поглубже, вышла из-за стойки. Глаза Стрельцовой повисли на волокнах и коснулись пола, когда она увидела живот Элины.

— Серьезней быть не может. — Алекс забрал у Элины сумку и показал взглядом Катерине на дверь. — Мы уже закрыты.

— Так и вторая аптека тоже твоя? — не сдавалась та; зависть к бывшей подруге рвала поджилки.

— Не моя. Наша с Элей.

Он сжал крепче ладошку Элины, чувствуя, как ей необходима ее поддержка. Как стремительно развилась их история: из трагедии в любовный роман со счастливым концом. Когда-то он печалился из-за того, что такая роковая женщина, как Стрельцова, ему не по зубам, но сейчас он рад, что не стал и пытаться откусить от этой дешевки, а сберег ротовую полость для такого ангела, как его Эля. Все-таки есть нечто большее в этой жизни, чем внешность. Мы не выбираем, с каким лицом родиться, но вот красотой или уродством души точно заправляем только мы сами. Алекс поцеловал Элину в макушку. Он выбрал красоту.

Катерина убежала, схватив сумочку. Запах подгоревшего самолюбия осел на стенах аптеки. Алекс поставил помещение на сигнализацию и направился к такси. Скоро он сможет купить свою первую машину.

— Ты назвал меня своей женой, — произнесла Элина. — Ошибка по Фрейду?

— По любви, дорогая, по любви.

Мужчина поднял взгляд к ночному небу, которое подмигивало ему сотнями звезд. Действуй, парень! Эта женщина — единственная, кто достоин твоей фамилии.

«Нет, еще моя дочь», — подумал Алекс, садясь в машину.

Он купит скоро, но не машину. Его глаза нашли безымянный палец Элины во мраке автомобиля. Не машину...

Мне казалось, что женщина не должна говорить мужчине, что любит его. Об этом пусть говорят ее сияющие, счастливые глаза. Они красноречивее всяких слов.

Эрих Мария Ремарк «Три товарища»

Март жалобно стонал холодными лужами, что зажурчали по мерзлomu после прошедшей зимы асфальту. Природа только начала сбрасывать шерстяные шарфы и стягивать шапки-ушанки, скидывать толстенные пуховики и избавляться от валенок. Местами блеклая растительность блестела инеем, что когда-то был красавцем-снегом, пушистым ковром покрывавшим землю. Элина дыхнула на запотевшее окно и провела по нему ладонью.

— Ну здравствуй, март, — произнесла она и отпила горячего чая. — Вот и тебе, моя лапочка, осталось всего два месяца ждать. — Рука переместилась на плюшевую толстовку, в которую Элина облачилась сразу же после подъема. Мартовские пробуждения даже в такой дорогой квартире и в объятиях такого любимого человека были прохладными. А она еще и мерзла за двоих. — Как же я тебя жду, моя девочка.

Жизнь забурлила волшебным зельем в ведьмовском котле. Пары с утра пораньше, стайки грустных, не выспавшихся студентов, толстые книжки с терминологией на латыни, практические занятия, лекции и семинары... Наконец-то, она стала человеком полезным, человеком, о котором скажут: «Незаменимые есть!» Некоторые студенты уже так прониклись к ней симпатией, что просились руководить их дипломами в будущем.

— вспомнить бы самой, какой там шрифт хотя бы используется, — усмехнулась девушка.

Судьба сделала крутое сальто, вдоволь поиздевавшись над ней в этом тренировочном зале, где готовят бойцов элитного спецназа — тех, кто никогда не сдается на милость поражению. В аптеке была просто феноменальная проходимость, огромная выручка, разные ЧП и ошибки, но ведь она только училась быть фармацевтом и продавцом. Нелегкая работа успокаивать очередь из бабушек или торопящихся подростков, которым мама приказала купить что-нибудь от желудка. Девушка улыбнулась тихой улыбкой, которая трубила во все горло где-то глубоко в ее душе. Что за люди такие... Вечно им что-то от головы, от живота, от нервов. Она и сама такой была. Принимала что-то от хорошей жизни — постоянно загоняла себя в угол своими комплексами, глотала эти горькие пилюли от любви — расстелила свою жизнь дешевым линолеумом под ногами недостойного человека, давилась этой суспензией от уважения к себе — пресмыкалась перед всякими дочками больших боссов.

— Да мы же сами себе врачи. Сами выписываем лекарства, а потом боремся с побочными эффектами и виним во всем «этих поганых аптекарей, что продают всякую гадость», — процитировала она недавнее возмущение женщины, заработавшей аллергию от самолечения. — Сами себе лекари. Боль от неудавшегося брака глушим еще большей извращенной привязанностью к человеку. Латаем любовные раны и заново их вспарываем все той же грязной иглой. Идиоты.

— С кем это ты там болтаешь? — подозрительно спросил Алекс, сонно проходя в кухню. — И вообще, который час?

— Ты слишком рано, Сашка. Еще только шесть.

Элина поставила кружку и обвила шею Алекса руками. Ее живот, ставший довольно большим, уже по позволял прижиматься к любимому так близко, чтобы слышать пульс сонной артерии, вдыхать аромат его сладкого сна. Их разделяла их дочурка, их маленькая кроха, которая все видела и слышала, все знала и понимала.

— Ну и зачем ты так рано встаешь? Чтобы вести беседы с чашкой чая? Что интересного она тебе нашептала?

Губы мужчины лаской прикоснулись ко лбу Элины и плавно спустились к ее шраму нежными поцелуями. Как же он любит ее. Свою Элю. Бесконечно красивую и серьезную Элину. Задорную и сногшибательную Эльку. Ранимую и во всем сомневающуюся Элечку. Каждый мужчина должен встретить ту самую женщину, которая будет его всем: его штормом и шпилем, его кипятком и льдом, его счастьем и тоской. И ему не нужно крутить головой влево и право, выискивать лучшую партию. Он заключил пари с судьбой и обыграл эту стерву на чужом поле. Она пыталась втюхать ему брак в виде Алиски или Марьянки, а он выбрал самое лучшее, что только может предложить человеческая жизнь — он выбрал свою Элю.

— Я все-таки хочу убрать этот шрам, — поделилась она.

— Шрамы куют нашу душу, как молот — железо. Пусть будет. Он мне не мешает, если ты волнуешься за это, — успокоил ее Алекс и поцеловал ключицу, опускаясь на колени, чтобы быть один на один с крохотной Лисичкой, его маленькой красавицей Мелиссой, Лиссой, или как он полюбил ее называть — Кисичка. Однажды его малышка вырастет и станет красивейшей, гордой, по-женски хитрой лисой, что съест на завтрак не одно мужское сердце. Вот и его сердце она уже прибрала к своим ручкам. — Я люблю тебя, Эля. И тебя, Лисичка.

— Опять ты своей Патрикеевной, — улыбнулась Элина. — Я всегда думаю про гриб, когда ты говоришь «Лисичка».

— Уж позволь мне обращаться к дочери так, как я захочу, Элька Мухоморкина, — показал ей гримасу Алекс.

Девушка рассмеялась, но вслед за смехом притопал и кашель. Она устало выдохнула. Сколько это будет продолжаться? У нее уже грудная клетка трещала по швам от вечного землетрясения в виде кашля.

— Ты говоришь правду? Тебя не бесит этот шрам?

— Любимая, ты не должна сомневаться в моих словах. Иначе зачем тебе такой мужчина рядом? Зачем я тебе, если ты не веришь мне?

— Ладно...

— Нет, не ладно! — Он подставил мягкий стул поближе к окну и усадил на него Элину. — Эля, ты можешь сомневаться, что завтра вторник. Можешь сомневаться, что Земля бегаёт на побегушках вокруг Солнца. Можешь сомневаться в том, что ты Элина Стриженова, в конце концов! Но в моей любви к тебе и Мелиссе ты не имеешь права сомневаться. Тебе ясно?

— Да, — прошептала девушка и чмокнула его в губы. — Ты — константа моей жизни. Даже ускорение свободного падения не такая постоянная величина, как твоя любовь.

— Все верно, дорогая. А теперь скажи, почему ты не спишь в такую рань?

Мужчина потянулся, хорошенько разминая затекшие ото сна мышцы. Никогда он так хорошо не спал. Никогда в его постели не было так тепло. И можно укрыться хоть десятком колючих одеял и обложиться со всех сторон обогревателями, а согреет лишь настоящая

любовь — этот огонек, вспышка, что гаснет быстрее, чем ты успеешь моргнуть, но тем не менее это бушующий пожар. Теперь он знает, что любовь — это не вульгарный, плюющийся искрами костер, разожженный на чистой, гладкой полянке. Любовь — это скромное пламя, которое подчиняется только двоим, обжигает только двоих, а для всех остальных это лишь дуновение ветерка. И только они с Элей знают, на какой истоптанной, скулящей от боли земле они разожгли огонь своей любви. Он никогда не даст ему потухнуть. Никогда...

— Саш, ну ты как будто вместо меня беременный. У меня же лекции через два часа. Надо еще собраться, — умилилась его рыбьей памяти Элина.

— Точно! В моей голове не осталось ничего, кроме «Я люблю Элю и Мелиссу» и бесконечных проблем с аптеками. В Питере какие-то накладки, меня это волнует.

— Но ты же сегодня вылетаешь туда. Все решишь на месте.

— Не хочу оставлять тебя одну, — признался Алекс, нарезаю себе сыр для бутербродов. — И этот твой проклятый кашель...

— Меня он тоже пугает. Это ерунда. Два месяца — и Мелисса родится. Тогда уже буду лечиться чем-нибудь посильнее.

— Поскорее, — вздохнул он.

— Вылечилась?

— Лисичка родилась! Но и ты вылечилась тоже. Вы же обе мои путеводные звездочки. Погаснет одна — и я на половину ослепну.

Элина с трудом сдержала слезы. Последние недели беременности были самыми тяжелыми для нее. Физическое состояние никак не хотело стабилизироваться, к нему добавлялись страхи, на грани панических атак, что она не сможет родить, потеряет ребенка из-за своих болячек. И Сашка не торопится звать ее замуж... Может, и ладно? Она ведь там уже была. Не самое лучшее место, если ошибиться со спутником жизни.

***

Всем нужна любовь, но не такая, которую практикуют большинство людей и которая ничего не дает.

Чарльз Буковски «Хлеб с ветчиной»

Питер дышал морозным паром, расправляя свои застывшие от зимней спячки легкие. Алекс устроился у окна в, наверное, самом уютном ресторане второй столицы. Воображение рисовало диковинные узоры на стеклах: они с Элиной, тернистый путь их счастья, малышка Мелисса — его очаровательная девчушка. А ведь рано или поздно она станет красавицей, сочащимся ароматом цветком, и мужчины начнут складывать головы на эшафот ее внимания. Голову с плеч всего лишь за взгляд его дочери.

— Как ты теперь будешь жить, — вздохнул мужчина. — Таким-то мечтателем.

Он уже перерос годы младенчества Мелиссы в своей голове. Уже укачивал ее пухленькое тельце, завернутое в разноцветную пеленку, убаюкивал на ночь, читал сказку и целовал ее лобик, пока она прижималась беззубым ротиком к груди Элины. Он уже успел и в детский сад ее поводить, повосхищаться ее размалеванной гуашью на альбомном листе — самой искусной картиной, и поправить бантики на первое сентября. Кажется, он даже успел реалистично изобразить ее выпуск из школы, аттестат и вхождение во взрослую жизнь.

— Ты о чем задумался? — голос отца растворил дымку иллюзий его счастливого будущего.

— О Лисичке. О том, как она закончит школу и начнет самостоятельную жизнь. Придется женихов-идиотов отшивать, а когда-нибудь и погулять на ее пышной свадьбе где-

нибудь в Париже или Риме...

Антон Робертович закатил глаза, понимая, что его сын повзрослел больше, чем на пять лет, когда осознал, что теперь он отец. Именно осознал, а не принял этот факт в добровольно-принудительном ключе. Как когда-то он сам.

— Знаю, что ты чувствуешь, сын. Знаю. Со мной было то же самое, только потом...

— Потом реальность оказалась не той сахарной, да? Мечты, они всегда слаще, когда находятся в голове, а вырвавшись на свободу, часто разочаровывают. Надеюсь, я не унаследовал от тебя нелюбовь к детям. Не прощу себе, если поступлю с Мелиссой так же, как ты со мной.

— Это называется скотством. Унаследовать его нельзя, только приобрести. С течением лет, разных событий, обид и ненависти, прощения и счастья, я понял одну важную вещь. Зачастую любовь мужчины к своему ребенку определяется отношением к матери.

Официантка поставила на стол дымящийся кофе, и воздух вокруг затрепетал теплом и уютom. Запах кофе напоминал ему о солнечных утрах, встреченных в постели с сонной Элиной на его плече, веселые завтраки с шуточками о будущем, небрежными вопросами о замужестве, притворство Элины, что ей и так комфортно. А глаза-то все говорят ему без слов.

— Это ты о чем, отец? — спросил Алекс, сжимая через карман куртки кошелек. Скоро все изменится.

— О том, что у нас, мужчин, нет врожденной любви к детям. Если мы любим женщину, то и ребенок желанный и любимый. А если к женщине мы холодны, то и ребенка можем оставить. Не всегда так, но порой и такое случается.

— У тебя явно не случилось любви к моей матери.

— Да, это так. А сейчас, когда уже поздно переписывать сценарий, мне захотелось отыграть роль отца заново, уже правильно и как надо. Ты же любишь Элину? Ждешь этого ребенка не потому, что законы морали диктуют тебе, как поступать, а потому, что ты сам его хочешь?

— Не этого ребенка, — поправил отца Алекс, — а мою дочку Мелиссу. Она не этот и не ребенок. Она самая прекрасная малышка Лисса. Не говори о ней, как о плоде, судьба которого еще не решилась.

— Ты сказал свои золотые слова, сын. Больше мы к этой теме не возвращаемся. Ну так что там за вопросы у тебя были?

Под вьющийся аромат кофе и орехового печенья потекла рабочая беседа на тему аптек, закупок и поставок. Алекс без особого интереса расспрашивал отца о том, об этом, но мысли, словно гонщики в скейт-парке, снова вверх и вниз. Его не так уж и заботили поставки витаминов и расширение одной из аптек. Куда больше волновала Элина и ее статус «никто» на официальных бумагах. Может, не так уж и важен этот штамп, но, если его любимой женщине спокойнее быть любимой не только на словах, но и на бланке, он должен ей это дать!

— Саша, что происходит?

Капли дождя рассыпались стразами по стеклу. Влажные переливы небесной росы напоминали Антону Робертовичу о днях беспечной молодости, когда все амбиции носят чисто коммерческий интерес и все измеряется в условных единицах. Тогда он не догадывался о том, что существует нечто большее между мужчиной и женщиной, чем отношения под расчет. А сейчас, кажется, вместе со старостью, к нему пришло прозрение.

Ну хоть не одна, старая кляча, приперлась, а вместе с мудростью.

— Ничего, — качнул Алекс, у которого в голове смешалось все: и мухи, и котлеты, и аптеки, и Эля. Его извилины разрывались между всеми насущными вопросами. — А что?

— Совсем ты запутался, сынок. Говори, что у тебя на уме. Вижу ведь, что не таблетки и суспензии.

— Да-а... В общем... Аптеки стали приносить кое-какой доход, и я...

— А еще ближе к сути можно?

— Хочу сделать Элине предложение. Она скоро родит, и мне не хочется, чтобы Лисичка родилась вне брака. Да и вообще хочу, чтобы любой, открыв паспорт Эли, сразу увидел, чья она женщина, — запальчиво произнес он.

— Похвально. А я женился на твоей матери потому, что... Не знаю, почему. Она постоянно пилила мне мозг своими рассказами о шикарной свадьбе, о кольце с бриллиантом, о своих замужних подружках... Короче, достала она меня, вот и женился, чтобы меньше слышать ее голос.

— А мне голос Эли жизненно необходим. Этот голос поддерживает все мои начинания, утешает меня, когда я поступаю, как полный debil. Этот голос говорит, что любит меня. И я молюсь богу, чтобы он никогда не замолк.

— Тогда в чем проблема? Покупай кольцо — и вперед. Я похлопочу за организацию торжества, если ты об этом. Кремль не обещаю, но что-то масштабное, думаю, сможем устроить.

Алекс улыбнулся, следя за тем, как щедро природа раскидывает блестящую пыль дождя по воздуху. Нужен ему этот Кремль, весь этот пафос. Он женится на Эле, а не на общественном мнении. Ему нужно ее изумление, а ни каких-то людей, которые увидят издали роскошную свадьбу.

— Нет, папа, я хочу, чтобы ты помог мне выбрать кольцо, — выдал как на духу он, ощущая себя младенцем, сброшенным в океан.

Антон Робертович даже прокашлялся, подавшись крошками печенья. Вот уж о чем он не мог и мечтать! Он-то себя и на свадьбе сына не помышлял не увидеть, не то чтобы помогать ему в выборе кольца для такой прекрасной невестки, как Эля.

— Ну конечно, Саша! Я добавлю денег, если нужно.

— Не нужно. Я пока не отдал ни копейки по своим долгам, откладывал каждый рубль на кольцо. Я куплю Элине кольцо сам, — твердо сказал Алекс, уверенный в том, что кольцо на пальчик Элины он должен сам, а значит, и купить тоже. — Вечно жить в долг нельзя. Квартира в долг, бизнес в долг, еще и свадьба с любимой женщиной? Хоть что-то я сам должен купить.

— Хорошо, — кивнул отец, пораженный зрелостью его мальчика. Мужчины. — Ну тогда к черту эти аптеки. Едем за кольцом!

***

Свет не светит, когда светло. Он светит во тьме.

Эрих Мария Ремарк «Три товарища»

Элина стала его магнитом, а он мягким и безвольным, точно пластилин, железом. Он был Марксом, затеявшим революцию собственной жизни, а она его Энгельсом, оплатившим все счета. В конце концов, она была его жизнью в этой смерти наяву. Никакие дела не смогли удержать Алекса вдали от любимой, поэтому, наплевав на аптеки и все связанные с ними проблемы, он помчался в Москву.

— Тебе точно нравится кольцо? — бесположил мужчина, переворачивая бархатную коробочку в руках.

Он теребил ее весь путь от аэропорта, словно она была заколдованной. Потрешь сто раз — и Элина непременно скажет: «Да!»

— Успокойся, сын, а то все испортишь. На тебе лица нет, — ответил Антон Робертович, управляя автомобилем.

Чего греха таить, он и сам боялся. Будто это его первая настоящая любовь. Его первая свадьба. Увы, его первая любовь не похожа на любовь сына. Ее просто не было. Ни первой, ни любви.

— Вдруг она откажет...

— Сдадим кольцо в ломбард, — пошутил отец, но, заметив бледное лицо Алекса, принял серьезный вид. — Будет странно, если Элина тебе откажет. Она бы давно уже ушла, вытребовав деньги на содержание ребенка. Уж-то я знаю этих баб. А она не баба, она — достойнейшая из женщин.

— Ладно.

На заднем сидении царственно растекаясь всплеском алого вина букет свежих роз. Его Эля скоро станет его женой. Женой... Как же его страшило это слово. Пугало. Он всегда плевался, стоило только услышать о чьей-то женитьбе. А теперь сам бежал к Эле с кольцом в зубах, трясясь, как мальчишка перед призывом в армию. Семейная жизнь — война, и без потерь не обойтись. Пусть так. Нет больше таких принципов, которые он боялся бы потерять больше, чем любовь Элины и своей дочери.

— Приехали, — оповестил его Антон Робертович. — Мне подняться с тобой?

— Да.

На этот раз Алекс выбрал лестницу вместо лифта. Черт, как же вспотели ладони... И вообще, вся жизнь вспышкой ослепила глаза и померкла. Ничего важнее он еще не совершал. Дверь их квартиры. Стук.

— Не отвечает, — взволновался Алекс.

— Ну может, в ванной. Открывай сам, не теряй разум, Саша.

Действительно, в ванной горел свет и шумела вода. Раздавался кашель, эхом заползающий в уши.

— Эля! Все хорошо?

— Саша?! Ты вернулся?

Дверь распахнулась, и ему в объятия кинулась Элина. Бледная, исхудавшая, несмотря на беременность, больная.

— Эля, подожди. Тихо. Дай сказать, — начал запинаться Алекс. Все красивые слова разом покинули его ум. Отец спрятался в соседней комнате и ждал знака. — Как хорошо, что есть великие писатели, которые все скажут за таких остолопов, как я.

— Ты о чем?

— Не перебивай. Я и так страшно волнуюсь. — Достав из-за пазухи книжку карманного формата, которую Элина тут же признала своей, он собрался с духом и произнес: — Дни ужаса и холодной испарины, пустота, грязь, клочья зачумленного бытия, беспомощность, расточительная трата сил, бесцельно уходящая жизнь — но здесь, в тени передо мной, ошеломляюще близко, ее тихое дыхание, ее непостижимое присутствие и тепло, ее ясная жизнь, — я должен был это удержать, завоевать... — голос Алекса дрожал аккордами плачущей гитары. — Эля, ты — трофей, который я отвоевал в этой битве с бесцельной

жизнью. Ты не дала ей уйти. Ты за шкурку притащила эту стерву обратно и заставила работать на меня, а не подчиняться моим глупым прихотям. Эля, я не хочу говорить про любовь. Это так мало. Так ничтожно и мизерно по сравнению с тем, что я чувствую. — Глаза Элины наполнились слезами, и она попыталась что-то сказать, но он не дал ей этого сделать. — Нет, Эля. Молчи, прошу. Вот, что я чувствую. Слушай. — Перевернув страницу, Алекс вобрал в легкие побольше воздуха и продолжил. — Она спала, положив голову на мою руку. Я часто просыпался и смотрел на нее. Мне хотелось, чтобы эта ночь длилась бесконечно. Нас несло где-то по ту сторону времени. Все пришло так быстро, и я еще ничего не мог понять. Я еще не понимал, что меня любят. Правда, я знал, что умею по-настоящему дружить с мужчинами, но я не представлял себе, за что, собственно, меня могла бы полюбить женщина. Я думал, видимо, все сведется к одной ночи, а потом мы проснемся, и все кончится. — Мужчина выдохнул, чувствуя, как напряжение разжимает свои стальные клешни. — Но ничего не кончилось, Эля. Ты стала моим началом. Не плачь, моя девочка. Я так тебя люблю. Отец!

Антон Робертович появился из-за угла с букетом. Лицо Элины разбухло от слез, точно нежный бутон цветка под весенним дождем.

— Выходи за меня, Элина. — Алекс преклонил перед ней колени и протянул василькового цвета коробочку с кольцом. — Будь моей женой, милая. — Девушка молчала, зажмурившись, и плакала. Кажется, она не могла вымолвить ни слова. — Эля?

Резкий, свистящий кашель ответил за нее. На ладони Элины сгустками боли взорвалась кровь. Ноги подкосились, но Алекс успел ее поймать. Неистовый крик огласил весь их район, и она схватилась за живот.

— Воды отходят... — пробормотала Элина, чувствуя, как по ее ногам что-то течет. — Мелисса! Мел... — Сознание ушло по-английски, мгновенно погасив свет в ее голове.

— Отец! Отец! Что делать?!

— Долго болтал, Ромео хренов! — прошипел Антон Робертович, распахивая дверь и выбегая на лестничную клетку. — Быстрее в машину! Да оставь ты эту дверь! Идиот, что ли? Тебе что важнее: эта квартира или жена и дочь?!

Алекс пнул ногой дверь, закрывая ее, и с Элиной на руках понесся вниз. Она то приходила в себя и плакала, то снова теряла сознание. Ее губы были испачканы кровью.

— Пап... Что, что с ней? Если она...

— Заткнись! Не будь тряпкой! Ей сейчас точно не нужен кусок тряпки, чтобы утирать слезы. Будь мужиком!

Уняв панику, Алекс назвал отцу адрес больницы, в которой лечилась Элина. Джип Антона Робертовича расталкивал машины на дороге, точно кегли. Все сплошные были пересечены, светофоры — проигнорированы.

— Держись, дочка. Только держись.

В холле больницы Элину тут же приняли. Суета, крики Элины и медперсонала. Страх.

— Мы лечились у Антонины Борисовны, — крикнул Алекс встретившему их врачу.

— Она сейчас в отпуске. Ушла два дня назад.

— Что с ней, мать вашу?! Лекари чертовы! — пошел в разнос Антон Робертович. — Она же находилась под постоянным наблюдением!

— Похоже на вирусную пневмонию, — бросил врач, следуя за каталкой с Элиной в сторону реанимации. — Угроза выкидыша. Акушера в реанимационную — немедленно!

Врачи, медсестры, оборудование, название лекарств и процедур скрылись за дверями

реанимации. Все стихло. Алекс без сил сполз по стене рядом с дверью.

— Ублюдки! — бушевал отец, уже совершая какие-то звонки. Схватил за руку проходившего мимо врача. — Главврача сюда быстро! Иначе от вашего поганого клоповника завтра не останется ничего, даже вывески! — Ошарашенная женщина испуганно и возмущенно смотрела на него. — Начальника этой дерьмовой лечебницы сюда, я сказал! — заорал он так, что она подпрыгнула на месте и убежала за главврачом.

Ярость сжигала вены. Где этот оболтус — сынок? Антон Робертович подбежал к Алексу, который уже почти слился с белоснежными стенами. Потряс его за плечо, выводя из транса.

— Как ты вообще додумался привезти ее в эту ветеринарную клинику?! Да я бы им и крысу лечить не дал! Чем ты думал? — Страх за жизнь Элины и внучки отключила тормоза. — Говори со мной!

Алекс поднял на отца мокрые от слез глаза. Пусть он размажет его голову об стену сейчас. Будет не так больно, как когда он узнает, что Мелиссы больше нет. Или Элины и Мелиссы. Слезы сына остудили полыхавший в душе отца пожар. Он опустился на пол рядом с Алексом и прижал его к себе.

— С ней все будет хорошо, Саша. Она сильная. Наша Эля выкарабкается, чтобы снова сделать нас счастливыми. Она не бросит нас.

В поле зрения появился главврач, готовый к войне с очередным недовольным пациентом, но Антон Робертович прогнал его движением руки и остался сидеть на кафельном полу больницы, удерживая на груди голову сына. Он потом разнесет эту шарагу на молекулы.

— Все будет хорошо, мой мальчик. Все будет хорошо...

— Не знаю, каким задумывалось счастье. Понятия не имею, что творец, создавший нас, вкладывал в это короткое, однако такое огромное, всеобъемлющее слово, — шептала Элина, перебирая темные кудряшки Мелиссы, пока та посапывала в своей кроватке. — Но, кажется, счастливее меня если только... я сама.

Конец августа дышал цепляющимся за жизнь душным зноем, который уже вовсю прогоняла осенняя свежесть желтой листвы и проливных дождей. Жизнь просыпалась изумрудами под ноги, одела ее в светящиеся любовью рубины и на каждый пальчик нанизала чистейшие алмазы в виде заботы, верности и искренности любимого мужчины. Возможно, когда-нибудь эти драгоценные камни разлетятся пылью по воздуху, но сейчас она купалась в богатстве и роскоши размеренной семейной жизни, о большем глупо было бы и мечтать.

Загородный дом в Питере, арендованный ими на время, расцветал пышной листвой доживающих последние деньки душистых деревьев за окном. Лучи солнца перескакивали с ветки на ветку, точно прыткие белочки, точащие зубки об орехи. Подойдя к окну, девушка вздохнула.

— Как же я люблю тебя, жизнь.

Дверь тихонько отворилась, и в комнату на цыпочках вошел Алекс, чтобы не тревожить хрупкий сон своей Лисички, которая днями хитростями изводит родителей, а ее сон становится раем наяву для них.

— Спишь, солнышко? — проворковал мужчина, оставляя легкий, точно перышко, поцелуй на лобике дочери.

Элина обернулась и расплылась в улыбке, наблюдая за самым желанным, трогательным и греющим сердце кадром из фильма под названием «Жизнь».

— А ты, милая, готова?

Руки Алекса обвили тонкую талию Элины, над которой она усердно работала перед свадьбой, и немного закатали майку вверх. Пальцы нащупали грубую неровность по всей площади низа живота.

— Я так люблю этот шрам, — призналась она. — Он знаменует жизнь нашей дочери, ее подарок от небес. И я не хочу его убирать.

— Я не настаиваю, моя королева. Твои желания, как и всегда, моя главная обязанность в этой жизни.

Лицо девушки сияло здоровьем и переливалось сочным румянцем. Она все-таки удалила шрам с лица. Еще некоторые манипуляции у косметолога, целое состояние, ушедшее на приобретение люксовой косметики для поддержания кожи в тонусе — и ее мечта сбылась. Все мечты стали реальностью.

— Скоро уже все начнется. Надеюсь, ты счастлива в этот день, — произнес Алекс и, достав из кармана очередную коробочку, протянул Элине.

— Больше нет несчастливых дней. Ого! Что на этот раз? Чем ты теперь решил меня задобрить?

Коробочка цвета игристого вина мелкой дрожью щекотала ладонь, предвещая ликование от обнаружения закрытого в ней сокровища.

— Хочу, чтобы ты была самой красивой невестой. Ты и так самая-самая, но золотые

серьги с бриллиантами не испортят образ.

Элина всхлипнула, когда блеск золота ослепил ее. Как же они подходят к ее свадебному платью...

— Я просто хочу сыграть свадьбу с человеком, который действительно желает видеть меня своей женой. А быть раскрасавицей, еле шагающей под тяжестью бриллиантов, не так уж и важно.

— Не забывай, дорогая, что ты уже два года как моя жена: и на бумаге, и в сердце.

— Я помню, — сказала Элина и поцеловала его так, точно ее губы были раскаленным железом, а он — лишь сливочным мороженым, которое растекалось шипящей страстью по поверхности ее губ. — И никогда не забуду.

Раздался стук в дверь, а за ним и голос Жени.

— Я знаю, что вы там вместе, голубки. Но пора уже прихорашиваться, Эля! Визажист уже здесь!

Алекс оторвался от Элины, желая, чтобы все эти дурацкие формальности в виде песен и плясок перед гостями, да обеда деликатесами обошли их стороной. Однако он понимал, как это необходимо каждой женщине: один день побыть богиней, когда весь мир снимает перед ней шляпу, когда мало восхищения только мужа, хочется, чтобы каждый увидел этот счастливый огонек в глазах.

— Беги, Эля. А я посижу с Лисичкой. — Еще один поцелуй подарил ей заряд вдохновения, и девушка направилась к двери. — Я люблю тебя.

***

Свадьба медленно перетекла из строгого, слезливого торжества с клятвами и обещаниями, которые она уже слышала когда-то, в громкий праздник, который несомненно поставил на уши весь Петербург.

— Как ощущения, Элька? — рядом с ней за праздничным столом появилась Женька.

— Уже вроде выходила замуж, но чувства совсем другие... Словно сейчас все реально, сейчас все правда. Все эти слова про «в горе и радости, здоровье и болезни» имеют под собой основания. Ощущение, будто... будто меня любят, и не я тащу мужика под венец, как быка за рога на заклание, а он сам протягивает мне руку и просит следовать за ним.

— Элька-а, ты плачешь? Эй! — Подруга обняла ее и провела рукой по волосам, стараясь не задеть красивые украшения и локоны. — Ты что, Элечка. Макияж испортишь, Алла над ним три часа колдовала. И платье запачкаешь, а оно же на вес золота.

— Ты про стоимость?

Элина не знала точной стоимости платья. Его ей подарила мать Саша, привезла из Парижа, прямо с недели моды. Она, конечно, хотела отказаться от такого подарка, но разве могла она сопротивляться суровому тону Анны и твердому взгляду мужа? Они буквально заставили ее облачиться в эти дорогие кружева.

— Нет. Я про память. Ты ведь сохранишь это платье на долгие годы, правда? Чтобы всегда помнить, как однажды тебе поручили выхаживать одного противного подонка. И в итоге он стал самым родным тебе человеком.

— Судьба вертит нами, как ей угодно. Купидон — та еще сволочь со своими ядовитыми стрелами. Да вот только зрение у него не всегда идеальное: промахивается, детина с крылышками. Слава богу, в этот раз он попал в тот прицел.

— Не пускай нюни, мамаша. Это один из лучших дней в твоей жизни. Не смотри на него сквозь слезы, даже если они вызваны счастьем.

Девушки обнялись, и Элина скосила взгляд в сторону прилегающей к зданию торжества территории, где был организован специальный клуб для детишек гостей, которых развлекали всеми доступными способами.

— Вот он, мой лучший день, — Элина кивнула в сторону лопающейся от смеха Мелиссы.

Она никогда не забудет, как находилась на грани жизни и смерти, когда солнце становится черным, а темнота слепит своей белизной. Это день, когда врачи не могли сказать, выживет ли ее недоношенная дочь.

— Не кисни, — снова растормошила ее Женя.

— Я не кисну. Я от счастья готова рыдать.

Ведущий внезапно выкрикнул: «Горько!» и вся толпа поддержала его громогласным скандированием. Алекс приблизился к Элине, расставаясь с матерью, которая знакомила его со своей семьей.

— Да вы что, — оглянулся он, удерживая Элину в объятиях. — Какое горько? Это самое сладкое, что я пробовал!

На пятнадцать они потеряли счет и вообще перестали слышать, о чем говорят люди вокруг них. Бал был организован для Золушки, и сейчас она кружилась в волшебстве, которое ей подарила щедрая фея, не попросив ничего взамен. Похоже, она рассчиталась за свое счастье авансом...

Гости рукоплескали им и вновь и вновь наполняли бокалы.

— Я люблю тебя, — шепот девушки был слышен только ему одному.

— Я знаю, моя хорошая. Я все знаю.

Алекс увлек Элину в центр зала, как только зазвучала медленная музыка. Более фееричной свадьбы она даже в детстве не могла себе представить. О чем девчонки мечтают в тринадцать лет? О дворце, об огромном торте, о платье в бриллиантах, о дорожном кольце, а жених... жених был всегда где-то на последних страницах этого альбома мечтаний. Сейчас же, в тридцать с хвостиком, хлебнув этого прогорклого питья, то есть жизненного опыта, она поняла, что с настоящим мужчиной и скромная свадьба может стать событием века. Не вещи, а люди создают наше счастье или нашу горечь.

Рядом сгорали в чувственном танце многие другие пары: ее родители, Женька со свидетелем жениха, даже Антон Робертович примирился с Анной. Белый флаг воссиял над жизнями всех персонажей этой истории.

— Хочу снова быть избитым до потери сознания в чужом городе, — признался мужчина, кружа Элину по залу. — Хочу снова услышать угрозы медсестры Элины Стриженовой об эвтаназии. Хочу опять пережить самое начало, когда я еще не знал, что эта несносная медсестра — мое личное чудо, заточенное в проклятие.

— Тогда я хочу снова смазывать твои синяки и помогать вернуть память, которая у тебя на самом деле была. Хочу снова быть обманутой Димой, а потом Алексом Янгом. Хочу снова встретить Сашку, ведь я тогда не знала, что самая грандиозная ложь в моей жизни окажется лишь коварной внешностью моего счастья.

Музыка стихла, и настал момент следовать традициям — бросать букет невесты. Алекс с трудом выпустил руку Элины, каждый раз чувствуя себя одиноким мальчиком, бредущим по бесконечно сложной трассе жизни, когда аромат ее женственности покидает его даже на минуту.

Элина встала спиной к девушкам, которые приготовились хватать птицу счастья за

длинный хвост и тащить в клетку. Сколько же лиц собрала ее свадьба в одном месте! Пара коллег с работы, даже одна студентка, бывшая одноклассница и три однокурсницы, коллеги по работе в больнице, Женька, родственницы Алекса... Девушка оглянулась, не увидев в толпе еще одну будущую невесту.

— Подождите! — Она остановила веселье и подошла к девушке, смущенно жавшейся к столику и своему мужчине. — Я жду еще одну счастливицу.

— Вы про меня? — заикаясь, произнесла та.

— Иди же! Чего ты стесняешься? — спросил ее молодой человек. — Для чего тебе ноги, если ты боишься сделать и шаг?

— Друзья, поддержим! — выкрикнул Алекс, и зал оживился ободряющими выкриками. — Вика, все тебя ждут.

Когда она все-таки присоединилась к остальным девушкам, смущаясь пуще прежнего, Элина снова развернулась спиной, держа цветной букет в руках. Ну конечно, она ничего не поймает... С ее слабыми ногами можно только медленно ходить, а не прыгать и бегать за букетами.

— Готовы? — Элина приготовилась, болея за Женьку. — Раз. Два. Три.

Цветы кувыркнулись в воздухе и приземлились в миниатюрных женских ручках, что непрерывно дрожали. Гости разом замолчали, на секунду смолк даже гул природы за окном. Роман подбежал к Вике и подхватил ее на руки.

— Теперь некуда бежать, красавица. Ты моя.

Девушка залилась слезами, сжимая букетик, словно это был ее пропуск в рай.

— Поздравляю. — Алекс похлопал приятеля, коим стал ему Роман, по плечу. — Вика, спасибо тебе за все.

— Это за что именно? — всхлипнула она.

— За то, что на пару с моей женой вы сделали из меня человека.

Вика рассмеялась, теряясь в своих эмоциях. Алекс схватил Элину за руку и выбежал с ней из зала. Мелисса, завидев родителей, кинулась к ним.

— Ма! — Обняла Элину, наступая на ее платье сандалиями.

— Лисичка, аккуратней, — попросил ее Алекс, высвобождая платье, на котором уже остался след травы.

— Ты серьезно? Плевать на платье, это же наша дочь, — усмехнулась Элина. — Не дать ей себя обнять и поцеловать только потому, что на мне платье за несколько тысяч евро? Платье ты мне еще одно купишь, а вот годы детства моей малышки — нет.

— Па! — Теперь Мелисса тянула ручки к нему.

Мужчина устроил дочь на шее, на которой она так любила кататься в его выходные. А он старался вырывать их почаще из напряженного графика. И вправду, детство своей дочери он никогда не вернет, а деньги всегда будут зарабатывать и тратиться. Лучше он будет папулей дома, катая свою Лисичку на спине по их огромной квартире, а не Александром Антоновичем в серых стенах офиса и с кучей шуршащей скоротечностью жизни кипой бумаг. Его жизни.

Дотянувшись до Элины, он поцеловал ее, как любимую женщину, как мать своего ребенка, как смысл своей жизни. Она ответила ему взаимностью.

— Люлю! — выкрикнула Мелисса и захлопала в ладоши, видя, как папа целует маму.

— И мы тебя любим! — хором рассмеялись они, и Элина прижалась к Алексу, чувствуя, как ручки дочери гладят ее прическу.

Зная любовь Мелиссы к ее волосам, из которых можно мастерить что угодно, она безжалостно вытащила все шпильки, заколки и украшения, подставляя копну волос к радости малышки. Алекс на полминуты закрыл глаза. Счастье. В воздухе. В смехе его дочери. В улыбке Элины. В нем самом.

Счастье, о котором он последний раз читал в сказках в детстве.

Счастье, что легло в основу сюжета многих кассовых фильмов.

Теперь оно, наконец-то, добралось и до его заждавшегося домика. Домика, где всегда горит очаг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net